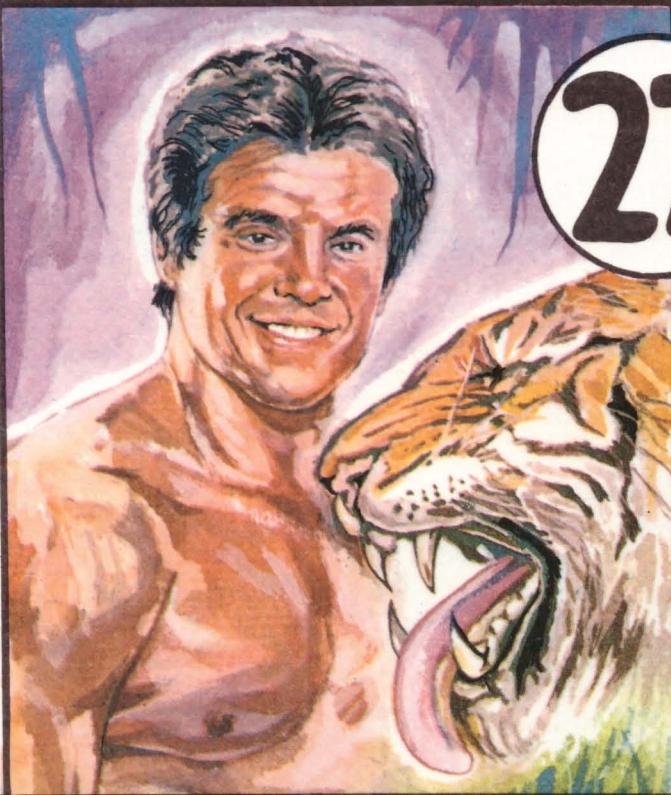

ЭДГАР БЁРРОУЗ

БОКСЕР БИЛЛИ

ЭДГАР БЁРРОУЗ

БОКСЕР БИЛЛИ

27

ЭДГАР БЁРРОУЗ

Б О К С Е Р
Д И А М

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«ПРИНТЕСТ»
ТАЛЛИНН 1992

**Полный перевод с последнего английского издания
Э. К. БРОДЕРСЕН**

I

В ЧИКАГО

Билли Байрн — дитя улицы западной части Чикаго. От Холстеда до Робей и от Большой авеню до самой Лэк-стрит едва ли найдется хулиган, которого бы он не знал по имени. И столь же блистательны были его познания по части полицейских и сыщиков, хотя они и давались ему нелегко.

Он получил первоначальное воспитание в переулке, на который выходили задворки продуктового склада Келли. Здесь обычно собирались ватага подростков и взрослых парней в те часы, когда они не были «заняты»; а так как Брайдуэлл — единственное место, где они «работали» дня два в неделю, то свободного времени у них бывало хоть отбавляй. Общество было разнообразное; тут были и карманные воры, и мелкие жулики уже с некоторым прошлым, и те, которые еще только готовились стать на этот путь, все озлобленные и сварливые, готовые оскорбить первую встречную женщину или завести ссору с прохожим, который казался им не слишком сильным.

Настоящая «работа» бывала только по ночам. Днем они все сидели в вонючем переулке позади продуктового склада и дули пиво из старого оловянного ведра.

Скучный вопрос о труде, заключавшемся в том, чтобы относить пустое ведро в ближайшую пивную и приносить его обратно полным, безболезненно разрешался бессменным присутствием кучки мальчишек, которые с восхищением и завистью любовались на этих героев их детского воображения.

Билли Байрн с шести лет удостоился чести таскать пиво «благородной компании». Тут-то он и приобрел свои первоначальные познания жизни. Он был знаком лично с великим Эдди Вёльч! Он своими собственными ушами слышал рассказ Эдди, как он угробил шпика в

нескольких шагах от двадцать восьмого полицейского участка!

Период первоначального воспитания длился у Билли до десятилетнего возраста. К этому времени он уже полгоночку втянулся в работу; сперва он отвинчивал медные дверные ручки и краны в пустых помещениях и продавал их знакомому скупщику в грязной лавочонке на Линкольн-стрит около Кинзи. Скупщик надоумил его на более крупные операции, и в двенадцать лет Билли попробовал свои силы на кражах из товарных вагонов, стоящих на запасных путях по Кинзи-стрит. С этого же времени он уже начал находить удовольствие запускать кулаком в челюсть своих товарищей. Все раннее детство его было сплошной дракой с уличными мальчишками, но первый серьезный бой произошел, когда ему было двенадцать лет. При дежурке прибыли за проданный «товар» у него возникло недоразумение с другим участником этого дела.

Спор произошел в присутствии всей честной компании. Как обычно в западной части Чикаго, за словами быстро последовали удары. Вокруг дерущихся мальчишек образовалось кольцо зрителей.

Бой был упорен и длился долго. Мальчуганы обменивались тумаками, катались сцепившись в пыли и в грязи переулка, снова вскакивали на ноги и снова дрались. Приемы их борьбы особой чистотой не отличались — удары были неправильные и «нечестные». Они кусали, царапали, колотили друг друга, как попало, пускали в ход колени, локти, ноги, и Билли Байрн, вероятно, потерпел бы позорное поражение, если бы в критическую минуту под его руками не оказалось случайно кирпичного черепка; участь его противника была решена! Целую неделю, пока состояние раненого внушало опасения, Билли пришлось скрываться у одного из членов шайки.

Когда из больницы пришло сообщение, что раненому лучше, у Билли свалился камень с плеч. Он страшно боялся ареста и столкновения с полицией, которую с детства привык ненавидеть. Правда, с другой стороны он лишался известной славы и престижа; на него уже нельзя было указывать, как «на молодчагу, который укокошил Шихэна». Но счастье на свете никогда не бывает полным, и Билли с легким вздохом покинул свое временное убежище.

Этот бой заставил Билли призадуматься; он остро почувствовал все несовершенство своей борьбы и решил обязательно научиться владеть своими «кулачищами» «по-ученому». Тут следует отметить, что население западной части Чикаго рук вообще не имеет; оно снабжено природой «кулачищами» и «загребалами». Впрочем, некоторые особи имеют «лапы» и «плавники».

В течение нескольких лет Билли все не представлялось случая осуществить свою заветную мечту; но, когда сын соседа из бывшего вожака внезапно превратился в знаменитого во всем околосеребряного боксера, Билли свел с ним более тесное знакомство. Этот молодой человек никогда не имел чести состоять членом шайки, так как был навеки опозорен тем, что имел постоянную службу. Билли с ним не дружил и ничего не знал о его упражнениях в боксе. Выступление его на этом новом поприще явилось для нашего героя полной неожиданностью.

В замкнутом кругу шайки никто не был лично знаком с новым светилом кроме Билли, который, благодаря соседству задних дворов, знал его довольно хорошо.

Всю следующую зиму Билли не отходил от своего нового героя и сопровождал его на все состязания.

Когда чемпион уехал в турне, Билли был уже «своим человеком» в мире борцов: он продолжал вертеться вокруг других атлетов, бегал у них на посыпках, быстро освоился с приемами бокса и проник в сокровенные тонкости этого искусства.

Целью его честолюбия теперь было сделаться известным атлетом; впрочем, это не мешало ему по-прежнему якшаться со своей старой компанией, и его фигура постоянно мелькала у пивных на Большой авеню и на Лэн-стрит.

В течение этого периода Билли бросил «работать» на товарных вагонах Кинзи-стрит, частью оттого, что он считал себя способным на более великие дела, частью потому, что железнодорожное общество удвоило число сторожей на запасных путях. По временам Билли чувствовал неутолимую жажду приключений. Его натура прямо требовала сильных ощущений.

Это совпадало обыкновенно с периодами острых финансовых кризисов. Когда в кошельке было пусто, Билли удлинял своиочные прогулки с парой приятелей, «чистил» прохожих и делал налеты на пивные. Вот при

одной из таких экспедиций и произошло то событие, которому было суждено изменить весь ход жизни Билли Байрна.

Старейшие шайки западной части Чикаго ревниво охраняют свои права на известную территорию. Новички и пришельцы из других районов не переходят безнаказанно границ запретных кварталов. Обширная область от Холстеда до Робей и от Лэк-стрит до Большой авеню составляла исконную вотчину шайки Келли, к которой Билли принадлежал почти от рождения. Купец Келли был владельцем того самого продуктового магазина, у заднего фасада которого шайка собиралась в течение многих лет, и, хотя сам он был почтенным торговцем, имя его перешло банде хулиганов, собирающихся у его дверей.

Полиция и обыватели этой большой территории являлись естественными врагами и законной добычей шайки. Как в прежнее время короли охраняли от браконьеров дичь в своих огромных лесах, так и шайка считала для себя обязательным в некоторой мере охранять от внешних посягательств жизнь и имущество «своих обывателей». Более чем вероятно, впрочем, что они не рассуждали подобным образом, но результат получался такой.

Так, однажды, когда Билли Байрн возвращался один на рассвете после того, как он обчистил кассу старика Шнейдера, сородича пивной, и запер хныкающего старика в его собственный ледник, он был глубоко возмущен при виде трех пришлых хулиганов с Двенадцатой улицы, напавших на полицейского Стенлей Ласки. Они били его его же собственной дубинкой и в то же время наносили ему удары в живот своими тяжелыми сапогами.

Ласки далеко не был другом Билли Байрна, но он родился и вырос в его квартале, служил в двадцать восьмом полицейском участке на Лэк-стрит и таким образом составлял неотъемлемую собственность шайки Келли. Избиение полицейскогоказалось Билли делом естественным и даже хорошим — при непременном условии однако, чтобы его совершали люди, имеющие на то право, люди его собственного района. Он не мог равнодушно видеть, что чужая шайка осмеливалась распоряжаться в его квартале. Это было просто нетерпимо!

Какой-нибудь человек, менее искушенный жизнью,

чем Билли Байрн, бросился бы, очертя голову, в драку и по всей вероятности был бы убит на месте, потому что пришельцы из Двенадцатой улицы были самыми настоящими головорезами.

Опытный глаз Билли сразу это учел, а потому он осторожно стал прокрадываться вперед, держась все время в тени, пока не очутился совсем близко за спиной негодяев. Он подобрал с мостовой небольшой, но острый гранитный булыжник, надежный булыжник, который крепче всего на свете, крепче даже, чем черепа людей, живущих на Двенадцатой улице.

Билли был ближе всего от того человека, который размахивал полицейской дубиной над головой полисмена. Он поднял свой камень и быстро долбанул им по затылку ничего не подозревающего хулигана. Удар оказался удачен: перед Билли осталось всего два противника.

Раньше, чем товарищи убитого успели понять, что случилось, Билли схватил упавшую дубинку и нанес ею страшный удар по глазам одного из них. Тогда последний противник вытащил револьвер и в упор выстрелил в Билли. Пуля пробила навылет левое плечо. Более высоко развитый организм или нервный человек несомненно свалился бы на месте, но Билли, не обладавший высоким развитием организма, не знал, что такое нервы, а потому единственным результатом раны было только то, что он обезумел от ярости. До этой минуты он был только возмущен — возмущен наглостью этих пришельцев с Двенадцатой улицы, вздумавших хозяйничать во владениях Келли... Теперь же он был взбешен и в этом состоянии проявил чудеса ловкости и силы.

От длинного ряда своих анонимных, но дюжих предков Билли унаследовал физическое сложение, которому позавидовал бы премированный бык. С самого раннего детства он дрался, ежедневно и всегда «нечестно», и знал все трюки уличной драки. В течение последнего года к природным данным Билли присоединилось еще знание научных приемов борьбы. Результат получился потрясающий — для негодяя с Двенадцатой улицы.

Бандит не успел снова взвести курок; его револьвер оказался выбитым у него из рук и полетел через улицу, а сам он тяжело грохнулся на гранитную мостовую.

Полисмен Ласки, оставленный своими противниками, мигом оправился. Это пришлось как нельзя более кста-

ти, потому что хулиган, которого Билли оглушил ударом дубинки по глазам, тоже пришел в себя. Ласки быстро уложил его вновь рукояткой револьвера, которого он не успел вытащить при первом нападении, и повернулся, чтобы прийти на помощь Билли.

Но в помощи нуждался не Билли, а джентльмен с Двенадцатой улицы. Ласки с большим трудом оттащил рассвирепевшего Билли от его жертвы.

— Оставь что-нибудь для допроса,— умолял полисмен.

Подъехала карета скорой помощи, и Билли улетучился, но Ласки успел разглядеть его, и когда случайно они после этого встречались на улице, то приветливо кивали друг другу.

* * *

Два года прошло с этих пор до того события, которое явилось переломом в жизни Билли. В течение этого периода жизнь его протекала так же, как и раньше.

Он собирал посильную дань с беззаботных зевак и запоздальных прохожих. Он участвовал в ограблении полдюжины пивных и совершил ночью смелое нападение на двух высокопоставленных лиц.

Днем он все еще ворчался около боксерской школы Ларри Хилмора и оказывал здесь разные услуги. Хилмор несколько раз советовал ему бросить пить и остынуть, так как усматривал в молодом гиганте все задатки «заправского» атлета-профессионала. Но Билли не мог отрешиться от прежней жизни и только изредка выступал в небольших матчах с третьестепенными борцами. Однако три года, проведенные около школы Хилмора, не прошли для него даром. Он приобрел недюжинные познания в искусстве самозащиты.

* * *

В ту ночь, с которой начались настоящие приключения Билли Байрна, этот уважаемый джентльмен шатался около пивной, что на углу Лэк-стрит и Робей.

Темные личности, которые обычно собирались здесь и находились под просвещенным покровительством самого содержателя притона, начинали уже стекаться. Билли знал всех наперечет и кивком головы раскланивался со знакомыми, когда они проходили мимо.

Почему-то на лицах некоторых из них при виде него выразилось сильное изумление. Билли не понимал, что это могло значить, и решил спросить об этом первого попавшегося человека, на лице которого он опять прочтет это удивление.

В это время Билли заметил огромную фигуру, облеченнную в мундир, направлявшуюся прямо к нему. Это был Ласки.

При виде Билли, Ласки тоже изумленно вытаращил глаза и, проходя мимо, шепнул ему что-то, продолжая смотреть прямо перед собой, как будто он вовсе и не заметил его.

Немного погодя, Билли завернул за угол и, небрежно раскачиваясь, пошел, как бы прогуливаясь, по направлению к Валнут-стрит, но свернул в первый же переулок направо.

Здесь, прижавшись в тени телефонного столба, ожидал его Ласки.

— Хотел бы я знать, чего ты здесь шляешься? — спросил его полисмен. — Разве ты не знаешь, что Шихэн засыпался?

За два дня до того старик Шнейдер, доведенный до отчаяния постоянными набегами на его кассу, вздумал оказать сопротивление и был убит наповал. Подозрение пало на Шихэна, и он был арестован.

Билли в эту ночь не был с Шихэном. Да он и вообще не водился с ним. С той памятной драки, когда они были еще мальчишками, у них навсегда осталось друг к другу недружелюбное отношение.

При словах Ласки Билли сразу понял, в чем дело.

— Шихэн говорит, что это моя работа? — быстро спросил он.

— Вот именно.

— Да ведь в ту ночь я и близко не подходил к дому Шнейдера, — запротестовал Билли.

— В полиции думают иначе, — сказал Ласки. — Там рады слушаю утопить тебя. Ты всегда был таким ловкаком, что к тебе нельзя было прицепиться. Приказ тебя схватить уже дан, и, будь я на твоем месте, я дал бы драла без проволочек. Мне нечего тебе объяснять, почему я предупредил тебя, но это все, что я могу для тебя сделать. Послушай совета, беги как можно скорее! Все сыщики поставлены на ноги и всем известны твои приметы.

Не ответив ни слова, Билли повернулся и быстро по-

шел по направлению к Линкольн-стрит, а Ласки вернулся на свой пост на Робей-стрит. Затем Билли свернул на север к Кинзи и пробрался на железнодорожный участок.

Час спустя он уже уезжал из города, уютно устроившись в товарном поезде. Через три недели он был в Сан-Франциско.

Денег у него не было; но те же приемы, которые так часто пополняли его пустой кошелек дома, должны были прийти ему на помощь и здесь.

Очутившись в незнакомом городе, Билли не знал, в какой части ему обосноваться. Случайно он набрел на улицу с целым рядом грязных пивных, посетителями которых были по преимуществу матросы. Билли обрадовался: что могло быть лучше для его цели, чем пьяный матрос?

Он вошел в один из кабаков. Шла игра. Он встал к столу, наблюдая за игроками. На самом деле он во все глаза разглядывал посетителей, выискивая человека, который платил бы, не стесняясь, за выпивку. Билли хотел установить по этому нехитрому признаку, кто из посетителей обладает толстым бумажником.

Вскоре его труды были вознаграждены, и он нашел то, что ему было нужно.

Неподалеку от него, за небольшим столиком сидел мужчина с двумя другими. Он вынул хорошо набитый бумажник и заплатил малому. При этом он взглянул вверх, и его глаза встретились с пристальным взглядом Билли.

С пьяной улыбкой поманил он Билли к себе и попросил его присесть к их компании. Билли почувствовал, что судьба ему улыбнулась, и, не теряя времени, ухватился за благоприятный случай. Через минуту он уже сидел за столиком с тремя матросами и заказывал себе рыбную закуску.

Незнакомец, у которого был в высшей степени неприятный взгляд, оказался необычайно тароватым на угощение. Не успел Билли опрокинуть один стакан, как немедленно приказали подать ему другой, и, когда он на минуту вышел из-за стола, то при возвращении снова нашел полный стакан, который его новый приятель подготовил ему в его отсутствие.

Этот последний стакан и сыграл решающую роль в жизни Билли.

НА «ПОЛУМЕСЯЦЕ»

Когда Билли открыл глаза, он в первую минуту не мог сообразить, что с ним случилось. Затем он с мучительным сожалением вспомнил о пьяненьком матросе и о его тугом бумажнике.

Он был глубоко огорчен, что законная добыча ускользнула от него. Как это случилось? «Здорово крепкое пиво в проклятом Фриско»¹, — подумал Билли.

Голова трещала отчаянно, все тело ныло. Билли чувствовал такое головокружение, что ему казалось, будто комната подымается и опускается самым реальным образом. Каждый раз, как комната падала, Билли становился тошно.

Он закрыл глаза. Противное ощущение не прекращалось.

Билли застонал. Никогда во всю свою жизнь не чувствовал он себя так подло. Бог ты мой, как болела его бедная голова! Убедившись, что с закрытыми глазами не легче, Билли снова открыл их. Он осмотрел комнату, в которой лежал. Это было небольшое помещение, загроможденное тремя ярусами деревянных нар, идущих вдоль стен. В середине комнаты стоял стол, над которым свешивалась с потолка лампа.

Лампа привлекла внимание Билли: она так и качалась взад и вперед.

Это не могло быть галлюцинацией. Очевидно, комната действительно раскачивалась. Билли не мог объяснить себе этого явления.

Он снова на минуту закрыл глаза, а затем открыл и опять посмотрел на лампу: она продолжала раскачиваться.

Осторожно сполз он со своей нары на пол. На ногах держаться было неимоверно трудно. Верно, все еще последствия выпивки... Наконец он доплелся до стола и ухватился за него одной рукой, а другую протянул к лампе.

Теперь уже не было сомнения! Лампа действительно раскачивалась взад и вперед, как язык колокола!

Где же он? Билли обвел глазами комнату, ища окна.

¹ Фриско — народное название города Сан-Франциско.

На одной стене, около низкого потолка, он увидел несколько небольших круглых отверстий, покрытых стеклом. Рискуя переломать ноги, он подполз на четвереньках к одному из них.

Когда он приподнялся и взглянул в окошечко, то в ужасе отшатнулся. Насколько хватал глаз, перед ним было только волнующее безбрежное водное пространство. Тогда наконец он понял, что с ним случилось.

— А я-то еще собирался объегорить этого типа! — пробормотал он в беспомощном смущении.— В дураках-то остался я: смотри-ка, что он со мной выкинул!

В эту минуту наверху послышался шум и в открытом люке показался свет. Билли увидел ноги в огромных сапожищах, спускающиеся сверху по лестнице. Когда вновь пришедший достиг пола и обернулся к нему, Билли узнал незнакомца, который так усердно угождал его на кануне.

— Ну-с, голубчик, как поживаешь? — спросил незнакомец.

— Ловко же ты это сварганил,— только и ответил Билли.

— Что ты хочешь сказать? — спросил другой, нахмутившись.

— Поди к чорту! — огрызнулся Билли.— Сам отлично знаешь, что я хочу сказать.

— Послушай,— властно проговорил незнакомец,— не забывайся! Я штурман на этом судне, и, если ты не хочешь иметь неприятностей, то должен говорить со мной почтительно. Меня зовут мистер Уард, и ты должен называть меня «сэр». Понял?

Билли почесал затылок и прищурил глаза. Во всю жизнь никто никогда не говорил с ним таким тоном — во всяком случае с тех пор, как он вырос. Голова у него ужасно болела, и ему было тошно, страшно тошно.

Он был так поражен своим физическим расстройством, что плохо вникал в то, что ему сказал штурман, а потому прошло достаточно много времени, пока истинные размеры оскорблений, нанесенного его достоинству, проникли в его затуманенный мозг.

Штурман решил, что его строгий оклик подействовал на новичка и смирил его. Он для этого-то и спустился. Он по опыту знал, что лучше всего сразу же дать хорошую встряску и что этим можно избегнуть многих

неприятных столкновений в будущем. Он знал также, что самый удобный момент для укрощения строптивых натур — время, когда жертва страдает от последствий виски, в который было подмешано сонное средство. Умственная деятельность и мужество в таких случаях обычно находятся в самом подавленном состоянии. Самый храбрый человек, когда его так тошнит, делается покорным, как собака.

Но штурман не знал Билли Брайна из шайки Келли. Его мозг был, правда, отуманен водкой, и потребовалось немало времени, пока он начал соображать как следует, но храбрость осталась при нем.

Билли был хулиган, шпана, забулдыга. Когда он дрался, то его приемы заставили бы покраснеть самого сатану. Он чаще ударял сзади, чем спереди. Он не принимал в расчет ни слабости, ни роста противника; он не находил ничего дурного напасть гурьбой на одного. Он оскорблял девушек и женщин. Он шлялся по пивным и скандалил в тавернах.

В глазах честного человека он был, конечно, грязным, грубым хулиганом. Однако, Билли Брайн не был подлецом по натуре. Он был таким, каким его сделали воспитание и среда. Он не знал иных правил, он не знал иного кодекса. Как ни была убога этика людей его среды, он крепко ее держался. Он никогда не выдал ни одного своего товарища и не дал раненому другу попасть в руки шпиков.

Никогда также не допускал он, чтобы с ним говорили так, как осмелился говорить с ним штурман. Хотя он и не реагировал на оскорбление так быстро, как он сделал бы это в трезвом виде, он все же оскорблений не забыл. Долгое молчание Билли ввело штурмана в заблуждение, и он захотел еще больше утвердить свой авторитет. Забыв всякую осторожность, он подошел к Билли вплотную и прошипел:

— Что тебе нужно, так это здоровую трепку! Это помогло бы тебе очухаться, грязный бродяга, и вбить тебе в голову, что, когда входит начальство, ты...

Но как должен был отнестись Билли к входящему начальству, так и осталось неизвестным; зато Билли показал, как он поступает с начальством, размахивающимся, чтобы ударить его по лицу...

Билли Брайн не напрасно боролся с атлетами и занимался боксом. Кулак штурмана свистнул по пустому

воздуху. Вялое тело с осоловелыми глазами, казавшееся за минуту до того неспособным ни на что, мгновенно преобразилось. Перед штруманом стоял упругий детина, ловкий как кошка, со стальными мускулами, который нанес ему такой удар в ребра, что даже борец Смок почувствовал бы к нему почтение.

С воплем боли штурман отлетел в дальний угол каюты и скатился под наружный люк. Билли Байрн бросился за ним, как тигр, и, вытащив его на середину комнаты, начал его бить как попало. Неистовые крики штурмана раздались по всему кораблю.

Когда капитан с шестью матросами сбежали вниз по трапу, они увидели Билли сидящим верхом на поверженном теле штурмана. Его стальные пальцы сжимали горло противника, и он изо всей силы колотил его головой об пол.

Еще мгновение — и убийство было бы совершено.

— Стой! — заорал капитан и размахнулся тяжелой дубиной, которая обычно была при нем.

Сильный удар пришелся Билли по затылку.

Когда Билли очнулся, он оказался в темной вонючей дыре, в цепях, прикованным к стене.

Его продержали здесь целую неделю. Капитан навещал его ежедневно, чтобы постараться убедить новобранца в ошибочности его образа действий. Идея о спасительности дисциплины запечатлевалась в мозгу Билли посредством тяжелой дубинки.

К концу недели явилась необходимость перетащить арестанта наверх, чтобы он не был съеден крысами. Зверские побои и голод сделали свое дело. Билли представлял собой инертную массу сырого окровавленного мяса.

— Ну,— заметил шкипер, когда он полюбовался делом своих рук при дневном свете,— я думаю, что этот малый будет теперь знать свое место, когда с ним заговорит начальник и джентльмен.

Что Билли остался в живых, являлось чудом. Он лежал спокойно и не думал ни о чем, за исключением полусознательных мыслей о мщении, пока наконец природа безо всякой помощи восстановила то, что так грубо разрушил капитан.

Десять дней после того, как его вынесли наверх, Билли уже ковылял по палубе «Полумесяца» и исполнял

кое-какую легкую работу. От других матросов он узнал, что он был не единственным членом экипажа, завлеченным на корабль против воли.

Только шесть головорезов, явно принадлежавших к уголовному элементу, добровольно нанялись на судно, не то потому, что они не могли найти места на приличном корабле, не то желая как можно скорее удрать за пределы Соединенных Штатов. Остальные все, подобно Билли, были захвачены обманом и силой.

Вряд ли когда-либо судьба подбирала более грубую и преступную команду. Билли чувствовал себя с ними отлично. От своего первоначального намерения страшно отомстить штурману и шкиперу он отказался под влиянием разумных советов своих новых товарищей.

Штурман со своей стороны, ничем не выказывал, что он помнит о нападении Билли на него. Он мстил ему только тем, что при всякой возможности назначал ему самые опасные и неприятные работы, но это лишь ускорило морское воспитание Билли и поддерживало его физическое здоровье.

Все следы алкоголя давно исчезли из здорового организма молодого человека, и лицо его изменилось под влиянием вынужденной воздержанности.

Когда-то красное, отекшее, угреватое, оно стало чистым и загорелым. Тусклые, потухшие глаза, придававшие ему прежде скотское выражение, сделались теперь блестящими. Черты лица были у него всегда правильны и красивы, но теперь они облагородились под влиянием морского воздуха, здоровой жизни и опасных занятий. Шайка Келли с трудом признала бы в нем своего старого товарища, если бы он представал перед ними теперь в переулке у продуктового склада.

Билли начал замечать, что вместе с новой жизнью у него изменился и характер. Он несколько раз ловил себя на том, что он весело пел во время работы — он, который так боялся честного труда! Ведь всю жизнь его любимым изречением было: «Мир обязан давать мне средства к пропитанию; мне нужно только собирать их».

К удивлению своему он должен был признать, что он работает с увлечением, что он гордится, когда ему удается заткнуть за пояс других, работающих вместе с ним. Благодаря этому, жизнь его на борту «Полумесяца» сделалась довольно сносной. Хотя капитан и относился к Билли несколько подозрительно со временем

эпизода в каюте, но таким матросом пренебрегать было нельзя, и, в виду его исключительной работоспособности, ему даже спускались некоторые провинности по дисциплине, с которой Билли никак не мог свыкнуться.

Эти соображения спасали жизнь Билли и не раз останавливали руку капитана, который при обычных условиях давно убил бы его за дерзкие выходки. Косоглазый Уард, испробовавший уже раз мускулы Билли, совершенно не жаждал вторичного столкновения с ним.

Весь экипаж состоял из грабителей и бежавших от виселицы убийц. Но шкиперу Симсу всегда приходилось иметь дело с матросами подобного состава; он держал их в ежовых рукавицах и, вместо всяких рассуждений, пускал в ход свой железный кулак и короткую тяжелую дубинку, с которой никогда не расставался. Все они, за исключением Билли, уже служили прежде матросами, а потому судовая дисциплина была им до известной степени знакома.

Свыкнувшись с работой и даже найдя в ней некоторое удовольствие, Билли был скорее доволен своей жизнью на корабле. Люди были все из той среды, которую он хорошо знал; им были так же, как и ему, незнакомы честь, добродетель, благопристойность, доброта. Билли чувствовал себя, как дома; он даже не скучал по своей старой шайке. Среди матросов у него завелись друзья и враги. Он с детства был задирой и любил начинать ссоры. Благодаря знанию приемов борьбы, огромной силе и бесконечным плутовским ухищрениям, он выходил победителем из каждого столкновения. Вскоре матросы признали его первенство и стали избегать заводить с ним драку.

Эти бои, часто кровавые, не оставляли никакой ненависти в сердцах побежденных. Они неизменно входили в программу дня и служили единственным развлечением для сброва, составляющего экипаж шкипера Симса.

Был только один человек на борту «Полумесяца», которого Билли по-настоящему ненавидел. Это был пассажир Дивайн. Билли ненавидел его не потому, чтобы он сказал или сделал ему что-нибудь дурное — пассажир никогда слова не сказал ему,— а просто за его приличную одежду, которая ясно доказывала его принадлежность к презренному классу джентльменов.

Билли не выносил опрятных, самодовольных купцов на Большой авеню. Он внутренне корчился при виде блестящих автомобилей, нагло шнырявших мимо него с нарядно одетыми мужчинами и женщинами. Чистый крахмальный воротник был для него то же, что красная тряпка для быка.

Опрятность, богатство, приличие неразрывно связывались в уме Билли с трусостью и физической слабостью, а физическую слабость он ненавидел. Его представление о мужском достоинстве и силе сводилось к тому, чтобы выказывать как можно больше грубости. Так, оказать помощь женщине показалось бы Билли просто неприлично,— зато подставить ей ногу, чтобы она шлепнулась во весь рост, было и остроумно, и элегантно.

Поэтому всеми силами своей могучей натуры он ненавидел щеголеватого, вежливого хлыща, который ежедневно расхаживал после обеда на палубе, покуривая ароматную сигару.

Внутренне Билли удивлялся, чего этот «пижон» сунулся на борт такого корабля, как «Полумесяц». Его поражало, как такой заморыш отваживается разгуливать среди настоящих людей.

Презрение, которое чувствовал Билли к Дивайну, заставляло его отводить пассажиру больше внимания, чем он сам в этом сознавался. Он заметил, что лицо Дивайна было красиво, но в карих глазах его было неприятное выражение хитрости. И уже независимо от первоначальных довольно смешных причин, заставивших Билли возненавидеть Дивайна, он инстинктивно почувствовал к нему отвращение, как к человеку, которому нельзя доверять.

На море жизнь однообразна. Интерес, который вызывал в Билли неприятный пассажир, овладел им всецело. В свободные часы он неизменно шатался в той части корабля, где он мог встретить предмет своей ненависти, все надеясь, что пижон даст ему какой-нибудь повод «запустить ему в морду».

С этой целью он однажды вечером бродил по палубе и случайно подслушал часть разговора, который велся тихим голосом между пассажиром и шкипером Симсом. Из этого обрывка разговора он понял, что замышляется какое-то грязное дело и что Дивайн и шкипер Симс — оба заинтересованы в нем. Он узнал, что «Полумесяц» направляется собственно пассажиром Дивайном,

что финансировал это предприятие некий Клинкер в Сан-Франциско, которому Дивайн многим обязан, и что дело касалось какого-то Хардинга и еще какой-то особы по имени Барбара. Он узнал также, что в случае успеха все участники должны были получить много денег.

Заинтересованный Билли принялся расспрашивать Костлявого Сойера и Красного Сандерса, но оба матроса знали еще меньше его. Наконец «Полумесяц» прибыл в Гонолулу и встал на якорь в нескольких сотнях футов от нарядной белой яхты.

III

ЗАГОВОРЫ

Во все время, пока «Полумесяц» простоял на рейде Гонолулу, команда не была спущена на берег, несмотря на глухое ворчание матросов. Только первый офицер Уард и второй штурман Терье съехали на берег.

Чтобы отвлечь экипаж от злобных мыслей, шкипер Симс занял его чисткой и покраской бригантины.

Билли Байрн заметил, что пассажир прекратил свои дневные прогулки по палубе. С тех пор, как бригантина встала на якорь, Дивайн не выходил из своей каюты до наступления темноты. Тогда он поднимался наверх и простоявал иногда часами у перил, устремив пристальный взгляд на изящную яхту, с крытой палубы которой часто доносились веселый смех и нежная музыка.

Если бы кто-нибудь стал наблюдать за мистером Уардом и вторым штурманом, когда они сошли на берег, то поведение их показалось бы весьма странным. Они вошли в третьюестепенную гостиницу, расположенную у самого берега, сняли комнату на неделю, заплатили за нее вперед, пробыли в ней не более получаса и вышли одетые в статское платье.

Затем они поспешили в другую гостиницу, на этот раз первоклассную. Второй штурман шел впереди в сюртуке и цилиндре, в то время как мистер Уард следовал за ним в приличном синем пиджаке и нес два саквояжа.

В первоклассном отеле второй штурман записался, как «Анри Терье, граф де-Каденэ и его лакей Франс».

Сразу по прибытии он вручил отельному рассыльному записку с просьбой немедленно отправить ее. Записка была адресована эсквайру Антону Хардингу на борт яхты «Лотос».

В ожидании ответа на записку граф де-Каденэ и его слуга удалились в отведенные им комнаты. Ари Терье, второй офицер «Полумесяца», в сюртуке и цилиндре, выглядел от головы до пят настоящим джентльменом.

Никто на корабле не знал его прошлого, но изысканность его манер, основательное знание морского дела, строгое и начальническое обращение с подчиненными заставляли шкипера Симса предполагать, что он некогда занимал важный пост во французском флоте, откуда был, вероятно, выгнан за какую-нибудь позорную историю. Терье был жесток, раздражителен и вспыльчив. Он был нанят вторым штурманом на этот рейс только благодаря посредничеству Дивайна и Клинкера.

До этого он уже совершил одно плавание с Симсом, но шкипер нашел, что с ним слишком трудно иметь дело, и решил заменить его другим. Дивайн и Клинкер встретились случайно с Терье на борту «Полумесяца» и после десятиминутного разговора нашли, что он как нельзя лучше подходит для выполнения их плана. Симсу пришлось оставить его.

Уард не выносил француза; его надменный вид и небрежно-вежливое обращение оскорбляли грубого штурмана.

Теперь он страшно злился на необходимость разыгрывать из себя лакея Терье. Ничто не могло быть ему более обидно. Он еще больше возненавидел своего подчиненного, который, как он должен был сознаться в глубине своей души, был во всех отношениях выше его.

Но деньги могут совершать чудеса. Обещание Дивайна, что в случае удачи офицеры и команда «Полумесяца» получат миллион американских долларов чистоганом, помогло мистеру Уарду превозмочь отвращение, с которым он приступил к исполнению своей роли.

Оба офицера молча сидели в комнате отеля в ожидании ответа на записку, отправленную эсквайру Антону Хардингу. Роли были хорошо заучены и несколько раз тщательно отрепетированы на борту «Полумесяца». Теперь каждый был занят собственными мыслями. Так как между ними не было ничего общего кроме участия

в предстоящем деле, а об этом предмете было разумнее не распространяться, то темы для разговора не находилось.

На борту яхты, стоявшей в гавани, как раз делали приготовления для поездки на берег небольшой компании, желавшей совершить автомобильную прогулку в долину Нуану. В это время подъехала небольшая лодка и посыльный из берегового отеля передал одному из матросов запечатанное письмо.

Шкипер Симс с палубы «Полумесяца» видел это и внутренне ухмыльнулся. Билли тоже это видел, но не придал этому никакого значения. Он разгуливал на палубе бригантины и с ненавистью посматривал на яхту и на элегантно одетых мужчин и женщин. Ему было слышно, как они весело смеялись и болтали между собой. Они представляли для него концентрированную эссенцию всего, что было для него отвратительного и презренного в том, другом мире, для которого он не существовал.

Он видел, как матрос передал письмо седому, бритому господину — крупному, упитанному, прекрасно одетому человеку. Билли ясно представил себе его белые руки и отполированные ногти. От одной этой мысли ему сделалось тошно.

Седой господин, который принял письмо, был Антон Хардинг. Он прочел его и передал молодой девушке, стоявшей рядом и весело болтавшей с молодыми людьми.

— Это касается больше тебя, чем меня,— сказал он.— Если хочешь, я заеду к нему и приглашу его сегодня к обеду.

Девушка громко прочла письмо:

Многоуважаемый мистер Хардинг.

Рекомендую Вам моего дорогого друга, графа де-Каденэ, который собирается быть в Гонолулу около того же времени, что и Вы. Граф путешествует для своего удовольствия, и, так как он совершенно незнаком с Сандвичевыми островами, то всякая любезность, которую Вы ему окажете, будет принята им с большой благодарностью.

Сердечный привет.

Л. Картрайт Дивайн.

Девушка улыбнулась, читая письмо.

— Это похоже на Ларри. Он вечно выискивает

титулованных особ и делает из них своих «дорогих друзей», — сказала она, смеясь. — Хотела бы я знать, где он подобрал этого?

— Или где этот подобрал его? — прибавил мистер Хардинг. — Во всяком случае, единственное, что мы можем сделать, это пригласить его к обеду. Завтра мы уже снимаемся с якоря, а потому ничего другого мы для него сделать не можем.

— Заедем за ним на автомобиле, папа, — предложила Барбара Хардинг, — и захватим его с собой на прогулку. Этим мы исполним просьбу Ларри, а приглашение на борт к обеду уже будет зависеть от того, каким человеком окажется этот граф.

— Как хочешь, — ответил ей отец.

Таким образом, полчаса спустя, два больших автомобиля остановились перед отелем графа де-Каденэ. Антон Хардинг послал наверх свою визитную карточку.

«Граф» тотчас же спустился вниз, чтобы приветствовать посетителя.

При первом же взгляде на него Хардинг убедился, что он имеет дело с настоящим джентльменом, и, когда он представил его другим членам компании, то было видно, что и остальные разделяли его мнение.

Его дочь, казалось, особенно заинтересовалась новым знакомым. Она настояла на том, чтобы он сел в тот автомобиль, в котором находилась она.

Барбара Хардинг нашла в графе де-Каденэ очень интересного собеседника. Казалось, не было уголка на земном шаре, который так или иначе не был бы ему знаком. Он был очень начитан и, что еще важнее, обладал способностью толково и занимательно передавать прочитанное.

В настоящее время в нем не замечалось его обычной раздражительности и угрюмости. Он казался олицетворением любезности и приветливости, да и как могло быть иначе? Разве он не первенствовал в этом обществе, овладев вниманием прекрасной и очень богатой молодой девушки?

Дневная прогулка имела два важных результата. Она зародила в уме младшего штурмана «Полумесяца» новую идею, которая доставила бы не мало волнений шкиперу и скрывающемуся на бригантине мистеру Дивайну, если бы они догадались о ней. Кроме того, во

время этой прогулки граф де-Каденэ узнал нечто очень важное, заставившее его отказаться от настоятельного приглашения отобедать вечером на яхте «Лотос»: он узнал, что яхта снимается с якоря на следующее утро и берет курс на Манилью.

— Не могу выразить вам, как я сожалею, что обстоятельства лишают меня удовольствия воспользоваться вашим приглашением. Уверяю вас, что только настоятельная необходимость мешает мне насладиться вашим обществом как можно дольше.

И, хотя его слова были обращены к мистеру Хардингу, но он смотрел в упор в глаза девушке.

Менее светская молодая женщина, вероятно, каким-нибудь образом проявила бы, какое впечатление произвели на нее эти слова; но граф де-Каденэ не смог уловить на лице Барбары, понравилась ли ей его речь или нет. Она просто высказала сожаление по поводу его отказа, как этого требовала вежливость.

Когда де-Каденэ довезли до его отеля, он тихо произнес, прощаясь с Барбарой Хардинг:

— Я увижу вас снова. мисс Хардинг, очень, очень скоро.

Ее удивили эти слова, казавшиеся странными при настоящих обстоятельствах. Что хотел он ими сказать? Как ужаснулась бы она, если бы догадалась о их истинном значении! Но она видела только выражение его глаз, полное недвусмысленным восхищением, и не знала сама, радовало ли это ее или сердило.

Как только де-Каденэ вошел в отель, он поспешил в комнату, где его с нетерпением ожидал мистер Уард.

— Живее! — закричал он.— Мы должны сейчас же ехать на бригантину. Они отплывают уже завтра утром. Ваша служба в качестве лакея оказалась очень легкой и кратковременной, но все же я дам вам отличную рекомендацию в случае, если бы вы пожелали поступить к другому джентльмену.

— Ваши шутки более чем неуместны,— холодно отрезал первый штурман.— Я впутался в эту театральную антрепризу не для развлечения и не вижу в ней ничего забавного. Попрошу вас не забывать, что я ваш начальник!

Терье передернуло. Уард не подметил злобного взгляда, который кинул на него его элегантный товарищ.

Они вместе собрали свои вещи, спустились в кон-

тору, где уплатили по счету, и поспешили в маленькую грязную портовую гостиницу. Полчаса спустя они подымались на палубу «Полумесяца».

Билли Байрн, работавший по соседству с каютой, увидел их и злобно наступил. Они были представителями власти, а Билли ненавидел всякую власть. Он был прирожденным врагом закона, порядка и дисциплины.

«Хотел бы я повстречаться с одним из этих типиков ночью на Грин-стрит», — подумал он.

Приехавшие вошли со шкипером в его каюту, и мистер Дивайн поспешно прошел туда же. Вообще все четверо торопились и казались озабоченными. Это заинтересовало Билли.

Он вспомнил подслушанный недавно обрывок разговора между Дивайном и Симсом. Может быть, ему удастся узнать еще больше? Никакие соображения этического свойства Билли не удерживали, и он, не теряя времени, перенес свою деятельность как можно ближе к каютной двери, чтобы иметь возможность подслушать, что говорилось внутри.

Первые же слова, долетевшие до него, заставили его насторожить уши. Было ясно, что подготавливается дело в его духе — грязное дело, и он только изумлялся, что такое изящное существование, как Дивайн, было замешано в нем. Это почти заставило его изменить свое первоначальное мнение о пассажире.

Оказалось, что какой-то Барбаре Хардинг дед оставил наследство в двадцать миллионов долларов, которые должны были перейти к ней при ее замужестве. Кроме того, у нее лично было пять миллионов, а отец ее Антон Хардинг тоже был многократным миллионером.

Симсу было предписано похитить Барбару и хранить ее до выкупа. Дивайн, старый знакомый мисс Хардинг, должен был разыграть роль пленника, тоже захваченного ее похитителями. Ему нужно было склонить девушку выйти за него замуж, и затем они оба были бы освобождены.

Выкуп и существенную часть капитала девушки предполагалось поделить между Симсом, Уардом, Терье и отсутствующим Клинкером; экипаж корабля должен был получить тройное жалованье. Кажется, согласно завещанию, муж Барбары получал сразу в личное распоряжение десять миллионов.

Дивайн не знал только одного обстоятельства — и это Билли узнал позже: в завещании была оговорка, что выбор мужа мисс Хардинг должен был быть одобрен ее отцом. Только в этом случае могла она унаследовать деньги.

Разговор в каюте оборвался так неожиданно, что Билли еле успел отскочить от дверей. Однако Терье, который вышел из каюты раньше других, заметил фигуру, которая шарахнулась в сторону.

Не сказав ни слова своим товарищам, француз быстро побежал наверх на палубу. Он не ошибся: впереди себя он увидел бегущего матроса.

— Эй, ты! — крикнул он.— Стой!

Билли обернулся — и второй штурман признал в нахмуренном угрюмом матросе того новичка, который задал в первый день такую здоровую трепку Уарду.

— Ах, это вы, Байрн! — сказал он приветливо.— Пойдемте на минуту ко мне, я хочу с вами поговорить.

При этих словах он круто повернулся и снова направился вниз; Билли последовал за ним.

— Друг мой,— сказал Терье, когда они очутились в каюте и дверь за ними закрылась.— Мне не нужно спрашивать вас, много ли вам удалось подслушать из разговора, происходившего у капитана. Если бы вы не слыхали больше, чем нужно, то вы не бежали бы от меня так стремительно. Я хочу сказать вам одно: держите язык за зубами. Я предлагаю вам помочь мне во время событий, которые должны произойти в ближайшие дни. Те,— и он указал пальцем по направлению к капитанской каюте,— могут угодить на виселицу, а я совершенно не желаю подставлять своей головы в петлю. Без этого Дивайна наша доля будет гораздо крупнее, не правда ли? В особенности, если мы поведем дело правильно. У меня есть план, и для проведения его требуется всего три или четыре человека.

— Я знаю, что вы Уарда не любите,— продолжал он.— Можете быть уверены, что и он платит вам тем же. Если вы останетесь с ними, Уард сумеет надуть вас при дележе или даже устроит вам кое-что похуже. Короче говоря, друг мой Байрн, ваша жизнь в большой опасности — вы не можете быть спокойны за нее, пока находитесь на одном корабле с Бендером Уардом. Понимаете, что я хочу сказать?

— Ну,— сказал Билли Байрн,— не очень-то я его боюсь. Пусть-ка он сунется и попробует сыграть со мной еще какую-нибудь подлую штуку — я его мерзавца, угощу по-своему!

— Верно, верно, Байрн,— поспешил согласиться Терье.— Конечно, если кто-нибудь может с ним справиться, то это именно вы,— если только вам представится к этому возможность. Но не такой человек Уард, чтобы дать вам эту возможность! На днях у нас может произойти стрельба. Что помешает Уарду пустить вам «случайно» пулю в спину? Если он не сделает этого теперь, то, во всяком случае, ему еще не раз представится случай отправить вас на тот свет прежде, чем мы достигнем какого-нибудь цивилизованного порта. Верьте мне, Байрн, он вас убьет — он такой человек! Зато, если вы будете на моей стороне, то вы разом освободитесь от Уарда, Симса и Дивайна. Ваш пай будет больше, вам не придется каждую минуту бояться быть подстрелянным сзади. Ну, что вы на это скажете? Хотите быть со мной или же мне идти к шкиперу и рассказать ему, что вы подслушивали у дверей капитанской каюты? Решайте!

— Что ж, я согласен,— сказал Билли Байрн,— если вы обещаете приличный куш при дежурке.

Француз протянул руку.

— Давай руку,— сказал он.

— Идет! — вскинулся Билли, хлопая его по ладони.— Говорите, что нужно делать?

— Не теперь,— сказал Терье.— Кто-нибудь может подслушать нас, как вы нас подслушали. Погодите, пока представится более удобный случай. Я скажу вам тогда все, что вам нужно знать. А пока подумайте, кто из матросов больше всего подходит для нашего дела: нам требуется еще три-четыре верных человека кроме нас самих. Ну-с, а пока ступайте на палубу и работайте, как будто ничего не случилось, и, если я буду с вами более груб, чем обыкновенно, то знайте, что это для того, чтобы отвлечь всякие подозрения.

— Ладно! — ответил Билли Байрн.

ПОДВИГ МЭЛЛОРИ

К вечеру нарядная свежевыкрашенная бригантина снялась с якоря и пошла на запад. Казалось, обстоятельства благоприятствовали ей: ветер был попутный, как по заказу.

Матросы сразу ожили. В ожидании предстоящего приключения, команда уже не думала о том, что ей не позволили сойти на берег в Гонолулу. В воздухе чувствовалось нарастающее возбуждение; близилась цель, к которой они все стремились.

Шкипер Симс и Дивайн были в восторге от удачи. Они рассчитывали, что пройдет по меньшей мере неделя, пока второму штурману «Полумесяца» удастся настолько овладеть доверием Хардингов, чтобы узнать их дальнейшие планы. Теперь им оставалось только поздравить друг друга с успехом и гордиться проницательностью, с которой они выбрали такого способного агента, как Терье.

Уард был доволен уже тем, что ему не приходилось больше разыгрывать унизительной роли лакея своего младшего офицера. Кроме того, он надеялся, что предстоящие события дадут ему возможность расправиться с наглым матросом, осмелившимся избить его несколько недель тому назад. Терье не ошибся в своей оценке первого штурмана...

Билли Байрн, освободившись от трудной авральной работы, начал раздумывать на досуге о том, что он подслушал у капитанской каюты. Сопоставляя одно с другим, он тщетно силился угадать, что произойдет в ближайшее время.

Взвешивая предложение Терье, он сразу оценил всю его выгодность: на долю каждого заинтересованного перепадет гораздо больше. Билли нравилась тоже полная секретность заговора. Впрочем, если бы он мог придумать какой-нибудь способ, чтобы в свою очередь провести Терье, то прибыль от этого утроилась бы, да, кроме того, это доставило бы ему искреннее удовольствие.

Он был занят этими мыслями, когда увидел Костлявого Сойера и Красного Сандерса, подымающихся по трапу, и окликнул их.

Оба матроса с восторгом согласились принять уча-

стие в заговоре, направленном против Симса и Уарда, когда Билли объяснил им всю выгоду этого дела.

Костлявый Сойер указал на чернокожего повара Бланко, как на единственного члена команды, на которого можно было положиться, и, по просьбе Билли, обещал завербовать гиганта-эфиопа в число соучастников.

На второй день после отплытия из Гонолулу, Симс с раннего утра нетерпеливо смотрел в подзорную трубу на восток. Около двух часов пополудни на северо-востоке показался легкий дымок.

Немедленно курс «Полумесяца» был изменен и направлен прямо на северо-запад, чтобы перерезать путь пароходу, быстро выплывающему из-за горизонта.

Приняв новый курс, бригантина неслась под всеми парусами до тех пор, пока не явилась опасность быть замеченной приближавшимся пароходом. Как только острые глаза Терье с несомненностью установили, что судно, белевшее вдалеке, действительно яхта «Лотос» — был отдан приказ убрать паруса и предоставить судно течению.

В это время на палубе яхты веселое общество смеялось и болтало в счастливом неведении о готовящейся ловушке. Полчаса приблизительно после того, как «Полумесяц» остановился, вахтенный на «Лотосе» заметил медленно плывущую по ветру бригантину.

— Парусный корабль на юго-западе,— закричал он.— Выкинут сигнал бедствия!

В одну минуту гости и матросы высыпали на палубу и выбрали себе различные обсервационные пункты, откуда удобно было рассмотреть незнакомое судно. Этот инцидент являлся приятным нарушением однобразия длинного морского путешествия.

Антон Хардинг стоял на мостице с капитаном Норисом. Оба навели подзорные трубы на далекий корабль.

— Можете вы рассмотреть, что это за судно? — спросил Хардинг.

— Это бригантина,— ответил капитан,— и, насколько я могу судить отсюда, все на ней в порядке. Паруса тщательно закреплены, экипаж видимо многочисленный, потому что я вижу на палубе много людей, которые как будто следят за нами. Попытаюсь изменить курс и поговорить с ними. Посмотрим, что там случилось, и, если нужно, придем на помощь.

— Конечно! — ответил Хардинг.— Сделайте для них все, что в ваших силах.

Он спустился к дочери и к гостям, чтобы поделиться с ними теми немногими сведениями, которые ему сообщил капитан.

— Вот интересно! — воскликнула Барбара Хардинг.— Конечно, это не настоящее кораблекрушение, но, может быть, нечто похожее. Бедняжки! Ведь может быть, что они уже несколько недель носятся по волнам Тихого океана без пищи или воды! Подумайте, как они должны быть счастливы, видя, что мы к ним подходим!

— Если они носятся по океану без воды или пищи уже несколько недель,— осмелился возразить Билли Мэллори,— то единственное, что им теперь нужно и чего мы непредусмотрительно не захватили с собой, это — гробовщика и священника.

— Не придирайтесь, пожалуйста, Билли,— ответила мисс Хардинг.— Вы великолепно знаете, что я хотела сказать не «недели», а «дни». Как бы то ни было, они будут очень благодарны нам за все, что мы сможем им сделать. Господи, как интересно услышать историю настоящего крушения!

Билли Мэллори рассматривал бригантину в подзорную трубу мистера Хардина, когда у него вырвалось восклицание ужаса.

— Клянусь святым Георгием! — вскричал он.— Дело все-таки серьезное. Корабль в огне. Смотрите, мистер Хардинг!

Действительно, когда владелец «Лотоса» снова навел подзорную трубу на бригантину, он тоже увидел тонкий столб черного дыма, подымавшийся в середине корабля. Он не мог знать, конечно, что чернокожий повар, под присмотром мистера Уарда, жег на бригантине узел промасленных тряпок в железном котле.

— Боже! — вскричал мистер Хардинг.— Какой ужас! Несчастные в панике. Смотрите, смотрите, они спускают шлюпки!

И он бросился обратно на мостики посоветоваться с капитаном.

— Да,— сказал Норис.— Я заметил дым почти одновременно с вами. Странно однако, что его раньше не было видно... Я уже отдал приказ идти к ним полным ходом и велел мистеру Фостеру держать наготове шлюпки на тот случай, если на бригантине не хватит своих.

— Понять не могу,— прибавил он после минутного раздумья,— почему они начали проявлять волнение из-за этого пожара только тогда, когда мы приблизились к ним? Это все-таки странно!

— Ну, мы через несколько минут узнаем, в чем дело,— беспечно ответил мистер Хардинг.— Вероятно, пожар возник недавно и еще больше увеличил их бедственное положение. Они, верно, сами только что узнали о нем.

— Огонь не мог за эти несколько мгновений распространиться так быстро и нагнать на них такой ужас, что вся команда бросилась в шлюпки,— настаивал капитан.— Но вы правы, сэр, через несколько минут мы все узнаем. Делать разные предположения вперед — совершенно напрасно.

Все офицеры и матросы «Полумесяца»,— так по крайней мере казалось толпившимся на палубе «Лотоса» зрителям,— вошли наконец в лодки, отчалили от своего корабля и принялись неистово грести по направлению к быстро приближавшейся яхте. На самом деле на бригантине остался мистер Дивайн, нервно расхаживавший взад и вперед по своей каюте, и второй штурман Терье, которому было поручено смотреть за дымящимся тряпьем, в то время как Бланко и Уард заняли места в шлюпках.

Терье был страшно смущен оборотом, который приняли события.

Он уже наметил было такой блестящий план действия! Его план,— правда, смелый и рискованный,— состоял в том, чтобы в ту минуту, как на борту «Лотоса» раскроется обман Симса и Уарда, призвать своих немногочисленных сообщников и открыто перейти на сторону пассажиров яхты, чтобы вместе с ними бороться против прежних товарищей.

Он объяснил Билли Байрну, что ему хотелось заставить поверить мистера Хардинга, что он, Терье, и его соучастники были одурачены разбойниками, что они до последней минуты не подозревали о целях шкипера Симса, а когда узнали, сразу же встали на защиту яхты.

— Тогда,— сказал в заключение Терье,— они будут смотреть на нас, как на героев и на своих лучших друзей. Мы легко захватим их всех и получим выкуп не за одного человека, а за десять или за пятнадцать.

— Вот здорово! — восторженно воскликнул Билли Байрн.— Ловко у вас мозги работают!

На самом деле Терье только в крайности решился бы повести дело так. Красота и богатство Барбары Хардинг страшно импонировали ему, и он надеялся, что события позволят ему оказать настолько важную услугу ее отцу и ей самой, что его ухаживания будут приняты благосклонно. В таком случае он не рисковал бы ничем и легко мог отделаться от своих соучастников, объяснив мистеру Хардингу, что он вынужден был давать им всяких обещаний, чтобы заручиться их помощью против Симса и Уарда. Тогда можно было бы заковать всех трех молодцов в кандалы, спустить их в трюм, и все кончилось бы к общему благополучию...

И вдруг этот болван Уард смешал все его карты, придумав дурацкий пожар, чтобы иметь возможность всей командой перебраться на «Лотос». Он одним ходом разрушил все хитроумное плетение Терье, напомнив шкиперу Симсу, что пассажиры «Лотоса» могут узнать «графа» Терье при абордаже и заподозрить какую-то измену. Второго помощника капитана решили из предосторожности оставить на «Полумесяце». Бандиты слишком хорошо знали, что веселительные яхты обычно снабжены малокалиберными орудиями и что при первом намеке на опасность на борту найдутся люди, которые смогут отразить нападение.

Терье имел некоторые основания надеяться, что ему удастся добиться руки Барбары Хардинг: он был образован, воспитан и обладал красивой, хотя и мрачной наружностью. Титул «графа де-Каденэ», который он принял во время своего пребывания в Гонолулу, действительно принадлежал ему по праву рождения. Таким образом, если не считать давно забытого скандала во французском флоте, ничто не могло помешать его заветной мысли о блестящей женитьбе.

А теперь, в последнюю минуту, все было испорчено. Терье дрожал от бешенства. Эта скотина Уард сам подписал себе смертный приговор.

Шлюпки подошли к яхте, которая замедлила ход и почти остановилась. В ответ на запрос капитана «Лотоса» шкипер Симс начал, приставя руки ко рту, объяснять постигшее их бедствие.

— Я капитан Джонс,— закричал он,— с бригантины «Кларинда», рейс Сан-Франциско — Иокагама, с грузом

динамика. Вчера у нас испортился руль, а сегодня в трюме возник пожар. Он может достигнуть динамика в любой момент. Возьмите нас на борт и уезжайте отсюда как можно скорее: в пределах пятисот саженей вы не в безопасности.

— Нужно спешить, капитан! — тревожно сказал мистер Хардинг.

— Не нравится мне вся эта канитель, сэр,— угрюмо ответил Норис.— На бригантине не выкинуто флага, что на борту взрывчатые вещества; да, если бы даже весь трюм был набит динамитом, то и тогда нам не грозило бы ни малейшей опасности. Каждый, кто перевозил динамит, знает это или должен был знать! От огня взрыва динамика не происходит; он взрывается только от сотрясения. Нет, сэр, здесь что-то не чисто; мне все это совсем не нравится. Взгляните на рожи этих людей. Видели ли вы когда-нибудь в вашей жизни, сэр, такую банду висельников?

— Должен сознаться, что компания не из приятных,— сказал мистер Хардинг.— Но разве можно судить по одной внешности? Я думаю, что во имя гуманности их все-таки следует взять на борт. Я уверен, что ваши опасения окажутся неосновательны.

— Итак, вы приказываете мне, сэр, взять их на борт? — спросил капитан Норис.

— Да, капитан, я думаю, так будет лучше,— ответил мистер Хардинг.

— Слушаю-с, сэр,— невозмутимо ответил капитан и повернулся, чтобы отдать необходимые приказания.

Офицеры и матросы «Полумесяца», смуглые, со свирепыми, отталкивающими физиономиями, начали карабкаться на борт «Лотоса».

— Совсем будто нападающий отряд пиратов,— восхищенно заметил Билли Мэллори, следя глазами за звероподобным негром, который последним перелезал через перила яхты.

— Не слишком они красивы, правда? — прошептала Барбара Хардинг, инстинктивно прижимаясь к своему спутнику.

— Слово «красивый» вряд ли к ним подходит, Барбара,— ответил ей Билли.— Знаете, мне довольно трудно представить себе их на коленях, умиленно возносящими за свое спасение благодарственные молитвы господу богу. Помнитесь, ведь вы так их изображали?

— Если вы задались целью быть сегодня еще более неприятным, чем обыкновенно,— отпариowała Барбара нарочито-вежливым тоном,— то вы, наверное, будете рады узнать, что вам это удалось!

— Рад, что мне хоть что-нибудь удалось,— ответил, смеясь, молодой человек.— Мне вообще порядочно не везет.

— В чем, например? — спросила Барбара, незаметно попадая в ловушку.

— Да вот, например, когда я изо всех сил стараюсь быть настолько приятным, чтобы вы наконец сказали мне «да».

— Ну, теперь вы совсем испортили все дело вашими глупостями,— шаловливо заявила девушка.— Почему не можете вы быть таким же милым, как прежде, таким, как вы были раньше, чем вы вбили себе в голову эту глупую мысль?

— Я не нахожу ничего глупого в том, чтобы быть по уши влюбленным в самую прелестную девушку в мире,— воскликнул Билли.

— Тише! Вас могут услышать.

— Пусть слышат, мне все равно. Я горжусь моей любовью к вам, Барбара, а вы только смеетесь надо мной и не видите, как она серьезна. Я готов умереть за вас и был бы рад, если бы к этому представился случай. Я... Но, боже мой, что это такое?

— О, Билли! Что делают эти люди? — вскричала вдруг девушка.— Они стреляют! Они в папу стреляют! Скорее, Билли, скорее! Сделайте что-нибудь! Бога ради, сделайте что-нибудь!

На нижней палубе, под ними, «спасенная» команда окружила мистера Хардинга, капитана Нориса и большинство экипажа яхты. Пираты вытащили из-под рубах револьверы и выстрелили в упор в двух матросов, вздумавших сопротивляться.

— Стойте смирно,— скомандовал шкипер Симс,— и мы никому из вас не нанесем вреда.

— Что вам от нас нужно? — закричал мистер Хардинг.— Если вам нужны деньги, то возьмите все, что у нас есть на борту, и ступайте своей дорогой. Никто не помешает вам.

Шкипер Симс даже не взглянул на него. Его глаза были направлены на верхнюю палубу. Там стояла девушка с широко раскрытыми от ужаса глазами и рядом

с ней молодой человек; оба они смотрели вниз.

Та ли это девушка, которая им нужна? На борту были еще другие женщины. Он видел их, испуганно жавшихся за Хардингом и Норисом. Некоторые из них были молоды и красивы, но какое-то внутреннее чутье подсказывало Симсу, что Барбара Хардинг — та, которая стоит на верхней палубе.

Симс прибегнул к хитрости. Если бы он напрямик спросил Хардинга, приходится ли эта девушка ему дочерью, старику, по всей вероятности, заподозрил бы цель их посещения и не ответил бы правды.

— Кто эта женщина, которую вы держите на борту? — закричал он угрожающе.— Из-за этого-то мы и пришли сюда.

— Да что с вами? Это моя дочь,— выпалил Хардинг.— Кто вам...

— Спасибо,— насмешливо прервал его шкипер.— Этого только мне и нужно было. Эй ты, Байран! Ты ближе всех к трапу,— добудь нам ее сюда.

Услышав приказание, Билли Байран повернулся и бросился по лестнице на верхнюю палубу. Билли Мэллори слышал разговор внизу. Освободившись от Барбары Хардинг, в ужасе ухватившейся за его руку, он побежал вперед к лестнице.

Матросы и пассажиры «Лотоса» дрожали от беспомощной ярости. На всех были направлены дула револьверов, и неподвижные тела их товарищей на полу красноречиво свидетельствовали о том, что их ожидает тоже при малейшем движении. Они молча стояли, угрюмо опустив глаза.

Билли Байран не остановился в своем беге на верхнюю палубу. Вид высокого молодого человека, ожидавшего его наверху, только разжег в нем страсть к борьбе. Элегантный фланелевый костюм, белые башмаки, светлая кепка были для Билли вполне достаточным поводом, чтобы убрать с дороги «пижона».

Билли Мэллори был старше Билли Байрана — ему было около двадцати четырех лет, но роста они были одинакового. Он занимался всеми видами спорта и очень гордился своей физической силой. В студенческих атлетических кружках имя Мэллори пользовалось большой известностью. Но в борьбе с таким противником, как Билли Байран, Мэллори был безнадежно обречен на поражение: ведь он не применял никаких жульни-

ческих приемов. Теперь, стоя на верхней ступеньке лестницы, он, Мэллори, имел все преимущества позиции на своей стороне. Будь Билли Байрн на его месте, он не преминул бы этим воспользоваться и изо всех сил ударили бы своего противника ногой по лицу. Но для Билли Мэллори такой поступок был совершенно немыслим.

Вместо этого он подождал, пока Билли Байрн подымется наверх, и тогда только размахнулся, намереваясь нанести ему удар в челюсть. Байрн нагнулся под размахнувшейся рукой, затем выпрямился, как пружина, и ударили его три раза с силой молота — один раз в челюсть и два раза в живот.

Девушка, парализованная от страха, прислонилась к перилам и тихо вскрикнула: ее защитник зашатался под страшными ударами и чуть не упал на палубу. Но Мэллори сделал над собой отчаянное усилие и бросился вперед, желая сцепиться с грубым животным, стоящим перед ним.

Билли Байрн снова ударили свою жертву. Он наносил короткие, резкие удары, от которых голова Мэллори раскачивалась из стороны в сторону, а затем опять нанес грубый удар в живот.

Но молодой человек не сдавался и с упорством бульдога старался схватиться со своим противником. Наконец, несмотря на все усилия Байрна, ему удалось его захватить и повалить на пол.

Сплетаясь в клубок, покатились они по палубе. Байрн кусался, бил руками и ногами, в то время, как Мэллори напрягал все свои быстро убывающие силы, чтобы обхватить горло бандита и задушить его.

Но страшные удары Билли Байрна сделали свое дело. Байрн, почувствовав, что пальцы молодого человека ослабеваю, стряхнул его с себя, приподнялся на один локоть и нанес своему уже почти бессознательному противнику еще несколько бесчеловечных ударов в лицо.

Барbara Хардинг с воплем закрыла лицо руками и отвернулась при виде распухшего лица Мэллори и его выкатившихся кровавых глаз. Билли грубо отпихнул от себя неподвижное тело. В памяти девушки встали недавние слова Мэллори, которые она сочла простой фразой ухаживателя: «Я готов умереть за вас, Барbara, и был бы рад этому слушаю».

— Несчастный! Как быстро и страшно представился ему этот случай!

Грубая рука схватила ее.

— Ну, ты! — закричал над ее ухом хриплый голос.— Очухайся!

И он грубо толкнул ее с лестницы.

Девушка отступила назад; тогда Билли Байрн, верный своим традициям, верный самому себе, неожиданно так перекрутил ей руку, что с ее побледневших губ сорвался вопль боли.

— Ступай вперед, коли не нравится,— пробурчал Билли Байрн.— Брось финтить, матушка, а не то я те твой «плавник» совсем выверну.

Антон Хардинг с проклятием бросился на защиту своей дочери, но Уард сразил его прикладом револьвера.

— Легче, Байрн! — закричал шкипер Симс.— Девки убивать не надо, черта ли нам ее мертвую!

Онемев от ужаса, девушка больше не сопротивлялась и позволила отвести себя на нижнюю палубу. Там ее спустили в ожидавшую шлюпку.

Затем шкипер Симс приказал Уарду обыскать яхту и забрать все огнестрельное оружие. Ему же было поручено управление «Лотосом», а к команде была приставлена вооруженная стража из шести головорезов.

Покончив с этими делами, шкипер Симс забрал своих людей и шесть матросов с «Лотоса», которые должны были заменить оставленных на яхте бандитов, и вернулся с девушкой на «Полумесяц».

На бригантине подняли паруса, и через полчаса она быстро неслась к югу; «Лотос» следовал за ней. Симс держался этого курса двое суток, до тех пор, пока не убедился, что они вышли из полосы регулярных тихоокеанских рейсов.

Тогда «Полумесяц» повернул по ветру и встал с повисшими парусами, покачиваясь на волнах. Шкипер Симс снова перешел на «Лотос», забрав с собою шесть матросов с яхты, увезенных им два дня тому назад, и столько же матросов своего экипажа.

Очутившись на борту «Лотоса», матросы с бригантиной сразу принялись за работу. Руль яхты был выворочен и брошен в океан; огни в печи залиты, машины безжалостно разбиты. Яхту привели в полную негодность, чтобы не дать ей возможности преследовать бригантину. Даже запас угля был выкинут из трюмов за борт. Та же участь постигла запасные мачты и паруса,

и, когда наконец шкипер Симс и первый штурман Уард вместе со своими матросами покинули яхту, она беспомощно катилась с волны на волну и имела вид судна, потерпевшего кораблекрушение.

Все это время Барбару Хардинг держали внизу в тесной и грязной каюте. Она не видела никого кроме великана-негра, который приносил ей три раза в день грубую еду, до которой она почти не притрагивалась. Через иллюминатор Барбара Хардинг видела, во что превратили яхту ее отца. Когда все было кончено и экипаж бригантины вернулся на собственное судно, девушка почувствовала, что корабль снова тронулся в путь.

Вскоре «Лотос» начал удаляться, а затем и совсем скрылся из поля ее зрения. С воплем отчаяния упала девушка на жесткую койку, занимавшую одну стену ее темницы. Ее отец был брошен на произвол судьбы!

Через некоторое время скрипнула дверь. Она вскочила на ноги с решимостью защищать себя против новой неведомой опасности; но, когда она увидела лицо человека, остановившегося в дверях, глаза ее раскрылись от изумления:

— Вы? — только и могла прошептать она.

V

КОМУ ВЕРИТЬ?

— Да, Барбара, я,— сказал мистер Дивайн.— Какое счастье, что я здесь, чтобы оказать вам посильную помощь!

— Но, Ларри,— вскричала Барбара, которая не могла прийти в себя от изумления,— как вы-то сами очутились на борту этого корабля? Как вы попали сюда? Что вы делаете среди этих разбойников?

— Я пленник,— ответил Дивайн,— так же, как и вы. Мне кажется, что они хотят получить за нас выкуп. Они захватили меня в Сан-Франциско, одурманили меня и перенесли на борт в ночь перед своим отплытием.

— Куда нас везут? — спросила девушка.

— Не знаю,— ответил он.— Но из того, что мне удалось подслушать из их разговоров, мне кажется, что они хотят нас высадить на какой-нибудь одинединственный остров, находящийся вдали от торговых путей. В Тихом океане есть тысячи таких островков, куда корабли

заходят раз в десять лет. Там они будут держать нас, пока часть их на корабле отправится в какой-нибудь пункт, откуда они смогут войти в сношения с своими американскими агентами. Когда наш выкуп будет выплачен этим агентам, они вернутся за нами и либо перевезут нас на какой-нибудь другой остров, где нас смогут найти наши родные, либо оставят на том же острове и дадут знать нашим близким о месте нашего пребывания.

Во время рассказа Дивайна девушка пристально смотрела на него.

— Они не плохо обращались с вами, Ларри,— сказала она.— Вы выглядите превосходно и у вас такой спокойный вид!

Легкий румянец, выступивший при этих словах на лице ее собеседника, несколько удивил девушку, но не вызвал в ней никаких подозрений.

— Они совсем не плохо обращались со мной,— поспешил он уверить ее,— да и к чему бы это повело? Ведь если я умру, они лишатся выкупа. Так обстоит дело и с вами, Барбара; поэтому я думаю, что вам нечего опасаться грубого обращения.

— Будем надеяться, что вы правы, Ларри,— сказала она.

Но безнадежность ее тона и всего ее вида ясно говорила, что она не ожидает ничего хорошего от грубого экипажа «Полумесяца».

— Все-таки это прямо поразительно,— продолжала она,— что вы оказались пленником как раз на том же судне, что и я! Я никак не могу понять этого. Ведь почти накануне нападения на нашу яхту мы познакомились и принимали у себя в Гонолулу вашего друга графа де-Каденэ, который передал нам письмо от вас!

Дивайн мучительно покраснел. Как он проклинал себя внутренне за то, что не умеет достаточно владеть собой! Если он не будет более осторожным, то девушка очень скоро догадается об истине...

— Они заставили меня это сделать,— сказал он наконец, указывая пальцем по направлению к капитанской каюте.— Этим объясняется, может быть, то, что они захватили меня с собой. Граф де-Каденэ — на самом деле моряк по имени Терье, второй штурман этого корабля. Они подослали его к вам, чтобы выведать курс «Лотоса» и узнать, когда вы предполагаете покинуть

Гонолулу. Все они здесь сплошь мошенники и негодяи. Если бы я отказался тогда исполнить их требование, они бы убили меня.

Молодая девушка не проронила ни слова, но Дивайн заметил на ее лице глубокое презрение.

— Я ведь не знал, что они собираются делать. Если бы я мог об этом догадаться, я скорее бы умер, чем написал эту несчастную записку,— неловко защищался он.

Барбаре стало грустно... Она вспомнила Билли Мэллори, который умер, желая ее спасти. Она мысленно сравнила его с Дивайном, и результат сравнения оказался очень нелестным для ее теперешнего собеседника...

— Они убили несчастного Билли,— проговорила она наконец.— Он пытался меня защитить.

Мистер Дивайн понял течение ее мыслей. Сперва он хотел было найти какое-нибудь оправдание своему поступку; но сознание истинных размеров совершенного им предательства, о котором девушка и не догадывалась, как-то парализовало его. Он нашелся только сказать:

— Билли поступил бы умнее, подчинясь неизбежному, как это сделал я; зато теперь я в состоянии помочь вам. Если бы меня тогда убили, то моя смерть все равно не помешала бы им выполнить свои намерения точно так же, как и смерть Билли не послужила ни чему. Я не вижу, чем помог вам его поступок, как бы мужествен он ни был!

— Мне поможет воспоминание об этом поступке и о Билли,— ответила она спокойно.— Оно поможет мне мужественно перенести, что бы мне ни предстояло, поможет, если нужно, мужественно умереть.

Дивайн промолчал.

Через минуту девушка снова заговорила:

— Я хотела бы остаться одна, Ларри. Я сильно потрясена и очень устала. Может быть мне удастся уснуть.

Дивайн раскланялся и вышел из каюты.

* * *

Несколько недель «Полумесяц» упорно держался своего курса — на юго-запад. В отношениях людей, находящихся на борту его, не произошло существенной перемены.

Барбара Хардинг, видя, что ее оставляют в покое, уступила наконец настойчивым просьбам мистера Дивайна, к обществу которого ее невольно влекло из-за одиночества и страха, и начала выходить на палубу бригантины.

Однажды вечером она очутилась лицом к лицу с Терье; это была их первая встреча со времени ее похищения. Офицер почтительно снял фуражку, но девушка ответила на его поклон холодным, ничего не выражавшим взглядом; казалось, что она его просто не видела.

Терье покраснел от досады и пошел было дальше, как бы молча покорившись ее презрительному отношению, но затем передумал и повернулся к ней.

— Мадмуазель Хардинг,— сказал он тихо,— я не могу винить вас за недоверие, которое вы питаете ко мне; но я думаю, что по справедливости вы должны выслушать меня прежде, чем меня осуждать.

— Я не могу представить себе, каким образом вам удалось бы оправдаться,— холодно ответила она.

— Я был обманут этой компанией негодяев,— сказал Терье, спеша воспользоваться представившимся ему случаем обелить себя в глазах девушки.— Мне дали понять, что это — шутка, которую мистер Дивайн хочет сыграть со своими старыми друзьями Хардингами и их гостями. Предполагалось разыграть нападение пиратов в открытом море. Я так на это и смотрел до тех пор, пока они не привели в негодность «Лотос» и не бросили его посреди океана; правда, и до этого мне уже начинало казаться, что они слишком далеко зашли в своей мистификации.

— Они говорили мне,— продолжал он,— что до вашего отплытия вы выражали желание, чтобы пережить что-нибудь действительно необыкновенное во время вашего путешествия, что вам надоела будничная и размененная жизнь двадцатого столетия и что вы жалеете об исчезнувшем романтизме морских приключений. Они уверили меня, что мистер Дивайн — очень богатый молодой человек, с которым вы помолвлены, и что он легко мог позволить себе тот большой расход, который требовался для выполнения этой шутки. Я не видел ничего дурного в том, чтобы принять в ней участие, тем более, что только перед самым Гонолулу узнал о предполагаемой цели рейса. До этого времени считалось, что мистер Дивайн предполагал просто ради своего удо-

вольствия совершить поездку по южной части Тихого океана.

Вы видите, мадмуазель, что я был введен в заблуждение так же, как и вы. Не позволите ли вы мне загладить свою невольную вину тем, что я стану вашим другом? Уверяю вас, что друг вам потребуется.

— Кому мне верить? — вскричала девушка с отчаянием. — Мистер Дивайн тоже уверяет меня, что он был втянут в это дело насильно!

На лице Терье ясно выражалось саркастическое недоверие.

— Интересно, как же он объясняет рекомендательное письмо, которое я передал вашему отцу от его имени?

— Он говорит, что он был принужден его написать под угрозой револьвера,— ответила молодая девушка.

— Идемте со мной,— сказал штурман.— Я думаю, мне удастся убедить вас, что мистер Дивайн в прекраснейших отношениях со шкипером Симсоном,— что, конечно, было бы немыслимо, если бы его история была правдива!

С этими словами он направился к трапу, который вел в офицерские каюты. Барбара Хардинг нерешительно остановилась на верхней ступеньке.

— Не бойтесь, мадмуазель,— успокоил ее Терье,— доверьтесь мне. Вам важно установить как можно скорее, кто вам друг на этом корабле и кто враг.

— Хорошо,— ответила девушка.— Там не может быть для меня большей опасности, чем здесь. Везде одинаково!

Терье повел ее прямо в свою каюту и приложил палец к губам. Тихо, как укрывающиеся преступники, шмыгнули они в небольшое помещение. Затем Терье повернулся, закрыл дверь и бесшумно задвинул засов.

Барбара следила за ним глазами. Сердце ее усиленно билось от страха.

— Идите сюда,— прошептал Терье, указывая ей на свою койку.— Я нашел выгодным для себя знать, что происходит за этой перегородкой. В головах койки, около фута над постелью, вы найдете небольшое круглое отверстие. Приложите к нему ухо и слушайте; я думаю, Дивайн сейчас там.

Перепуганная девушка, все еще не доверявшая Терье, исполнила однако то, что он ей советовал.

Сперва она не могла ничего разобрать; до нее до-

носился только смутный гул голосов и звон стекла, как будто горлышко бутылки ударялось о рюмку. Барбара напряженно вслушивалась, приложив ухо к маленькому отверстию. Наконец она ясно различила хриплый голос шкипера Симса.

— А я вам говорю, что иначе поступить было нельзя, и мне до черта надоело, что вы все время пристаете со всякими неудовольствиями. Что ж, по-вашему я неправильно взялся за дело?

— Я не говорю неправильно, Симс,— ответил другой голос, хорошо знакомый голос Дивайна,— но я думаю, что вы переборщили. Для чего вам понадобилось приводить «Лотос» в такую полную негодность? Ведь это явно ошибка! Скажите на милость, как сможем мы вернуться в цивилизованные места, если яхта погибла? Нужно было, конечно, испортить ее, но слегка, так, чтобы они сами смогли исправить повреждения. Этой отсрочки было бы нам вполне достаточно, чтобы удрать. После нашей свадьбы мисс Хардинг была бы возвращена ее отцу, и на радостях старика легко было бы уломать не подымать истории.

Затем еще одно обстоятельство: вы ведь хотели требовать выкупа за нас обоих — и за мисс Хардинг и за меня,— чтобы убедить их, что я тоже ваш пленник. Каким образом сможете вы это сделать, если мистер Хардинг умер? Наконец и сама мисс Хардинг ни за что не успокоится до тех пор, пока не предаст преступников суду, если с ее отцом и его гостями действительно что-нибудь стряслось...

Молодая девушка отвернулась от перегородки. Ее лицо как-то осунулось и было мертвенно бледно. Она встала и подошла к Терье.

— Я слышала достаточно, благодарю вас, мистер Терье,— проговорила она.

— Вы убедились теперь, что я ваш друг? — вкрадчиво спросил он.

— Я убедилась, что мистер Дивайн не друг мне,— ответила она уклончиво и шагнула к двери.

Терье стоял и смотрел на нее. Как она прекрасна! Ему казалось, что он никогда не видел более красивой девушки. Ему захотелось схватить ее и обнять.

Терье не привык обуздывать свои желания. Обыкновенно он брал то, что хотел; если нужно было, то брал силой.

Он шагнул к Барбаре. В его глазах зажегся огонек, который испугал девушку. Она быстро схватилась за ручку двери.

Терье был уже возле нее, но внезапно овладел собою. Он вовремя вспомнил свой хорошо обдуманный план, вспомнил, что он может получить половину ее состояния. Он должен запастись терпением и разыгрывать роль бескорыстного защитника, прежде чем перейти к роли любовника.

Барбара повернула к нему испуганное лицо; его поведение казалось ей подозрительным.

— Простите меня, мисс Хардинг,— спокойно сказал он ей.— Дверь на засове, позвольте мне открыть ее.

Он галантно распахнул дверь и пропустил девушку.

Молча и незамеченные, пробрались они на верхнюю палубу.

Подавив в себе неожиданный прилив опьяняющей страсти, Терье вполне овладел собою и снова был готов продолжать холодную, расчетливую игру, план которой он себе начертал.

Он решил видеться с мисс Хардинг только настолько, чтобы упрочить ее доверие к себе, и ни в коем случае не навязывать ей своего общества. Он правильно полагал, что в тех мучительных условиях, в которых она находилась, девушка больше оценит заботливое внимание к ее удобствам и безопасности, чем настойчивое ухаживание.

Поэтому он только приподнял свою фуражку и удалился, попросив ее на прощанье, обращаться к нему в любое время за помощью, если в этом представится необходимость.

Оставшись одна, девушка погрузилась в невеселые размышления. Она никак не могла освоиться с мыслью, что Ларри Дивайн, ее друг детства Ларри — вдохновитель гнусного преступления, которое было совершено над нею и ее отцом! Почти так же трудно было ей поверить и этому таинственному мистеру Терье, что он действительно против преступления, а не является его соучастником, как ни старался он ее разуверить в этом.

И однако, разве его история не казалась более правдоподобной, чем история Дивайна, которой она верила до тех пор, пока Терье не раскрыл ей всю истину? Почему же ей так трудно поверить французу?

Барбара сама не могла бы этого объяснить, но в

глубине души она продолжала чувствовать недоверие к этому вежливому и вкрадчивому человеку и инстинктивно опасалась его.

В то время, как она стояла, прислонившись к перилам и глубоко задумавшись, мимо нее прошел Билли Байрн. При виде нее злая усмешка искривила его губы. Как он ненавидел эту девушку! Она, правда, ему ничего не сделала, но она была живое олицетворение всего того, что он привык ненавидеть с раннего детства.

Ее нежная белая кожа, изящные руки с выхолеными ногтями, хрупкая фигура, покрой ее платья — все кололо ему глаза, выставляя свое превосходство над ним и ему подобными. Это было существо другого, враждебного ему мира. Он знал, что она смотрит на него почти как на животное, пожалуй хуже, чем на животное...

Как это часто случается, молодая девушка почувствовала пристально устремленный взгляд, быстро обернулась и увидела уставившегося на нее матроса. Она сразу же узнала в нем того дикаря, который убил Билли Мэллори. Если в глазах Билли Байрна выражалась ненависть, то это было ничто в сравнении с тем выражением отвращения, которое появилось в глазах девушки, когда ее взгляд упал на угрюмое лицо матроса.

Так велико было в ней чувство презрения к этому человеку, что она не смогла удержаться от восклицания:

— Негодяй и трус!

Матрос зловеще нахмурился и с угрожающим видом шагнул к ней.

— Чего? — прохрипел он.— Ты меня не задирай, или я тебе все кости переломаю!

И он занес над ней свой огромный кулак.

VI

НЕПРИЯТНЫЙ ИНЦИДЕНТ

Хулиган рассчитывал, что девушка испугается, и это было бы для него достаточным удовлетворением за нанесенное оскорбление.

Сколько раз угрожал он таким образом женщинам просто так, удовольствия ради! Они так забавно визжали от страха и так неуклюже улепетывали! Если же они осмеливались сопротивляться ему, что иногда случалось в западной части Чикаго, то он, не задумываясь,

«выколачивал» из них спесь. Только так может мужчина достойно поддерживать свою репутацию храброго кавалера в окрестностях Большой авеню.

Эта изнеженная хрупкая кукла, конечно, сразу скиснет и упадет в обморок! К его изумлению, девушка продолжала стоять перед ним, высоко закинув голову и глядя на него спокойными, холодными глазами.

— Трус! — повторила она снова.

Билли готов был ударить ее, но что-то удерживало его руку. Неужели он боялся этой девчонки?

Как раз в ту минуту, когда Байрн еще стоял с занесенным кулаком, появился Терье. Он в один миг понял положение и прыгнул между Билли Байрном и Барбарой Хардинг.

— Что сказал вам этот человек, мисс Хардинг? — закричал он.— Он вас ударил?

— Я не думаю, чтобы он осмелился ударить меня,— ответила девушка презрительно,— хотя он и угрожал мне. Это тот самый разбойник, который убил несчастного мистера Мэллори на «Лотосе». Он способен на всякую низость!

Терье сердито обернулся к Байрну.

— Пошел вниз! — заорал он на него.— Я еще с тобой поговорю! Не будь здесь мисс Хардинг, я избил бы тебя, как собаку! Если я еще раз услышу, что ты к ней пристаешь или позволишь себе какую-нибудь наглость, я пущу тебе пулю в лоб так, что ты и опомниться не успеешь.

— Мели, Емеля! — насмешливо проговорил Билли Байрн.— И лучше ты ко мне не лезь! Нет такого человека на корабле, который смеет так разговаривать с Билли Байрном,— понял?

Раньше, чем Терье успел опомниться, огромный кулак с такой силой ударил его под подбородок, что он без чувств грохнулся к ногам мисс Хардинг.

— Ну что, видишь теперь, как я расправляюсь с теми, кто меня задирает? — крикнул девушке Билли Байрн, и затем, нагнувшись над распростертой фигурой штурмана, вытащил из его кармана револьвер.

— Пожалуй, он скоро понадобится мне,— пробормотал он.

Затем, злобно ударив ногой прямо в лицо бесчувственного Терье, хулиган направился в матросскую каюту.

— Теперь небось не скажет, что Билли Байрн трус! — гордо подумал он и спустился вниз.

Барбара Хардинг осталась при виде зверского нападения на офицера. Никогда не предполагала она, что на свете могло существовать человеческое существо, до такой степени лишенное всякого понятия о чести и благородстве, существо, способное угрожать беззащитной женщине и бить по лицу бесчувственного человека!

Откуда бы и могла Барбара Хардинг знать о подобных экземплярах человеческой породы? Ей ведь не пришлось жить в грязном квартале Чикаго между Большой авеню и Лэк-стрит, где так своеобразны понятия о мужской доблести и чести...

Когда она несколько пришла в себя, она побежала к трапу и громко позвала на помощь.

Шкипер Симс и первый штурман Уард, которые каждую минуту ожидали столкновения с матросами, немедленно кинулись на палубу с револьверами наготове.

Барбара указала им на неподвижную фигуру Терье и быстро объяснила случившееся.

— Это сделал матрос Байрн,— сказала она.— Он отправился теперь в носовую каюту и у него револьвер, который он снял с мистера Терье.

Несколько матросов глазели на распростертую фигуру штурмана.

— Эй, вы! — закричал шкипер Симс двоим из них.— Снесите мистера Терье вниз и окатите ему лицо холодной водой. Мистер Уард, достаньте из моего шкапчика водку и постарайтесь влить ему в рот. А вы, остальные, вооружитесь топорами и ломами и смотрите, чтобы этот чертов сын не вышел живым на палубу. Держите его там, пока я достану ружья, а потом мы с ним, с проклятым, справимся!

Матросы, которым он приказал удерживать Байрна внизу, столпились около люка, ведущего в каюту. Некоторые из них перекидывались шутками с пленником.

— Вылезь-ка наверх и дай себя сразу пристрелить по-благородному,— кричал один из них.— А то, ежели мы расквасим тебя топорами, то твоя матка не узнает своего сынишку.

— Суньтесь-ка вы ко мне и попробуйте меня уко-кошить,— кричал в ответ Билли Байрн.— Я могу поколотить всю вашу компанию одной рукой, поняли?

— Слушай, Билли, не дури! Шкипер пошел за револьверами,— закричал вниз Костлявый Сойер.— Выходи-ка лучше наверх добром; может быть он тогда согласится тебя судить.

— Черта с два! — донесся снизу голос Билли.— Хороший суд будет с ним и с Косоглазым! Нет уж, Костлявый, я останусь здесь, пока не сдохну. Но поверь мне, что дешево я вам не дамся, а потому, кто мне друг, тот пусть лучше убирается подобру-поздорову, пока я его не укокошил. Не будь я Билли Байрн, если я не сумею постоять за себя!

В эту минуту появился шкипер Симс с ружьями, которые он принес из своей каюты. Он раздал их Костлявшему Сойеру, Красному Сандерсу и еще одному матросу по имени Вильсон.

— Ну, братцы,— сказал шкипер Симс,— теперь пойдемте вниз и выкурим оттуда эту каналю. Доставьте мне его живым или мертвым.

Никто не двинулся.

— Ну, пошевеливайтесь, что ли! — скомандовал шкипер Симс.

— Мне показалось, будто он сперва сказал «мы пойдем», — заметил один из матросов.

Симс побагровел от ярости и обернулся, чтобы обругать грубияна.

— Это еще что? — зарычал он.— Покажите мне того шалопая, который смеет грубить! Покажите мне его, чтобы я его проучил. Эй, вы! — заорал он, снова повернувшись к матросам, которым он велел спуститься вниз за Билли Байрном.— Трусите вы, что ли? Марш вниз, а не то я вас ногой подтолкну!

Но ни один не пошевельнулся и не повиновался ему. Шкипер от злости то бледнел, то краснел. Он метался взад и вперед среди молчаливых матросов; на губах его выступила pena, он изрыгал проклятия и угрозы.

Но все это не привело ни к чему. Матросы не хотели идти.

— Ведь вот дело-то какое,— заговорил наконец Костлявый Сойер.— Идти вниз — верная смерть для каждого, кто попытается к нему сунуться. Гораздо легче и безопаснее взять его голодом.

— Каким там голодом, черт бы вас всех подрал! — завопил шкипер Симс.— Вы думаете, я буду сидеть целую неделю, сидеть сложа руки, и предоставлю каюту

этому проклятому негодяю только потому, что у меня команда состоит из несчастных трусов? Нет, голубчик! Шалишь! Ты сейчас же спустишься вниз и доставишь мне этого злодея живым или мертвым.

С этими словами, он с угрожающим видом направился к трем матросам, стоявшим у люка с оружием в руках.

Неизвестно, что бы случилось, если бы он выполнил свой угрожающий маневр, но в эту минуту сквозь круг матросов, с интересом ожидающих развязки событий, протиснулся Терье.

— Что случилось, сэр? — спросил он Симса.— Может быть я могу вам помочь?

Его лицо было сильно разбито, но он держался бодро.

— О! — воскликнул шкипер.— Значит, вы все-таки живы? Мы, видите ли, должны вытащить оттуда этого хулигана, а у этих мерзавцев слишком чувствительные нервы, чтобы спуститься.

— Сэр, у него ваш револьвер,— обратился Вильсон к Терье,— и это такой мальчик, что он не задумываясь пустит хоть кому пулю в лоб.

— Пустите меня, я попробую с ним сладить,— сказал Терье шкиперу Симсу.— Нужно по возможности обойтись без потери людьми.

Шкипер с радостью приветствовал неожиданно представившийся выход из неприятного положения, которое он сам же создал. Каким образом Терье сможет смирить взбунтовавшегося матроса, он не знал, но это ему было безразлично, лишь бы не рисковать своей собственной шкурой.

— А теперь, сэр, я попрошу вас отойти и отозвать экипаж,— сказал Терье.— Я посмотрю, что мне удастся сделать.

Матросы отошли к середине корабля и оттуда следили за действиями Терье, а несколько поодаль стояла Барбара Хардинг, которая тоже с жутким интересом смотрела на происходящее.

Терье склонился над открытым люком. Немедленно раздался выстрел, и пуля прожужжала у самой головы офицера.

— Стойте, Байрн,— спокойно сказал он.— Это я, Терье. Не стреляйте больше. Я хочу с вами поговорить.

— Нечего зубы заговаривать,— проворчал в ответ Билли.— Второй раз я не промахнусь.

— Я хочу поговорить с вами, Байрн,— повторил Терье тихим голосом.— Я сейчас спущусь к вам.

— Нет, шалишь, не спустишься,— ответил Байрн,— разве только мертвым скатишься сюда кубарем.

— Нет, спущусь, Байрн,— твердо возразил Терье.— Бросьте дурить. Видите, я даже не вооружен. Если хотите, можете держать меня под выстрелом револьвера, пока не убедитесь, что я вам ничего дурного не сделаю. Я единственный человек на судне, который может спасти вашу жизнь, и единственный, который имеет причины желать этого. Но мы должны толком говориться, а в таком положении говорить нельзя, нас могут подслушать. Я честно поступлю с вами, Байрн, если и вы будете честно обращаться со мною. В случае, если мы не сговоримся, я просто уйду, и вам хуже не будет, чем теперь. Так, значит, я к вам иду.

И, не дождавшись ответа, второй штурман «Полумесяца» спокойно перелез через край люка и скрылся из вида.

Даже Билли Байрн должен был признать храбрость этого человека, а те, которые были на палубе и ничего не знали об отношениях между вторым штурманом и матросом, сочли эту храбрость в некотором роде чудесной.

Терье сразу вырос в глазах экипажа. Как испорчены ни были эти люди, но они ценили храбрость и мужество. Барбара Хардинг была совершенно сражена поступком Терье. Какое необыкновенное бесстрашие и полнейшее равнодушие к жизни! Ей вдруг стало жаль, что она оскорбила его подозрением. Такой храбрый человек должен был иметь благородную душу.

Спустившись вниз, Терье очутился под дулом револьвера, находящегося в руках взбешенного головореза. Штурман улыбнулся при виде наспутленного, подозрительного взгляда Байрна.

— Вот что, друг мой Байрн,— сказал он весело.— Было бы глупо с моей стороны утверждать, что я вас спасаю из нежности к вам... Но вы мне нужны. Мы не можем рассчитывать на успех один без другого. Когда вы меня сегодня ударили, я подумал, что вы с ума сошли. Ведь вы помните наш уговор, что я буду с вами более груб, чем обыкновенно, чтобы отвлечь всякое подозрение, если бы случайно нас застали за разговором? Сегодня как раз мне представился случай хорошенъко

отделать вас. Ведь мне только и нужно было показать мадмуазель Хардинг, что между нами плохие отношения. Если бы я предполагал, что вы действительно собираетесь меня ударить, то я убил бы вас наповал раньше, чем вы бы до меня прикоснулись. Вы меня захватили врасплох.

Но все это прошлое — я готов все забыть, помочь вам выйти из петли и продолжать наше дело, как будто ничего не случилось. Ну, что вы на это скажете?

— Я не знал, что вы меня в шутку ругали,— ответил потупясь Билли Байрн,— иначе я бы вас не долбанул, сэр. Вы так говорили, будто совсем взаправду.

— Отлично! Значит, с этим покончено,— сказал Терье.— Ну, а теперь выйдете ли вы наверх, если я уговорю капитана назначить вам день или два отсидки в холодной? Он должен все-таки как-нибудь вас наказать, чтобы спасти свою честь. Но я обещаю вам, что вас будут регулярно кормить и что вас не будут бить, как в первый раз. Если Симс не согласится на мое предложение, даю вам слово, что я вернусь и скажу вам.

— Ступайте,— сказал Билли Байрн.— Я не верю вам, как не верю тем; но пусть я лопну, если есть другой выход!

Терье вернулся на палубу и, подойдя к шкиперу, отвел его в сторону.

— Он согласен выйти добровольно, если ему обещать, что он отделается только одним или двумя днями карцера с полным пайком и без порки. Пожалуй, сэр, это самый лучший выход. Мы не можем в настоящем положении лишиться человека, а в случае, если мы потом захотим наказать этого молодца, мы всегда найдем какой-нибудь предлог.

— Отлично, мистер Терье,— ответил шкипер.— Я всецело предоставляю это дело вашему усмотрению. Делайте с парнем, что хотите. Это больше всех, собственно, касается вас: ведь вы — пострадавшее лицо.

Терье немедленно снова спустился в матросскую каюту и вскоре вышел оттуда вместе с Байрном. Билли отсидел два дня в заключении, и этим инцидент был как будто исчерпан. Следствия же его оказались весьма разнообразны.

Во-первых, в сердце Терье зародилась непримиримая ненависть к Билли. Если до этого времени его намерение отомстить Байрну после того, как тот ему

станет ненужен, было продиктовано осторожностью, то теперь оно усилилось жаждой мести.

Происшествие это имело также большое влияние на Барбару Хардинг. Оно показало ей Терье в новом свете и вызвало в ней чувство доверия к молодому человеку.

Его «великодушное» обращение с матросом выросло в ее глазах до степени геройства, но зато ужас, вселенный в нее Билли Байрном, еще более усилился.

Его образ преследовал ее; впечатление, которое произвела на нее его жестокость, было так велико, что хулиган снился ей даже по ночам и она в испуге просыпалась.

После того, как Билли вышел из заключения, ему несколько раз пришлось проходить на палубе мимо девушки. Он заметил, что она всякий раз в ужасе отшатывалась от него, но к своему удивлению, убедился, что такое лестное признание его силы вызывает в нем одну досаду. Эта «кукла» страшно злила его. Прежде он ненавидел ее за те понятия, которые она собою олицетворяла, теперь он ненавидел ее самое.

Терье очень часто проводил теперь время в обществе мисс Хардинг. Дивайн бывал с ней гораздо реже, но, по совету Терье, Барбара держалась с ним так, словно она не подозревает о его роли в ее похищении.

— Пусть он воображает, что вы ничего не знаете,— говорил Терье.— Это дает вам преимущество, которое исчезнет, как только он догадается об истине. Если он ничего не будет опасаться, то вероятно выболтает вам что-нибудь о своих намерениях. Передавайте мне все, что он вам говорит, и мы, действуя сообща, легче сможем расстроить его планы, чем если бы вы порвали с ним всякие отношения. Было бы даже хорошо, мадмуазель Хардинг, поддерживать в нем надежду, что вы согласитесь добровольно выйти за него замуж. Я думаю, это заставило бы его отбросить всякую осторожность и скорее привело к развязке.

— О, мистер Терье, не знаю, смогу ли я это сделать! — воскликнула молодая девушка с гримаской отвращения.— Вы не можете себе представить, как я презираю этого человека с тех пор, как я раскусила его! Он сватался ко мне уже в продолжение нескольких лет, и, хотя я никогда не любила его достаточно, чтобы выйти за него замуж, я всегда считала его верным, преданным другом. Мне казалось, что его постоянство за-

служивает, по крайней мере, симпатии с моей стороны. А теперь, когда он возле меня, я вся содрогаюсь; у меня такое гадливое чувство, точно это какое-то противное пресмыкающееся. Я не могу выносить предательства!

— Я тоже,— развязно согласился Терье.— Этот человек, конечно, заслуживает ваше полное презрение, но я надеюсь, что ради дипломатических соображений вы найдете в себе силы говорить с ним. Поверьте мне, если он обманул вас, то насколько скорее обманет он Симса и Уарда! Представься только ему возможность получить вас без их помощи,— он в ту же минуту изменит им. Я уже думал, не навести ли его на мысль овладеть кораблем силой и вернуть вас в Сан-Франциско или, еще лучше, в какой-нибудь ближайший цивилизованный порт? Вы могли бы, как бы от себя, посоветовать ему такой план действия. Скажите ему, что вы думаете, что я соглашусь помочь этому предприятию. Я могу ручаться за поддержку нескольких матросов; нас будет достаточно для того, чтобы вырвать бригантину из рук ее теперешнего начальства.

— Хорошо, я обдумаю ваше предложение, мистер Терье,— ответила Барбара.— Во всяком случае, от всей души благодарю вас за вашу великодушную помощь и за дружбу ко мне. Я так нуждаюсь в друге среди этой массы врагов... Что такое, мистер Терье? В чем дело? — вскричала девушка, видя, что ее собеседник внезапно изменился в лице.

В то время как штурман разговаривал с Барбарой, он случайно взглянул на юго-запад.

— Посмотрите на эту тучу там вдали, мадмуазель,— ответил он.— Будет сильный ураган. Он разразится через несколько минут.

С этими словами он схватил ее под руку и сказал:

— Спуститесь пока вниз!

VII

БУРЯ И ПАНИКА

Буря, налетевшая на «Полумесяц», застигла корабль врасплох. Еще за несколько минут до того небо было по-видимому совершенно чистое. По крайней мере, и вахтенный и рулевой клялись всеми богами, что они осматривали горизонт за полминуты до того, как второй штур-

ман Терье выскочил из каюты, как сумасшедший, с громкими криками: «Все на палубу!» и отрядил одного из матросов предупредить капитана о надвигающейся опасности.

Еще до прихода шкипера на палубу Терье выслал всю команду на мачты, чтобы убрать паруса. Но, хотя экипаж работал с отчаянной энергией обреченных людей, их усилия увенчались только частичным успехом.

Небо и море слились в зловещий желтый фон, на котором неслась черная туча. Она как бы стлалась над самой водой и непомерно росла с каждым мгновением. За первым глухим стоном последовал мрачный тягучий рев.

Затем внезапно ураган обрушился на «Полумесяц» и сорвал еще не убранные паруса с такой легкостью, как будто они были из тонкой бумаги. С треском переломилась главная мачта в десяти футах от основания и рухнула с развеивающимися парусами, реями и снастями на палубу. Грохот падения заглушил на мгновение рев тайфуна.

Почти половина команды погибла при этом первом порыве урагана: часть матросов, работавших на вантах, оказалась сброшенной в море, а часть была придавлена тяжестью мачты, упавшей на палубу. Шкипер Симс бегал взад и вперед, сыпя проклятиями, на которые никто не обращал внимания, и отдавал какие-то приказания, которые некому было выполнить.

Терье взял на себя наблюдение за люками. Уард с горстью матросов, вооруженных топорами, торопливо разрубал обломки упавшей мачты; зазубренный конец ее с такой силой колотил о борт корабля, что можно было опасаться, что он прорванит в нем дыру.

С неимоверной трудностью удалось бросить якорь в разъяренный океан, волны которого как будто кипели, вздымались с каждой минутой все выше и выше и достигли каких-то чудовищных размеров.

Это слабое средство, которое в лучшем случае могло держать нос корабля по ветру, спасало его от немедленного затопления. Но Терье считал его только печальным продлением агонии, предшествующей неизбежному концу.

Второй штурман твердо верил, что ничто не может спасти их, и не он один думал так. И Симс, и Уард, и каждый опытный моряк на корабле чувствовал, что вопрос

идет о нескольких часах, а быть может даже минутах жизни; да и менее опытные тоже были уверены, что каждая последующая волна может захлестнуть корабль и команду.

Сделалось совсем невозможным оставаться на палубе. Через нее почти беспрестанно перекатывались во всю длину корабля тяжелые, как горы, валы. Матросы старались в промежутках между волнами перебежать вниз. Всякое подобие дисциплины исчезло. Это было стадо насмерть перепуганных людей, потерявших человеческий облик, которые с воплями дрались у входов с теми, которые уже были внизу и не позволяли открывать люки.

Уард и шкипер Симс были одни из первых спасшихся вниз в каюту. Из начальства один Терье оставался до конца на своем посту. Теперь он прилагал все усилия к тому, чтобы спасти как можно больше матросов, не теряя при этом корабля.

Вход в главные каюты был доступен только в промежутках между перекатами волн; к переднему люку уже нельзя было пробраться, и его с большим трудом закрыли после того, как туда спаслись еще трое матросов.

Билли Байрн стоял рядом с Терье. Это была его первая буря. Никогда не приходилось ему видеть смерть в образе разнуданной стихии.

На глазах у него грубые хвастливые буяны превратились в бледных трусов, обезумевших от страха, которые дрались, чтобы перелезть друг через друга и пробраться в нижние каюты. Он видел, что один штурман остался на своем посту, отгоняя матросов от люков и пропуская их, когда он находил это нужным.

Билли стоял как бы в стороне и не принимал участия в испуганной суетне своих товарищей. Когда Терье случайно взглянул в его направлении, он приписал неподвижность Байрна его испугу.

«Кажется, парень совсем обалдел от страха», — подумал он. — «Такой же, как и все ему подобные: крикун, а в душе трус».

В это время на бригантину обрушилась огромная волна, за которой неожиданно последовала другая, меньших размеров. Она захватила Терье врасплох, сшибла его с ног и с силой отбросила к шпигелю. Здесь он застрял, окровавленный и оглушенный.

Следующая волна должна была смыть его через борт.

Оставшись без присмотра, остаток команды опрометью бросился к люкам, давя друг друга, и скрылся внизу. На палубе остался один Билли, который попеременно глядел то на распростертую фигуру штурмана, то на открытый люк.

Если бы кто-нибудь увидел его в эту минуту, то вероятно подумал бы, что он весь охвачен ужасом надвигающегося конца; но это было далеко не так. Билли с беззаботным любопытством дикаря любовался на развертывающуюся перед ним трагедию. Очнется ли штурман настолько, что сможет добраться до люка раньше, чем следующая волна перекатится через палубу? Это было в высшей степени интересно.

Волна налетит уже в следующую минуту... Билли посмотрел на открытый люк, ведущий в каюты. Нет, так нельзя: каюта будет затоплена водой, если оставить люк открытым. Билли бережно его закрыл.

Затем он снова взглянул на Терье. Штурман как раз начинал приходить в себя, а волна уже поднималась.

Что-то шевельнулось внутри Билли Байрна и заставило его действовать быстро и почти инстинктивно. Он сделал то, на что никто не мог считать его способным, сам Билли — еще менее других.

Терье через силу пополз по палубе. Было совершенно очевидно, что до люка ему не добраться. Волна уже поднялась. Через минуту она перекатится через Билли и смоет Терье в кипящую пучину океана.

Билли вдруг бросился к человеку, принадлежавшему к классу, который он так ненавидел. Огромная волна обрушилась на них и придавила их к палубе. Минуту они были скрыты бурлящим потоком, а затем, когда «Полумесяц» вынырнул и стряхнул с себя воду, они опять показались: Терье был наполовину перекинут за борт корабля, но Байрон крепко держал его одной рукой, в то время как другой он судорожно цеплялся за огромные планки шкафута.

Ему удалось оттащить штурмана на палубу, а затем медленно, с бесконечными трудностями, подползти с ним к люку. Он протолкнул Терье в отверстие, сам прыгнул за ним и захлопнул люк как раз в ту минуту, когда новая волна хлынула на палубу бригантины.

Терье был сильно разбит, но в сознании. Когда они

оказались лицом к лицу в каюте, штурман посмотрел на Байрна.

— Не понимаю, почему вы это сделали? — проговорил Терье в изумлении.

— Я и сам не понимаю, — просто ответил Билли.

— Я не забуду вам этого, Байрн.

— Чтоб тебе ни дна, ни покрышки! — не выдержал тут спаситель.

Билли был совершенно сражен своим поступком. Он смотрел на него совсем не как на геройство, а как на глупый, непроходимо глупый поступок, которого ему придется стыдиться.

Подумать только! Спасти жизнь человеку, который принадлежал к проклятым буржуям!

Билли был страшно недоволен собою.

Терье со своей стороны был изумлен неожиданным геройством матроса, которого он всегда считал трусом и негодяем. Теперь он оказывался в огромном долгу перед этим человеком и решил отплатить ему, насколько это было в его силах.

Все мысли об отмщении за прежнее нападение Билли отошли теперь на задний план; он смотрел на него, как на истинного друга и союзника.

* * *

Три дня беспомощно носился «Полумесяц» по бушующим волнам разъяренного океана. Никто на борту не питал ни малейшей надежды на то, что корабль переживет бурю. Но на третью ночь ветер стих, а к утру море успокоилось настолько, что матросы отважились выйти наверх.

Здесь они увидели, что с палубы все было начисто смыто. К северу от них, на расстоянии одной или двух лиг¹, голубела земля. Продолжайся буря еще несколько часов, корабль разбился бы о берег.

Как только смерть перестала угрожать матросам, к ним сразу вернулась их прежняя самоуверенность.

Шкипер Симс уже хвастался, что морское искусство спасло «Полумесяц» от гибели. Под «морским искусством» он подразумевал, конечно, свой собственный талант мореплавателя. Уард проклинал судьбу, которая в

¹ Лига — расстояние в три географических мили.

такой важный момент привела корабль в негодность, и обдумывал в своем злобном уме различные планы, как бы извлечь выгоду для себя из этого несчастья.

Билли Байрн, сидя за кухонным столом, шептался с поваром Бланко. Эти достойные представители судовой команды составляли план набега на запасы водки, хранящейся у шкипера. Они надеялись воспользоваться предстоящей высадкой.

«Полумесяц» шел к земле, тяжело раскачиваясь в обе стороны. Несмотря на это, даже Барбара Хардинг, которой наскучило заключение в душной каюте, рискнула выйти на палубу, чтобы подышать чистым воздухом.

Едва она показалась наверху, как Терье поспешил к ней.

— Как приятно,— воскликнул он,— видеть вас опять на палубе, мисс Хардинг! Я не могу найти слов, чтобы выразить вам свои чувства. Мне было так жаль вас, когда я думал, что вы были совершенно одна в эти страшные дни! Нам пришлось пережить настоящий кошмар. Никто из нас не думал, что корабль выдержит такую сильную и продолжительную бурю. Нам очень посчастливилось, что мы так легко отделались.

— Легко? — переспросила Барбара Хардинг, с печальной улыбкой оглядывая пустую палубу «Полумесяца». — Я не вижу, чтобы мы легко отделались, и даже что вообще отделались. У нас ни мачт, ни парусов, ни шлюпок, и, хотя я не много смыслю в морском деле, но все-таки понимаю, что нам вряд ли удастся высадиться на этот скалистый берег. Теперь ветер стих, но, если он снова поднимется, то очень возможно, что нас снова унесет в открытое море или наоборот прибьет к берегу, и корабль разобьется вдребезги об эти страшные скалы.

— Вижу, что вы слишком хороший моряк для того, чтобы вас можно было обмануть сомнительными надеждами,— засмеялся Терье.— Но вы должны принять во внимание мою добрую волю: я просто хотел несколько осветить ваше мрачное настроение. Однако, по совести говоря, я все же думаю, что мы сможем найти какой-нибудь способ высадиться, конечно при условии, если море будет спокойно. Мы теперь на расстоянии какой-нибудь лиги от берега. С помощью запасной мачты и запасных парусов, которые матросы устанавливают под руководством мистера Уарда, мы сможем высадиться

при легком вечернем ветре. Берег кажется отсюда не-проступным, но я уверен, что найдется место, где нам удастся пристать.

— Будем надеяться, что вы правы, мистер Терье,— ответила девушка,— но меня это ничуть не успокаивает. Ведь на сушу мое положение будет еще хуже, чем на «Полумесяце». Матросы страшно распустятся, дисциплина наверное падет; негодяи будут способны на все. Откровенно говоря, мистер Терье, высадка на берег меня больше пугает, чем все ужасы урагана, которые мы только что пережили.

— Вам нечего опасаться на этот раз, мисс Хардинг,— сказал француз.— Я предполагаю, как только мы покинем «Полумесяц», ясно дать понять всем, что беру вас под свою защиту. Я могу рассчитывать на помощь некоторых матросов. Даже мистер Дивайн не осмелится протестовать против этого. Мы сможем разбить собственный лагерь отдельно от шкипера Симса и его партии, и вы будете постоянно под моей охраной до тех пор, пока не придет помощь.

Барbara Хардинг внимательно смотрела в лицо Терье, пока он говорил. Воспоминание о его всегдашней предупредительности и о почтительном обращении с ней во время мучительных недель ее плена содействовало тому, чтобы изгладить инстинктивное недоверие, которое она чувствовала к этому человеку в первые дни знакомства. Терье один сошел в каюту к вооруженному и взбешенному Байрну,— и это окружало его облик ореолом романтизма, что неминуемо должно было очаровать американку типа Барбары Хардинг.

Она не забыла огонек, который зажегся в его глазах, когда она оказалась запертой с ним в каюте. Ни одна девушка не могла ошибиться насчет этого выражения, и то обстоятельство, что он сумел тогда подавить в себе страсть, ясно говорило ей о благородстве его натуры.

Поэтому она радостно отдала себя под защиту Анри Терье, графа де-Каденэ, второго штурмана «Полумесяца».

— О, мистер Терье,— воскликнула она,— если вам это удастся устроить, как я облегченно вздохну! Я буду почти счастлива. Как смогу я отблагодарить вас за все, что вы для меня сделали?

Снова увидела она, как в глазах Терье вспыхнул

огонек — огонь любви, который ему все труднее становился подавить.

Барбара сочла, конечно, что это самая возвышенная любовь, но выражения любви и сладострастия так похожи, что нужна большая опытность, чтобы их различить, а Барбара опыта не была...

— Мисс Хардинг,— сказал Терье, и по голосу его было видно, что он с трудом сдерживал свое волнение,— не спрашивайте меня теперь, как вы можете отблагодарить меня; я...

Но тут он запнулся и остановился. С явным усилием воли он овладел собою и продолжал:

— Я достаточно вознагражден тем, что могу служить вам и завоевать ваше уважение. Я знаю, что вы сомневались во мне, что вы подозревали меня из-за моего участия в несчастном деле с «Лотосом». Когда вы мне скажете, что вы больше во мне не сомневаетесь, что вы готовы смотреть на меня, как на друга, я буду с лихвой вознагражден за все, что мне удастся сделать для вашей безопасности.

— Тогда я могу теперь же частично отблагодарить вас,— сказала девушка, улыбаясь.— Вы обладаете моей дружбой и вместе с тем, конечно, и моим полным доверием — это я вам говорю от чистого сердца. Правда, вначале я в вас сомневалась; но ведь я сомневалась в каждом, кто имел отношение к «Полумесяцу». И как могло быть иначе? Но теперь, мне кажется, я в состоянии отличить друзей от врагов. К числу друзей я могу здесь причислить только вас, только вас одного считаю я здесь своим другом!

Терье стало как-то неловко, и он робко посмотрел на протянутую ему руку. В словах и жесте девушки было столько искреннего доверия и сердечной теплоты, что в его душе зазвучали какие-то струны, не звучавшие уже много лет.

Внезапно Терье выпрямился во весь рост. Он высоко поднял голову и сжал своей загорелой рукой изящную ручку девушки.

— Мисс Хардинг! — сказал он.— У меня была тяжелая, горькая жизнь. Я не всегда мог гордиться тем, что я делал, но все же были времена, когда я вспоминал, что я внук одного из величайших маршалов Наполеона и что я ношу имя, которое пользовалось почетом у великой французской нации. Ваши слова как раз пробудили во

мне это чувство. Я надеюсь, мисс Хардинг, что вам никогда не придется пожалеть о том, что вы их произнесли.

Терье говорил в эту минуту совершенно искренне; он говорил то, что думал.

Девушка некоторое время не отнимала от него руки и, посмотрев ему в глаза, она прочла в них прямоту, честность и чистоту, которые показывали, что Терье мог бы быть совсем иным человеком, если бы его жизнь потекла по другому руслу. В эту минуту, неожиданно для нее самой, в уме Барбары возник вопрос, заставивший ее слегка покраснеть и быстро отдернуть свою руку.

Мимо них, тяжело ступая, прошел Билли Байрн и с глубоким презрением посмотрел на обоих.

То обстоятельство, что он спас жизнь Терье, нисколько не увеличило его расположения к штурману. Он все еще не мог понять, чего ради совершил он тогда этот дурацкий поступок; и двое матросов почувствовали на себе тяжесть его кулака, когда они вздумали было восхвалять его геройство. Билли был уверен, что они над ним издеваются.

О мужском достоинстве он неизменно судил с точки зрения кодекса чести Лэк-стрит, и по его мнению, если он совершил геройский поступок, то это было, когда он пнул лежачего Терье ногой в лицо.

Его выводило из себя, что девушка, перед которой он так блистательно продемонстрировал свое превосходство над штурманом, продолжает благосклонно относиться к Терье.

Билли ни за что не сознался бы самому себе, что ему страшно хотелось, чтобы девушка относилась благосклонно к нему. Правда, такая мысль привела бы его в дикую ярость; однако факт был на лицо: Билли почувствовал острое желание убить Терье, когда он увидел его в интимной беседе с Барбарой Хардинг. Почему это было так, он сам не мог бы объяснить.

Билли мало занимался самоанализом, да и вообще думать не привык. Его мускулы были тренированы для борьбы, но мозг никогда не тренировался для размышления. Билли действовал всегда под влиянием инстинкта, а не рассуждения, и ему было трудно понять причины своих поступков и своих настроений. Впрочем, сомнительно, чтобы он когда-нибудь пытался разбираться в своих чувствах...

Как бы то ни было, Терье и не предполагал, как он близок к смерти в эту минуту... На его счастье, его подозревал шкипер Симс, и это спасло ему жизнь.

Тогда Билли Байрн подошел к девушке. В его душе бушевала ярость и ненависть, и, когда она обернулась, услышав его шаги, она тотчас прочла на его хмуром лице отражение этих чувств.

VIII

ПРОХОД В СКАЛЕ

Барbara Хардинг взглянула в лицо Билли Байрна и поняла, что ей грозит серьезная опасность. Она не могла себе объяснить, почему ее так ненавидел этот матрос; но каждая складка его угрюмого лица говорила о беспощадной ненависти.

Минуту он стоял молча, пристально глядя на нее, затем заговорил глухим голосом:

— Не так я глуп, чтоб не видеть, что ты снюхалась с этим молодчиком. Но я тебе говорю одно — не вздумайте замышлять что-нибудь против меня! Вам и вдвоем Билли Байрна не провести! Уж я буду следить за вами. Ведь только из-за тебя, черт тебя подери, потерпели мы это проклятое крушение! Ты одна виновата во всех моих неприятностях. Нужно было пристукнуть тебя,— и тогда все пошло бы гладко. С каким удовольствием треснул бы я тебя по башке, чтобы ты подохла, проклятая ты... ты...

Билли не мог найти подходящих слов.

К его удивлению, девушка не проявила ни малейшего признака страха. Она продолжала держать голову так же прямо, как и раньше, и не отвела своих спокойных глаз от его свирепого взгляда.

Презрительная усмешка скользнула по ее губам.

— Мерзавец! — спокойно проговорила она.— Оскорблять женщину и угрожать ей — это ваше дело! В сущности, вы просто убийца из-за угла. Вы убили на «Лотосе» человека, в мизинце которого было больше мужества, чем во всем вашем огромном неуклюжем теле. Вы только и способны нападать сзади или когда застаете вашу жертву врасплох, как это было недавно с мистером Терье. И вы думаете, что я вас боюсь? Что я боюсь подлой твари, способной ударить ногой в лицо лежачего челове-

ка? Убить меня вы, конечно, можете. На это у вас, пожалуй, и храбрости хватит — ведь со мной справиться не трудно! Но, хотя вы и можете убить меня, вы ни за что не заставите меня выказать перед вами страха. А ведь этого-то вы как раз и желаете. Это ваше понятие о мужестве и силе!

Я никогда не воображала, что на свете существуют такие типы, как вы, хотя я и читала про таких, мистер Байрн. Вы принадлежите к тем, кого в больших городах называют «хулиганами». Я никогда не задумывалась над ними, а теперь понимаю, что настоящий мужчина — джентльмен — может чувствовать к таким, как вы, только презрение и отвращение.

В то время, как она говорила, глаза Билли сузились и брови нахмурились, но не от злобы. Он думал...

Он думал в первый раз в жизни о том, каким он кажется со стороны. Никогда ни один человек не высказал ему так хладнокровно и так сжато, что он о нем думает.

Люди его сорта часто давали ему в сердцах разные гнусные эпитеты и ругали его всячески. Но эта девушка говорила без раздражения, и описание было ясно и картиенно. Она объяснила ему причину своего презрения, и каким-то образом это презрение стало ему понятно.

Зная Билли Байрна, можно было наверняка ожидать, что, взбешенный безжалостной критикой девушки, он грубо набросится на нее... Но он этого не сделал. Казалось, что злобу его как рукой сняло.

Он стоял и пристально глядел на Барбару Хардинг,— это была одна из его странностей: он мог, не мигая, упорно смотреть в глаза другому,— и в это время в нем произошла какая-то перемена. Он неожиданно увидел, то, что он отказывался видеть раньше,— прекрасную, храбрую девушку, без страха ожидающую его нападения.

Хотя Билли Байрн считал, что он все еще ненавидит ее, но он почувствовал, что у него не подымутся на нее руки и что он вряд ли сможет теперь поднять руку и на других женщин.

Почему произошла эта перемена, Билли не знал; он просто чувствовал, что это так. Проворчав что-то себе под нос, он круто повернулся к ней спиной и отошел.

Пронеслись первые порывы легкого юго-западного ветра; все матросы занялись установкой запасной мачты и парусов, чтобы воспользоваться им и постараться пристать к берегу, который круто поднялся над

поверхностью океана в трех милях от «Полумесяца».

Ветер крепчал. Небольшой временный парус надулся, и «Полумесяц» тяжело двинулся вперед.

— Мы должны найти как можно скорее место для высадки,— сказал шкипер Симс косоглазому Уарду,— или мы разобьемся вдребезги об эти скалы.

— Так это и будет, если ветер будет крепчать,— ответил Уард.— К этому берегу так же легко пристать, как к неприступной крепости.

И действительно, когда «Полумесяц» приблизился к сплошной гряде скал, падающей отвесной стеной в море, стало казаться совершенно безнадежным найти место, куда могла бы ступить человеческая нога.

На расстоянии четырехсот футов от берега сделалось очевидным, что о высадке в этом месте нечего и думать, а потому курс корабля был изменен. Его старались держать параллельно берегу, надеясь найти небольшую бухту или песчаную отмель, где можно было бы произвести высадку.

Ветер неуклонно крепчал и вздыпал свирепые буруны, которые с шумом разбивались о скалистый барьер острова. Попасть в эти страшные волны означало бы немедленную гибель корабля и всей его команды. Потрепанная прошедшим ураганом бригантина почти не слушалась руля, и ее все время относило к берегу. Матросы стояли, столпившись на корме, вдоль правого борта судна. Двое матросов находились у рулевого колеса под невежественным руководством шкипера Симса и делали, что могли; Уард и Терье с горстью людей наблюдали за жалким парусом и время от времени изменяли его положение, стараясь еще на некоторое время удержать корабль от столкновения.

«Полумесяц» был очень близко от скал, когда на расстоянии едва ли ста саженей впереди его носа показалась узкая расселина, в которую море вливалось длинными волнами. Волны катились обратно, так что у входа в пролив бурлил водоворот с высоко вздымающейся пеной.

В обычных условиях было бы верхом безумия пытаться провести корабль в этот проход. Никто не знал, что находилось внутри и было ли там достаточно воды для корабля, хотя большие волны, вкатывавшиеся в проход, свидетельствовали о значительной глубине.

Шкипер Симс, увидя выросшие перед ним мрачные

утесы, понял, что ничто теперь не сможет спасти корабль от гибели. Трус в душе, он в этот критический момент своей жизни потерял всякую власть над своими нервами.

Выскочив из рулевой рубки на палубу, он стал метаться по палубе, как загнанный заяц, дико взывая о помощи и обещая сказочную награду тому, кто доставит его невредимым на берег.

Вопли обезумевшего от страха капитана страшно подействовали на большую часть экипажа. В одну минуту буяны с «Полумесяца» превратились в стадо воющих от ужаса жалких людей.

Барбара Хардинг, стоя у трапа, смотрела на эту отвратительную сцену. Ее губы кривились презрительной усмешкой при виде сильных мужчин, которые плакали от страха и думали каждый только о собственном спасении. Косоглазый Уард с остервенением выламывал крышку люка. Он, очевидно, хотел воспользоваться ею для своего спасения после того, как «Полумесяц» ударится о скалы. Выломав крышку, он привязал к ней веревки и потащил ее к левому борту корабля, подальше от берега.

Ларри Дивайн скорчившись сидел у каюты и жалобно плакал. Симс, обезумевший от ужаса, все еще метался по палубе. Оба рулевых покинули свой пост. Почти немедленно вслед за этим «Полумесяц» круто повернулся носом к скалам. Но, едва только рулевые дошли до палубы, как Терье подскочил к колесу и занял их место.

Со страшными усилиями поворачивал он тяжелый руль. Барбара видела, что он единственный из всех на бригантине что-то делал, чтобы спасти корабль. Как ни жалки были усилия этого человека, они свидетельствовали о его хладнокровии и мужестве.

При виде того как он храбро боролся со смертью, несмотря на всю безнадежность положения, девушка почувствовала как бы некоторую гордость. Вот это настоящий мужчина!

И он любил ее — в этом она была уверена...

Отвечала ли она на его любовь или нет, но ее место сейчас возле него. Она должна была помочь ему, насколько могла.

Барбара быстро подбежала к рулевой будке. Терье улыбнулся ей.

— Я опасаюсь, что надежды мало,— сказал он,— но

буду спокойно бороться до последней минуты, не так, как эти презренные трусы.

Девушка не ответила, она схватила спицы тяжелого колеса и напрягла всю свою силу, чтобы помочь штурману. Терье не отговаривал ее бросить этот утомительный труд — каждый золотник силы мог иметь значение, а в мозгу Терье зародился безумный план, который он и старался привести в исполнение.

— Что вы хотите сделать? — задыхаясь от волнения, спросила девушка.— Проскочить в проход между скал?

Терье молча кивнул головой.

— Вы считаете меня сумасшедшим? — спросил он.

— Только отважный человек мог решиться на такой план,— ответила она.— Как вы думаете, сможем ли мы направить корабль?

— Сомневаюсь,— ответил Терье.— Если бы с нами у руля был еще мужчина, то, пожалуй, и смогли бы.

Под ними взад и вперед вдоль палубы, на стороне, противоположной от берега, метался в панике экипаж «Полумесяца». Матросы дрались друг с другом из-за каждого куска дерева и за обрывки веревок.

Гигантская фигура чернокожего повара Бланко возвышалась над другими. В его руке был огромный кухонный нож. Когда он замечал кусок дерева в руках другого, он набрасывался на беспомощную жертву, угрожая ей ножом. Ему удалось набрать таким образом материал для плота.

Только один человек не обезумел от страха. Это был огромный парень, который стоял, прислонившись к кабестану, с некоторым удивлением и презрительной усмешкой смотревший на беснование своих товарищей. Барбара Хардинг случайно посмотрела в его сторону; в ту же минуту и он случайно взглянул на рулевую будку; их взгляды встретились: это был Билли Байрн.

Девушка изумилась: он, этот отъявленный трус, не выражал теперь признаков страха! Очевидно, ужас совсем парализовал его...

Как только Билли увидел Терье и Барбару в рулевой будке, он быстро побежал к ним. При его приближении девушка невольно прижалась к Терье.

Какую новую наглость замышлял он против нее?

Его хмурое лицо имело обычное мрачное выражение. Он тяжело опустил руку на плечо девушки и заорал:

— Убирайся отсюда! Это не дело для девки.

Резко оттолкнув Барбару в сторону, он занял ее место у колеса.

— Хорошо, что вы пришли, Байрн,— воскликнул Терье.— Мне вас до зарезу нужно было.

— Чего же вы меня не позвали? — проворчал Билли.

С помощью геркулесовских мускулов Байрна удалось повернуть «Полумесяц» так, что он снова встал почти параллельно скалам. Но за это время его так сильно отнесло к берегу, что Терье почти не надеялся на удачу своего плана: он хотел попытаться подвести корабль к проходу, затем повернуть его и гнать судно прямо в бурлящие воды протока.

Они достигли расселины, темневшей между гигантскими скалами, и им открылся вид, давший им новую надежду: за проливом синела небольшая бухта с отлогим, песчаным берегом, о который волны ударялись с меньшей силой.

— Можете вы на минутку справиться один, Байрн? — спросил Терье.— Мы должны будем сделать сейчас поворот и мне нужно убрать паруса. Как только вы увидите, что парус срезан,— поворачивайте руль на штирборт. Я думаю, корабль послушается; тогда держите нос прямо на этот проход. Конечно, это один шанс из тысячи, но другого исхода у нас нет. Идет?

— Ступайте,— был лаконический ответ.

Как только Терье отошел от колеса, Барбара Хардинг подошла к Байрну.

— Дайте, я помогу вам,— сказала она,— каждая лишняя рука может оказать пользу.

— А, черт! — огрызнулся Билли.— Мне юбки не нужны.

Девушка вспыхнула и отошла. Отвернувшись от Байрна, она стала следить за Терье, который стоял на готове, чтобы срезать парус в нужный момент.

Судно было теперь против самой расщелины. Терье уже привязал новый парус. Затем он быстро срезал старый.

Билли навалился на руль и повернул его на штирборт. Нос бригантины послушно направился к скалам. Парус надулся, и, минуту спустя, корабль помчался вперед.

Шкипер Симс заметил действия Терье только тогда, когда было уже слишком поздно, чтобы ему помешать, и бросился, как сумасшедший, к своему подчиненному.

— Идиот! — завопил он.— Идиот! Что же вы делаете? Вы ведете нас прямо на скалы! Вы губите нас!

С этими словами, он с бешеною яростью набросился на штурмана и свалил его на палубу.

Барбара Хардинг видела нападение обезумевшего от страха капитана, но не могла ему помешать. Билли тоже видел его и только ухмыльнулся. Вот здорово, если эти двое сцепятся не на шутку! Ну и зрелище! Жаль вот только, что он сам не может принять участие в драке. Этот проклятый руль еле слушается. Билли не может даже как следует полюбоваться дракой. Нужно в оба смотреть на узкий проход, к которому «Полумесяц» летит со все возрастающей скоростью.

Остальные члены команды тоже пропустили интересный момент борьбы между двумя начальниками, которая в другое время немало бы их потешила. Они стояли у борта и горящими глазами смотрели на бурный канал, к которому неслась бригантина. Они увидали то, что проглядел шкипер Симс,— бухту позади прохода, бухту, которая представляла шанс на спасение, если бы смелый план удался.

Билли Байрн все еще стоял у руля, с непреклонной решимостью напрягая свои гигантские мышцы. За ним стояла Барбара Хардинг, которая попеременно смотрела то на Терье и Симса, то на Билли, то на ревущий водоворот впереди.

Несмотря на опасность момента, она невольно подумала о странных противоречиях в характере дюжего молодого разбойника, стоящего на руле: после целого ряда подлых и трусливых поступков, он вдруг оказывался способен на удивительное хладнокровие и мужество. Теперь, глядя на него, она в первый раз заметила его львиную голову и правильные черты его лица. Но она вспомнила о бедном Билли Мэллори, о подлом ударе, нанесенном бесчувственному Терье, и, содрогнувшись от отвращения, отвернулась.

Терье в это время удалось подмять под себя Симса, но тот все еще цеплялся за него с отчаянием тонувшего человека.

В этот момент огромная волна подхватила «Полумесяц» и, по-видимому, должна была отнести его прямо в проход. Ветер крепчал; бригантина неслась, как конь, закусивший удила. Куда мчалась она? К гибели или к спасению? Никто не мог этого предугадать.

В середине прохода волна опустила корабль, и он с ужасным хрустом ударился серединой киля о подводный риф. Его корпус раскололся надвое, как ореховая скорлупа. В один миг все очутились в воде.

От сильного сотрясения Барбара Хардинг была со страшной силой сброшена с палубы. Бурлящие воды потока поглотили ее. Она знала, что ей спасения быть не могло; только самые сильные пловцы могли надеяться справиться с водоворотом и достигнуть берега бухты. Девушке об этом нечего было и думать.

Началась отчаянная борьба с огромными волнами, которые кружили ее туда и сюда, то отбрасывая ее почти к самым стенам прохода, то относя к середине бешеного потока. «О, если бы Терье был около нее». Если кто-нибудь мог ее спасти, то это был он!

С тех пор как Барбара поверила в дружбу искренность второго штурмана, у нее появилась некоторая надежда на избавление от плена, а вместе с тем проснулось и желание жить, совсем отсутствовавшее в первые недели ее пребывания на «Полумесяце».

Теперь она боролась изо всех сил, но скоро почувствовала, что изнемогает. Ее усилия становились все слабее и слабее; наконец, видя всю бесполезность своих усилий, она почти перестала двигаться.

Но в эту минуту ее вдруг подхватила какая-то сильная рука. Она оказалась переброшенной через широкое плечо и быстро ухватилась за грубую рубаху, покрывавшую спину ее спасителя. В продолжение нескольких минут, показавшихся ей часами, пловец неутомимо и упорно пробивался к песчаной отмели — и наконец достиг ее, неся в своих руках бесчувственную девушку.

Когда он, шатаясь, вышел из воды и ступил на берег, Барбара Хардинг открыла глаза и с изумлением увидела перед собою лицо Билли Байрна.

IX

НА ОСТРОВЕ САМУРАЕВ

Только четыре матроса погибли при крушении. Вся команда толпилась на носу, и, когда судно раскололось, люди были отброшены далеко вперед и оказались недалеко от берега бухты.

К Ларри Дивайну, который с тех пор как корабль был

обречен на гибель, сидел на палубе и хныкал, сразу вернулась его обычная самоуверенность. Шкипер Симс, подавленный в первую минуту, тоже очень скоро принял начальнический тон.

Он грубо обрушился на Терье, обвиняя его в гибели «Полумесяца».

— Если мы когда-нибудь доберемся до цивилизованного мира,— орал он,— я притяну вас к суду, жалкая вытряпка! Погубить такое судно после того, как оно выдержало трехдневный штурм! Если бы вы не взбунтовались против меня, я провел бы корабль целым как стеклышко и не потерял бы ни единой души из моего экипажа.

— Стоп! — остановил его Терье.— Ваше бессмысленное хвастовство не изменит факта: вы дезертировали с вашего поста во время опасности. Помните, что мы теперь на берегу и что у вас нет корабля, на котором вы могли бы распоряжаться. Будь я на вашем месте, я осторожнее говорил бы с людьми, высшими по положению.

— Это еще что такое? — завопил шкипер.— С людьми, высшими по положению? Ах, вы, несчастная кикимора! Вот подождите! Эй, сюда! — заорал он, обращаясь к матросам.— Закуйте этого молодчика в кандалы. Я ему покажу, что я все еще капитан над всей командой.

Терье расхохотался ему прямо в лицо; но Уард и двое матросов, которые всегда пользовались особым расположением шкипера, с угрожающим видом подошли к нему.

Тогда Терье понял положение вещей. На берегу в его услугах не нуждались и потому с удовольствием освободились бы от него...

Ну что ж, лучше сразу выяснить положение...

— Минутку,— сказал Терье, поднимая руку.— Живым вы меня все равно не захватите; да впрочем вы, пожалуй, этого и не хотите... Если же вы попытаетесь убить меня, то некоторые из вас умрут вместе со мной. Лучшее, что мы можем сделать, это — разойтись. Разделимся теперь же раз навсегда на две партии.

Он обернулся к Билли Байрну.

— Ну, как вы и другие, со мной или против меня? — спросил он.

— Я против Симса,— ответил Билли уклончиво.

Костлявый Сойер, Красный Сандерс, Бланко, Виль-

сон и еще два матроса придвинулись к Билли Байрну.

— Мы с Билли,— заявил Бланко.

Дивайн и Барбара Хардинг стояли несколько в стороне. Оба они были встревожены неожиданным оборотом, который приняли события.

Изо всей команды только Симс, Уард и Терье имели оружие. У каждого из них был за поясом револьвер. Со всех них еще текла вода после недавнего пребывания в море. На стороне Симса осталось всего пятеро матросов, зато у этой партии было два револьвера. Внезапно Уард повернулся к Дивайну.

— Мистер Дивайн, вы вооружены? — спросил он.

Дивайн утвердительно кивнул головой.

— Тогда идите на нашу сторону, вы можете нам понадобиться,— сказал Уард.

Дивайн колебался. Он не знал, чья сторона возьмет верх, и хотел действовать наверняка.

Внезапно его осенила блестящая мысль.

— Дело касается только офицеров корабля,— сказал он.— А я ведь пленник или, в лучшем случае, пассажир. Кто из вас победит — мне безразлично, и потому я не примкну ни к одной партии.

— Шалишь, примкнете! — произнес Уард глухим, угрожающим голосом.— Вы слишком крепко связаны с нами, голубчик, чтобы теперь отвiliвать. Если вы сейчас же не встанете на нашу сторону, мы будем смотреть на вас, как на мятежника, и поступим с вами сообразно с этим, как только расправимся с ними. А как мы поступим с ними, я думаю, вам не трудно догадаться!

Дивайн уже сделал несколько шагов по направлению к партии Симса, когда тихий голос девушки, стоящей за ним, остановил его:

— Ларри,— сказала она,— я знаю все. Я знаю, что вы участвовали в этом заговоре. Если в вас еще сохранилась искра чести, вы постараетесь как-нибудь загладить зло, сделанное вами мне и моему отцу. Замуж за вас я никогда не выйду. Даю вам честное слово, что я скорее лишу себя жизни. Значит, и мое состояние никогда не перейдет к вам. Бросьте о нем думать. Лучшее, что вы могли бы теперь сделать, это попытаться спасти меня из этого ужасного положения, в которое ввергла меня ваша алчность. Встаньте на сторону мистера Терье. Он обещал помочь мне и защитить меня.

Густая краска залила лицо и шею молодого человека.

Он не обернулся и не посмотрел в лицо девушки, спокойно говорившей эти страшные слова. Весь как-то съежившись, медленно, с низко опущенной головой подошел он к Терье.

Уард быстро сообразил, какой оборот приняли события: превосходство оказалось на стороне Терье; в его партии было два револьвера и девять человек против двух револьверов и семи человек партии капитана.

Очевидно, девушка будет тяготеть к той стороне. От него не ускользнули дружеские отношения, установившиеся между Терье и мисс Хардинг.

Уард знал трусость Симса, да и ему самому не слишком улыбалась перспектива рукопашного боя, который немедленно последовал бы, вздумай он поддерживать авторитет Симса.

Интриги и обман были более по душе мистеру Уарду. Поэтому, как только он увидел, что Дивайн решил присоединиться к противной партии, он быстро изменил план кампании.

— Я полагаю,— сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь,— что мы все немножко поторопились и горячимся понапрасну. Немудрено, что наши нервы еще взвинчены от всего, что нам пришлось пережить. Мне кажется, следует принять во внимание, что мистер Терье сделал все возможное, чтобы спасти корабль, и что нам посчастливилось остаться в живых. Бросим эти разговоры о том, что было, и постараемся лучше спасти от крушения, что возможно. Кроме того, нам предстоит найти пресную воду, разбить лагерь и устроиться. Это, ей богу, будет умнее, чем грызться друг с другом.

— Как вам угодно,— сказал Терье,— на м все равно.

И употреблением этих личных местоимений он как бы подчеркнул существование двух отдельных партий.

Симс, уже много лет знавший своего штурмана, привык соглашаться со всем, что бы он ни предлагал, хотя ленивый мозг его и не всегда понимал хитроумные планы Косоглазого. Поэтому и теперь он кивком головы одобрил его предложение.

— Допустим,— продолжал Уард,— что мы отрядим двух наших и двух ваших людей под начальством мистера Дивайна на поиски воды и места для лагеря; остальным будет здесь по горло работы со спасением частей корабля и груза.

— Хорошо,— согласился Терье.— Вы, Миллер, и вы, Свенсон, ступайте с мистером Дивайном.

Уард тоже отрядил двух матросов, и небольшая партия из пяти человек приступила к трудному восхождению на скалы, окружающие бухту.

* * *

Высоко над берегом, за группой кустов притаился невысокий коричневый человек, внимательно следивший за ними своими косо поставленными, блестящими глазами. Странные средневековые доспехи и два огромных меча придавали ему воинственный вид.

Волосы на висках его были сбриты, и по середине головы до самой макушки шла широкая бритая полоса. Остальные волосы были стянуты в косу, крепко перевязанную сзади и перегнутую вперед, так что она свешивалась над лбом. Бронзовый шлем лежал в траве у его ног.

Когда партия моряков приблизилась к вершине, человек в странных доспехах скрылся в лесу.

Это был Ода Иоримото, потомок могущественного даймио, бежавшего со своими верными самураями из Японии после свержения династии около трехсот пятидесяти лет тому назад.

Изгнанники укрылись на этом далеком и никому неизвестном острове. Они сохранили в полной неприкословенности дикую средневековую воинственность, усиленную еще первобытной свирепостью туземной расы, с которой они здесь смешались. Маленькая колония не только не прогрессировала в науке и искусстве, но даже пошла обратно в своем развитии и впала в такое же глубокое невежество, как туземцы, с которыми они связали свою судьбу. Только в военной организации, дисциплине и вооружении этих потомков древних японцев оказывалось еще влияние их культурных предков.

Это были жестокие, хитрые варвары. И во власть таких-то людей попали потерпевшие крушение с «Полумесяца»! Что могли сделать шестнадцать человек, вооруженных четырьмя револьверами, против тысячи диких самураев?

* * *

Терье, Уард, Симс и матросы, оставшиеся на берегу, деятельно занялись вылавливанием обломков и груза

«Полумесяца», прибитых волнами к отмелям бухты. Тут были и бочонки с пресной водой, и жестянки с бисквитами, и одежда, и консервированное мясо, и многие другие вещи.

Этот утомительный труд поглотил большую часть вечера. Не успели они закончить его, как Дивайн и его партия вернулись на берег.

Они донесли, что источник нашелся в трех милях к востоку от бухты и в полумиле от морского берега. Однако переноску вещей на место нового лагеря было решено начать только на следующее утро.

Терье и Дивайн построили грубый шалаш для Барбары Хардинг. Они поставили его у самого подножия скалы, насколько возможно дальше от воды.

За всеми их действиями пристально следили сверху черные сверкающие глаза Оды Иоримото, но теперь рядом с ним лежали еще шесть самураев.

Кроме двух мечей, самураи были вооружены еще примитивными копьями, какие были в ходу у диких туземных племен.

Ода Иоримото внимательно разглядывал белых мужчин на берегу. Он разглядывал также и белую девушку — может быть еще внимательнее, чем белых мужчин. Он видел, как строили шалаш и, когда его закончили, девушка вошла в него. Он понял, что шалаш предназначался для нее одной.

Тут Ода Иоримото причмокнул губами, и его узкие глаза еще больше сощурились.

Перед грубым жилищем, которое должна была занимать Барбара Хардинг, горел костер, а несколько дальше к западу был разложен второй костер побольше. Там собрались матросы, окружив повара Бланко, который старался смастерить ужин из разнообразной снеди, выброшенной на берег.

Матросы дружно сидели вместе, и ничто не указывало на то, что команда раскололась на две партии; но, как только ужин окончился, Терье отозвал своих сторонников и занял с ними место между шалашом Барбары и главным костром. Здесь он приказал им расположиться на ночь возможно удобнее и развести собственный костер, потому что с наступлением темноты холод тропической ночи давал себя чувствовать.

Все были до такой степени утомлены, что почти немедленно весь лагерь оказался погруженным в глубо-

кий сон. А на вершине скалы все еще лежал Ода Иоримото со своими самураями, устремив блестящие глаза на беззаботно спящую добычу.

Около часа сидел он в глубоком безмолвии, а затем, убедившись, что внизу все стихло, он встал и, шепотом отдав приказания воинам, начал спускаться к бухте. Он шел впереди, а за ним гуськом крались шесть самураев; но, едва они сделали несколько шагов, как Ода Иоримото снова остановился. Внизу под ним, в лагере, расположенном между шалашом девушки и западным костром, тихонько поднялась какая-то фигура.

Это был Терье. Он осторожно двинулся к спящему рядом с ним матросу и начал трясти его.

— Тише, Байрн! — шепнул француз. — Это я, Терье. Помогите мне разбудить других, только смотрите, не подымайте шума.

— В чем дело? — поинтересовался Билли.

— Мы снимаемся с лагеря сейчас и перейдем на новое место прежде, чем те, другие, проснутся,— прошептал в ответ Терье.— Конечно, мы захватим с собой и провизию и девушку.

Билли усмехнулся:

— Ловко! То-то похнычат утром!

Потребовалось очень немного времени, чтобы разбудить остальных, а когда им объяснили план, они все оказались в восторге натянуть нос шкиперу и Косоглазому. Было решено в первый переход захватить с собой только провизию, спуститься к бухте еще раз до наступления рассвета и уже тогда захватить одежду, брезент и канаты, которые были выловлены из моря.

Миллеру и Свенсону поручили идти в арьергарде с мисс Хардинг и помочь ей взбираться по отвесной скале. Дивайн должен был служить проводником и вести партию к ее новому лагерю; Терье брал на себя общее командование маленьким отрядом.

Вся партия, за исключением Дивайна, Миллера и Свенсона, осторожно поползла к небольшой груде запасов, сложенной в пятидесяти или шестидесяти футах от лагеря Симса. Остальные бесшумно двинулись к шалашу Барбары Хардинг.

Подойдя к нему, Дивайн начал царапать ногтями брезент, служивший дверью. А сверху Ода Иоримото пристально, не мигая, смотрел на непонятное движение, происходящее у бухты.

Девушка, спавшая беспокойным сном, сразу проснулась и, встревоженная, подошла к двери своего примитивного жилища.

— Это я, Ларри,— прошептал мужской голос.— Вы одеты?

— Да,— ответила Барбара и показалась в дверях, освещенная луной.— Что вам нужно? Что случилось?

— Я и Терье хотим увести вас от Симса,— ответил молодой человек,— и разбить собственный лагерь в безопасном месте, где они не смогут причинить вам зла. Терье и остальные матросы пошли за припасами и, как только они вернутся, мы начнем взбираться на скалы. Если вам нужно собрать кой-какие вещи, то, пожалуйста, сделайте это поскорее. Нужно очень спешить, а то, если проснется кто-нибудь из партии Симса, то нам без боя не обойтись.

В это время Терье, Байрн, Костлявый Сойер, Красный Сандерс, Бланко и Вильсон отбирали добро, которое они хотели унести с собою. Оказалось, что провианта столько, что унести его возможно только в два приема, а потому Терье послал Билли за Миллером и Свенсоном.

— Мы сперва все понесем наверх, сколько сможем,— сказал он,— спрячем там запасы и вернемся за остатком.

В то время как они ждали возвращения Байрна с двумя матросами, один из спящих в лагере Симса зашевелился.

Мародеры припали к земле и притаились за ящиками и бочонками. Терье присел таким образом, что мог следить за движениями неприятеля.

Человек, который зашевелился, приподнялся и оглянулся,— это был Уард.

Он медленно встал и пошел прямо к груде сложенных вещей. Терье вытащил свой револьвер. Если бы первый штурман взглянул по направлению к шалашу Барбары Хардинг, он обязательно увидел бы стоящие там четыре фигуры, освещенные лунным светом.

Терье сам повернул голову по направлению шалаша, чтобы убедиться, насколько ясно они видны. Он очень обрадовался, заметив, что не видно никого. Или они во время заметили Уарда, или из предосторожности встали за шалашом.

Уард подошел к ящикам со стороны противоположной той, где притаились мародеры. Терье держал палец

на курке револьвера. Он был уверен, что штурман разбужен произведенным ими шумом и отправился на разведку.

Терье знал, что он не удовлетворится обследованием одной стороны кучи припасов. Уарда самого ему не было жаль, но ему было досадно, что дело, которое он хотел выполнить спокойно и тихо, окончится битвой.

Уард остановился у одного из бочонков с водой. Он приподнял крышку, зачерпнул воды жестянной кружкой, выпил, поставил кружку обратно на верх бочонка и, повернувшись, спокойно пошел обратно к своему одеялу.

Терье поздравил себя с удачей. Уард ничего не подозревал! Его просто мучила жажда, и он пришел попить воды; через минуту он, вероятно, снова крепко заснет.

И действительно, прежде чем Байрн вернулся с Миллером и Свенсоном, Терье уже различил храп первого штурмана.

В первый подъем на вершину скалы всем восьмерым удалось перенести значительный груз; Дивайн оставался внизу, чтобы охранять Барбару Хардинг.

Второй подъем был совершен с таким же успехом. Ни одного звука не доносилось из неприятельского лагеря, за исключением храпа усталых людей. При втором подъеме Дивайн и Терье были тоже нагружены запасами, а Миллер и Свенсон шли сзади с Барбарой Хардинг. При их проходе Ода Иоримото со своими самураями бесшумно отошел в сторону и притаился в тени.

Терье спрятал первую часть добычи в расщелине утеса и закидал ее хвостом.

Все было выполнено по программе и сошло блестяще. Лагерь внизу продолжал лежать, погруженный в сонное молчание.

Дойдя до вершины, маленький отряд немедленно двинулся по направлению к новому лагерю. Дивайн показывал дорогу. Во время своей дневной разведки Дивайн нашел вдоль края скал хорошо протоптанную тропинку, а от нее отходила другая тропа к самому источнику.

По своей неопытности он принял их за звериные тропы, в то время как на самом деле это были дороги, проложенные туземными охотниками за черепами. Передвигаться по ним можно было сравнительно легко, но они

были так узки, что Терье не смог ходить взад и вперед по флангу своей небольшой колонны.

Он попробовал было, но это так мешало нагруженным людям, что он был принужден отказаться от этой попытки и шел в середине отряда, пока не достиг нового лагеря.

Здесь оказалось довольно большое открытое пространство, в центре которого выбивался прозрачный источник. На зеленой лужайке росло только несколько низких кустарников, а вокруг нее подымались сплошной стеной непроходимые заросли джунглей.

Матросы сложили припасы на землю, а Терье все стоял, поджиная замешкавшийся арьергард — Миллера и Свенсона с Барбарой Хардинг.

Но они не приходили.

Тревога Терье передалась и другим. Все бросились обратно по той дороге, по которой они только что пришли, и, когда они подошли к склону, ведущему к бухте, они должны были убедиться в страшной истине: Барбара Хардинг и оба матроса исчезли неизвестно куда.

X

ЕЩЕ РАЗ ПОХИЩЕНА

Когда Барбара Хардинг, с Миллером впереди и Свенсоном позади себя, последовала за нагруженным провизией отрядом, семь темных теней выпрыгнули из леса и бесшумно последовали за ними.

Около полутора прошел отряд по узкой дороге без всяких происшествий. Терье подходил к арьергарду, обменялся несколькими словами с девушкой, а затем опять спешил вперед к голове колонны.

Миллер шел не более чем в двадцати пяти футах от идущего перед ним матроса, а мисс Хардинг и Свенсон следовали за ним на расстоянии шести футов друг от друга.

Вдруг, без всякого предупреждения, Свенсон и Миллер одновременно пали, пронзенные копьями; в ту же минуту мускулистые руки схватили Барбару Хардинг и кто-то зажал ей рот.

Все было совершено так быстро и так бесшумно, что девушка несколько минут не могла прийти в себя и понять, что с ней случилось.

В темноте она не могла различить фигуры и лица своих похитителей и естественно предположила, что это была партия шкипера Симса, заметившая заговор и решившая хоть частью помешать ему. Но она начала сомневаться в правильности своего предположения, когда ее похитители свернули от берега в самую гущу джунглей.

Когда они вышли на небольшую прогалину, освещенную луной, Барбара Хардинг убедилась, что ни один матрос с «Полумесяца» не находился среди ее новых похитителей.

Барбара не напрасно несколько раз объездила свет. На земном шаре было немного рас или наций, история которых, прошлая и настоящая, не была бы ей хорошо знакома. Поэтому вид, представившийся ее глазам, исполнил ее изумления.

Она находилась в руках людей, которые казались японскими воинами пятнадцатого или шестнадцатого столетия. Барбара узнала характерные средневековые доспехи и вооружение, старинные шлемы, оригинальную прическу древних японцев.

На поясах двоих из ее похитителей висели мрачные трофеи. При свете луны она распознала, что это были головы Миллера и Свенсона.

На девушку напал безумный страх. До этого времени она считала, что хуже ее судьбы быть не могло; но очутиться во власти этих странных воинов средневековья было, конечно, еще ужасней, чем быть в лапах шайки Симса. Если бы несколько дней тому назад ей сказали, что она сама пожелает вернуться обратно на «Полумесяц», это показалось бы ей невероятным, а между тем теперь она именно этого и желала...

Бесшумно двигались в темноте ночи молчаливые, коричневые люди, пока наконец они не подошли к небольшой деревне, укрывшейся в узкой долине, в стороне от морского берега.

Жилища были наполовину вырыты в земле и напоминали пещеры. Верхние стены и соломенные крыши едва поднимались на четыре фута над уровнем почвы. Там и сям между жилищами виднелись сараи на сваях.

В одну из этих смрадных грязных берлог внесли Барбару Хардинг. Она очутилась в полутемном помещении, в котором спало несколько туземцев и женщин. Вокруг них лежали и сидели в самых разнообразных

позах пестрая куча грязных, желтых детей, собак, свиней и кур.

Это был дворец даймио Оды Иоримото, правителя острова Иока.

Как только они вошли в жилище, оба самурая, тащившие Барбару, удалились, и она осталась одна с Одой Иоримото и его семьей.

В середине комнаты с потолка свешивалась полка с кучей отскобленных черепов. В задней стене темнела дверь, которая, очевидно, вела в какое-то другое помещение.

Девушке не дали подробнее осмотреть ее новую темницу, так как едва самураи покинули комнату, Ода Иоримото приблизился к ней и схватил ее за руку.

— Идем! — сказал он на языке, настолько напоминавшем современный японский язык, что девушка его поняла.

Сказав это, он потащил ее к высокому ложу, стоявшему у одной стены комнаты. В его узких глазах светился сладострастный огонь.

* * *

Когда Терье понял, что Барбара Хардинг исчезла, он сразу подумал, что это дело рук Уарда и Симса.

Остальные согласились с его предположением, и только Байрн проворчал, что тут «что-то не так!» Однако все решили опять спуститься к бухте, соблюдая величайшую осторожность, потому что каждую минуту ожидали нападения со стороны часовых, которые вероятно подстерегали их.

Но ко всеобщему удивлению, они достигли бухты благополучно и, когда они, крадучись, подползли к лагерю, то увидели, что он был погружен в такой же мирный сон, как и несколько часов тому назад...

Отряд молча повернулся обратно и снова взобрался на скалы. Терье и Билли Байрн шли в арьергарде.

— Что вы об этом думаете, Байрн? — спросил француз.

— Если вы хотите, чтобы я сказал напрямик,— ответил Билли,— так я думаю, что вы об этом знаете гораздо больше, чем прикидываетесь.

— Что вы хотите сказать, мой друг? — вскричал

Терье, страшно удивленный словами Билли.— Выскажитесь!

— Что же, понятно, выскажусь! Думаете, что я вас испугался? Чего ради отрядили вы этих двух, Миллера и Свенсона, охранять девку, как не для какой-нибудь вашей штучки? Оба не из нашей компании, вот вы их и выбрали. Подкупили их, чтобы они задали стрекача с девкой, а потом и вы удерете к ним, а мы, как дураки, останемся на бобах. Думали, что нас так легко провести, да? Эх вы, размазня!

— Байрн! — сказал Терье, и легко было видеть, что он только большим усилием воли сдерживал свой гнев.— У вас может быть и есть причины подозревать каждого, кто находится в связи с «Полумесяцем». Я вас даже не осуждаю. Но я хочу, чтобы вы запомнили то, что я вам сейчас скажу. Было время, когда у меня, действительно, было намерение «оставить вас на бобах», как вы выражаетесь; но это было до того дня, когда вы спасли мне жизнь! С этих пор я всегда был с вами честен и в поступках и в мыслях. Даю вам слово человека, чье слово что-нибудь да значит,— я с вами играю сейчас в открытую, за исключением одного пункта, да и тот я от вас не скрою. Я, правда, не знаю, где мисс Хардинг, правда, не знаю, что случилось с ней, Миллером и Свенсоном. Теперь относительно этого пункта, о котором я упомянул.

В самое недавнее время я круто изменил свои намерения относительно мисс Хардинг. Сперва я желал получить ее деньги, как и остальные,— в этом я должен сознаться. Теперь я этого не желаю. Я намерен воспользоваться первой возможностью вернуть мисс Хардинг в цивилизованный порт невредимой и не потребую в награду ни гроша.

Почему произошла во мне такая перемена,— это уж мое личное дело. По всей вероятности, вы бы не поверили искренности моих мотивов, если бы я их открыл вам. Я говорю вам все это только потому, что вы обвинили меня в двойной игре, а я не хочу, чтобы человек, который спас мне жизнь, рискуя своей, имел малейшее основание подозревать меня в нечестности по отношению к нему. В течение многих лет я был довольно-таки плохим человеком, Байрн, но, черт возьми, я еще не в конец испорчен!

Байрн некоторое время молчал. Он тоже недавно пришел к заключению, что и он быть может не совсем испор-

чен, и в нем даже зародилось смутное желание каким-нибудь образом это проявить. Поэтому он был готов признать в Терье то, что он чувствовал сам.

— Ладно,— сказал он наконец,— я готов верить вам, пока не узнаю другое.

— Спасибо,— вежливо ответил Терье.— А теперь мы вместе примемся искать мисс Хардинг. Но откуда, черт побери, начать поиски?

— Ну, конечно, оттуда, где мы видели ее в последний раз,— ответил Билли.— С вершины этих скал.

— Тогда мы ничего не можем сделать до утра,— печально сказал француз.

— Пожалуй, что так... а утром нам наверняка начешут спины те, внизу.

И Билли указал пальцем по направлению к бухте.

— Я думаю,— продолжал Терье,— что недурно было бы потратить теперь часок на то, чтобы вооружиться дубинами и камнями. Позиция здесь прекрасная; мы легко сможем отразить нападение снизу. Если мы подготовимся, мы сможем удержаться здесь, пока не разыщем где-нибудь следов мисс Хардинг.

Маленький отряд немедленно принялся за работу: все срезали себе крепкие дубины и начали собирать валявшиеся обломки гранита и складывать их в кучу. Терье воздвиг даже невысокий бруствер поперец тропинки, по которой должен был взобраться неприятель.

Закончив свои приготовления, они убедились, что три человека легко могли отстоять позицию против десятикратного числа противников.

Затем они улеглись спать, поставив Бланко и Дивайна караульными. Было решено, что эти двое и Костлявый Сойер останутся утром на вершине скалы для защиты позиции, в то время как остальные отправятся на поиски следов Барбары Хардинг.

Едва только показались на востоке первые проблески утренней зари, как Дивайн, который был в это время на часах, разбудил Терье. Через минуту все проснулись и поделили запасы провизии, припрятанные в расщелине.

Отсутствие воды остро чувствовалось, но источник был слишком далек и им не хотелось терять драгоценное время; те, которые собирались углубиться в джунгли в поисках Барбары Хардинг, надеялись найти воду где-нибудь внутри страны, а для тех, кто оставался

охранять вершину, Костлявый Сойер должен был принести воды из источника.

Наскоро позавтракав бисквитами и напихав ими карманы, Терье и трое матросов отправились в путь.

Они пошли сперва по тропинке, ведущей к источнику, стараясь установить место, где Барбара Хардинг перестала следовать за ними. В тот день, когда девушка была похищена с «Лотоса», на ней были мягкие туфли из лосины, без каблуков, и они почти не оставляли следов на хорошо утоптанной почве.

Но Терье все же установил один слабый отпечаток ноги. Он виднелся в двухстах футах от того места, где они вступили на дорожку после восхождения на скалы.

Значит, до этого места она наверное шла с ними.

Матросы рассыпались теперь по обе стороны тропинки — Терье и Красный Сандерс по одну сторону, Байрн и Вильсон по другую. Иногда Терье возвращался на дорогу, чтобы искать, не найдется ли еще следов.

Отряд прошел таким способом с полумилю, когда внезапно раздалось подавленное восклицание Байрна.

— Сюда! — закричал он.— Тут Миллер и швед, и как же их страшно разделали!

Остальные поспешили на голос и в ужасе остановились перед обезглавленными тулowiщами обоих матросов.

— Mon dieu! — воскликнул француз, прибегая к родному языку, как он это всегда делал в минуты волнения.— Mais c'est atroce!

— Кто же это сработал? — спросил Красный Сандерс, подозрительно глядя на Байрна.

— Охотники за черепами,— ответил Терье.— Боже! Какая страшная судьба ожидает эту несчастную девушку!

Билли Байрн весь побледнел.

— Вы думаете, что они и с нее сняли башку? — прошептал он испуганно.

Что-то странное зашевелилось в его груди, когда он высказал это предположение. Он не старался анализировать своего чувства, но во всяком случае мысль, что женщину, которую он так ненавидел, постигла ужасная смерть,— не вызвала в нем никакой радости.

— Боюсь, что нет,— проговорил Терье таким голосом, в котором никто не признал бы голоса сурового и властного штурмана «Полумесяца».

— Боитесь, что нет? — недоумевающе повторил Билли.

— Ради нее, я надеюсь, что они это сделали,— сказал Терье.— Для такой, как она, это было бы гораздо менее страшной судьбой, чем та участь, которая ее ждет.

— Вы думаете...— начал было Билли и запнулся, потому что внезапно понял то, о чём думал Терье.

Билли Байрну не было причины питать особые рыцарские чувства по отношению к женщинам. Такие чувства воспитываются с детства и обычно сохраняются даже после того, как мужчина убеждается, что женщины, с которыми сталкивается его судьба, мало похожи на женский идеал их отроческих лет...

Мать Билли, сварливая и сквернословящая баба, в пьяном виде была настоящим демоном, а пьяной она бывала всегда, как только всякими правдами и неправдами раздобывала себе денег. Билли не помнил, чтобы она когда-нибудь приласкала его или просто ласково поговорила с ним. Едва вышедши из пеленок, он научился ей ненавидеть с такой силой, с какой обычно маленькие дети любят своих матерей.

Когда он подрос, он стал защищаться от грубых нападений женщин так, как он защищался бы против мужчин. Если женщина была его, он тоже ее был. Единственное, что можно сказать в его пользу,— что он никогда не был женщин первым.

Над женским целомудрием он смеялся, в существование чистых девушек не верил. Он судил всех женщин по той, которую он так хорошо знал,— по своей пьяной и опустившейся матери. И, ненавидя ее, он научился ненавидеть и всех женщин...

Барбару Хардинг он невзлюбил вдвойне: она была не просто женщина, а женщина того класса, который он презирал.

Тем более странно и необъяснимо было, почему мысль о возможной судьбе девушки произвела на него такое действие. Билли чувствовал безотчетную ярость против людей, которые увили Барбару. Однако внешне он ничем не проявил бури, клокотавшей в его груди.

— Мы девку найдем,— сказал он только Терье.

Обычно Билли во все горло повествовал о том, что ожидает объект его гнева, пророча ему всякие ужасы. Теперь он оставался молчалив и удивительно спокоен. Только твердо сжатые челюсти и стальной блеск серых глаз свидетельствовали о его непреклонной решимости.

Терье, который напряженно обследовал почву вокруг убитых матросов, подозвал к себе остальных.

— Вот след,— сказал он наконец.— Если он всю дорогу будет так же ясно виден, как здесь, то мы скоро их настигнем. Идемте!

Он не успел закончить фразы, как Билли бросился вперед через джунгли по следам самураев.

— Как вы думаете, что это за люди? — опасливо спросил Красный Сандерс.

— Малайские охотники за черепами,— в этом почти нет сомнения,— ответил ему Терье.

Сандерс содрогнулся. Название не предвещало ничего хорошего. Он удержал Вильсона за руку.

XI

ЗАЩИТА СКАЛЫ

— Вперед! — воскликнул Терье и бросился вслед за Билли, который уже скрылся из виду в густом лесу.

Красный Сандерс и Вильсон сделали несколько шагов вслед за Терье. Как раз в эту минуту француз повернулся, чтобы посмотреть, следуют ли они за ним, и успокоенный пошел дальше. Вскоре поворот тропинки скрыл их от его глаз.

Тогда Красный Сандерс остановился.

— Будь я проклят, если я пойду подставлять свою башку под топор! — сказал он Вильсону.

— А девушки скорее всего и в живых-то больше нет,— прибавил другой.

— Наверняка убили! — согласился Красный Сандерс.— А заберемся мы в эту чащу, и нас убьют. Ох, бедный Миллер! бедный Свенсон! Вот смерть-то! Видел ты, что они с ними сделали кроме того, что отрубили головы?

— Да,— прошептал Вильсон, нервно озираясь кругом.

Красный Сандерс вздрогнул и тоже оглянулся.

— Что там? — боязливо спросил он.— Что ты там увидел?

— Мне показалось, будто там что-то шевельнулось,— ответил шепотом Вильсон.— Бога ради, уйдем отсюда!

И, не дожидаясь согласия товарища, матрос повер-

нул и, сломя голову, помчался обратно к тому месту, где находились Дивайн, Бланко и Костлявый Сойер.

Когда они подбежали к позиции, Костлявый как раз собирался отправиться к источнику за водой, но при виде перепуганных товарищей, еле переводящих дух от отчаянного бега, он вернулся, чтобы услышать, что с ними приключилось.

— В чем дело? — вскричал Дивайн. — У вас такой вид, будто вы повстречались с призраками. Где остальные?

— Все убиты и головы их отрублены, — возбужденно лепетал Красный Сандерс. — Мы выследили целую банду, которая захватила Миллера, Свенсона и девушку. Они всех их убили и пожирали, как раз когда мы на них наступнулись. Тогда набежало еще более тысячи таких чертей. Мы не успели опомниться, как они нас разъединили. Когда мы увидели, что и Терье, и Байрн убиты, мы опрометью бросились обратно. Господи! Вот страх-то!

— Как вы думаете, будут они вас преследовать? — беспокойно спросил Дивайн.

При этом вопросе все оглянулись на тропинку, по которой только что прибежали Сандерс и Вильсон. В эту же минуту с бухты донеслись громкие крики, и, взглянув вниз, они увидели, что лагерь Симса был весь в движении.

Исчезновение отряда Терье было наконец обнаружено, а вместе с ним и исчезновение девушки и кража провизии.

Шкипер бесновался от злости. Его проклятия и ругательства раскатывались подобно грому.

Вскоре Уард заметил фигурки на вершине скалы.

— Вот они! — крикнул он.

Симс взглянул вверх.

— Проклятые! — завопил он. — Воры! Украли наше добро, украли несчастную девушку. Проклятые! Подайте мне их сюда, говорю я вам, подайте мне их сюда!

— Нам лучше всем вместе полезть за ними наверх, — сказал Уард. — Бой неизбежен. Эй вы, братцы, наберите камней и пойдемте. Симс, вы слишком жирны, чтобы лазить по скалам; оставайтесь лучше здесь и дайте ваш револьвер кому-нибудь из матросов.

Уард знал боевые способности своего начальника и предпочитал, чтобы он не присутствовал в предстоящем сражении... Револьвер капитана мог принести гораздо

больше пользы в руках кого-нибудь менее трусливого.

Сам Уард тоже не блистал храбростью, но кража провизии ставила партию в безвыходное положение, а с потерей девушки терялись все надежды на будущее. Ради денег и пропитания даже более трусливый человек, чем Бендер Уард, пошел бы в бой.

Отряд полез вверх по скале, ежеминутно ожидая окрика или обстрела со стороны противника. В это время Дивайн и четверо матросов смотрели вниз со смешанными чувствами. Они оказались между двух огней!

Уард со своим отрядом был уже на полпути, а Дивайн все еще не делал никаких попыток его отразить. Он испуганно озирался на темный лес, откуда каждую минуту ожидал появления диких охотников.

— Сдавайтесь! — кричал снизу Уард.— Сдавайтесь, или мы вздернем вас на первое дерево.

Вместо ответа Бланко сбросил вниз огромную глыбу. Она чуть не задела Уарда, против которого повар питал особую злобу. Уард в ответ выстрелил, и пуля прожужжала над самой головой Дивайна.

Ларри Картрайт Дивайн, который блестяще умел вести котильон, но боя вести не умел, дрожа растянулся на животе и спрятался за бруствер Терье.

Костлявый Сойер и Красный Сандерс последовали благому примеру своего начальника. Только Бланко и Вильсон пытались как-нибудь отразить врага.

Негр подбежал к обезумевшему от ужаса Дивайну, выхватил у него револьвер и, не целясь, выстрелил в Уарда.

Пуля, пролетев мимо намеченной жертвы, попала в сердце матроса, бежавшего сразу за Уардом. Когда матрос упал и покатился вниз по крутым склону, его товарищи остановились и начали искать прикрытия.

Вильсон воспользовался минутой замешательства и закидал их градом камней, после чего враждебные действия временно прекратились.

— Ушли? — дрожащим голосом спросил Дивайн, заметив тишину, наступившую после выстрелов.

— Никто не ушел, мокрая курица! — заорал на него Бланко.— Что вы думаете, два человека могут заменить пятерых? Если бы у вас была капля совести, вы помогли бы нам и мы могли бы их отогнать. У меня так и чешутся руки, чтобы выпустить вам вашу рыбью кровь. Тоже

начальник нашелся! Валится себе на брюхе! Хороший пример для других!

Дивайну было уже не до того, чтобы обращать внимание на тон своего подчиненного.

— Для чего нам с ними сражаться? — захныкал он.— Нам не следовало от них уходить. Это все этот дурак Терье! Что мы можем сделать против дикарей, если мы разделим наши силы? Они нас всех понемногу перережут, как зарезали Миллера, Свенсона, Терье и Байрна. Мы должны сказать об этом Уарду и прекратить эту глупую битву.

— Извольте это ему сказать сразу! — вдруг вскричал Костлявый Сойер.— Я не желаю больше сидеть здесь и ждать, чтобы меня подстрелили снизу или чтобы шайка диких чертей подкралась сзади и отрубила мне голову.

— Я тоже так думаю,— заявил Красный Сандерс.

Бланко и Вильсон еще колебались. Негр собственно тоже не имел бы ничего против того, чтобы вернуться обратно, если бы не боялся репрессий со стороны шкипера Симса и Косоглазого Уарда. Он знал, что этим господам особенно доверять нельзя, даже если они дадут торжественное обещание не наказывать мятежников.

С другой стороны, возвращение дезертиров в главный лагерь было выгодно партии Симса. Присутствие на острове страшных туземцев ставило всех в необходимость соединиться против общей опасности...

— Я не вижу, что мы выиграем, если будем с ними сражаться,— сказал наконец Вильсон.— Теперь, когда девушки нет в живых, нам делить нечего и выгоды нет никакой ни для кого. Бросимте это и давайте лучше думать, на каких условиях мы можем сговориться с Косоглазым.

— Ну,— проворчал негр,— одному мне с ними все равно не справиться. Что ты там делаешь, Костлявый?

Костлявый Сойер возился с какой-то тряпкой, и, когда он снова обернулся к своим товарищам, они увидели, что он смастерил белый флаг.

Никто не протестовал, когда он поднял флаг над краем бруствера.

— Ага! Сдаетесь наконец! Опомнились? — донесся снизу голос Уарда.

Дивайн, чувствуя, что опасность временно миновала, отважился высунуть голову над земляной насыпью.

— Нам нужно кое-что сообщить вам, мистер Уард,— крикнул он.

— Валите! Я слушаю,— послышался ответ штурмана.

— Мисс Хардинг, мистер Терье, Байрн, Миллер и Свенсон захвачены в плен туземцами и убиты,— выпалил Дивайн одним духом.

Глаза Уарда чуть не выскочили на лоб от изумления, и он на время даже лишился слова. Лицо его посинело от злости.

— Видите, что вы наделали, проклятые идиоты! — закричал он наконец.— Вы сами убили курицу, которая несла золотые яйца! Думали все денежки себе прикарманить? А теперь из-за вас никто ничего не получит. Нечего сказать, хорошенькая компания болванов! Может быть вы воображаете, что мы вас примем обратно? Ну уж нет, спасибо.

И с этими словами он поднял револьвер, намереваясь выстрелить в Дивайна. Уард не успел нажать курок, как храбрый молодой человек с быстротой молнии юркнул за бруствер.

— Стой, штурман! — заорал Костлявый Сойер.— Теперь уже поздно выходить из себя. Глупо во всем винить нас, бедных матросов; ведь нас впутали в это дело вот эта разина,— он указал на Дивайна,— да еще подлец Терье. Они уверили нас, что вы и шкипер Симс хотите нас надуть и покинуть на этом проклятом острове. Терье сказал еще, что вы при нем говорили, будто хотите освободиться от нас для того, чтобы не с кем было делить выкупа. В чем же мы виноваты? Все, что мы сделали, было, так сказать, сделано из самозащиты. Лучше махнуть рукой на прошлое и соединить наши силы против людоедов. Нас и то будет не слишком много; Красный и Вильсон говорят, что их больше двух тысяч. Они теперь подбираются к нам сзади, за это я вам ручаюсь! Оказывается, у них есть дорога, которая ведет в эту бухту, и может быть они уже за нами следят.

Уард боязливо оглянулся в обе стороны. В словах Костлявого было много благоразумия. Было очень важно сохранить теперь каждого лишнего человека. Потом на свободе он мог наказать мятежников, когда он в них не будет больше нуждаться...

— Поклянетесь ли вы, что будете беспрекословно

подчиняться шкиперу Симсу, если мы вас примем обратно? — спросил он.

— Да,— ответил Костлявый Сойер.

Остальные кивнули в знак согласия головой, а Дивайн сразу выскочил и побежал вниз к Уарду.

— Эй, вы, стой! — осадил его штурман.— Вас эта сделка не касается! Это — частное соглашение между шкипером Симсом и его матросами. А вы ведь к нам не принадлежите: сами вчера говорили, да еще первый подняли мятеж. Если вы к нам вернетесь, вас будут за это судить, поняли?

— Вам лучше удрать, мистер,— посоветовал Дивайну Красный Сандерс.— Они наверняка вас повесят.

Дивайн побледнел. Предстать на суд перед такими людьми, как Симс и Уард, несомненно означало верную смерть... Бежать в лес тоже означало верную смерть, такую же верную, но еще более страшную.

Дивайн упал на колени и протянул к штурману дрожащие руки.

— Ради бога, мистер Уард,— закричал он,— сжальтесь! Я не виноват, меня подбил Терье. Он лгал мне также, как лгал и матросам. Вы не захотите сделать убийство! Вам придется за это ответить!

— Когда нас поймают, нас все равно вздернут,— проворчал штурман.— Если бы вы не у вели сегодня ночью девушки, она была бы цела и мы получили бы за нее достаточно выкупа, чтобы кое-как выпутаться. А вы все дело испортили.

— Вы можете получить выкуп за меня! — воскликнул Дивайн, цепляясь за соломинку.— Я сам выплачу вам сто тысяч долларов в тот день, как вы меня живым и невредимым доставите в цивилизованный порт.

Уард свистнул и бесцеремонно засмеялся ему прямо в лицо.

— У вас нет ни шиша, болтун вы этакий! — закричал он.— Мы это знаем от Клинкера.

— Клинкер наврал! — продолжал баражаться Дивайн.— Что он мог знать о моих средствах? Я — состоятельный человек.

— Ну, чего там лясы точить,— недовольно пробурчал Бланко, который думал только о том, как бы ему самому сговориться с Симсом и Уардом.— Берете ли вы нас, матросов, обратно, мистер Уард, и обещаете ли

вы никого из нас не наказывать, если мы поклянемся повиноваться вам в будущем?

— Обещаю,— ответил штурман.

— Тогда, белый человек, иди-ка и ты с нами, ты наш пленник...

Черный гигант схватил Дивайна за шиворот и насилино потащил его по крутой тропинке.

Таким образом мятежники вернулись под команду шкипера Симса, а Ларри Картрайт Дивайн перешел на положение пленника, при чем его обвинили в преступлении, которое с тех пор как существует мореходство, наказывается смертью.

XII

ОДА ИОРИМОТО

Стоя среди грязной землянки своего похитителя, Барбара Хардинг вторично услышала приказание японца, державшего ее за руку:

— Идем! — повторил он.

При звуке голоса одна из женщин проснулась и приподнялась. Она с мрачной ненавистью взглянула на Барбару, но не выказала никакого удивления при виде ее. Казалось, будто изящные американки были обычным явлением в доме Оды Иоримото.

— Чего вы от меня хотите? — закричала по-японски испуганная девушка.

Ода Иоримото взглянул на нее в изумлении. Где научилась эта белая девушка говорить на его языке?

— Я — даймio Ода Иоримото,— сказал он ей.— Это жены мои. Теперь и ты будешь моей женой. Идем!

— Подождите! — вскричала дрожащая девушка.— Если вы не нанесете мне никакого вреда, мой отец щедро наградит вас. Отпустите меня невредимой, и он даст вам десять тысяч коку¹.

Ода Иоримото только покачал головой.

— Двадцать тысяч коку! Сто тысяч... Вы сами можете назначить цену! Только не делайте со мной ничего плохого.

— Молчи! — проворчал японец.— Здесь нам коку не нужны — даже слово это известно нам только по стари-

¹ Коку — японская монета.

ным сказаниям; а если бы мне понадобились коку, то мои горы полны желтого металла, из которого их можно сделать. Ты будешь моей женой. Идем!

— Постой! Я хочу поговорить с тобой, но наедине, не при этих женщинах.

И она взглянула на дверь, находящуюся в противоположном конце помещения.

Ода Иоримото пожал плечами. «Минутой раньше, минутой позже — не все ли равно!» — подумал он и повел девушку к двери, на которую она указывала глазами.

Внутри второй комнаты было совсем темно, но даймио, знакомый с местом, уверенно двигался вперед; девушка же, идя рядом с ним, украдкой ощупывала его пояс.

Наконец Ода Иоримото дошел до дальнего конца длинной комнаты.

— Ну? — спросил он и взял ее за плечи.

— Ну! — ответила девушка тихим сдавленным голосом.

И в ту же минуту Ода Иоримото, правитель Иоки, почувствовал, как его быстро дернули за пояс. Раньше, чем он успел догадаться, что случилось, его собственный короткий кинжал проткнул его горло. С задушенным хрипом, который вряд ли мог быть услышан в соседней комнате, даймио тихо свалился на пол.

Барбара Хардинг нанесла ему еще несколько ран, пока не убедилась окончательно, что ее враг убит. Затем, дрожащая и обессиленная, она сама упала на грязный пол около трупа.

Несколько минут Барбара Хардинг пролежала так в полусознании, ощущая только леденящий ужас и полный упадок сил.

Однако вскоре она почувствовала прикосновение холодеющего трупа и с подавленным криком отпрянула назад.

Понемногу девушка вновь овладела собой и вместе с тем поняла, какой опасности она подвергается. Ноги под ней подкашивались, и она присела, уставив широко раскрытие от ужаса глаза на дверь, ведущую в смежную комнату.

Женщины и дети, казалось, были погружены в глубокий сон. Очевидно, предсмертный хрип японца не разбудил никого.

Барбара встала и осторожно двинулась к двери.

Сможет ли она перейти вторую комнату и достичнуть наружного выхода? Если ей удастся выйти на открытый воздух, она бежит в джунгли и с наступлением утра попытается найти дорогу к берегу и к Терье.

Девушка судорожно сжала кинжал и шагнула в большую комнату, но одна из женщин зашевелилась. Барбара отшатнулась обратно в тень, из которой она только что вышла.

Женщина присела и оглянулась. Затем она встала и подбросила несколько полен в огонь, тлевший в углу, подошла к полке и сняла котелок.

Барбара поняла, что японка занялась приготовлением завтрака.

Вся надежда на бегство была потеряна! Несчастная тихо прикрыла дверь и ощупью начала искать какого-нибудь тяжелого предмета, которым она могла бы припнуть ее, но все поиски ее оказались напрасными.

Наконец она вспомнила о теле убитого. Труп мог удержать дверь, если бы случайно ребенок или собака вздумали ее толкнуть. Это все же было лучше чем ничего. Но сможет ли она заставить себя прикоснуться к нему?

Инстинкт самосохранения производит чудеса. Хрупкая и изнеженная Барбара Хардинг овладела своими нервами и после некоторых усилий перетащила труп убитого и прислонила его к двери. Шорох от передвигания тела заставил ее поледенеть от ужаса.

Она сняла с убитого его длинный меч и доспехи и притаилась на полу за ним. Она решила дорого продать свою жизнь.

Снова, как тогда, когда она боролась с волнами после крушения «Полумесяца», ей вспомнились бодрые слова Терье: «Я буду бороться до последней минуты». Ей сейчас ничего другого не оставалось...

В соседней комнате по-видимому просыпались. До нее ясно доносились женские и детские голоса, говорившие на каком-то странном наречии. В нем было много японских слов, но многие слова были на языке, ей совершенно незнакомом.

Вскоре начало светать. Она оглянулась через плечо и увидела первые слабые лучи рассвета, проникавшие сквозь небольшое отверстие около крыши, в противоположном конце комнаты.

Она вскочила и побежала к нему. Встав на цыпочки

и приподнявшись на руках, она оказалась в состоянии заглянуть в окно.

Менее, чем в двухстах футах от нее зеленел лес; но, когда она попыталась пролезть в окно, то, к своему ужасу, убедилась, что отверстие слишком мало.

В ту же минуту послышался стук в дверь, у которой лежал труп, и раздался голос женщины, звавшей своего мужа к утреннему завтраку.

Барбара снова перебежала через комнату к двери и обеими руками подняла над головой тяжелый меч.

Снова раздался стук; на этот раз женщина стучала настойчивее и громким голосом просила Оду Иоримото выйти.

Девушка была в панике. Что ей делать? Будь у нее время, она могла бы расширить отверстие окна настолько, чтобы пролезть в него и попытаться укрыться в лесу. Но женщина у двери, очевидно, не успокоится, пока не разбудит своего повелителя!

Внезапно ее осенила мысль. Очень вероятно, что это была напрасная надежда, но попробовать все же стоило.

— Тише! — прошептала она сквозь закрытую дверь.— Ода Иоримото спит. Он велел ему не мешать.

За дверью стихло. Затем женщина проворчала что-то, и Барбара слышала, как она отошла, бормоча про себя вполголоса.

Тогда Барбара с облегчением вздохнула: она получила небольшую отсрочку смерти...

Снова вернувшись к окну, она лихорадочно принялась расширять отверстие посредством короткого меча японца. Работа подвигалась очень медленно; надо было производить ее совсем бесшумно.

Она работала уже около часа, когда вновь раздался голос у двери. На этот раз это был голос мужчины.

— Ода Иоримото еще спит,— прошептала девушка.— Иди прочь и не мешай ему! Он очень разгневается, если ты разбудишь его.

Но от мужчины отделаться было не так-то легко. Он продолжал настаивать.

— Даймио сам назначил на сегодня большую охоту за черепами тех сейиоджинов, которые высадились на Иоке,— стоял он на своем.— Даймио действительно разгневается, если мы во время не разбудим его. Дай мне поговорить с ним, женщина. Не может быть, чтобы Ода Иоримото еще спал. И как могу я верить тебе, кото-

рая принадлежит к сейиоджинам! Ты верно околдовала нашего даймио!

И с этими словами он толкнул дверь.

Труп немножко подался, и мужчина успел заглянуть в щелку; но Барбара, держа меч за спиной, прижалась плечом к двери.

— Ступай прочь! — закричала она.— Ода Иоримото убьет меня, если ты его разбудишь, а если ты войдешь, то ты тоже будешь убит!

Мужчина отошел от двери, и Барбара слышала, как он тихо шептался о чем-то с женщинами. Через минуту он бесшумно вернулся и без предупреждения всей своей тяжестью ринулся на дверь.

Труп отъехал в сторону, и дверь приоткрылась настолько, что мужчине удалось пролезть в образовавшееся отверстие. Но, как только он вошел в комнату, длинный меч правителя Иоки с силой ударили его по затылку.

Не издав ни звука, воин замертьво повалился на пол.

Прежде чем Барбара успела захлопнуть дверь, женам даймио удалось мельком заглянуть в комнату. Вопя от ужаса и ярости, бросились они на главную улицу, гося на всю деревню о том, что женщина из племени сейиоджинов убила Оду Иоримото и Хаву Нишио.

Вся деревня встала на ноги. Улицу запрудила сплошная толпа самураев, женщин, детей и собак. Толпа хлынула к хижине Оды Иоримото, заполнила первую комнату и несколько минут возбужденно тараторила. Воины добивались толкового рассказа о случившемся от воющих жен Оды Иоримото.

Барбара Хардинг притаилась у самой двери и напряженно прислушивалась. Настал критический момент, она это сознавала; она сознавала, что в лучшем случае ей осталось жить несколько минут.

Она приставила к груди острие короткого меча Оды Иоримото и решила, что, как только покажется на пороге первый воин, она покончит с собою. Но секунды летели, никто не входил, и она все не решалась лишить себя жизни...

* *
*

Терье несколько минут бежал по джунглям, прежде чем нагнал Байрна.

— Вы все еще идете по следу? — крикнул он матросу.

— Все время,— ответил Байрн.— Это чертовски легко. Их верно была целая дюжина. Даже такой баран, как я, ошибиться не может.

— Надо идти очень осторожно, Байрн,— предупредил его Терье.— Мне приходилось когда-то иметь дело с подобными молодцами, и я знаю, что они дьявольски хитры. Если не принять предосторожностей, то вы догадываетесь о том, что они близко только тогда, когда почувствуете копье в спине. Конечно, нам нужно спешить; но, если мы действительно хотим помочь мисс Хардинг, то будет непростительно попасть в засаду.

Байрн понимал благоразумие этого совета и старался следовать ему, но что-то овладело сегодня всем его существом и заставляло его мчаться вперед, сломя голову. Ему все казалось, что они плетутся, как черепахи.

Почему рискует он своей жизнью, чтобы спасти эту девушку, если он так ее ненавидит? Эта мысль мелькнула у него в то время, как он бешено мчался сквозь колючий кустарник, и он попытался уверить себя, что это из-за выкупа. Да, конечно, так оно и есть, из-за выкупа! Если он найдет ее живой и спасет, он сорвет себе львиную долю.

Терье тоже недоумевал, почему Байрн, Байрн, на которого он меньше всего рассчитывал в деле спасения мисс Хардинг, вдруг оказался самым ревностным преследователем ее похитителей.

— Интересно, как далеко отстали от нас Сандерс и Вильсон? — заметил он Байрну после того, как они шли по следу уже более получаса.— Не обождать ли нам их? Четверо могут сделать больше, чем двое.

— Не тогда, когда один из двух Билли Байрн,— ответил Билли и упорно продолжал идти вперед.

Через полчаса след неожиданно вывел их к туземной деревне.

Билли Байрн уже готов был прямо броситься в середину деревни и «вывести дело на чистоту», но Терье серьезно воспротивился этому, и, после жаркого спора, Байрн признал наконец, что штурман прав.

— След ведет прямо к этому месту,— сказал Терье,— но раньше, чем пытаться ее спасти, нужно сперва узнать, в которой из этих хижин она находится... *Sacré nom d'une rîpe!* Как вы думаете, что это такое?

— Что я думаю? — переспросил Билли.— О чем вы говорите?

— Посмотрите на этих трех мужчин, Байрн, вот там, в деревне,— сказал Терье.— Они так же похожи на диких охотников за черепами, как вы или я. Это японцы! Мы наверное ошиблись и пошли по неверному следу. Японцы не могут быть охотниками за черепами!

— Ничего мы не ошиблись,— упрямо проговорил Байрн.— Уж я там не знаю, собирают ли япошки мертвую кость или нет, но я знаю одно: молодцы, которые утащили девку, прошли сюда. Если их теперь здесь нету, это значит, что они прошли через деревню и вышли с другой стороны,— поняли?

— Тсс, Байрн! — прервал его Терье.— Прячьтесь скорей. Кто-то идет по дороге направо от нас.

И с этими словами Терье потащил Билли за куст.

Оба приникли к земле и застыли в ожидании. Вскоре из густой листвы, невдалеке от них, вынырнула стройная фигурка почти голого мальчика с вязанкой хвороста на голове. Он свернулся на дорогу, ведущую к деревне.

Когда он очутился против куста, где залегли Терье и Байрн, француз неожиданно набросился на него и зажал ему рот рукой. Шепотом приказал он ему по-японски не поднимать тревоги.

— Мы не тронем тебя, если ты не будешь кричать и ответишь нам правду. Что это за деревня?

— Это главный город Оды Иоримото, правителя Иоки,— ответил мальчик.— А я его сын, Ода Исека.

— Большая хижина в середине деревни верно дворец Оды Иоримото? — догадался Терье.

— Да.

Француз был знаком с нравами и обычаями восточных народов. Если Барбара еще жива, то она должна была находиться в доме самого могущественного начальника; но Терье хотелось проверить свою догадку. Он знал, что поставленный прямо вопрос вызвал бы со стороны мальчика или хитрый уклончивый ответ, или одинаково хитрую ложь. На этот счет восточные народы мастера!

Поэтому он спросил:

— Ода Иоримото хочет убить белую девушку, которую привели в его дом прошлой ночью?

— Как может сын знать о намерениях своего отца? — ответил мальчик вопросом.

— Она еще жива?

— Откуда я могу это знать? Я спал, когда ее привели, и слышал только, как женщины утром шептались, что Ода Иоримото привел к себе ночью новую жену.

— Разве ты утром не видел ее? — спросил Терье.

— Мои глаза не видят через дверь. Они оба были еще в маленькой комнате, когда я вышел за хворостом, — объяснил мальчик.

— Он говорит, — ответил Терье с кривой усмешкой, — что мисс Хардинг еще жива. Она находится в задней комнате той большой хижине в середине деревни. Но, — и лицо его омрачилось, — Ода Иоримото, начальник племени, находится с нею.

Билли с грубым проклятием вскочил на ноги и стрелой помчался бы в деревню, если бы более осторожный Терье не удержал его за плечо.

— Теперь уж слишком поздно, мой друг, — сказал он печально, — чтобы так спешить. Может быть, если мы будем осторожны, мы все-таки спасем ей жизнь, а потом и отомстим за нее. Будем хладнокровны и выработаем какой-нибудь план. Нужно действовать сообща и не рисковать нашими жизнями зря. Всего вероятнее, что одному из нас не удастся уйти живым из этой деревни. Мы должны быть как можно более осмотрительными, если хотим помочь бедной мисс Хардинг.

— Ладно. Какой же у вас план? — нетерпеливо спросил Билли, видя, что Терье прав.

— Деревня подходит с другой стороны совсем близко к джунглям. Туда же выходит задняя сторона хижины предводителя. Мы должны обойти деревню лесом до этой хижины, а там будет видно.

— А этот?

И Байрн ткнул пальцем в сторону маленького японца.

— Мы захватим его с собой. Отпустить его теперь было бы опасно.

— Не лучше ли сразу пристукнуть его? — предложил Байрн.

— Зачем? Мы сделаем это только в случае крайней необходимости, — ответил Терье. — Ведь это ребенок! У нас, без сомнения, будет возможность убить сколько угодно взрослых мужчин, раньше чем мы умрем.

— Да я никогда и не убивал детей, — сказал Билли, как бы сконфузившись.

По какой-то необъяснимой причине ему вдруг стало

неловко за свое необдуманное предложение. Он опять подивился себе и не мог понять, что с ним стало: совсем, видно, стал размазней!

Все трое отправились через джунгли по тропе, огибавшей деревню с севера. Терье шел впереди, держа за руку мальчика, Байрн следовал за ним по пятам.

Они достигли задней стороны «дворца» Оды Иоримото и, скрывшись в густой листве, попробовали произвести разведку.

— Там в задней стене есть маленькое окошко,— сказал Байрн.— Верно там она и спрятана.

— Да,— ответил Терье,— это должно быть та задняя комната, про которую говорил мальчик. Но прежде всего нужно связать этого мальчишку и заткнуть ему рот, а затем мы уже сможем действовать, не опасаясь, что он поднимет тревогу.

С этими словами француз снял длинную веревку, которая была обмотана вокруг пояса его пленника, и надежно связал его. Он засунул ему в рот кусок его передника в виде кляпа и перевязал его сверху широкой полосой материи, оторванной от того же передника.

— Может быть ему не совсем удобно,— заметил Терье,— но не особенно мучительно и не опасно. Теперь за работу!

— Я пролезу в окно,— объявил Билли,— а вы спрячьтесь здесь в высокой траве и сторожите молодчиков, которые могут забраться к нам в тыл. Если я вам крикну, можете выбежать с вашей артиллерией. Если я выведу девку, а япошки будут теснить, так вы их хорошенько угостите!

— Вы берете на себя таким образом весь риск, Байрн,— запротестовал Терье.— Это несправедливо. Так нельзя!

— Бросьте! Одного из нас наверняка уложат,— добродушно, против своего обыкновения, объяснил Билли,— и уж лучше, чтобы это был я, чем вы. Девчонка не больно-то обрадуется, коли ей придется остаться со мной одной-одинешенькой. К таким, как я, она не привычна. Вы как ей подходите, вы и оставайтесь здесь, и можете ей помочь после того, как я ее выведу. Не хочу я с ней вожжаться. Одно беспокойство от ней!

И затем, как бы вспомнив что-то, он прибавил:

— А выкупа с нее мне не нужно, можете его получить.

— Подождите, Байрн,— прошептал Терье.— Мне

тоже нужно вам кое-что сказать. Можете мне верить или нет, но в нашем положении, когда один из нас, а может быть и оба умрут сегодня, мне, право, не к чему врать. Я тоже не желаю этого проклятого выкупа. Я только хочу сделать все, что могу, чтобы исправить зло, причиненное мисс Хардинг. Я... я, топ ами... я люблю ее. Говорить ей об этом я не стану. Я не принадлежу к тому сорту мужчин, за которых может выйти замуж приличная девушка. Но я желал бы иметь возможность рассказать ей все, касающееся моего участия в этом грязном деле, и, если возможно, получить ее прощение. Главное, конечно, нужно помочь ей благополучно добраться до цивилизованного порта и сдать на руки ее друзей. Дела наши так плохи, что может быть мне никогда не удастся это исполнить. Но, если я умру сейчас, а вы останетесь живы, то я прошу вас передать ей то, что я вам сказал. Расскажите ей про меня, что хотите,— вы не сможете очернить меня больше, чем я того заслуживаю,— но скажите ей все-таки, что из любви к ней я в последнюю минуту исправился. Байрн! Лучше ее нет в целом мире. Ни вы, ни я еще такой не видывали, мы недостойны дышать одним воздухом с ней. Теперь вы видите, почему я хочу идти вперед?

— Я так и думал: вы к ней подмазываетесь,— ответил Билли.— Ну, да чего зря болтать! Бросим жребий, кому идти, кому оставаться. Есть у вас деньги?

Терье пошарил в кармане и выудил серебряную монету.

— Орел — пойдете вы, решка — я,— сказал он и, подбросив монету в воздух, поймал ее на ладонь.

— Орел,— сказал Байрн и усмехнулся.— Э! Чего это они вдруг разгладелись?

На улицах деревни, еще за минуту до того пустынных и тихих, внезапно появилась толпа возбужденных японцев. Все они, громко крича и волнуясь, бежали к хижине Оды Иоримото.

— Верно, что-нибудь у них случилось,— сказал Билли.— Ну, ладно, я пошел.

Он выскочил из-под прикрытия джунглей и быстро перебежал через лужайку к задней стене хижины Оды Иоримото.

БИЛЛИ БАЙРН В РОЛИ СПАСИТЕЛЯ

Барбара Хардинг услышала, что самураи, находившиеся в смежной комнате, уже подошли к двери, разделявшей ее от них, и прижала острие меча к своей груди.

Раздался тяжелый удар в дверь, и в ту же минуту девушка вздрогнула: ей показалось, что кто-то двигался позади нее.

Какая новая опасность угрожала ей? Она испуганно оглянулась и вскрикнула от удивления: в отверстии полуразрушенного окна в глубине комнаты вырисовывались голова и плечи Билли Байрна.

Барбара не знала, как ей отнестись к его появлению. Она не могла забыть, как геройски спас ее накануне этот грубый человек, когда «Полумесяц» разбился о скалу, но она помнила также все его приставанья, его постоянные угрозы и его зверское поведение с Мэллори и Терье.

Будет ли ее участь лучше, если она очутится в его власти?

Одного взгляда Билли Байрну было достаточно, чтобы оценить положение. Девушка стояла на коленях перед дверью, в которую кто-то ломился. У ее ног лежали трупы двух убитых мужчин. Билли заметил тоже странное положение меча, который Барбара держала у груди.

— Веселее, малютка! — прошептал он.— Через минуту я буду с вами. Терье тоже здесь. Он придет на помощь, если я не справлюсь один.

Девушка повернулась к двери.

— Подождите,— закричала она самураям, находящимся по ту сторону двери,— пока я оттащу убитых. Тогда вы сможете войти.

Воинов до сих пор удерживало только опасение, что Ода Иоримото быть может вовсе и не убит и что, если они без его позволения ворвутся в комнату, то некоторым из них придется больно поплатиться за свою дерзость. Но в ту минуту, как девушка неосторожно упомянула про «убитых», самураи уверились, что Оды Иоримото больше нет в живых, и они стремительно бросились на маленькую дверь.

Барбара изо всех сил налегла на другую сторону до-

сок. Два трупа своею тяжестью тоже помогали ей, а позади ее, хрюкая от усилий, Билли Байрн с осторвенением ломал плотную глиняную стену вокруг окна, стараясь расширить отверстие настолько, чтобы его огромное туловище могло протиснуться в комнату.

Наконец это ему удалось. Он подбежал к девушке. Схватив с пола длинный меч даймио, он навалился всей своей огромной тяжестью на дверь и приказал Барбаре как можно быстрее лезть в окно и бежать к лесу.

— Там ждет вас Терье,— торопливо прибавил он.— Если вам удастся благополучно добежать до лесу, вы спасены.

— А вы? — воскликнула девушка.— Что будет с вами?

— В мои дела не суйтесь,— сурово отрезал Билли.— Делайте так, как вам говорят. Ну? Живо!

И он грубо толкнул ее по направлению к окну.

В этот момент под соединенными усилиями японцев хрупкая дверь сорвалась со своих ржавых петель и рухнула на пол.

Первый самурай, показавшийся на пороге, был перерублен с головы до груди острым мечом правителя Иоки; второй получил сильный удар в челюсть и отлетел в сторону. Но за ними неудержимо хлынул целый поток воинов.

Барбара Хардинг инстинктивно кинулась к окну. В нескольких шагах от себя она увидела джунгли и различила на опушке леса фигуру мужчины, прятавшегося в высокой траве.

— Мистер Терье! — закричала она.— Скорее! Они убивают Байрна!

Затем она отвернулась от окна, схватила с полу короткий меч и подскочила к Билли, который отдавал за нее свою жизнь.

Байрн поднял испуганный взгляд на девушку, сражавшуюся рядом с ним.

— Бросьте сейчас! — заорал он.— Убирайтесь отсюда!

Но девушка только улыбнулась и осталась рядом с ним. Билли старался одной рукой оттолкнуть ее позади себя, в то время как он отбивался другой, но она снова выдвинулась вперед.

Самураи нажимали на них со всех сторон. Троє воинов, вооруженных длинными мечами, одновременно

набросились на Билли. Кровь сочилась у него из многочисленных ран, но у его ног лежали два убитых японца, а третий корчился на полу со смертельной раной в животе.

Барбара Хардинг прилагала все усилия, чтобы отбивать удары тех, кто пытался обойти Билли сзади. Силы были так неравны, что борьба не могла продолжаться долго. Соседняя комната ломилась воинами, которые старались пробить дорогу к белому гиганту, сражающемуся подобно древнему полубогу в темной, грязной конуре даймио.

Барбара искоса взглянула на Билли.

Он был поразителен! Пыл сражения совершенно преобразил его. Угрюмый, грубый, неуклюжий матрос, которого она знала на «Полумесяце», исчез. Вместо него перед ней предстал мускулистый, ловкий атлет, на много превышающий ростом своих противников, казавшихся перед ним уродливыми пигмеями. Его серые глаза блестали, легкая улыбка играла на энергичных губах.

Длинный меч, которым размахивали его непривычные руки, выбивал оружие, из рук его ловких врагов одной силой и стремительностью нападения. Вот он ударили по плечу самурая, рассекая кости и мускулы и раскроив туловище почти надвое.

Вот один из самураев, проскочив мимо девушки, прокрался к нему, держа наготове кинжал. Она бросилась вперед, чтобы ему помешать, но Билли уже размахнулся левым кулаком и нанес воину такой удар в лицо, что он отлетел в сторону.

В это время какой-то темнолицый дьявол, походивший больше на малайца, чем на японца, подскочил к Билли с другой стороны, и тот с размаху вонзил ему меч в туловище. Воин упал навзничь, но при падении рукоятка меча оказалась вырванной из рук Байрна.

Самурай, стоявший ближе всего к нему, увидел, что враг обезоружен, и с радостным воплем ударил его прямо в грудь своим длинным, тонким кинжалом.

Но убить Билли Байрна оказалось не так-то легко. Он резко толкнул японца, а затем, поймав его за плечо, высоко поднял его над своей головой и бросил с размаху в толпу, теснившуюся в узком проходе.

Почти в то же мгновение из рядов самураев, стоявших перед Билли, вылетело копье, и, слегка вскрик-

нув, белый гигант упал лицом вниз. В ту же минуту позади Барбары Хардинг раздался выстрел, и Терье, прыгнув мимо нее, встал перед распостертым телом Байрна.

Один из самураев пал, сраженный насмерть. Остальные, никогда не видавшие огнестрельного оружия, в страхе попятились назад.

Терье снова выстрелил прямо в самую гущу, и на этот раз упали двое, сраженные одной и той же пулей...

Воины отступили еще. Терье с торжествующим кличем бросился за ними. С минуту самураи стояли в нерешимости, затем ряды их дрогнули, смешались, и с воплями ужаса они бросились из хижины.

Когда Терье обернулся к Барбаре Хардинг, она стояла на коленях у тела Байрна.

— Он умер? — спросил француз.

— Нет. Сможем ли мы поднять его и пронести через окно?

— Это единственный выход,— ответил Терье.— Попытаемся.

Они схватили Билли и потащили его к дальнему концу комнаты. Но, несмотря на все их усилия, нечего было и думать поднять вдвоем огромное безжизненное тело и просунуть его через небольшое отверстие.

— Что же делать? — в отчаянии вскричал Терье.

— Мы должны с ним остаться,— ответила Барбара Хардинг.— Я не смогу покинуть человека, который так благородно сражался за меня.

Терье застонал.

— Я тоже не мог бы этого сделать,— сказал Терье.— Но вы... ведь он отдал свою жизнь для того, чтобы спасти вас. Неужели его жертва будет напрасной?

— Я не могу уйти одна,— ответила она просто,— а я знаю, что вы его не оставите. Другого исхода нет: мы должны остаться оба.

В это время Билли открыл глаза.

— Кто меня толкнул? — осведомился он.— Покажите мне этого мерзавца!

Терье не смог подавить улыбки. Барбара Хардинг снова опустилась на колени перед Билли.

— Никто не толкал вас, мистер Байрн,— сказала она.— Копье попало в вас, и вы серьезно ранены.

Билли открыл глаза еще шире и остановил их на прекрасном лице девушки, близко склонившейся к нему.

— Мистер Байрн! — произнес он, морщась от отвра-

щения.— Не называйте меня так! Уж не принимаете ли вы меня за пижона в крахмале?

Затем он уселся. Кровь, сочившаяся из раны в груди, пропитала насквозь всю рубашку и медленно стекала на земляной пол. На голове его зияли две раны: одна на лбу, а другая поперек всей левой щеки, от глаза до ушной раковины. Билли получил эти раны в самом начале боя. С головы до пят он представлял сплошную кровавую массу.

Сквозь свою красную маску он взглянул на кучу трупов, валявшихся в дальнем конце комнаты, и на лице его показалась усмешка, заставившая потрескаться засохшую кровь у его рта.

— Здоровую трепку мы задали этим япошкам,— заметил он мисс Хардинг.

Затем он встал как ни в чем не бывало и встряхнулся, как большой пес. Казалось, он чувствует себя прекрасно.

— Счастье наше, что вы подоспели вовремя,— прибавил он, обращаясь к Терье.— Япошки как раз собирались уложить меня навсегда.

Барбара Хардинг изумленно смотрела на Байрна. За минуту до того она со страхом ожидала его конца — теперь он стоял перед ней и говорил так равнодушно, как будто не получил и царапины.

Ран своих он, казалось, не замечал совершенно. По крайней мере, относился он к ним совсем безучастно.

— Вы очень сильно ранены, мой милый,— сказал ему Терье.— Можете ли вы попытаться дойти до джунглей? Японцы, вероятно, очень скоро вернутся обратно.

— Конечно могу,— вскричал Билли Байрн.— Идемте вперед!

Он подбежал к окну и одним махом перепрыгнул через него.

— Передайте мне малютку. Живо! Они уже идут.

Терье поднял Барбару Хардинг и передал ее Байрну. Затем Билли протянул руку французу, и через минуту все трое стояли уже перед хижиной.

Около двенадцати самураев неслись к ним из-за угла «дворца». Чтобы достигнуть джунглей, нужно было пребежать около двухсот футов по открытой лужайке. Нельзя было терять ни минуты.

— Бегите вперед с мисс Хардинг,— закричал Терье.— Я буду прикрывать наше отступление. Не бойтесь! У меня револьвер.

Байрн схватил девушку и перебросил ее через плечо. Кровь, лившаяся из его ран, перепачкала ей руки и платье.

— Держись крепко, малютка,— закричал он и быстрым шагом пустился к лесу.

Терье бежал за ними, приберегая огонь до того момента, когда он мог оказать наибольшую пользу. С дикими криками мчались самураи за ускользавшей от них добычей. У всех туземцев были длинные острые копья, их мечи висели на поясе, и старинные доспехи звенели во время бега.

Сцена, разыгравшаяся на опушке непроходимых джунглей, была полна необычайности. Преступный хулиган, парий мирового города, нес на руках девушку. Их защищал бессовестный авантюрист, потомок древней французской фамилии, а сзади неслась воющая банда из семи или восьми японцев, одетых в доспехи шестнадцатого столетия и размахивающих копьями первобытных дикарей...

Три четверти расстояния были уже благополучно покрыты, когд самураи приблизились к трем беглецам на расстояние полета копья. Терье, видя опасность, отстал на несколько шагов, надеясь принять удар на себя.

Передний из преследователей поднял копье над головой и отвел руку назад для удара. Терье выстрелил, японец упал ничком и покатился по земле.

Вопли ярости вырвались из груди остальных самураев, и полдюжины копьев метнулись по направлению к французу. Одно из них пронзило насеквоздь его бедро, и он упал на землю.

Байрн был уже у опушки леса. Девушка, смотревшая назад, первая заметила катастрофу.

— Стойте! — закричала она.— Мистер Терье упал.

Байрн остановился и обернулся. Терье, с трудом приподнимаясь на локте, отстреливался от приближившихся врагов. Билли опустил девушку на ноги.

— Подождите меня здесь! — приказал он и побежал обратно.

Но раньше, чем он добежал до француза, другое копье вонзилось в грудь Терье, и он без чувств откинулся назад. Самураи быстро приближались к раненому. Весь вопрос был в том, кто первый до него добежит.

Терье оказался сраженным, в то время как он заря-

жал револьвер. Оружие лежало теперь рядом с ним, и барабан его был полон свежих зарядов. Билли первый очутился около него, схватил револьвер и начал хладнокровно и быстро стрелять в японцев.

Четверо из них свалились под убийственным огнем, и Билли грубо выругал себя за то, что две пули не попали в цель.

Сопротивление Байрна ошеломило туземцев, их осталось теперь всего двое. Этим двум, очевидно, было достаточно того, что они испытали, и они бросились наутек. Байрн послал им вдогонку еще парочку выстрелов, затем взвалил француза на плечи и понес его в лес.

Там, под прикрытием джунглей, они уложили раненного на траву. Девушке казалось, что страшная рана в грудь смертельна и что конец наступит через несколько минут.

Байрн по-видимому совершенно равнодушно отнесся к серьезному положению Терье. Он деловито снял с него пояс с зарядами, одел его на себя и снова зарядил револьвер. Тут только заметил он связанного мальчика Оду Исеку, все еще лежащего за ними в кустах, куда он и Терье его положили. Самураи, получившие подкрепление, снова осторожно подкрадывались к их убежищу.

Неожиданно Байрну пришла счастливая мысль.

— Вы, кажется, лопотали с япошками, когда я прыгнул в окно? — спросил он Барбару.

Девушка кивнула головой.

— Значит, вы по-ихнему знаете?

— Немного.

— Скажите вы тогда этой обезьяне,— сказал он, указывая на мальчика,— чтобы он передал своим, что я его укокошу, если они не оставят нас в покое и не дадут нам уйти. Терье сказывал, будто этот мальчишка — королевский сын. Тятька его — тот самый молодчик, который вас потащил спать в свой курятник,— пояснил Билли.— Так что выходит, что этот сопляк теперь ихний король.

Барбара Хардинг сразу поняла все благоразумие этого совета. Она вышла на опушку леса и громко крикнула японцам остановиться и выслушать ее. Затем она объяснила им, что в их руках находится, в качестве пленника, сын Оды Иоримото и что он ответит жизнью за дальнейшее преследование белых.

Самураи некоторое время совещались между собой, а затем один из них выступил вперед и крикнул, что они ей не верят и что Ода Исека, сын Оды Иоримото, находится в безопасности в деревне.

— Подождите,— ответила девушка.— Мы покажем его вам.

И, повернувшись к Байрну, стоявшему за ней с револьвером в руках, она попросила его принести мальчика.

Когда белый человек вернулся, неся на руках сына даймио, горестный вопль, смешанный с яростными криками, вырвался из уст туземцев.

— Белый человек, который держит сына даймио, просит передать вам, что, если вы оставите нас в покое, он не сделает ему никакого зла,— громко закричала Барбара.— Он выпустит его на свободу в тот день, как мы покинем ваш остров. Но если вы возобновите свое нападение на нас, то белый человек вырежет его сердце и бросит на съедение лисицам!

Туземцы снова начали шепотом совещаться. Наконец один из них, тот, который уже выступал в качестве оратора, повернулся к белым людям.

— Мы не причиним вам зла,— сказал он,— до тех пор, пока вы не причините зла Оде Исеке. Но мы будем за вами все время следить, и, если с ним что-нибудь случится, то вы никогда не покинете острова, потому что мы всех вас убьем!

Барбара перевела Байрну слова туземца.

— А они нас не обдуют? — обеспокоился он.

— Я думаю, они остерегутся открыто напасть на нас,— ответила девушка.— Но, конечно, мы должны быть все время настороже, потому что при первой возможности они с нами разделяются!

Байрон и девушка снова вернулись к Терье. Француз лежал без чувств на том месте, куда его положили, и тихо стонал. Билли вынул изо рта Оды Исеки тряпку, служившую кляпом.

— В какой стороне здесь вода? Спросите его,— обратился он к Барбаре.

Девушка спросила мальчика по-японски.

— Он говорит, что нужно идти прямо вверх по тому оврагу, который позади нас. Там есть небольшой родник.

Байрон развязал ноги Оде Исеке и привязал его

той же веревкой к своему поясу. Затем он поднял Терье на руки и указал мальчику на овраг.

— Ступайте рядом со мной,— сказал он Барбаре Хардинг,— и смотрите назад в оба.

Таким образом, в полном молчании, маленькая компания начала взбираться по тропинке, которая вскоре сделалась крутой и неровной, а за ними, под прикрытием кустов, неслышно крались четыре самурая.

После получасового утомительного перехода, Байрн стал чувствовать на себе результат огромной потери крови.

Он начал кашлять от утомления. При этом кровь снова хлынула из свежей раны на его груди.

Однако видимой слабости в нем не замечалось. Он шагал бодро, не шатаясь, и девушка, шедшая рядом с ним, только удивлялась его выносливости.

Наконец они подошли к небольшому прозрачному источнику, на половину скрытому под свисающими мхами в середине естественного грота чарующей прелести. Ода Исека знаком показал, что они достигли цели своего путешествия. Байрн осторожно положил Терье на усыпанную цветами лужайку перед гротом и вдруг сам, с легким криком, упал рядом с французом.

Барбара Хардинг похолодела от ужаса. Она вдруг поняла, что за последние часы она привыкла смотреть на этого гиганта, как на непобедимого героя, что она надеялась на него даже больше, чем на Терье. А теперь она очутилась в середине дикого острова, окруженная,— в этом она была уверена,— притаившимися убийцами, в обществе двух умирающих белых мужчин и коричневого мальчика-заложника.

Ода Исека понял положение вещей и с торжествующей улыбкой звонко крикнул:

— Скорее ко мне, мой народ! Оба белолицых воина умирают.

И сразу из джунглей донесся ответный крик:

— Мы идем, Ода Исека, правитель Иокошимы. Твои верные самураи идут!

СМЕРТЬ ТЕРЬЕ

Звук грубых голосов, раздавшихся так близко около Барбары, пробудил ее от оцепенения. Подскочив к лежавшему Байрну, она выхватила из-за его пояса револьвер и обернулась к мальчику, как разъяренная тигрица.

— Живо! — закричала она.— Скажи им сейчас же, чтобы они ушли назад. Я убью тебя, если только они подойдут ближе.

Мальчик в ужасе метнулся назад при виде горящих глаз белой девушки и ее угрожающей позы. Дрожащим голосом, в котором ясно слышался ужас, крикнул он своим верным самураям остановиться.

Барbara облегченно вздохнула... Теперь она обратила все свое внимание на своих спутников, лежащих без чувств у ее ног. По виду казалось, что каждый из них в любой момент может испустить последний вздох. Когда она взглянула на Терье, ее охватила глубокая жалость и слезы выступили у нее на глазах.

Однако она подала помощь сперва Билли Байрну,— почему? Она и сама не могла бы этого объяснить.

Она обрызгала ему лицо холодной водой источника. Она смочила ему руки у пульса и обмыла его раны; она оторвала от своей юбки длинный лоскут, чтобы перевязать страшную рану на груди и остановить поток крови, сочившейся при каждом дыхании Байрна.

Ее заботы наконец увенчались успехом: кровь остановилась, и появились признаки возвращающегося сознания.

Он открыл глаза. Близко над ним склонилось лучезарное видение прелестного лица Барбары Хардинг. Билли чувствовал, как ее холодные мягкие руки гладили его лоб.

Он снова закрыл глаза, чтобы побороть в себе постыдную, как он думал, нежность, охватившую его от необычайного ощущения.

С неимоверным усилием приподнялся он на локте и с нахмуренным лицом взглянул на нее.

— Убирайся! — сказал он ей грубо.— Я не пижон. Не приставай!

Оскорблена больше, чем она желала в этом при-

знаться, Барбара Хардинг отвернулась от своего неблагодарного пациента, чтобы оказать помощь Терье. Билли ясно прочел на ее лице обиду и принял лежа, обдумывать этот инцидент, следя глазами за ловкими белыми руками, перевязывавшими раны еле дышащего француза.

Он смотрел, как она смывала грязь и кровь с его страшной раны, и понял, сколько мужества требовалось для того, чтобы женщина ее склада исполняла такую неприятную работу.

Никогда раньше подобная мысль не пришла бы ему в голову. И никогда раньше не думал бы он об огорчении, которое доставили девушки сказанные им слова... Если бы он и заметил это огорчение, то оно доставило бы ему только чувство радости.

А сейчас он был во власти какого-то необычайного чувства. Ему хотелось как-нибудь загладить свою вину. Какая странная перемена произошла в сердце хулигана из шайки Келли?

— Слушай! — неожиданно сказал он.

Барбара Хардинг вопросительно взглянула на него. В ее глазах опять было то холодное, надменное высокомерие, с которым она смотрела на него на палубе «Полумесяца» и за которое он так ее ненавидел. При виде этого взгляда у Билли захватило дыхание, и произнести слова, которые он приготовил, стало прямо-таки невозможно.

Он нервно закашлялся, и лицо его опять стало хмурым.

— Вы, кажется, что-то сказали? — холодно спросила мисс Хардинг.

Билли Байрн откашлялся, и с его губ сорвались не те слова, которые он предполагал произнести, а грубые слова, которые исходили как будто от кого-то другого, от прежнего Билли Байрна.

— Что, этот олух еще не сдох? — пробурчал он.

Потрясенная до глубины души этим грубым вопросом, Барбара Хардинг вскочила на ноги. Она с ужасом посмотрела на человека, который мог говорить таким тоном о храбром товарище, находящемся при смерти. Ее глаза гневно сверкнули, и горячие, горькие слова были готовы сорваться с ее губ, когда она внезапно вспомнила о геройском самопожертвовании Байрна, вернувшегося к раненому Терье перед лицом приближающихся самураев.. Она вспомнила о хладнокровии

и мужестве, которые он выказал, унося бесчувственного Терье в джунгли, о преданном, почти сверхчеловеческом самоотвержении, с которым он взбирался на крутую гору с тяжелой ношей, сам истекая кровью... и смолчала.

Как могли совмещаться такие поступки и такие слова в одном человеке? Барбара подумала, что в Байрне странным образом уживались два существа с совершенно различными характерами.

Кто может утверждать, что ее гипотеза была неправильна? В Билли Байрне происходила постепенная метаморфоза, и в настоящую минуту еще было под вопросом, какой из его характеров одержит окончательно верх.

Байрн прочел упрек в глазах девушки. Он резко отвернулся и, тяжело вздохнув, откинул голову на свою вытянутую руку. Девушка некоторое время с недоумением смотрела на него, а затем снова вернулась к Терье.

Дыхание француза было чуть слышно; однако, спустя некоторое время он открыл глаза и устало взглянул вверх. При виде Барбары он попробовал улыбнуться и заговорить, но приступ кашля окрасил его губы кровавой пеной, и он снова закрыл глаза. Его дыхание делалось все слабее и слабее. Девушка с трудом могла различить движение груди. «Он умирает!» — подумала она испуганно.

Она перевела взгляд на Байрна. Билли все еще лежал неподвижно, прикрыв лицо рукой, и по-видимому спал. А может быть он мертв?

Последняя мысль заставила ее побледнеть.

Она тихо подошла к нему и, наклонившись над ним, положила свою руку на его плечо.

— Мистер Байрн,— прошептала она.

Билли повернул к ней свое лицо. Оно выглядело усталым и растерянным.

— Что такое? — спросил он.

Голос его звучал мягче обыкновенного.

— Мне кажется, мистер Терье умирает,— прошептала девушка,— и я... я... я так боюсь!

Байрн покраснел до корней волос. Воспоминание о грубых словах, которые он только что произнес, мучило его до боли. Несколько дней до того Байрн рассмеялся бы в лицо кому-нибудь, кто предположил бы, что он может питать другое чувство, кроме ненависти, ко второму штурману «Полумесяца». Теперь он совершенно

неожиданно для себя понял, что ему будет очень не- приятно, если Терье умрет...

В нем пробудилось первое чувство — чувство, которого он не знал во всю свою тяжелую одинокую жизнь, — чувство дружбы.

Он положительно чувствовал дружбу к Терье. Это было невероятно, и все же Билли чувствовал, что это так!

Со страшным усилием, причинявшим ему острую боль, подполз он к французу.

— Терье! — прошептал он ему на ухо.

Офицер с трудом повернул к нему голову.

— Узнаете вы меня, дружище? — спросил Билли, и по тону его охрипшего голоса Барбара Хардинг поняла, что в глазах его стояли слезы.

Билли был невероятно взволнован новыми ощущениями. Да и то сказать, он в первый раз в жизни подходил к человеку с дружеским обращением!

Терье взял руку Байрна в свою. Было очевидно, что и он заметил необычайный тон матроса.

— Да, друг мой, узнаю, — сказал он слабо.

И затем, обращаясь к мисс Хардинг, простонал:

— Дайте мне воды, пожалуйста.

Барбара Хардинг принесла ему воды и держала его голову на своих коленях, пока он пил. Холодная влага, казалось, придала ему силы, потому что вскоре он заговорил более твердым голосом.

— Я умираю, Байрн, — сказал он. — Но перед смертью я желаю сказать вам, что в последние дни я убедился, что из всех храбрых людей, которых я когда-либо знал, вы самый храбрый. Еще неделю тому назад я считал вас трусом и негодяем: мне хочется попросить у вас за это прощения.

— Бросьте об этом думать, — прошептал Байрн, — я так полагаю, что неделю тому назад я и вправду был негодяем и трусом.

— Байрн, — продолжал Терье, — не забудьте передать мисс Хардинг то, о чем я просил вас, когда мы бросили жребий, кому первому войти в дом Оды Иоримото.

— Хорошо, хорошо, не забуду, — сказал Билли.

— Прощайте, Байрн, — прохрипел Терье. — Охраняйте мисс Хардинг как можно лучше.

— Прощай, дружище, — ответил Билли.

Голос его предательски дрогнул, и две крупные слезы

скатились по щекам «самого грубого парня западной части Чикаго».

Барбара склонилась над умирающим.

— Прощайте, мой бедный друг,— сказала она.— Да вознаградит вас бог за вашу дружбу, храбрость и преданность!

Терье печально улыбнулся.

— Байрон расскажет вам все,— проговорил он,— за исключением того, кто я такой; этого он не знает.

— Может быть вы хотите что-нибудь передать вашим близким, мой друг? — спросила девушка.

Терье с минуту молчал, как бы раздумывая о чем-то.

— Мое имя,— сказал он,— Анри Терье, граф де Каденэ. Мне нечего передавать своим родным, мисс Хардинг, разве только то, что вы сами найдете нужным сообщить им. Они жили в Париже, в то время как я в последний раз слышал о них. Мой брат, Жак, был депутатом.

Его голос сорвался и стал таким слабым, что девушка едва могла разобрать последние слова. Затем он два раза открыл рот, с трудом забирая воздух, и снова попробовал заговорить. Барбара еще ниже склонилась к нему и приложила ухо почти к самым его губам.

— Прощайте, любимая,— чуть слышно произнес он еще.

Затем тело его слегка вздрогнуло и вытянулось.

— Умер! — прошептала девушка.

Она не плакала, но чувствовала себя глубоко несчастной. В эту минуту она поняла, что не любила этого человека настоящей любовью, но что у нее была к нему привычка и что она смотрела на него, как на единственного верного друга среди негодяев и убийц, окружавших ее в последнее время.

Было возможно, что когда-нибудь она смогла бы ответить ему на его явную горячую любовь. О теневой стороне его жизни она ничего не знала и не догадывалась о той подлой двойственной игре, которую он вел в первое время своего знакомства с ней.

В ее памяти он остался храбрым и преданным человеком, и в этом отношении она была права. Кем бы ни был Анри Терье в прошлом, последние дни его жизни выявили его настоящую душу. Своей смертью он искупил много грехов.

В эти последние несколько дней, неведомо для са-

мого себя, он установил известные правила чести и рыцарства. Билли Байрн бессознательно старался преобразовать себя по образцу человека, которого он сперва ненавидел, но которого, в конце концов, он научился любить.

Некоторое время они оба сидели с поникшими головами, тупо уставивши взоры в землю. Наступил вечер, и короткие сумерки тропиков окутали все непроглядной темнотой.

Байрн первый поднял голову и оглянулся. Его глаза безучастно скользили по небольшой лужайке. Внезапно, шатаясь, он вскочил на ноги. Барбара Хардинг тоже вскочила, испуганная его встревоженным видом.

— Что такое? — прошептала она.— В чем дело?

— Япошка! — вскричал он.— Где япошка?

Ода Исека исчез.

Молодой даймио воспользовался тем, что внимание его похитителей было всецело поглощено последними минутами Терье, и перегрыз веревку, которой он был привязан к Байрну. Руки его продолжали быть связанными назад, но это не могло помешать ему ускользнуть в джунгли и пробраться к своим.

— Он приведет их сюда очень скоро,— прошептала девушка.— Что нам делать?

— Нужно улепетывать,— ответил Билли.— Хоть и стыдно удирать от каких-то япошек, но, я думаю, нам с ними сейчас не справиться.

— А бедный мистер Терье? — спросила девушка.

— Я похороню его где-нибудь по близости,— ответил Байрн.— Вряд ли мне удастся утащить его далеко — слишком я ослаб. Вам все равно, если я похороню его здесь?

— Другого ничего не остается сделать, мистер Байрн,— ответила девушка.— Да и не нужно совсем нести его далеко. Мы сделали все, что могли: вы почти отдали свою жизнь за него, и теперь ни к чему не приведет, если мы понесем с собою его мертвое тело.

— Так-то так, да страшно подумать, что проклятые охотники за черепами надругаются над его телом! — сказал Билли.— Нужно будет схоронить его так, чтобы они никак не могли его найти.

— Но ведь вы совсем не в состоянии сейчас нести тело,— заметила девушка.— Я боюсь даже, что вы один, без ноши, не сможете уйти далеко.

Байрн только усмехнулся.

— Вы меня не знаете, мисс,— сказал он, нагнулся, взвалил тело француза на плечи и отправился вверх по склону горы через мелкий кустарник.

Несмотря на свою страшную слабость, несмотря на боль, Байрн продолжал упорно карабкаться вверх, в то время как изумленная девушка следовала за ним.

Пройдя двести футов от источника, они нашли небольшое ровное место и здесь, с помощью двух мечей Оды Иоримото, вырыли неглубокую яму, в которую и положили бренные останки графа де-Каденэ.

Некоторое время они оба с поникшей головойостояли над свежей могилой, а затем свернули в дикие горы, чтобы продолжать свое бегство.

Луна наконец взошла и освещала им путь, но дорога была страшно неровная и опасная. Часто представлялись непроходимые препятствия. В некоторых местах они на значительном расстоянии принуждены были идти, держась за руку, а дважды Билли Байрн переносил девушку через расщелины.

Вскоре после полуночи они подошли к маленькому горному потоку и пошли вверх по его течению, пока не добрались до его источника. Здесь путь их оказался прегражденным отвесными скалами.

Они вошли в этот маленький амфитеатр через узкий скалистый проход, по дну которого бежал небольшой ручей. Билли должен был наконец сознаться, что дальше идти он не в состоянии.

— Кто бы мог подумать, что я такая размазня? — воскликнул он с отвращением.

— Что вы! Вы просто поразительный, необыкновенный человек, мистер Байрн,— горячо ответила девушка.— Кто мог бы проделать то, что вы проделали сегодня, и остаться в живых?

Билли махнул рукой.

— Ну, а теперь нужно как можно лучше устроиться на ночь,— сказал он.— Защищаться здесь будет удобно.

Несмотря на свою усталость, он еще отправился за мягкой травой и накидал ее кучей под деревцом, росшим в глубине лощины.

— Это вам пуховик,— пошутил он.— Ложитесь, небось сейчас захрапите.

— Спасибо,— ответила девушка.— Я еле стою от усталости.

Она была так утомлена и обессилена всякими волнениями, что, едва она успела лечь на мягкую травяную подстилку, как немедленно крепко заснула, не думая о странном положении, в котором она находилась.

На следующее утро солнце уже высоко стояло на небе, когда Барбара проснулась. Она с удивлением посмотрела на окружающую ее обстановку. Потребовалось несколько минут, пока она пришла в себя. Сперва ей показалось, что она одна, но скоро ее взгляд упал на гигантскую фигуру, стоявшую у узкого прохода в ложбину.

Это был Байрн. При виде его, девушку охватил ужас. Одна, в диких горах неведомого острова, одна, с глазу на глаз с убийцей Билли Мэллори, с грубым животным, который ударил по лицу бесчувственного Терье, с хулиганом, который всячески оскорблял ее на корабле и угрожал ей кулаком! Она содрогнулась при этом воспоминании.

Но затем она вспомнила другую сторону его характера — и сама не знала, бояться его или нет: по-видимому, все зависело от настроения, в котором он окажется. «Нужно постараться расположить его в свою пользу...» — подумала девушка.

Ласковым веселым голосом крикнула она ему утреннее приветствие.

Байрн обернулся. Барбару поразил изможденный вид его бледного лица.

- С добрым утром,— ответил он.— Как вы спали?
- О, прямо восхитительно! А вы?
- Так себе.

Она пристально взглянула на него, когда он приблизился к ней.

- Вы, пожалуй, вовсе не спали! — воскликнула она.
- Мне не очень хотелось спать,— ответил он уклончиво.

— Вы всю ночь провели настраже,— вскричала девушка.— Да, да, я знаю, что это так!

— Япошки могли нас выследить, нельзя было дрыхнуть,— сознался он.— Но я маленько сосну утромком, после того, как мы найдем какую-нибудь жратву.

- Что же мы можем найти здесь? — спросила она.
- Здесь рыбы много,— объяснил он.— Я думаю, если вы дадите мне шпильку, мне удастся подцепить парочку.

Девушка дала шпильку, которую он нашел пригодной для своей цели. Сапожный шнур заменил лесу, и, нацепив жирного червя в виде приманки на самодельный крючок, Байрн уселся удить в маленьком горном потоке. Доверчивая и голодная рыба оказалась легкой добычей, и Билли через короткое время выудил две великолепные форели.

— Я мог бы их сейчас слопать цельный десяток, — объявил он, и продолжал закидывать удочку, пока на траве, рядом с ним, не оказалась груда блестящей форели.

Он очистил рыбу перочинным ножом, развел костер между двумя камнями и, нанизав рыбу на палки, поджарил ее на огне.

У них не было ни соли, ни перцу, ни масла, но девушке показалось, что за всю свою жизнь ей не приходилось есть такого вкусного кушанья. Только когда запах жареной рыбы приятно защекотал ей ноздри, она вспомнила, что уже второй день, как не ела. Не мудрено, что оба они накинулись на еду, наслаждаясь каждым куском.

— Ну, а теперь, — сказал Билли Байрн, — я думаю, что могу завалиться на часок. Смотрите в оба и, как что услышите, сразу будите меня.

С этими словами он лег на траву и моментально заснул.

Чтобы убить время, девушка принялась исследовать ложбину, в которую их занесла судьба. Скалы громоздились со всех сторон. Имелся только один вход, тот узкий проход, через который протекал ручеек и через который они пришли. Она не отваживалась выйти за проход, но через него виднелся лесистый склон, тянувшийся книзу. Дважды, совсем близко от нее, олень подошел к ручейку, чтобы напиться.

Это было идеальное местечко, красота которого прельщала ее, несмотря на ужасные условия, в которых она находилась. Как чудно можно было бы провести время в этом лесном раю при других обстоятельствах!

Ее страшно мучил вопрос: могла ли она полагаться на Байрна? Долго ли будет у него продолжаться «добрый стих?» Ей все время казалось, что она ходит по вулкану. С возвращением его силы, при сознании полной безнаказанности, неужели этот грубый человек сумеет себя обуздать? Даже в ее собственном кругу было не

много мужчин, на которых она могла всецело положиться и с которыми рискала бы провести в безопасности несколько недель наедине.

Барбара посмотрела на человека, лежавшего в траве и погруженного в глубокий сон. Какой он огромный! По своей физической силе он был идеальным защитником. И она думала о том, что она одновременно и в большой безопасности — и в большой опасности из-за того, что Байрн такой сильный и грубый.

Погруженная в эти невеселые мысли, девушка обегала глазами лесистый склон, зеленевший позади прохода. Внезапно она вздрогнула, вскочила на ноги и, затенив глаза рукой, начала вглядываться вдаль. Она могла бы поклясться, что что-то зашевелилось между деревьями далеко внизу!

Да, она не ошиблась,— это была фигура мужчины...

Она подбежала к Байрну и стала трясти его за плечо.

— Кто-то идет к нам! — крикнула она встревоженным голосом.

XV

ПОНЯТЛИВЫЙ УЧЕНИК

Байрн и девушка вместе подошли ко входу в ложбину и, спрятавшись за утес, заглянули в расстилавшийся под ними лес.

Сперва ни один из них не увидел ничего тревожного.

— Вам верно привиделось,— сухо сказал Байрн.

— Нет,— возразила девушка,— я хорошо видела; да вот я вижу опять! Взгляните! Там, там, направо!

Байрн посмотрел по указанному направлению.

— Япошки,— пробормотал он, наморщив брови.— Глянь-ка на них! Их целая сотня.

Он с беспокойством окинул глазом ложбину.

— А это место хуже, чем оно мне ночью показалось,— заметил он.— Заберутся япошки на скалы,— нам тут и крышка, не уйти никуда от их копий.

— Да,— согласилась девушка,— мы здесь, как в мышеловке.

— Убираться, так убираться не медля. Идем!

С этими словами они быстро проскочили через

проход и, повернув направо, пошли вдоль отвесных скал, которые тянулись насколько мог охватить глаз и терялись в густом лесу.

Деревья и кустарник скрывали их от взоров туземцев. Их могли заметить в тот момент, когда они пробегали через проход, ведущий по ложбине, но как раз в это время неприятель был сам скрыт густыми кустами.

Несколько часов без передышки шли наши беглецы. Они перевалили через гребень горного кряжа, спустились в другую долину и наконец остановились для отдыха у небольшой речки. Они надеялись, что им удалось сбить с толку своих преследователей.

Снова Байрн занялся рыбной ловлей, снова сели они за незатейливую трапезу.

Байрн все поглядывал на девушку. Уже несколько дней, как он обратил внимание на ее поразительную красоту. Барбара часто ловила на себе его пристальный взгляд, и каждый раз Билли, застигнутый врасплох, виновато опускал глаза.

Эти взгляды сильно беспокоили девушку. Неужели опять начнутся осложнения и неприятности?

Байрн почти не говорил во время еды, и Барбара никак не могла придумать какой-нибудь интересной темы для разговора, которая отвлекла бы его от мыслей.

— Не лучше ли нам двинуться дальше? — спросила она наконец.

Байрн вздрогнул, как бы уличенный в каком-то неблаговидном поступке.

— Пожалуй, — сказал он. — Здесь ночь провести нельзя: слишком открытое место. Нужно найти такую дыру, где бы они нас не пронюхали.

Снова пустились они в безотрадный путь — бесцельное плутание по горам. Они бежали от одной опасности, а впереди ждала быть может опасность еще более страшная...

На сердце девушки было тяжело и неспокойно: она опять утратила свое доверие к Байрну и стала его бояться.

Они держались все время течения небольшого ручья, пока не дошли до места, где ручей вливался в реку. Тогда они двинулись по долине, по берегу этой реки, которая с каждой милей становилась все более широкой и бурной. День клонился к вечеру, когда они

очутились против небольшого скалистого островка. У Байрна вырвалось радостное восклицание:

— Вот это место в самый раз! Здесь им нас ни в жисть не найти!

— Но как нам туда добраться? — спросила девушка со страхом, указывая на бешено мчавшуюся пенистую реку.

— Здесь не глубоко,— успокоил ее Байрн.— Я перетащу вас.

И, не дождавшись ответа, он схватил ее за руки и начал спускаться с берега.

Билли уже был разгорячен мыслями, которые занимали его в течение дня; теперь же, когда он почувствовал близость молодого теплого тела, у него захватило дыхание и кровь закипела в жилах. Он еле удержался от страстного желания прижать ее к себе и покрыть ее лицо поцелуями.

А затем ему пришла в голову страшная мысль: чего ради ему собственно стесняться?

Чем была для него эта девушка? Он ненавидел ее и ей подобных. Она смотрела на него с презрением. Разве ее жизнь не принадлежит ему, ему, который спас ее дважды?

Да и что за беда? Им все равно никогда не выбраться с этого проклятого острова.

Они находились в это время на середине реки. Руки Байрна все крепче прижимали к себе девушку.

Резким движением он попробовал притянуть ее лицо к своему, но она уперлась обеими руками в его плечо и откинула голову.

Ее широко раскрытые глаза прямо смотрели в серые глаза Байрна. И каждый прочел во взгляде другого что-то огромное и значительное.

Барбаре показалось, что во взгляде Байрна светилась настоящая любовь, и это дало ей некоторую надежду. Или она ошибалась? А Билли смотрел в прелестное лицо женщины, которую он, сам того не сознавая, любил, и видел молчаливую и трогательную мольбу о пощаде.

— Не надо,— прошептала она похолодевшими губами.— Пожалуйста, не надо. Вы меня пугаете.

Неделю тому назад Билли Байрн только засмеялся бы и, пожалуй, «вздул» бы девушку за ее строптивость.

Теперь он не сделал ни того ни другого, и это одно уже красноречиво говорило о перемене, которая в нем

произошла. Но он не ослабил своих объятий и не отвел своего горящего взора от ее испуганных глаз.

Так перешел он через бурную, но неглубокую реку. В его душе шла борьба.

Страх, немой, леденящий страх застыл теперь в глазах девушки. Напугать ее! Это было то, чего он так безуспешно добивался еще несколько времени тому назад, на «Полумесяце».

Теперь она открыто созналась, что боится его — и это не доставило Байрну ни малейшего удовольствия. Наоборот, ему стало как-то не по себе.

А тут еще в прелестных глазах показались слезы и сдержанное рыданье сотрясло тело девушки.

— И как раз тогда, когда я уже начала доверять вам! — вскричала она.

Он взобрался на берег и, все еще держа ее в своих объятиях, стоял на мягким ковре из густой травы.

Наконец он медленно поставил ее на ноги. Он был весь еще охвачен безумным желанием, но в душе его крепло новое чувство, которое боролось со страстью.

Ему вспомнились предсмертные слова Терье: «Прощайте, Байрн, охраняйте мисс Хардинг как можно лучше». Вспомнились и свои собственные слова во время последнего разговора с умирающим французом: «Я полагаю, что неделю тому назад я взаправду был трусом и негодяем».

Билли стоял, уставившись в землю и все еще держа девушку за руку. Ее большие глаза вопросительно глядели на него. Она ждала своего приговора, как подсудимая.

Билли поднял глаза на девушку, и вдруг она представилась ему в новом свете.

Он понял, что никогда не сможет ее обидеть, потому что любит ее.

И вместе с сознанием своей любви, ему пришла мысль, что эта любовь безнадежна. Никогда, никогда эта девушка не сможет принадлежать такому, как он!

Барбара Хардинг, напряженно ожидавшая его решения, заметила безнадежную грусть, засветившуюся в глазах Байрна, и изумилась.

Пальцы, сжимавшие ее руку, безвольно разжались.

— Не пужайтесь,—тихо сказал Билли.— Пожалуйста, не пужайтесь. Я не могу обидеть вас, даже если бы хотел.

Глубокий вздох облегчения вырвался из груди Барбары. Ее радовало не только то, что опасность миновала, но и то, что Байрн оказался достойным того уважения, которое она стала было к нему питать.

— Идем,— сказал Билли,— нам лучше пройти вглубь, чтобы с берега нас не было видно. Там мы поищем место для лагеря. Я полагаю, что нам придется просидеть здесь несколько дней. Вы верно до смерти устали,— и я тоже.

Они вместе принялись за поиски. Девушка снова чувствовала себя свободно и легко, как будто между ней и ее спутником не подымалось страшного призрака.

Билли был в каком-то необыкновенном состоянии: острыя боль щемила его сердце, и вместе с тем он чувствовал себя более счастливым, чем когда-либо в своей жизни. Он бессознательно радовался присутствию любимой девушки и гордился своей победой над самим собой. Он ловко срезал длинным мечом Оды Иоримото несколько молодых деревьев и бамбуков, связал их крепкими волокнами трав и покрыл широкими листьями веерообразной пальмы. Получилось нечто вроде примитивного шалаша. Барбара собрала листьев и трав и устлала ими пол.

— Номер первый, Риверсайд-Драйв,— с усмешкой сказал Билли, когда работа была кончена,— а теперь я пойду к берегу и построю себе Боуэри¹.

— О, вы из Нью-Йорка? — живо спросила девушка.

— Ни в жисть,— ответил Билли Байрн.— Я из доблого старого Чикаго, но мне два раза пришлось быть в Нью-Йорке, и я знаю названия кварталов. В Боуэри у реки живет наш брат: вот я и хочу разбить свою палатку у реки. А вы, буржуйка, должны жить в Риверсайд-Драйве!

И он засмеялся своей шутке.

Но девушка не вторила его смеху. Наоборот, она казалась встревоженной.

— Не хотите ли и вы быть буржуем,— предложила она,— и поселиться в Риверсайд-Драйве, прямо через улицу от меня?

— Рылом не вышел,— угрюмо ответил Билли.

¹ Риверсайд-Драйв и Боуэри — кварталы в Нью-Йорке: первый фешенебельный квартал, а второй — рабочий.

— Разве вам не хотелось бы там пожить? — настаивала девушка.

Всю свою жизнь Билли с презрением смотрел на ненавистных, трусливых буржуев, и вдруг ему задавали вопрос, не хотел ли он быть одним из них! Что это, насмешка? И, однако, он вдруг почувствовал непонятное желание оказаться на месте Терье или Билли Мэллори; в некотором отношении даже на месте Дивайна. Ему безотчетно хотелось походить на мужчин того общества, в котором жила любимая им девушка.

— Мне поздно меняться,— сказал он печально.— Вы такой родились. И разве я не выглядел бы, как чучело гороховое, в спинжаке и крахмальной рубашке?

Барбара невольно расхохоталась, представив себе его в таком виде.

— Я не то думала,— поспешила она объяснить.— Я не думала, чтобы вы одевались так, как они, но поступали, говорили как они, ну, знаете, как мистер Терье. Он был настоящий джентльмен.

— А я нет,— отрезал Билли.

— О, я не хотела этого сказать,— торопливо проговорила девушка.

— Хотели или нет,— все равно, это так,— продолжал Байрн.— Я не джентльмен, а хулиган. Помните, вы сами мне это сказали на «Полумесяце»? Я не забыл. И правильно, я хулиган. Меня никогда и не учили быть чем-нибудь другим, да я никогда и не желал быть чем-нибудь другим, до сегодняшнего дня. Теперь мне было хотелось быть джентльменом, но слишком поздно.

— А вы попробуйте,— сказала девушка.— Хотите? Ради меня.

— Идет! — весело ответил Билли.— Для вас я готов даже баки носить.

— Какой ужас! — воскликнула Барбара Хардинг,— я бы на вас и смотреть не могла!

— Ладно! Так говорите, что вы хотите, чтобы я делал?

Задача была нелегкая и очень деликатная, если она не хотела оскорбить болезненного самолюбия Билли. Но Барбара решила ковать железо, пока горячо. Ей в голову не приходило спросить себя, почему она была так заинтересована в перевоспитании Билли Байрна.

Она слегка колебалась, прежде чем начать говорить.

— Первое, что вы должны сделать, мистер Байрн,—

сказала она,— это научиться говорить правильно; вы должны стараться говорить так, как я. Никто на свете не говорит совсем правильно ни на одном языке, но есть такие ошибки в произношении, которые особенно неприятны. И если обращать на них внимание, то очень легко отучиться от них.

— Ладно! — ответил Билли.— Я буду говорить, как всамделишний пижон,— ради вас!

Таким образом началось перевоспитание Байрна и, так как времени у них было более чем достаточно, то оно пошло быстрыми шагами. Билли очень заинтересовался учением, и, кроме того, ему так захотелось угодить своей учительнице! Таким образом дружба между ними еще более скрепилась.

* * *

Три недели провели они на островке, почти не покидая его и переходя за реку только для того, чтобы собирать плоды, которые росли в лесу.

Рана Байрна причиняла ему немало мучений. Одно время ему даже угрожало заражение крови. Температура вдруг поднялась, и встревоженная Барбара Хардинг всю ночь просидела возле него, смачивая ему голову водой и, насколько возможно, облегчая его страдания. Наконец паразитальная живучесть его организма взяла верх над болезнью.

Однако он был так изнурен, что они решили подождать, пока к нему вернется его прежняя сила, и только тогда попытаться достигнуть морского берега.

Во все это время у них не было оснований для тревоги. Никаких следов преследования не замечалось. Два раза, правда, они видели за рекой туземцев, занятых по-видимому охотой, но это были чистокровные малайцы, и самураев между ними не было видно. Все же вид их был такой дикий и воинственный, что Байрон и Барбара не отважились обнаружить своего присутствия.

С тех пор, как они прибыли на остров, они питались главным образом рыбой и лесными плодами. Изредка им удавалось разнообразить свой стол блюдом из дичи и лисиц, которых Байрон успешно ловил в примитивные силки собственного изобретения. Но за последнее время дичь стала осторожнее и даже рыбы, казалось, поубавилось.

После того, как они два дня просидели на одних плодах, Байрн объявил о своем намерении пойти на охоту за реку.

— Не плохо поесть чего-нибудь мясного,— сказал он.

— Да,— воскликнула девушка,— я прямо соскучилась по мясу. Мне кажется, я могла бы съесть его сырым.

— Я-то во всяком случае мог бы! — подтвердил Билли.— Не поздоровится оленю, который попадется под револьвер Терье. Боюсь, что вам не перепадет ни кусочка. Я так изголодался, что съем его целиком — с рогами, копытами и шкурой, прежде чем донесу что-нибудь до вас.

— Ну, уж что-нибудь донесите! — засмеялась девушка.— Прощайте! Желаю вам успеха. Только, пожалуйста, не заходите далеко. Мне будет ужасно скучно и страшно без вас.

— Может быть, вы пойдете со мной? — предложил Билли.

— Нет, я только помешаю вам.

— Ладно, я буду держаться на расстоянии выстрела. Ждите меня до заката солнца. Прощайте!

И он начал спускаться с обрыва в реку.

На другом берегу, в густой заросли, два злобных глаза следили за каждым его движением. Коричневая мускулистая рука крепко сжала боевое копье; стальные мускулы приготовились для прыжка и удара.

Девушка смотрела, как Билли Байрн перебирался через быстрый поток.

Какой он сильный! Сколько в нем энергии и выносливости! Что за человек! Правда, он грубый... но, странным образом, Барбара Хардинг восхищалась теперь той самой грубостью, которая когда-то так ее отталкивала... Вот он легко перепрыгнул на противоположный берег. В ту же минуту девушка заметила какое-то движение в кусте рядом с Билли.

XVI

ПРИЗНАНИЕ

Барбара Хардинг не знала, что вызвало движение, но инстинктивно почувствовала, что за этим кустом скрывается смертельная опасность для Байрна.

— Билли! — вскричала она. Его имя в первый раз невольно сорвалось с ее губ.— Смотрите, в кустах налево!

Тревога, звучавшая в ее голосе, заставила его повернуться при первом же ее слове, и это спасло ему жизнь. В нескольких шагах от него стоял полуобнаженный дикарь с занесенным копьем. Билли инстинктивно пригнулся и отскочил вправо. Тяжелое копье пролетело мимо, не причинив ему никакого вреда.

Воин с диким ревом выхватил свой кинжал и бросился на него. Байрн схватился за револьвер Терье и выстрелил прямо в упор; но, к ужасу девушки, револьвер дал осечку. Воин набросился на Билли раньше, чем он снова смог выстрелить.

Девушка видела, как белый человек сделал прыжок в сторону, чтобы избежать смертельного удара, затем обернулся с ловкостью пантеры и кинулся на дикаря.

Левая рука Байрна обхватила горло малайца, а могучим правым кулаком он наносил удар за ударом в коричневое лицо своего противника.

Дикарь выронил кинжал и вцепился в грудь гиганта, кусая и царапая его, но страшные удары продолжали сыпаться. Тогда дикарь обезумел от ужаса.

Единственная свидетельница этого первобытного боя стояла, как зачарованная. Голыми руками встретился он с вооруженным воином и победил его!

Какая сила! Ни Терье, ни Билли Мэллори не смогли бы этого сделать!

Бедный Билли Мэллори! Она, Барбара Хардинг, могла с восхищением смотреть на его убийцу! Девушка ужаснулась самой себе... Бой был кончен. Байрн бросил безжизненное тело своего врага на землю и снова вошел в воду, чтобы вернуться на остров. Когда он вскарабкался на берег и подошел к девушке, на лице его еще играла жесткая усмешка.

— Пожалуй, мне лучше не отходить от дома,— сказал он.— Я вижу теперь, что оставлять вас одну нельзя. Подумать только, что бы было, если бы он застиг вас одну!

И Байрн содрогнулся при этой мысли.

Девушка не ответила ни слова. Пораженный ее молчанием, Билли взглянул на нее. Он опять прочел в ее глазах выражение ужаса, как тогда, на палубе «Полумесяца», когда он ударил в лицо бесчувственного Терье.

— В чем дело? — спросил он тревожно.— Разве я не так поступил? Не убей я этого чумазого, он бы меня убил, а потом бы захватил бы и вас. Мне очень жаль, что вы всему этому были свидетельницей!

— Это не то,— ответила она тихо.— Вы вели себя очень храбро, и это было поразительно. Только я вспомнила о мистере Мэллори. О, Билли! Как могли вы тогда это сделать?

Байрн поник головой.

— Пожалуйста, не вспоминайте об этом,— с трудом проговорил он наконец.— Я отдал бы свою жизнь, чтобы вернуть его обратно, ради вас. Вы любили его, я понял теперь. Что бы я теперь не сделал, чтобы искупить свою вину! Когда я увидел, что Терье полюбил вас и что у него честные намерения, я начал помогать ему. Он был вам ровня, и я надеялся, что, помогая ему честно завоевать вас, я загляжу то, что я сделал с Мэллори. Теперь я вижу, что ничто никогда не сможет этого изгладить. Мне придется мучиться всю жизнь. Вы мне ясно показали, какую подłość я совершил. А если бы не вы, я бы даже гордился этим. Вы и Терье научили меня глядеть на вещи совсем иначе, чем я привык это делать. Я не жалею об этом. Но, мисс Хардинг, ради бога, не глядите на меня так,— я не могу перенести этого!

В первый раз Байрн открыл перед ней свою душу. Это тронуло девушку больше, чем она себе в этом сознавалась.

— Было бы глупо с моей стороны уверять вас, что я когда-нибудь смогу забыть это ужасное дело. Но мне кажется, что его совершил какой-то совсем другой человек, а не вы, который выказал столько мужества и так рыцарски относился ко мне в течение этих последних недель!

— И все же это был я! — печально сказал он.— Ужасно, что это останется в вашей памяти. Вы никогда не сможете вспомнить о мистере Мэллори, не вспомнив также о той скотине, которая его убила. Господи! А я еще считал себя таким молодцом! Но вы не можете себе представить, мисс Хардинг, как я был воспитан. Не думайте, что я хочу этим оправдаться; я хочу только сказать, что было бы просто непостижимо, если бы я сделался другим человеком. Ведь у меня не было других знакомых, кроме воров, карманщиков или убийц.

Хитрости во мне было меньше, чем у большинства из них, и поэтому мне приходилось опираться на свою грубую силу; я это и делал. Стыдно вспомнить, как я это делал! Поняте о «честной борьбе», — он рассмеялся при этой мысли,— мне и в голову не приходило. Да если бы я вздумал тогда «честно» бороться, мне бы живо наступил конец. Никто у нас не дрался честно ни в моей шайке, ни в других шайках, с которыми мне приходилось сталкиваться. Убить человека считалось самым славным поступком, а если его избивали до смерти, то это нисколько не уменьшало подвига. Принималось во внимание только, что вы делали, а не то, как вы делали. Конечно, если бы я хотел, я бы мог и тогда сделаться порядочным. Были такие парни, которые родились и выросли по соседству со мной и умудрились стать довольно приличными. Они работали и вели честную жизнь. Но мне всегда тошно было смотреть на них, я страшно их презирал. Мне совсем не хотелось быть приличным, пока... пока я не встретил вас и... и...

Он запнулся, и краска залила его лицо и шею.

— И не пожелал заслужить вашего уважения,— закончил он наконец свою фразу.

Это было совсем не то, что он хотел сказать первоначально, и девушка это поняла. Внезапно ее охватило желание услышать от Билли Байрна именно те слова, которые он не осмелился произнести. Но она быстро подавила в себе эту фантазию и возмутилась, что смогла так фамильярно разговаривать с человеком из его класса...

Дни шли за днями, недели за неделями, а Байрн и мисс Хардинг все еще сидели в своем убежище на маленьком островке. Байрн находил один предлог за другим, чтобы отсрочить путешествие к морскому берегу. Он понимал, что оно неминуемо, что рано или поздно они двинутся в путь; но он знал также, что это будет началом конца его тесной дружбы с мисс Хардинг, и боялся об этом подумать.

Если им повезет, они будут подобраны каким-нибудь случайным кораблем; если нет, их убьют туземцы. В последнем случае его разлука с любимой женщиной будет не более полной, чем если бы ей удалось вернуться на свою родину.

Билли Байрн был уверен, что, как только они окунутся среди цивилизованных людей, Барбара Хардинг снова примет по отношению к нему прежний высокомерный тон, что он опять станет для нее существом низшего порядка, к которому люди ее круга обращаются со словом «человек».

Конечно, он приложит все усилия, чтобы вернуть ее родным. Но разве такое уж преступление — урвать несколько часов счастья в награду за свои услуги? Это лишь слабое возмещение за одинокую безрадостную жизнь, которая ему предстоит, когда она навсегда уйдет из его жизни!

Билли подумал, что он имеет некоторое право на эту краткую радость, а потому медлил и продолжал жить во втором шикарном квартале «Риверсайд-Драйв», против «особняка» мисс Хардинг.

* * *

Прошло почти два месяца. Наконец весь запас отговорок и отсрочек иссяк. Пришлось назначить определенный день для путешествия.

— Мне кажется,— сказала мисс Хардинг,— что вам просто не хочется покинуть острова. Все ваши отговорки смешны. Может быть вы боитесь опасностей, которые нам предстоят? — прибавила она шутливо.

— Вы угадали,— ответил он серьезно.— Я не желаю покидать этого острова и я очень боюсь того, что предстоит... мне.

— Вам?

— Как ни смотри, я потеряю, вас, а я... я... о, неужели вы не видите, что я вас люблю? — вырвалось у него вдруг, несмотря на все его добрые намерения.

Барбара Хардинг посмотрела на него с минуту, а затем нанесла ему самую большую обиду, какую могла нанести: она засмеялась.

Кровь кинулась ему в голову; он мучительно покраснел, а затем побледнел, как мертвец.

Девушка собиралась что-то сказать, но в эту минуту из-за реки слабо донеслись до них грубые крики и звуки выстрелов.

Билли немедленно побежал по направлению к ним. Девушка следовала за ним по пятам. Добежав до берега островка, он обернулся к ней.

— Подождите здесь, тут безопаснее,— сказал он.— Судя по выстрелам, это могут быть белые люди, но может быть и нет. Я хочу сам разузнать это раньше, чем они вас увидят, кто бы они ни были.

Звуки стрельбы стихли, но громкие крики становились все слышнее. Байрн уже собирался спуститься с берега в реку.

— Стойте,— прошептала девушка.— Они идут к нам, через минуту мы их увидим отсюда.

И она потащила Байрна за куст. Приникнув к земле, они молча следили за приближавшимися людьми.

— Это япошки,— объявил Билли, который продолжал называть так гордых самураев.

— Да, и с ними двое белых мужчин,— прошептала Барбара Хардинг.

В голосе ее слышалось плохо скрываемое возбуждение.

— Пленные! — добавил Байрн.— Верно, кто-нибудь из почтенной команды «Полумесяца».

Самураи двигались прямо по берегу реки. Они должны были пройти на расстоянии двухсот футов от острова. Билли и девушка тихо лежали в кустах.

— Я не узнаю их,— сказал изумленно Билли.

— Что это? О, мистер Байрн, это просто невозможно! — прошептала вдруг девушка в страшном волнении.— Ведь это капитан Норис и мистер Фостер, штурман с «Лотоса»!

Байрн приподнялся. Отряд находился как раз против их убежища.

— Сидите здесь,— прошептал он сурово.— Я пойду освобождать их.

И прибавил:

— Ради вас, потому что люблю вас. Ну что же, смейтесь опять!

И он ушел.

Он быстро побежал по берегу, прячась от самураев, которые уже миновали остров. В руке у него было длинное боевое копье туземца, которого он убил, за поясом висел длинный меч Оды Иоримото, а в кобуре находился револьвер Терье.

Барбара Хардинг тревожно следила за ним глазами, пока он переходил реку в брод и карабкался на противоположный берег. Она видела, как он побежал за уходившим отрядом. Вот он высоко поднял копье, и

из его груди вырвался такой воинственный крик, которому позавидовали бы дикие индейцы.

Воины обернулись как раз в ту минуту, когда копье уже летело на направлению к ним. Метнув копье, Билли выхватил свой револьвер и открыл стрельбу. Оба пленника воспользовались замешательством своей охраны, чтобы схватиться с туземцами и овладеть оружием.

В отряде было всего шесть самураев. Двое оказались убитыми в самом начале нападения Байрна, но остальные четверо, оправившись от первого испуга, яростно бросились на своих врагов.

Снова в самую критическую минуту револьвер Терье дал осечку... Обозлившись, Байрн отказался от этого оружия и взялся за длинный меч. Норис подхватил с земли копье Байрна и проткнул им одного из японцев, набросившегося на Билли.

Теперь силы оказались равны — трое боролись против троих.

Норис на славу работал копьем. Оно оказалось самым действенным оружием против мечей самураев. Он убил им своего противника и бросился теперь на помощь к Фостеру.

Зато дела Билли оказались не столь блестящи.

Барбара Хардинг видели издали, как искусный противник теснил его. Она видела, что Билли тщетно старался проскочить мимо японца и схватить его сзади руками.

Если только к Билли не подойдет помочь — и очень быстро,— он погиб! Девушка схватила короткий меч, который она постоянно носила, и бросилась в реку.

Ей еще ни разу не приходилось переходить через нее, потому что Байрн всегда переносил ее на руках. Течение было быстрое и сильное. Оно почти свалило ее с ног, когда она была на полпути, но ей ни на минуту не пришло в голову отказаться от своего намерения.

Ей показалось, что прошла целая вечность, пока она добралась наконец до берега и, вскарабкавшись наверх, с радостью увидела, что Байрн еще держится. Фостер и Норис теснили своего противника, им опасность не грозила.

Девушка побежала к Байрну. Она увидела злобную усмешку на коричневом лице его врага, увидела, как блестящий меч сделал неожиданный финг. Байрн

ответил неловким выпадом, но меч самурая отклонился в сторону и ударил его по голове.

Она опоздала на одну секунду! Он погиб, но во всяком случае она сможет отомстить за него. Едва меч самурая коснулся Билли, как острие короткого меча Оды Иоримото вонзилось в темную грудь дикаря.

Громко вскрикнув, он упал рядом с телом своей жертвы.

Барбара Хардинг бросилась к Байрну. Жизнь повидимому покинула его. С криком ужаса приложила она ухо у губам Байрна. Дыхания не было слышно.

— Вернись! Вернись! — сквозь рыдания повторяла она.— Господи! зачем я смеялась? Билли, Билли, я люблю тебя!

И дочь миллиардера Антона Хардинга, обняв голову хулигана с Большой авеню, осыпала поцелуями бледное окровавленное лицо.

В эту минуту Билли Байрн внезапно открыл глаза.

Она была поймана на месте! Спасения не было... Барбара страшно покраснела, а Билли Байрн обвил ее шею руками, привлек к себе и поцеловал.

На этот раз она не положила своих рук к нему на плечо и не оттолкнула его.

— Я люблю тебя, Билли,— сказала она просто.

— Вспомни, кто я и какой я,— напомнил он ей суроно.

Она повторила:

— Я люблю тебя, Билли, таким, какой ты есть.

— Навсегда?

— Пока смерть не разъединит нас.

В этот момент Норис и Фостер, справившись со своим противником, побежали к ним.

— Он тяжело ранен, сударыня? — издали закричал капитан.

— Не знаю, капитан Норис,— ответила Барбара.— Я как раз пыталась помочь ему встать,— прибавила она, стараясь объяснить ему странное положение своих рук вокруг шеи Билли.

Услышав свое имя, Норис вздрогнул от удивления.

— Кто вы? — вскричал он.— Каким образом вы меня знаете?

И когда девушка повернулась к нему лицом, он отступил назад и воскликнул:

— Господи! Да это мисс Хардинг. Вот счастье!
Мисс Хардинг, вы живы?

— Но скажите на милость, откуда вы взялись? —
спросила девушка.

— Это длинная история, мисс,— ответил капитан,— и конец ее очень тяжелый для вас, но вы должны постараться молодцом перенести удар.

— Неужели вы хотите сказать, что отец мой умер? —
спросила она, вся похолодев, и в глазах ее отразился ужас.

— Мы надеемся, что нет,— печально ответил Норис.— Он был захвачен в плен островитянами, но я надеюсь, что они все-таки не убили его. Он и мистер Мэллори были захвачены три дня тому назад.

— Мэллори? — взревел Билли Байрн, который, казалось, сразу оправился от полученного им удара.— Мэллори жив?

— Он был жив вчера, сэр,— ответил Норис.— Так по крайней мере уверяли нас эти желтые черти, от которых вы нас так мужественно спасли.

— Слава богу! — прошептал Билли Байрн.

— Почему же вы думали, что он умер? — спросил капитан, пристально вглядываясь в Байрна и стараясь припомнить, где он видел это лицо.

Другой человек постарался бы увиливнуть от прямого ответа, но новый Билли Байрн не был трусом ни в каком отношении — ни в физическом, ни в моральном — и просто ответил:

— Потому что я думал, что я убил его в тот день, когда мы напали на «Лотос».

Капитан Норис взглянул на говорящего с нескрываемым ужасом.

— Вы! — вскричал он.— Вы принадлежите к тем проклятым разбойникам! Вы тот человек, который почти убил бедного мистера Мэллори?

— Не судите его опрометчиво, капитан Норис,— сказала девушка.— Если бы не он, меня давно постигла бы смерть, или участь хуже смерти. Когда-нибудь я расскажу вам о его геройстве. И не забудьте, капитан, что он только что спас вас и мистера Фостера от плена и, возможно, от смерти.

— Правильно,— воскликнул капитан,— и я хочу поблагодарить его. Но я не понимаю, как же это с Мэллори...

— Это теперь не важно,— перебил Билли Байрн.— Главное, что он жив и мои руки не замараны его кровью. Рассказывайте вашу историю.

— Хорошо. Так вот, после того, как пираты покинули нас,— начал свой рассказ капитан,— мы установили радио-аппарат, который они у нас не нашли, а в скором времени были замечены военным кораблем «Аляска». Его командир дал нам часть своего экипажа, чтобы привести яхту в исправность, снабдил углем и провизией и стал на якорь около нас, пока мы чинились. Это заняло не так много времени, как мы сперва думали. Затем мы отправились в сопровождении военного крейсера на поиски «Клоринды», так капитан Симс назвал свое судно,— и напали на ее след благодаря одной китайской джонке; мы были тогда к северу от Люсона. Китайцы сказали, что они слышали от туземцев маленького острова вблизи Формозы, что там во время последнего тайфуна потерпела крушение какая-то бригантина. Описание корабля заставило нас подумать, что это была «Клоринда» или, вернее, «Полумесяц». Мы направились к острову и после долгих поисков нашли матросов, переживших крушение. Каждый из них старался взвалить вину на другого, но наконец мы добились от них, что какой-то человек, по имени Терье, и матрос Байрн увили вас вглубь страны и что они долго считали вас погибшей. Несколько дней тому назад от одного захваченного ими в плен туземца они узнали, что вы бежали и скрылись где-то в глубине острова.

— Знаете ли вы что-нибудь о мистере Дивайне? — спросила через силу девушка.— Он когда-то был... моим большим другом.

— Дивайн? — переспросил капитан.— А, это, верно, тот, который застрелился.

— Застрелился? — воскликнула взволнованная Барбара.

— По крайней мере так рассказывают матросы «Полумесяца», — пояснил капитан.— Но они дают такие сбивчивые показания, что командир военного корабля решил предать военно-морскому суду чернокожего повара Бланко.

— Мы решили отправиться на ваши поиски,— продолжал капитан.— Ваш отец сгорал от нетерпения скорее найти вас и был недоволен кажущейся медлительностью начальника военного отряда. Он не утерпел

и пошел вперед с мистером Мэллори; мистер Фостер, я и двое матросов с яхты «Лотос» присоединились к нему. Три дня тому назад на нас напали туземцы. Ваш отец и мистэр Мэллори были захвачены в плен. Мы пытались вернуться к отряду моряков, но сбились с пути и блуждали по острову, пока несколько минут тому назад не были вновь застигнуты туземцами. Оба матроса были убиты, а мистер Фостер и я взяты в плен. Остальное вы знаете.

Байрн встал. Он подобрал свой меч и револьвер и заткнул их за пояс.

— Вы оба оставайтесь здесь на островке и охраняйте мисс Хардинг,— сказал он.— Если я не вернусь, то постараитесь дойти до морского берега и по нему добраться до бухты. Прощайте, мисс Хардинг.

— Куда вы идете? — вскричала девушка.

— Освободить вашего отца... и мистера Мэллори,— ответил Билли.

XVII

СПАСЕНИЕ

Весь остаток дня и всю долгую ночь Билли Байрн шел без остановок, продвигаясь по той, уже знакомой дороге, которая привела Барбару Хардинг и его к маленькому островку на бурной реке.

Как раз перед рассветом достиг он опушки джунглей позади жилища убитого Оды Иоримото. Где-то внутри этой молчаливой деревни должны были находиться оба пленника.

Во время своего длинного перехода он все думал о том, что случится, если ему удастся спасти Хардинга и Мэллори. Из всех людей, которые могли встать между ним и женщиной, которая только что призналась ему в любви, эти двое были наиболее опасны.

Билли Байрн ни на минуту не обольщал себя розовыми надеждами; он знал, что Антон Хардинг вряд ли благосклонно взглянет на брак своей дочери с хулиганом с Большой авеню...

А тут еще этот Мэллори! Билли был уверен, что Барбара когда-то любила его. Теперь он вернется к ней, как бы из могилы... Было очень вероятно, что прежняя любовь снова вспыхнет в ее сердце.

По правде сказать, Билли Байрн не верил очевидности, не верил свидетельству своих собственных ушей. Не могло же быть правдой, что изумительная, несравненная мисс Хардинг действительно полюбила его — его, презренного хулигана!

Любовь к Барбаре и перемена, происшедшая в его характере, ясно проявлялись в неумолимой суворости, с которой он все время забывал о себе и не позволял себе думать о тех последствиях, которые могло иметь для него предпринятое им дело.

Он исполнял свой долг, а что ожидает его — быстрая ли смерть, или долгая, но безрадостная жизнь, или, наконец, объятия его возлюбленной,— об этом он пока не смел думать.

«Для нее» — таков был его лозунг.

Он постоял у опушки леса, глядя на облитую лунным светом деревню, и напряженно прислушался. Затем с осторожностью профессионального вора, которым он когда-то был, он бесшумно скользнул через лужайку и скрылся в тени ближайшей хижины.

Вот окно, через которое Барbara, Терье и он спасались несколько недель тому назад! Оно еще не починено. Билли встал под ним и прислушался. Ни звука! Он осторожно поднялся на руках и мягко спрыгнул в темную комнату.

Он обшарил ее всю, но в ней никого не оказалось. Тогда он прошел к двери на противоположном конце. Немного приоткрыв ее, Билли заглянул через узкую щель в тускло освещенную комнату. Внутри все, казалось, спали.

Билли смело толкнул дверь. Он решил обыскать таким образом каждую хижину, пока не найдет тех, кого он искал.

В этой хижине их не было. Пройдя через комнату так тихо, что он не разбудил даже чутких собак, Билли Байрн вышел через наружную дверь на улицу.

Он обыскал так вторую и третью хижину...

В четвертой хижине, когда Билли стоял у противоположного от наружной двери конца комнаты, один из туземцев вдруг зашевелился.

С ловкостью кошки прыгнул к нему Билли. Проснется ли дикарь? Байрн едва дышал.

Самурай беспокойно завертелся, а затем неожиданно присел, вытаращив глаза. В то же мгновенье сталь-

ные пальцы обхватили его горло, и длинный меч покойного даймио вонзился ему в сердце.

Байрн не выпускал из рук тело до тех пор, пока не убедился, что жизнь прекратилась, а затем тихо опустил его на койку и бесшумно выскользнул из хижины, чтобы обыскать соседнее жилище.

Здесь он нашел большую комнату впереди и маленькую позади — такое же расположение, как в хижине даймио. В передней комнате не было никакого следа пребывания пленников. Когда он собирался открыть дверь в пристройку, он услышал изнутри подавленный звук голосов. Он замер на месте и приложил ухо к скважине. Минуту он стоял, напряженно прислушиваясь, а затем сердце его забилось сильнее, и он едва не крикнул от радости: люди за стеной говорили по-английски!

Байрн тихо открыл дверь настолько, чтобы пройти. Шепот немедленно стих.

Байрн закрыл дверь за собою и пошел вперед, пока не нашупал одного из находившихся в комнате.

Человек отшатнулся от его прикосновения и прошептал:

— Кажется, наш час настал, Мэллори. Они пришли за нами.

— Тсс...— предостерегающе шикнул Билли.— Вы здесь одни с Мэллори?

— Да. Бога ради скажите, кто вы и откуда вы появились?

— Молчите,— приказал Байрн, ощупью ища веревку, которой был связан пленник.

Вскоре он ее нашел и перерезал; затем он освободил и Мэллори.

— Идите за мной,— сказал он,— но ступайте осторожно. Если на вас сапоги, то лучше снимите и подвесьте вокруг шеи. Свяжите вместе концы шнурков.

Они сделали, как он им приказал, и через минуту крались уже через комнату, наполненную спящими мужчинами, женщинами, детьми и домашними животными.

В дальнем конце ее стояли козлы с длинными мечами. Байрн бесшумно вынул два меча и передал их своим спутникам, жестом призывая их соблюдать осторожность.

Но оба — и Антон Хардинг и Билли Мэллори — были

совершенно неопытны в деле соблюдения тишины. Хардинг сразу же брякнул мечом в дверной косяк с таким звоном, что разбудил половину обитателей хижины.

Увидя белолицых, туземцы повскакивали и с ревом бросились за беглецами.

— Живей! — закричал Билли Байрн.

Все трое побежали вниз по деревенской улице, но крики туземцев вызвали вооруженных самураев из каждой хижины. Через минуту беглецы оказались окружеными бандой беснующихся желтокожих, которые угрожали им со всех сторон мечами и преградили путь во всех направлениях.

Байрн крикнул своим спутникам держаться вместе, спина к спине. Таким образом, с Байрном впереди, они медленно пробивали себе дорогу к концу улицы и к джунглям. Байрн отбивался от врагов, имея в одной руке длинный меч, в другой револьвер Терье. Он с неуклонным упорством пробивал путь к свободе для людей, которые, как он наверное знал, отнимут от него его возлюбленную.

Яркая луна тропиков освещала деревню. Силы были в высшей степени неравны, но белые люди, хотя и медленно, но все же продвигались к джунглям.

По всему было видно, что туземцы страшно боятся белого гиганта, предводителя маленького отряда. Антон Хардинг, несколько знакомый с японским языком, понял это из их восклицаний, да и почтительное расстояние, на котором они держались от Байрна, явно это доказывало.

Наконец они вышли на лужайку за околицей. Самураи бесновались вокруг них, выкрикивая угрозы и проклятия. Время от времени они подскакивали к ним, стараясь нанести быстрый удар и увильнуть раньше, чем огромный белый дьявол настигнет их.

В пятидесяти футах от джунглей Мэллори упал, сраженный копьем, которое попало ему в ногу. Байрн, заметя это, вернулся назад и поднял его. Поддерживая раненного одной рукой, Байрн стал медленно пятиться к джунглям, отбиваясь от нападающего врага.

Самураи взялись за копья: они все оказались теперь по одну сторону от неприятеля, и не было больше опасности попасть копьем в одного из своих. Когда белые скрылись в высокой траве джунглей, то им вслед полетел град копий.

Почему-то самураи не последовали в джунгли за беглецами. Может быть, они боялись засады, а потому ограничились метанием копий.

Они целились главным образом в Байрна. Три копья вонзились в его тело: два в грудь, а третье в живот. Байрн упал.

Антон Хардинг был в ужасе. Оба его спутника оказались ранены, а дикии все ближе наседали на них.

Мэллори сидел на земле, стараясь вырвать копье из ноги. Наконец это ему удалось.

Байрн, не потерявший сознания, подозвал Хардинга и попросил его вытащить копья из его тела.

— Что нам делать? — в отчаянии вскричал старики.— Они наверняка нас поймают!

— Пока они нас еще не поймали,— сказал Билли.— Постойте, я кое-что придумал. Можете вы ходить, Мэллори?

Мэллори, шатаясь, встал на ноги.

— Попробую,— сказал он, а затем прибавил: — Да, кажется могу.

— Отлично! — воскликнул Байрн.— Теперь слушайте. Почти прямо на север за этим гребнем есть долина. По середине ее — река. Для здорового человека этот переход занял бы пятнадцать часов, но вы и Мэллори пройдете дольше. Идите вниз по реке, пока не увидите первого маленького островка. Там вы найдете мисс Хардинг, Нориса и Фостера. Идите скорей.

— А как же вы? — вскричал Мэллори.— Мы не можем оставить вас так!

— Ни за что,— горячо поддержал его Антон Хардинг.

— Однако так нужно,— ответил Билли.— Это входит в мой план. Иначе вообще ничего не выйдет.

Он поднял револьвер и, выпуская заряд по направлению к туземцам, остановившимся в нерешительности, прибавил:

— Пусть они знают, что мы еще здесь! Пока хватит силы, я буду время от времени стрелять. Это прикроет ваше бегство.

— Я не уйду,— решительно сказал Мэллори.

— Нет, вы уйдете,— не менее решительно заявил Байрн.— Дело не в нас, а в мисс Хардинг. Мы должны вернуться к ней, и как можно скорее. Я идти не могу; значит, должны идти вы двое. Моя песенка спе-

та — это ведь видно слепому. Что за польза будет оттого, что вы останетесь здесь и вас перебьют, пока вы будете ожидать моей смерти? А вред от этого может быть, и очень большой. Это может повлечь за собой гибель мисс Хардинг!

— Вы говорите, что моя дочь на острове с Норисом и Фостером? Здорова ли она? Как она себя чувствует? — взволнованно спросил Хардинг.

— Отлично,— ответил Байрн.— А теперь проваливайте. Вы теряете массу времени.

— Чтобы спасти Барбару, это, кажется, действительно единственный выход,— нерешительно сказал Антон Хардинг.— Но ведь было бы подло с нашей стороны бросить на произвол судьбы такого благородного человека, как вы.

— Да, подло,— взволнованно подтвердил Билли Мэллори.— Нужно найти другой выход. Кстати, кто вы и каким образом очутились вы здесь?

Байрн повернул лицо вверх, так что луна ярко озарила его черты.

— Другого выхода нет, Мэллори,— сказал он.— Теперь посмотрите хорошенъко. Узнаете ли вы меня?

Мэллори пристально взглянул на повернутое к нему энергичное лицо и покачал головой.

— Ваше лицо кажется мне немного знакомо,— сказал он,— но я не могу признать вас. Да это и безразлично. Кто бы вы ни были, вы рисковали вашей жизнью, чтобы спасти нас,— и я вас не оставлю. Пусть Хардинг идет один. Я остаюсь.

— Вы пойдете оба,— настойчиво произнес Байрн,— и вы увидите, что совсем не все равно, кто я. Я не хотел говорить вам, но видно придется. Я тот самый матрос, который чуть не убил вас на палубе «Лотоса», Мэллори. Я тот, который так грубо обошелся с мисс Хардинг, что даже скотина Симс остановил меня. Мисс Хардинг провела со мною одна несколько недель на этом острове. Теперь ступайте.

Он отвернулся, чтобы они не могли видеть выражение его лица, поднял револьвер и снова начал стрелять в туземцев.

Антон Хардинг с бледным, как смерть, лицом слушал слова Байрна, судорожно сжимая руки. Когда Билли кончил, он шагнул к лежащему и с подавленным проклятием занес над ним меч.

Билли Мэллори подскочил и схватил его поднятую руку.

— Не надо,— прошептал он.— Подумайте, чем мы ему теперь обязаны! Идемте.

И оба они повернули к северу в джунгли, в то время как Билли Байрн ничком лежал в высокой траве, изредка стреляя в том направлении, где поблескивали копья.

Антон Хардинг и Билли Мэллори шли молча. Треск револьвера, делающийся все слабее по мере того, как они удалялись от поля битвы, показывал, что спаситель их еще жив.

Через некоторое время отдаленные выстрелы стихли.

— Он умер,— прошептал Мэллори.

Антон Хардинг не ответил. Они не слышали больше стрельбы за собою.

Ночь перешла в день. Томительный день медленно прошел, и вновь наступила ночь. А они все шли, еле передвигая ноги.

Рана Мэллори доставляла ему невыносимые страдания. Были минуты, когда ему казалось, что он не в состоянии больше сделать ни шагу. Но он вспоминал тогда, что где-то впереди была мисс Хардинг, что скоро он увидит ее, и это придавало ему новые силы.

Они достигли реки и медленно поплелись вдоль берега. Великолепная полная луна обливала ландшафт серебром.

— Смотрите! — воскликнул Мэллори.— Остров!

— Слава богу! — горячо прошептал Хардинг.

Остановившись на берегу против острова, они громко крикнули. Почти немедленно вслед за этим три фигуры выбежали из глубины острова на берег: двое мужчин и одна женщина.

— Барбара! — закричал Антон Хардинг.— О моя дочь, моя дочь!

Норис и Фостер поспешили перейти через реку и перевести на остров Хардинга и Мэллори. Барбара бросилась в объятия отца.

Минуту спустя, она схватила и крепко сжала протянутые к ней руки Мэллори, а затем оглянулась, ища глазами еще одного.

— Где же мистер Байрн? — спросила она.

— Он умер,— ответил Хардинг.

Девушка с минуту смотрела на отца широко раскрытыми, ничего не сознающими глазами.

— Умер... — простонала она и без чувств рухнула к его ногам.

XVIII

СЛИШКОМ ПОЗДНО

В течение получаса Билли продолжал изредка стрелять. Затем он выпустил несколько зарядов один за другим и, встав на четвереньки, со страшным трудом пополз в джунгли, чтобы найти какой-нибудь укромный угол, где бы он мог спокойно умереть.

Он продвинулся таким образом на несколько сотен футов, когда внезапно почувствовал, что земля под ним уходит. Он сделал неимоверное усилие, чтобы удержаться, зацепиться за что-нибудь, но оборвался и полетел в какую-то темную бездну.

Он упал не глубоко и очутился на дне одной из тех ям-западней, которые выкапывают туземцы для ловли быстроногих оленей.

Раны его болели невыносимо. Голова кружилась, и он потерял сознание.

Когда он очнулся, было уже светло. Солнце ярко светило сквозь отверстие, пробитое им при падении в легком настиле из веток.

— Вот тебе раз! — пробормотал Билли. — Неужели я и вправду жив?

Кровь перестала сочиться из его ран, но он чувствовал смертельную слабость и ломоту во всем теле.

«Видно, меня никакая смерть не берет!» — подумал он.

Достиг ли Хардинг с Мэллори островка? Он надеялся, что да. Мэллори любил Барбару... Билли был уверен, что и Барбара тоже когда-то любила Мэллори. Он от всей души желал, чтобы она была счастлива. Ревности он не чувствовал никакой: Мэллори был ей ровня, Мэллори принадлежал к ее кругу, а он нет.

Как выглядел бы он в ее обществе? Ведь ей на каждом шагу пришлось бы краснеть за него, а он при своем самолюбии не мог бы перенести этого.

Нет! Даже лучше, что дело так повернулось! Он искупил теперь зло, которое он причинил ей и Мэллори.

Они считут его мертвым, они сохранят о нем наилучшее воспоминание. Останься он жив, было бы гораздо хуже: он вечно связывал бы их благодарностью и мешал им быть счастливыми.

Эта мысль заставила сжаться сердце Билли.

— Лучше бы мне сдохнуть! — прошептал он.

Но он не «сдох». Наоборот, к вечеру он окреп, и муки голода и жажды заставили его обдумать, каким бы способом выбраться из ямы.

Он подождал до наступления темноты, а затем с невероятным трудом выкарабкался из западни. Туземцев не было слышно с прошлой ночи: они верно считали, что он умер от раны, и теперь, когда он выбрался на открытый воздух, до него доносился отдаленный шум деревни.

Байрн потащился к источнику, где умер бедный Терье. Это заняло не мало времени, но наконец он достиг его. Холодная вода его освежила и подкрепила.

Теперь ему нужно было искать еду. Несколько диких плодов утолили его голод. Отдохнув, Билли двинулся в обратный путь к островку.

Путь, который он прошел за пятнадцать часов, когда спешил на освобождение Антона Хардинга и Мэллори, занял теперь почти полных три дня. Иногда он сам себе удивлялся, зачем ему возвращаться? Разве он не желал умереть и сделать Барбару свободной?

Да, но жизнь была все-таки хороша и горячая кровь все еще текла в его жилах.

— Я могу ведь идти своей дорогой,— думал он,— и не мешать ей. Но будь я проклят, если мне хочется подохнуть в этой поганой дыре! Нет, я желал бы еще пошляться по Большой авеню, послушать грохот Лэкс-стрит и поглазеть на толпу!

Билли Байрна охватила острая тоска по родине. Все, казалось, обрушилось в его жизни, и его великая любовь была в то же время его величайшим мучением.

Он не надеялся ни на что. Однако ее руки обвились ведь вокруг его шеи и ее прелестные губы на короткий миг прильнули к нему! А затем ее слова... о, эти слова! Они все время звучат в ушах Байрна:

«Я люблю тебя, Билли, таким, какой ты есть!»

Эти слова, которые он много раз шепотом повторял про себя, пробудили в нем внезапное решение.

— Она, конечно, не должна принадлежать мне,— сказал он.— Она не для таких, как я. Но, если я не могу жить с ней, я могу жить для нее, жить так, как она хотела бы, чтобы я жил. Если она услышит когда-либо еще о Билли Байрне, ей не придется стыдиться, что она когда-то обнимала меня и говорила, что меня любит.

Наконец Билли дошел до маленького островка и остановился у берега. Было уже около полуночи, и он долго колебался, переправляться ли ему через реку в такой поздний час. Он боялся поднять переполох в лагере. После долгих колебаний, он наконец решил осторожно перейти реку и ждать утра, улегшись рядом с ее хижиной.

Переправа оказалась трудной,— уж очень он ослаб. Добравшись до противоположного берега, он так и упал на откос, чтобы немного отдохнуться. Затем он ползком взобрался наверх и, встав на ноги, осторожно двинулся к хижинам.

Все было тихо. Он предположил, что вся компания спала, улегся рядом с грубым шалашом, который он выстроил для Барбары Хардинг, и заснул, как убитый.

Когда он проснулся, был ясный, светлый день; солнце стояло уже высоко; однако в хижинах никто не шевелился.

Тут только в сердце Билли закралось злое предчувствие. Неужели это возможно? Он кинулся в свою хижину — она была пуста. Он побежал в хижину Барбары — в ней тоже никого не было.

Ушли!

Все времена своего мучительного путешествия от опушки джунглей к острову, он ежеминутно ожидал встречи с отрядом, идущим ему на выручку. Нельзя сказать, чтобы он был разочарован тем, что отряд все не шел; но день проходил за днем, помошь все не являлась, и он почувствовал наконец некоторую горечь. Теперь же это был окончательный удар.

Его бросили, оставили его раненым на диком острове, не позаботившись даже удостовериться, действительно ли он умер. Это было просто невероятно!

«Так ли это? Может быть я несправедлив»,— подумал Билли.— «Разве я не сказал им, что умираю? Я сам виноват в этом, и не было причины, чтобы и они не поверили этому. Мне кажется, мне не следует их осуждать, хотя я не мог бы бросить их таким образом

и не вернуться за ними. В их распоряжении был военный корабль, полный матросов,— им нечего было бояться!»

Но здесь ему пришло в голову, что маленький отряд пошел вероятно к берегу, чтобы захватить подмогу, и что теперь уже наверное ищут его. Он поспешил перейти через реку и снова пуститься в путь.

Он достиг морского берега в ту же ночь. С раннего утра принял он за поиски кораблей. Он был уверен, что, обойдя вокруг острова, он их найдет.

Вскоре после полудня он достиг высокого мыса, далеко вдававшегося в море. С его вершины открывался широкий вид на Тихий океан.

Сердце его усиленно забилось и в висках застучало: невдалеке от него виднелись большой военный корабль и изящная белая яхта. Они медленно уходили в море.

Он пришел как раз вовремя! Полный радостного возбуждения, Билли взбежал на вершину мыса, снял с себя рубашку и, громко крича, начал размахивать ею над головой.

Но суда продолжали свой путь, не давая ответного сигнала.

С полчаса бесплодно промучился Байрн, выбиваясь из сил, чтобы привлечь чье-либо внимание на борту одного из судов. Корабли медленно уходили все дальше и наконец скрылись за краем горизонта.

Слабый, раненый, полный отчаяния, Билли упал на землю и закрыл лицо руками. В таком положении застала его луна, когда она взошла на небо, и в такой же позе лежал он еще, когда она зашла на западе.

Три месяца вел уже Билли Байрн одинокую и однообразную жизнь в самых диких местностях острова. Охота при помощи силков и рыбная ловля кормили его. Воды было достаточно. Билли снова окреп и совершенно оправился от своих ран.

Туземцы его не трогали. Ему посчастливилось попасть в ту часть острова, которая была для них «табу»¹ и к которой никто из них, ни при каких обстоятельствах, не осмелился бы приблизиться.

¹ Слово, означающее запрещение на островах Тихого океана.

Однажды утром,— это было в начале четвертого месяца его одиночества,— Билли заметил на море легкий дымок. Он медленно увеличивался, а затем из-за горизонта появился и корпус парохода.

Судно все ближе и ближе подходило к острову!

Билли набрал сухого валежника и зажег огромный костер на самом высоком пункте того мыса, с которого он смотрел на уходящий «Лотос». Он набросал на сухие сучья свежих веток, и вскоре густой дым от его костра поднялся вертикальным столбом.

Еле дыша от волнения, Билли следил за движениями парохода.

Сперва казалось, что он пройдет мимо, не заметив сигнала, но затем пароход изменил курс и направился прямо к острову.

Море в этот день было очень спокойное, и судно подошло почти к самому берегу. Как только Билли убедился, что его заметили, он как сумасшедший пустился вниз, спотыкаясь и падая, по крутым склонам скалы к узкой песчаной отмели.

Пароход спустил лодку. Билли, дрожа от нетерпения, стоял по колено в воде и ждал...

Странная картина представилась его спасителям, когда они подъехали к берегу, картина, вызвавшая в них своего рода благоговейный страх. Они увидели перед собою белого гиганта, почти голого, но вооруженного длинным мечом самураев, современным револьвером и тяжелым боевым копьем диких охотников за черепами.

Всклокоченные длинные волосы и огромная борода покрывали голову и лицо незнакомца, но из-за спутанной гривы волос сияли светлые серые глаза, и добродушная улыбка оживляла лицо.

— Наконец-то белые люди! — вскричал Билли.— Как мне приятно смотреть на вас!

* * *

Шесть месяцев спустя по Шестой авеню в Нью-Йорке разгуливал дюжий, гладко выбритый парень в плохо сидящем матросском костюме. Это был Билли Байрон — Билли Байрон, у которого не было ни гроша денег, но который чувствовал себя необычайно счастливым. Большая авеню в Чикаго была мене, чем в тысяче миль от него!

— Славно, черт возьми, быть опять дома! — проговорил он вполголоса.

В Нью-Йорке у Билли были кое-какие знакомые. Он вспомнил о небольшой школе атлетики, помещавшейся на третьем этаже одного невзрачного дома, недалеко от Баттери, на которой он когда-то бывал.

Туда-то он и направился. В небольшой загроможденной комнате два огромные парня, обнаженные по пояс, старательно занимались боксом. У одной стены на опрокинутом стуле сидел толстый узколобый мужчина, вопросительно взглянувший на вошедшего Байрна.

Билли подошел к нему с протянутой рукой.

— Как живете, профессор? — сказал он.

— Отлично, но я вас не узнаю, — ответил профессор Кассиди, пожимая ему руку.

— Я был здесь с Ларри Хилмором на состязании год или около года тому назад. Меня зовут Байрн.

— Вспомнил! — воскликнул профессор. — Вы тот молодой парень, о котором рассказывал Ларри. Он говорил, что вы были бы хорошим атлетом, если бы бросили пить.

Билли улыбнулся и утвердительно кивнул головой.

— Вы теперь на пьяницу не похожи, — заметил Кассиди.

— Так оно и есть, — сказал Билли. — Я был более года на море и не пил ни разу.

— Вот это правильно! — одобрил профессор. — Ну-с, что вы мне скажете хорошенъского? Что вы поделываете в Нью-Йорке?

— Дела ищу, — ответил Билли.

— Разденьтесь! — скомандовал профессор. — Я ищу партнеров на бокс для одного молодца, который всех кладет на лопатки.

Билли начал снимать одежду. Обнажившись по пояс, он показал такую мускулатуру, что даже профессор Кассиди, много видавший на своем веку, пришел в дикий восторг.

— Вот это так бицепс! — воскликнул он с восхищением и сразу представил Билли обоим боксерам, Харлему Херикану и Даго Питу.

— Пит — тот самый молодчик, о котором я вам говорил, — пояснил профессор Кассиди. — У него такие сильные удары, что я не могу найти для него настоящего партнера. Никто не решается с ним бороться. Один

Херикан согласен тренироваться с ним. У других нервы не выдерживают. Я берусь содержать вас все время, пока вы будете партнером Пита для тренировки, а иногда буду назначать вас на состязания, так что вы сможете кое-что подработать. Идет?

— Само собой! — ответил Билли.

— Ну и отлично! — весело сказал профессор.— В таком случае одевайте рукавицы и вызовите Даго Пита на парочку кругов.

Билли одел кожаные рукавицы на свои огромные руки.

— Уже больше года, как я не носил их,— сказал он.— Вначале я, верно, буду немножко неуверен, но потом, когда разойдусь, дело вероятно пойдет.

Кассиди подмигнул Херикану.

— Ему вряд ли будет время разойтись,— уверенно заявил Херикан.— Пит сшибет его через две минуты.

Кассиди и Херикан отошли. На лицах их было написано плохо скрытое удовольствие.

То, что произошло в последующие минуты, навеки врезалось в памяти профессора Кассиди. Он до сих пор постоянно говорит об этом, как о самом интересном событии своей жизни.

Первую минуту Билли и Пит боролись осторожно, испытывая друг друга. Затем Пит размахнулся и ударил левым кулаком прямо в лицо Билли.

Это был удар, который мог бы свалить быка, но Билли только встряхнул головой и чуть-чуть сдвинулся с места. Пит был настолько уверен, что удар свалит с ног его нового партнера, что наполовину опустил руки,, но раньше, чем он снова встал в позу, Билли ринулся на него.

Удар в лицо, казалось, заставил Билли вспомнить все, что он знал когда-то в искусстве бокса.

Даго Пит нанес ему еще несколько ударов до окончания борьбы, но так же безрезультатно, как и первый. Пит растерялся: ничто не обескураживает так борца, как сознание, что самые удачные его удары нечувствительны для противника.

Несколько минут Билли Байрн играл с Питом, как кошка с мышью. Он боролся, согнувшись, как это делал знаменитый чемпион Джейфрис, которого он напоминал и ростом и силой.

Вдруг с ловкостью пантеры Билли подскочил к про-

тивнику и нанес ему левым кулаком удар в челюсть, за которым с молниеносной быстротой последовал удар правым кулаком в подбородок. Пит подскочил на фут от пола, отлетел в дальний угол и упал без чувств.

Это был необычайно эффектный финал.

Кассиди и Херикан поспешили оказать помощь побежденному. Когда он начал приходить в себя, профессор обернулся к Билли.

— Может быть, у вас есть еще какие-нибудь «непобедимые» борцы? — спросил Байрн, усмехаясь.— Я думаю, что этого мне бояться нечего!

— Да, вы с любым справитесь, если не запьете опять и будете аккуратно тренироваться у меня.

— Я так и хочу,— ответил Билли.— Ну, а теперь дайте мне поесть. У меня от голода все кишечки перевернулись.

XIX

ПРИГЛАШЕНИЕ

В течение трех месяцев Билли встречался с третьестепенными борцами Нью-Йорка и его окрестностей. Всех их он колотил немилосердно, обычно простошибал с ног сильным ударом.

Его имя начинало греметь в местных спортивных кругах. Против него стали уже выставлять второстепенных борцов из других городов.

Онправлялся с ними так же легко, как с прежними своими противниками. Громадный, всегда спокойный «новичок» казался очень возможным кандидатом в чемпионы. Вскоре профессор Кассиди получил письменное предложение от владельца другой боксерской школы выставить Билли против его лучшего боксера, настоящей «будущей звезды».

В письме говорилось, что это состязание будет отличной практикой для молодых борцов, которые с трудом могут найти желающих бороться с ними. Профессор Кассиди целых два часа весело ухмылялся после того, как прочел вызов.

Насчет условий борьбы сговорились очень быстро. Согласно государственному постановлению, встреча должна была состоять из десяти схваток. Было обусловлено все — даже вес перчаток.

Имя «будущей звезды», против которой должен

был выступить Билли, оказалось достаточно известным, чтобы привлечь полный зал зрителей. Среди публики оказалось несколько лиц, которые знали Билли и радовались предстоящему интересному состязанию. Когда «будущий чемпион», как был представлен противник Билли, вступил в круг, его встретили дружными аплодисментами, в то время как при появлении Билли раздалось всего два-три жидких хлопка.

Первый раз приходилось Билли встречаться с первоклассным борцом, и, когда он увидел огромные мускулы своего противника, он вспомнил все слышанные им рассказы об искусстве и ловкости «будущей звезды».

Билли растерянно обежал глазами море повернутых к нему голов, и внезапно на него напал страх. Профессор Кассиди сразу заметил это своим опытным глазом и впал в уныние. Его розовые надежды рушились. Он уже представлял себе своего гиганта-борца неподвижно лежащим на арене.

Подойдя к Билли, он поднес к его губам бутылку.

— Хлебни,— прошептал он.

Билли покачал головой. Вино было главным злом его жизни. Он дал себе клятву никогда больше не прикоснуться к нему и хотел сдержать эту клятву, даже если из-за этого он потерпит поражение в предстоящей борьбе. Он должен так сделать ради нее...

Ради нее!

В это время прозвучал звонок, вызывавший его на середину круга.

Билли ясно сознавал, что он трусит. Ему казалось, что он боится огромного, хорошо тренированного борца. На самом деле его просто охватил страх перед рампой.

Но этого было вполне достаточно, чтобы отнять у него всякий шанс на победу, и после того, как «будущая звезда» дважды сшибла Билли в первую минуту первой схватки, Кассиди почувствовал, что все проиграно.

Верхние ряды хохотали и бросали Байрну насмешливые замечания:

— Эй ты, чурбан, выдержи хоть одну схватку!

— Убирайся-ка в свою деревню, мужлан!

А затем, покрывая все остальные голоса, раздался пронзительный свист и крик:

— Трус! Трус!

Это слово проникло в затуманенный мозг Билли.

Трус! Она назвала его так однажды, но потом

переменила о нем мнение! Терье тоже считал его трусом; однако, умирая, он сказал, что Билли был самым храбрым человеком, которого он когда-либо знал...

Билли вспомнил воющих самураев, их острые мечи и копья, вспомнил маленькую клетушку во «дворце» Оды Иоримото, коричневых дьяволов, которые рубили и кололи его в тот памятный день, когда он сражался за спасение любимой женщины.

Трус!

Что же было такое здесь, на этой арене, что могло испугать его, человека, который столько раз смело глядел в глаза смерти?

До ушей его опять донеслись крики, проклятия и насмешки толпы,— и он понял. Виновата была толпа!

В этот момент тяжелый кулак будущего чемпиона сшиб его на ковер; но в ту же минуту прозвенел звонок и спас его от окончательного поражения.

После первой схватки Билли смущенный, с поникшей головой, забился в угол. Его противник усмехался и держал себя крайне самоуверенно. Вскоре раздался звонок, и они вышли на середину арены для второй схватки.

Во время короткого перерыва Билли окончательно понял, в чем дело. Толпа действовала на его нервы. Она рассеивала его, и он не мог сосредоточиться на своем противнике. Вторая схватка должна пройти лучше!

Но первое, что случилось, когда Билли вновь очутился лицом к лицу с «будущей звездой», привело в дикий восторг верхние ряды и вызвало громкие крики и свист.

Билли размахнулся правой рукой, чтобы ударить врага по челюсти. Он рассчитал удар такой силы, что борьба была бы закончена сразу, если бы удар попал; но борец ловко отскочил, и Билли со всего размаха шлепнулся на арену лицом вниз.

Когда он встал, будущий чемпион уже ожидал его и нанес ему такой страшный удар, что Билли снова упал и остался лежать неподвижно. Рука судьи подымалась и опускалась, отсчитывая секунды.

— Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Билли открыл глаза.

— Семь.

Билли сел.

— Восемь.

Значение монотонного счета наконец проникло в

оглушенное сознание Билли. Еще две секунды — и его будут считать побежденным!

— Девять!

Он вскочил на ноги с быстротой молнии. Он забыл про толпу. Ярость, хладнокровная, расчетливая ярость овладела им.

Его считали побежденным, его, которого любила когда-то Барбара Хардинг, его, которого она считала самым храбрым на всем свете. Его хотели осмеять и предать на поругание!

Он им покажет!

Но его противник уже ожидал его. Едва Билли встал на ноги, как он злобно бросился на него с торжествующей улыбкой на губах.

«Броси улыбаться!» — подумал Билли.

Он встретил удар, согнувшись по своему обыкновению, и остановил противника ударом в живот.

Кассиди почти улыбнулся. Он считал дело Билли проигранным, но по крайней мере хоть на одну минуту его ученик сумел показать себя!

Изумленный «чемпион» бросился вперед, чтобы наказать дерзкого врага. Толпа притихла. Билли опять нагнулся под размахнувшейся левой рукой противника и нанес ему удар в голову, так что тот упал на колени. В это время прозвучал звонок.

В третьей схватке Билли боролся уже обдуманно. Он решил показать этой куче мерзавцев, что он знает бокс, чтобы никто потом не смог сказать, что он победил случайно... Билли твердо решил победить.

Третья схватка исполнила восторгом сердца тех зрителей, которые знали все тонкости бокса. И когда она кончилась, при чем ни той ни другой стороне не было нанесено особого вреда, то в умах знатоков не осталось и тени сомнения: неизвестный борец был более искусным боксером, чем «звезда».

Наступила четвертая схватка.

Конечно, для большинства зрителей все еще не было никакого вопроса в том, кто победит. Незнакомец просто показал несколько хороших, ничего не значащих приемов, которые часто приходится видеть во всех отраслях спорта; но где же ему продержаться против такого противника, как будущий чемпион! Толпа каждую минуту ожидала теперь решительного удара.

Билли был доволен тем, что ему удалось сделать

в предшествующей схватке. Теперь он им покажет другой род борьбы!

И показал! С первого удара звонка он начал гонять своего противника по арене. Он ударял его, когда и где хотел. Чемпион оказался перед ним совершенно беспомощным.

Билли дубасил по голове будущего чемпиона то с одной, то с другой стороны. Он безжалостно бил по вспухшим глазам противника.

Три раза загнал он его к самому канату, а один раз «чемпион» даже упал через канат на колени гикающих и свистящих зрителей.

На этот раз они освистывали не Билли. До самого звонка вел Билли эту игру, ни разу не пытаясь нанести решительного удара.

— Почему вы его не прикончили? — закричал профессор Кассиди, когда Билли вернулся после четвертой схватки.— Вы могли так легко это сделать! Почему вы не прикончили его, черт вас побери!

— Не хотел,— ответил Билли.— Я приберегаю финал для пятой схватки. Если вы хотите выиграть, можете поставить на меня.

— Вы это говорите серьезно? — недоверчиво спросил Кассиди.

— Конечно,— сказал Билли.— Можете еще увеличить ставку, заявив, что я уложу его в первую минуту этой схватки. Пожалуйста, поставьте и от меня сотенку.

Кассиди поставил огромную ставку, но минуту спустя, когда оба противника встретились на арене, он пожалел о своем поступке. К его удивлению, «будущий чемпион» явился к пятой схватке улыбающимся и самоуверенным.

«Видно, кто-нибудь поднес ему рюмочку»,— проворчал Кассиди.— «Скверно! Этого может быть достаточно, чтобы дать ему продержаться в течение первой минуты или даже всей схватки. Я частенько видел такие примеры!»

Когда противники встретились, «будущий чемпион» сразу перешел в нападение. Он бросился на Билли и нацелил удар в лицо. К огорчению Кассиди и к удивлению толпы, Билли не увильнул и принял удар прямо в челюсть.

Однако он не шелохнулся.

Чемпион опять размахнулся, а Билли Байрн стоял,

как огромное бронзовое изваяние, и принимал удар за ударом, которые насмерть уложили бы обыкновенного человека.

Публика пришла в неистовство. Оглушительные крики потрясли огромное здание.

Будущий чемпион потерял самообладание и сознательно нанес нечестный удар.

Раньше чем жюри успело вмешаться, Билли развернулся и нанес удар, похожий на тот, который ему не удался во второй схватке. На этот раз удар удался. Могучий кулак поразил будущего чемпиона в подбородок, приподнял его с пола и отбросил к канату.

Здесь лежал он, пока судья отсчитывал десять секунд, а непостоянная толпа вопила от радостного восторга. Борьба оказалась решающей.

Кассиди перелез через канат и обlobызal Билли Байрна.

— Я знал, что ты можешь это сделать, голубчик,— кричал он, чуть не плача от радости.— Теперь твоя карьера сделана, ты — будущий чемпион...

На следующее утро спортивные листки были полны статьями о «матросе Байрне», которого называли «самой крупной восходящей звездой на небе бокса». Портреты его пестрели повсюду. Газеты помещали интервью: интервью с ним, интервью с борцом, которого он победил, интервью с его учителем Кассиди, интервью с судьей, интервью со всеми,— и все сходились на том, что со времен Джеффриса не видывали такого борца. Сам негр Корбет признал, что, хотя он, без сомнения, победил бы новое чудо, но нашел бы его нелегким противником.

Все говорили, что будущее Байрна обеспечено. Не было никого, кто мог бы сравняться с ним, а всякий, кто его видел накануне, поставил бы на него свой последний доллар.

Кассиди по телеграфу послал вызов антрепренеру негра и получил благоприятный ответ. Хотя условия были невыгодные, но Кассиди принял их, и к полудню уже выяснилось, что борьба состоится.

Билли давно не чувствовал себя таким счастливым, пожалуй с того самого дня, когда он добровольно отказался от Барбары Хардинг в пользу человека, которого, как он думал, она любила. Он жадно читал и перечитывал газетные отчеты о своем подвиге, когда

вдруг, перелистывая газеты, чтобы найти еще какие-нибудь заметки о себе, он наткнулся на то самое имя, которое в течение всех этих месяцев постоянно было у него на уме.

Хардинг!

«Идут упорные слухи о разрыве помолвки прекрасной мисс Хардинг с Уильямом Д. Мэллори. Нам не удалось застать дома мисс Хардинг. Мистер Мэллори отказывается вдаваться в подробности, но не отрицает слуха»...

Билли Байрн прочел только эти строки и уронил газету. Борьба и чемпионство разом вылетели у него из ума.

Он уставился в одну точку, а мысли его унеслись за много тысяч миль к маленькому островку, лежащему среди бурной реки. А в другом конце того же огромного Нью-Йорка, с той же газетой в руке сидела Барбара Хардинг. Она небрежно пробегала спортивный листок в поисках отчета о вчерашнем женском состязании гольфа. Внезапно ее глаза остановились на портрете гигантского атлета, и она забыла об отчете и состязании.

Торопливо начала она искать заголовок и текст, пока не нашла имени «матроса Байрна».

Это он! Барбара жадно читала и перечитывала все, что было о нем написано.

Полчаса спустя мальчик-посыльный разыскал матроса Байрна в школе профессора Кассиди. Его окружала куча поклонников. Мальчуган с восторгом оглядел с головы до ног нового героя и передал ему записку.

Пока Билли ее читал, мальчик продолжал смотреть на него с благоговейным обожанием.

— Будет ответ? — спросил он.

— Нет,— ответил Байрн,— я сам его принесу.

И он всунул доллар мальчишке.

Час спустя Билли Байрн подымался по широким белым ступеням, которые вели в особняк Антона Хардинга. Лакей, открывший ему дверь, оглядел его подозрительно: Билли был одет, как прифрантившийся мастеровой. Визитной карточки у него не оказалось.

— Скажите мисс Хардинг, что мистер Байрн пришел,— сказал он.

Лакей оставил его ждать в вестибюле, а сам, не торопясь, стал подниматься по широкой лестнице, но на полдороге встретил быстро бегущую вниз мисс Хардинг.

— Знаю, Смит, знаю,— предупредила она его.— Я ожидала мистера Байрна.

И, заметя, что лакей не потрудился предложить посетителю стула, прибавила:

— Это старый дорогой друг.

Смит моментально стушевался.

— Билли! — вскрикнула девушка, бросившись к нему с протянутыми руками.— О, Билли, мы все думали, что вы умерли! Сколько времени вы здесь? Почему вы ко мне не пришли?

Байрн замялся.

— Я вернулся несколько месяцев тому назад,— сказал он наконец.— Но после того, как обнаружилось, что мистер Мэллори жив, я понял, что все изменилось... и потому не показывался.

— Билли! Как могли вы это подумать?

— Вы не хотите сказать,— и голос его дрогнул,— что... что все осталось по-прежнему... как на острове, Барбара?

Он внимательно посмотрел на нее.

В ее глазах, во всем ее обращении он мог прочесть так же ясно, как если бы она выразила это словами, что его надежда, охватившая его при получении письма, не была напрасной.

Но в нем проснулось странное чувство. В тот момент, когда он входил в великолепный дом Антона Хардинга, он уже ощутил какое-то неприятное стеснение в груди.

Наглое поведение лакея, роскошь огромного вестибюля, за которым виднелся целый ряд апартаментов — все было так чуждо ему!

И сама Барбара, одетая в какое-то мудреное парижское платье, всем своим видом противоречила тому выражению, которое он читал в ее глазах.

Нет, Билли Байрн тут чужой, точно так же, как и Барбара Хардинг навсегда останется чужой на Большой авеню. Билли Байрн вдруг понял это.

Его сердце упало. Он внезапно потерял всякий интерес к жизни.

Он на минуту задумался. Его собственная жизнь или счастье в счет не идут. Нужно думать только о ней. Он благодарил судьбу за то, что опомнился раньше, чем сказал Барбаре, что понял выражение ее глаз.

— Я вернулся несколько месяцев тому назад,— снова начал он.— Но в моей башке было достаточно со-

образительности, чтобы не соваться туда, куда мне не след. Хорош я бы был среди ваших пижонов!

Билли звонко хлопнул себя по берду и расхохотался так неприлично-громко, что изысканный Смит, стоявший в верхнем этаже, в ужасе приподнял брови.

— А затем было это самое состязание. Не мог же я бросить работу, чтобы гоняться за юбкой!

Барbara почувствовала острое разочарование. Снова Билли начал говорить так отчаянно грубо! Ведь она его совсем было отучила от этого во время их пребывания на острове.

— Я бы и совсем не прилупил к вам,— продолжал он,— да в газете прочел, что вы с Мэллори разошлись. Вот я и подумал, что нужно пронохать, в чем тут дело.

Во все время, пока он говорил, он не смотрел на Барбару. Теперь он обернулся к ней.

— Он, небось, недоволен размолвкой?

— Да,— ответила Барbara.

Она не знала, сердиться ли ей или нет. Но вспомнила о воспитании Билли и подумала, что он, конечно, не знает, что нельзя затрагивать такой деликатный вопрос в такой грубой форме.

— Тэк-с,— продолжал Билли.— В чем же у вас загвоздка? Мэллори как раз подходящий парень для вас. Вы его любили, иначе вы не обручились бы с ним.

Последняя фраза походила почти на вопрос.

Барbara кивнула утвердительно.

— Видите, Билли,— начала она,— я давно знала мистера Мэллори и всегда думала, что я любила его, пока... пока...

Но в глазах Билли не было ответного огня, и она невовко замолкла.

Немного помолчав, она продолжала:

— Я обручились с ним, только когда мы вернулись в Нью-Йорк. Мы все думали, что вы умерли.

— Он ничего худого не сделал с тех пор, как вы дали ему слово? — спросил он, игнорируя ее упоминание о нем самом и все, что из него следовало.

Барbara молча кивнула головой.

— Ну, тогда я не понимаю, что вы имеете против этого брака,— продолжал Билли.

Он опять стал говорить так, как его учila Барbara, но ни он, ни она этого не заметили.

— Видите ли,— ответила девушка,— я не могла при-
мириться с тем, что они бросили вас одного в джунглях.
Каждый раз, когда я видела мистера Мэллори, я не-
вольно думала, что он «трус», и с таким чувством
я не могла выйти за него замуж. И правда, Билли, я
никогда не любила его так, как...

Она снова запнулась, а он снова не сделал попытки
воспользоваться открывавшейся перед ним возможно-
стью.

Вместо этого, он подошел к телефону. Взяв телес-
фонную книжку, он начал ее перелистывать и вскоре
нашел желаемый номер. Через мгновение его соединили.

— Это Мэллори будет? — спросил он.— Говорит
Байрн, Билли Байрн. Да, да, тот самый, который вам
морду набил на «Лотосе». Умер? Ничего подобного!
Я здесь, у Барбары. Да, я это самое и говорю. Она
хочет, чтобы вы пришли как можно скорее.

Барбара Хардинг шагнула к нему. Глаза ее сверкали.

— Как вы смеете! — вскричала она, стараясь выхва-
тить телефонную трубку из его руки.

Он заслонил аппарат своим огромным телом.

— Пошевеливайтесь! — крикнул он в телефон,—
Прощайте!

И повесил трубку.

Только тогда повернулся он к разгневанной девушке.

— Послушайте! — сказал он.— Вы когда-то говори-
ли мне, что готовы бог знает что для меня сделать, чтобы
отплатить за то, что я сделал. Вот вам теперь как
раз случай!

— Что вы хотите сказать? — спросила пораженная
девушка.— Что я могу для вас сделать?

— Вот что! Когда Меллори придет, ты ему скажешь,
что промеж вами все будет по-старому,— понимаешь?

В широко раскрытых глазах Барбары Билли прочел
такую обиду, что сразу осекся. Он думал, что она
сразу отвернется от грубого хулигана и с радостью
предпочтет ему воспитанного джентльмена. А когда он
увидел, что она по-настоящему страдает, когда по-
нял, что она страдает потому, что он старается грубо
разрушить ее любовь, то не смог выдержать своей роли.

— Барбара,— вскричал он,— разве вы не видите, что
Мэллори вам ровня, что он подходящий муж для вас?
С той минуты, как я вошел в этот дом, я понял, что
между мною и вами — непроходимая пропасть. Когда-то

я надеялся на что-то. Теперь я так ясно вижу, что я вам не пара! Мне так хочется, чтобы вы были счастливы, Барбара! Я сам постараюсь быть счастливым, насколько смогу. В Чикаго, на Большой авеню есть много девушки чистых и честных — не хуже, чем на Риверсайд-Драйв, и которые мне подходят. Среди них я смогу себе выбрать подругу. Вы показали мне, как хорошая девушка может превратить в человека грубое животное. Вы научили меня самоуважению и гордости. Но я готов скорее умереть под копьями воинов Оды Исеки, чем переносить здесь наглые насмешки лакеев и снисходительные улыбки ваших друзей! Я хочу, чтобы вы были счастливы, Барбара, и потому хочу, чтобы вы обещали мне выйти замуж за Мэллори. Нет на свете мужчины, который был бы вполне достоин вас, но из всех, которых я знаю, Мэллори лучше всех вам подходит. С тех пор как я в Нью-Йорке, я часто слышал о нем, но никто никогда не говорил о нем дурно. А ведь это — редкость! И потом Мэллори настоящий мужчина, который должен нравиться каждой женщине. Помните, как он стоял на палубе «Лотоса», защищая вас, и честно боролся против моих невозможных приемов? Он настоящий мужчина, Барбара, такой, каким вы можете гордиться! И такого вам и нужно. Он сражался с дикарями Иоки так, как должен сражаться мужчина. Трусости в нем нет ни капли, Барбара. Он и ваш отец не бросили меня до тех пор, пока я не рассказал им таких вещей, которые заставили их уйти. Поэтому не ставьте это ему в вину. Я удивляюсь, как он меня тогда не убил! Ваш отец хотел меня убить, но Мэллори удержал его.

— Они никогда мне этого не рассказывали, — прошептала Барбара.

Раздался звонок.

— Он! — сказал Билли. — Я не хотел бы встретиться с ним. Пусть Смит выпустит меня по черному ходу. Думаю, что это доставит ему больше удовольствия... Вы сделаете так, как я вас прошу, Барбара...

Он выжидающе остановился на пороге.

Девушка стояла перед ним. Глаза ее были полны слез, и она видела Билли, как в тумане.

— Вы сделаете так, как я вас прошу, Барбара! — повторил он.

На этот раз в его голосе слышалось приказание.

Когда Мэллори вошел в комнату, Барбара услышала, как дверь черного хода захлопнулась за Билли Байрном.

ЗАКОРЕНЕЛЫЙ ПРЕСТУПНИК

I

ДОМА

Билли Байрн выпятил богатырскую грудь и глубоко вдохнул родной воздух Чикаго.

Он стоял на площадке нью-йоркского поезда, подходившего к вокзалу Ла-Сал-стрит, и, хотя он был очень несчастлив, его все же безотчетно радовало возвращение домой.

Больше года продолжались его странствия и необыкновенные приключения. Теперь Билли Байрн возвращался в западную часть Чикаго, к родной Большой авеню.

Нельзя сказать, чтобы на длинной извилистой Большой авеню было что-нибудь такое, что могло вызвать энтузиазм, да Билли и не был в особенном восторге от этой улицы сомнительной чистоты... Но он приходил в восторг при мысли, что он вернулся и «утрет им нос». Он покинул Чикаго с репутацией грубого и буйного человека даже в грубом районе Большой авеню, где он вырос. Как изменился он под влиянием этой девушки! Правда, она по многим причинам не подходила ему. Но любовь заставила его сбросить с себя свою неуклюжесть и грубоcть. Билли Байрн не был больше хулиганом.

Он сам отказался от своей возлюбленной. Между Большой авеню и Риверсайд-Драйв была непроходимая пропасть, но он все еще старался быть таким, каким она желала, чтобы он был, хотя и знал, что никогда больше ее не увидит.

На Большой авеню ему легче всего будет забыть свое горе; ее самоё он не забудет никогда. Главное же, ему хотелось вернуться к месту своей прежней жизни для того, чтобы, как он говорил, «утреть им нос».

Он хотел показать прежней шайке, что он, Билли Байрн, не стыдится быть приличным человеком. Он хотел показать соседям, что он может работать и честно зараба-

тывать хлеб. Он с восторгом думал о разочаровании жадных содержателей пивных, когда они убеждаются, что он, пьяница Билли Байрн, больше не пьет. Перед ним была новая, интересная и содержательная жизнь.

Но главным образом он желал оправдаться в несправедливом обвинении в убийстве, заставившем его бежать из Чикаго. Как повезло ему в ту ночь, когда полисмен Стэнлей Ласки с Лэк-стрит предупредил его о подлости Шихена, который показал на него, как на убийцу старика Шнейдера!

На самом деле Билли Байрн был тут совсем ни при чем. В ту ночь он даже не подходил к пивной старика Шнейдера. Шихен, арестованный по подозрению в этом убийстве, был его давнишним врагом и воспользовался возможностью свалить с себя вину, а кстати и «в克莱ить» Байрна.

За истекший год Билли многое перевидел, и горизонт его сильно расширился. Его пещерные понятия о законе и порядке тоже несколько изменились. Он больше не боялся их и начинал верить в их справедливость. Законы его страны дадут ему то, чего он ищет,— справедливый суд.

Билли усмехнулся. Как меняется человек! Он, Билли Байрн, собирается обратиться к закону и к его служителям! Все его детство, вся его молодость были сплошной борьбой с гнетом общественного строя. Не глупо ли добровольно возвращаться, чтобы отдать себя в руки врагов своего класса, и верить, что его непричастность к преступлению будет сразу же установлена? Зная свою невиновность, Билли предполагал, что и другие должны будут сразу ее признать. Он стал строить планы:

«Сперва поеду взглянуть на Большую авеню, а затем сам отдаю себя полиции. Суд может затянуться, а я хочу до того повидать кое-кого из старых знакомых».

Билли сел в омнибус и, прислонившись к открытому окну, стал жадно вглядываться в мелькавший перед ним шумный и грохочущий Чикаго.

* * *

Мэгги Шэн сидела, съежившись, на верхней ступени шаткой лесенки, прислоненной к старому облупленному дому, на втором этаже которого жила семья Шэн.

Мэгги была сильно не в духе по случаю неурожая на

кавалеров. Никто не мог заполнить горестной пустоты, образовавшейся в ее сердце после внезапного отъезда Шихена. Прошло уже много недель с тех пор, как этот достойный джентльмен «избрал более здоровый климат», к немалому смущению Мэгги и поручившихся за него товарищей. Мэгги мрачно смотрела на расстилавшуюся у ее ног грязную улицу и на криклившую толпу нечесаных женщин и детей. Она провожала хмурым и рассеянным взором проезжавшие с грохотом тяжелые телеги. Вдруг она заметила довольно интересного мужчину, идущего по этой стороне улицы. Он был еще слишком далеко от нее, чтобы различить черты его лица, но его рост, осанка, весь общий его вид понравились скучающей Мэгги, и она вся встрепенулась.

Быстрым движением пригладив сзади прическу, она поправила кокетливо взбитый клок, нависавший над глазом, оправила юбку и замерла в ожидании. Когда прохожий подошел ближе, он оказался настоящим красавчиком, и, что было чудесней всего, в его внешности было что-то страшно знакомое. Но только когда он очутился почти наравне с ее домом и взглянул вверх, Мэгги вдруг узнала его.

Мэгги Шэн так и ахнула и схватилась за поручни лестницы. Минута — и мужчина прошел далее по тротуару.

Некоторое время девушка неподвижно смотрела ему вслед. Затем она стремглав скатилась по лестнице, вбежала в зеленную на угол и попросила позволения переговорить по телефону.

— Запад, два-шесть-три, — задыхаясь сказала она в трубку, и затем через секунду: — Лэк-стрит? Слушайте! Билли Байрн вернулся. Я его только что видела...

— Да, да!.. Кто я? Все равно! Но, если он вам нужен, так знайте: он теперь как раз разгуливает по Большой авеню... Идет к западу. Я его только что видела около памятника Линкольна.

И она повесила трубку.

Билли Байрн спокойно шел по знакомым кварталам. «Следовало бы заглянуть к матери», подумал он. Не то, что он ожидал встретить у нее хороший прием, даже если бы она случайно оказалась трезвой. Но за истекший год вся манера мышления Билли основательно изменилась, и он считал своим долгом зайти к ней. Кажется, бессознательно, он хотел ей помочь.

Но, когда он дошел до знакомого покосившегося дома, он узнал, что его мать умерла. Какая-то другая семья занимала грязную комнату, в которой протекло его детство.

Если Билли Байрн и почувствовал некоторую печаль по случаю смерти матери, то во всяком случае он ничем не выказал этого. Правда, он от покойницы ничего и не видел кроме пинков и колотушек. В «свободной, демократической Америке» бедняки по-прежнему парии. Все двери перед ними закрыты... Безвыходность окружавшей его обстановки толкнула Билли на путь преступления в таком возрасте, когда мальчики обычно еще только поступают в приготовительную школу.

Чего греха таить! Билли украдкой облегченно вздохнул и бодрым шагом повернулся обратно к Большой авеню. Никто из тех немногих, которых он встретил и которые узнали его, не оказался особенно восхищенным его возвращением. Билли почувствовал некоторое разочарование.

Он решил немедленно отправиться в полицейский участок на Лэк-стрит и узнать, в каком положении находится дело об убийстве Шнейдера. Возможно, что за это время был обнаружен настоящий убийца. В таком случае Билли сразу будет реабилитирован. Если же нет, то он отдастся им в руки и будет требовать суда и следствия.

Когда он подошел к Вуд-стрит, два человека, притаившиеся в дверях пивной, вдруг шагнули к нему и схватили его с обеих сторон. Билли возмущенно оглянулся.

— Иди-ка подобру, Байрн! — посоветовал ему один из них.— Брось глупить!

— О! — протянул Билли.— Это вы? А я как раз собирался сам идти в участок.

Оба полисмена недоверчиво усмехнулись.

— Мы тебя избавим от этого беспокойства, — сказал один из них.— Мы поведем тебя. Ты бы мог заблудиться, если бы пошел один!

Билли молча прошел с ними остальной путь до патруля. Он видел, что полисмены ему не верили и что с ними столковаться нельзя. Но оказалось, что и начальник патруля отнесся с таким же сомнением к его словам. Он только смеялся в ответ на все уверения Билли о том, что он был уже на пути к участку в момент своего ареста.

ПРИГОВОР

Тянулись недели, и Билли Байрн не находил ни в ком доверия. Ему не верили, что он хочет жить честно, трудовой жизнью, не верили, что он совершенно не причастен к убийству Шнейдера, и он начал сомневаться в разумности своего поступка.

Он снова стал склоняться к своему первоначальному мнению о полиции и о законе лицемерно-демократической Америки. К тому же, его товарищ по тюрьме раскрыл ему закулисную сторону дела: оказывается, газеты страшно напали на департамент полиции за то, что тот не сумел найти убийцу несчастного Шнейдера. Результатом этой травли было, что полиция жаждала взвалить на кого-нибудь преступление. На кого — ей было, понятно, безразлично, лишь бы это не был кто-нибудь из ее подчиненных...

— Может быть, ты этого и не сделал,— заключил он свой рассказ,— но будь уверен, они уж добьются смертного приговора. Они тебя, ух как недолюбливают, Байрн! Ты им верно здорово насолил в прежнее время. Они не забыли этого... Не хотел бы я быть в твоей шкуре!

Билли пожал плечами. Его прямая натура никак не могла примириться с такой вопиющей подлостью. Где были его наивные мечты о справедливости? Они снова растворились в ненависти к проклятому строю своей «свободной» страны. Билли встремился и, чтобы не думать о всей этой грязи, вызвал в своем уме образ прекрасной девушки, которая так изменила все его существо.

И воспоминание о ней дало Билли какую-то непонятную и смутную уверенность в том, что в конце концов восторжествует какая-то высшая справедливость и что мерзкие происки его врагов получат подобающую оценку. Когда-нибудь Билли припомнит презренному обществу тот день, когда он с открытой душой пошел к нему навстречу и был наказан за свой порыв веры в людей.

День суда приближался. Следствие показало, что Билли всегда был неприятным субъектом. Полиция представила кучу свидетелей, которые, не колеблясь, дали под присягой показания. Билли казалось, что самый глупый судья мог бы заметить, при некоторой беспристрастности, что все эти показания — сплошная неле-

пая выдумка и что «единодушие» свидетелей более чем подозрительно.

Свидетели могли, например, с поразительной точностью вспомнить любую подробность, случившуюся между семнадцатью минутами девятого и двадцать одной минутой десятого в ночь на 23-е сентября, более года тому назад; но совсем забыли, где они были и что они делали десятью минутами раньше или десятью минутами позже.

У Билли свидетелей не было.

Исход был ясен. Даже Билли должен был признать это и, когда прокурор, разразясь добродетельным негодованием против закоренелости преступника, потребовал смертной казни, Билли почувствовал неприятное ощущение пеньковой веревки, стягивающейся вокруг его шеи.

В ожидании приговора, Билли сидел в своей камере, заставляя себя читать газету, которую дал ему доброжелательный сторож. Но его глаза, устремленные на белую бумагу и черные буквы, видели не ее, а другие, далекие сцены.

Он видел бурную реку, текущую по дикой местности, и в водовороте реки небольшой островок. Он видел на этом островке мужчину и девушку. Девушка учила мужчину языку культурных людей и их взглядам на жизнь. Она учила его понятию чести и говорила, что лучше потерять все, чем потерять честь... Билли понял, что эти-то уроки и заставили его выполнить безумный план «примирения с обществом», который заканчивался теперь обвинительным вердиктом. Ведь он желал обелить свою честь. Он считался с мнением этого прогнившего до корней общества! Резкий смех вырвался из его груди, но он сразу овладел собою, и лицо его смягчилось.

В конце концов, он сделал это ради нее. Сердится ли он на нее за это? Нет! Он невинен. Его могут убить эти тупые ничтожества, но не могут сделать его преступником. Если бы даже тысяча самодовольных судей признали его виновным, все равно, он не убивал старика Шнейдера!

Но все же это было тяжело и несправедливо после всех его надежд, после его планов жить честно и «утереть им нос». Его глаза, рассеянно устремленные на газету, внезапно были привлечены словом «Хардинг».

Билли Байрн вздрогнул и впился глазами в статью. Свадьба мисс Барбары, дочери миллиардера Антона

Хардинга, с Уильямом Мэллори состоится 25-го июня сего года.

Заметка была помечена Нью-Йорком и была довольно длинна, но Билли не читал дальше. С него было достаточно! Правда, он сам уговаривал ее выйти замуж за Мэллори, но теперь у него было такое чувство, как будто она ему изменила.

— Идем, Байрн! — прервал его мысли тюремщик.— Суд вынес приговор.

Суд выходил из совещательной комнаты, когда Билли ввели в судебный зал. Вскоре вошли присяжные и заняли свои места. Старшина, толстый обрюзгший купец, передал секретарю лист бумаги. До того, как его прочли, Билли уже знал их ответ. Его, конечно, признали виновным. Он находился в таком состоянии, что ему было все равно. Он ничего не имел против того, чтобы судья послал его на виселицу. Все равно, он ничего больше от жизни не ждет. Он хотел умереть. Но насмешливая судьба распорядилась иначе: вместо смерти Билли Байрн был осужден на пожизненное заключение в исправительном доме в Джолиете.

Это было горше смерти! Билли Байрн содрогнулся от мысли оставаться всю жизнь в мрачных стенах тюрьмы. Он почувствовал прилив острой ненависти к слепому, несправедливому закону и ко всему, что имело к нему отношение. Как охотно сжал бы он своими стальными пальцами толстую шею красномордого судьи! Самодовольные, тупорылые присяжные, с отвращением поглядывавшие на «опасного хулигана», вызывали в нем жажду убийства. Справедливость! Это, это они называли справедливостью! Билли Байрн громко расхохотался.

Судебный пристав с постным лицом призвал его к порядку. Один из присяжных, наклонившись к своему соседу, прошептал:

— Закоренелый преступник! Общество будет в большей безопасности, когда он сядет за решетку.

На следующий день Билли был посажен в поезд, отправлявшийся в Джолиет. Он был прикован ручными кандалами к помощнику шерифа. Наружно Билли казался спокоен, но внутри его клокотала ненависть. Подумать только, какую идиллию развел он из своего возвращения — и что из этой идиллии вышло! Что ж? Поделом ему! Сам влез в петлю. Да, нечего сказать, ласково приняла его родина!

В одном из великолепных домов на Риверсайд-Драйв, в Нью-Йорке, удобно обложившись пуховыми подушками, сидела в постели молодая девушка и, потягивая кофе, читала утреннюю газету.

На внутренней стороне главного листа один заголовок привлек ее внимание:

«Чикагскому убийце — пожизненная тюрьма».

За последнее время Барbara Хардинг особенно интересовалась Чикаго, а потому она и пробежала глазами следующие строки:

Убийца безобидного старика, содержателя пивной, наконец привлечен к ответу. Это — известный в западной части города хулиган Билли Байрн, скрывавшийся более года от правосудия. Он осужден на пожизненное заключение в Джолиете.

Барbara оцепенела от ужаса и выронила листок. Затем с подавленным рыданием она повернулась к стене и уткнулась лицом в подушку.

III

РИСКОВАННЫЙ ПРЫЖОК

Поезд, уносивший Билли Байрна и его сторожа к Джолиету, прошел уже почти половину пути, когда помощнику шерифа пришло в голову, что недурно было бы отправиться в курительный вагон и выкурить сигару.

С той минуты, как над Билли Байрном был произнесен приговор, все мысли его сконцентрировались на одном — на бегстве. Он знал, что шансов к удаче мало до смешного, но не мог думать ни о чем другом. Все его существование возмущалось против несправедливости и кипело при мысли о долгих, невыносимо однообразных годах, которые его ожидали. Он знал, что он не сможет их вынести. И не хочет!

В это время помощник шерифа встал, знаком приказал пленнику идти впереди его и двинулся к курительному вагону. Нужно было пройти всего два вагона. Первая площадка, которую они миновали, была плотно закрыта с обеих сторон, зато на второй по недосмотру кондуктора одна из дверей осталась открытой. Поезд, по какой-то причине, замедлял ход и двигался со скоростью миль двадцать в час.

Билли первый очутился на площадке. Он первый заметил открытую дверь. Эта дверь была или шаг к спасению, или гибель. Но быстрая смерть гораздо легче по жизненной каторги!

Билли не колебался ни минуты. Раньше, чем помощник шерифа сообразил что-либо, его пленник уже спрыгнул вниз, потащив за собою своего стражника. Байрн не имел времени выбрать место для прыжка и рассчитать его. Он прыгнул наобум, с мужеством отчаявшегося человека, не зная, попадет ли он прямо на колья забора или в обрыв.

Ему повезло. Вагон проходил в это время по тинистому болоту, и туда и упали оба скованные между собою человека.

Байрн первый встал на ноги, выхватил у помощника шерифа револьвер и приставил к его виску холодное дуло оружия.

Затем он выбрался на берег, подталкивая стражника револьвером и под угрозой смерти заставляя его хранить молчание. За болотом подымался небольшой лесок, заросший густым кустарником. В него-то и заставил Байрн войти своего пленника.

Когда они зашли за кусты, Билли остановился.

— Теперь готовьтесь к смерти,— приказал он.— Я с вами покончу.

Помощник шерифа беспомощно взглянул на него широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Боже мой, Байрн! — вскричал он.— Я ничего вам не сделал. Разве я не был всегда вашим другом? Что я вам сделал? Ради бога, не убивайте меня. Они вас, наверное, поймают!

Билли Байрн жестоко усмехнулся.

— Положим,— сказал он,— что вы ничего не сделали мне, хотя и это еще не доказано; но вы стоите за этот проклятый строй, вы служите в их своре ищек! Они хотели заключить меня на всю жизнь в их мрачные тюрьмы, меня, невиновного! Это — дело вашей подлой полиции. Вы ответите за всех других.

Он поднял револьвер на уровень головы своей жертвы. Помощник шерифа упал на колени, ловя его ноги и умоляя о пощаде.

— Бросьте,— брезгливо остановил его Билли.— Вы всё равно должны умереть. Лучше умрите, как мужчина!

Стражник потерял сознание и упал на землю. Билли

некоторое время смотрел на него. Его рука, прикованная цепью к лежащему, неприятно оттягивалась вниз.

Билли пригнулся и приставил дуло револьвера к уху бесчувственного человека.

— Справедливость! — горько пробормотал он, готовясь спустить курок.

Но внезапно между ним и фигурой распостертого человека встал знакомый образ прекрасной девушки. Ее лицо улыбалось, а в глазах светились доверие и гордость — доверие к Билли Байрну и гордость им.

Билли зажмурился, как от физической боли, и быстро провел рукой по лицу.

— Что за наваждение? — пробормотал он.— Я не могу этого сделать!

Он спрятал револьвер в карман и, опустившись на колени рядом с полицейским, начал его обыскивать. Вскоре он нашел то, что искал — кольцо с несколькими ключами. Через минуту колодки упали с его рук. Освободившись, он долго в раздумье смотрел на помощника шерифа.

— Следовало бы прикончить тебя,— пробормотал он наконец.— Иначе мне бежать, все равно, не удастся; но она не позволяет мне!

Внезапно Билли Байрн пришла мысль, что, если он выиграет время, то он быть может спасется. Помощнику шерифа не повредит, если он останется здесь несколько часов или даже целый день. Билли снял с него куртку, разорвал на полосы и привязал ими помощника шерифа к дереву. Затем он всунул ему в рот кляп.

Во время этой операции помощник шерифа пришел в себя и со смутной надеждой взглянул на Билли.

— Я решил не убивать вас,— объявил ему тот.— Я вас оставлю здесь. Вероятно, через несколько часов нас хватятся, обыщут весь путь и найдут вас. Пока всего доброго! Если вы порядочный человек, то вы меня не высадите.

С этими словами Билли Байрн исчез.

По недоразумению, оказавшемуся чрезвычайно благоприятным для Билли, администрация исправительного дома ожидала его прибытия с более поздним поездом. Благодаря этому, Билли выиграл целых два часа.

Поэтому, к тому времени, когда администрация сообразила, что, вероятно, что-нибудь случилось, Билли Байрн прицепился к буферу быстрого товарного поезда,

успел пробраться в вагон и катил уже в пятидесяти милях к западу от Джолиета.

Ночью поезд переехал через Миссисипи. Билли Байрн проголодался, и ему смертельно хотелось пить. Когда паровоз замедлил ход и остановился среди молчаливых, благоухающих полей, Билли открыл дверь товарного вагона и легко спрыгнул на землю.

Ни один человек еще не видел его с тех пор, как он скрылся с глаз помощника шерифа, и, так как у Билли не было никакого желания быть замеченным, то он быстро скользнул через железнодорожную насыпь в сухую канаву и присел там на корточки, дожинаясь ухода поезда.

Вскоре послышались два отрывистых свистка, поезд дрогнул, раздался скрип тормозов о колеса, и поезд медленно двинулся к далекому морскому берегу, с каждой секундой развивая всё большую скорость, пока, наконец, последний вагон не промчался мимо притаившегося беглеца.

Когда огни пропали вдали, Билли встал, вскарабкался снова на железнодорожный путь и пошел вдоль по рельсам следом за умчавшимся поездом.

Где-нибудь путь должен же быть перерезан дорогой! Вдоль дороги он может найти мызы или деревни, а в них еду и питье.

У Билли не было ни гроша; он не сомневался однако, что он найдет пищу. Быстро идя по рельсам, он неотступно мечтал о вкусном куске хлеба с ветчиной. Вдруг в его уме возникло сомнение: хорошо ли будет украсть еду?

— Тыфу! — воскликнул он тут же вполголоса.— Даже «она» не нашла бы ничего особенного, когда бы кто-нибудь слimonил немного корма, если бы умирал с голodom. И, наверное, она не нашла бы ничего дурного, если бы я раздобыл себе чего-нибудь поесть. Денег у меня нет. В тюрьме у меня всё отобрали, а должен же я чем-нибудь жить! Я и сам рад бы не воровать, если б мог раздобыть себе жратву каким-нибудь иным способом. Черт возьми, она из меня настоящую размазню сделала! Я даже не подумал ограбить этого шерифа! Забавно, как может меняться человек. Ну, право, и размазня же я!

Билли усмехнулся при этой почти непостижимой мысли.

СТРАНСТВУЮЩИЙ ПОЭТ

Не доходя дороги, Билли увидел в стороне от железнодорожного пути огонек, мерцавший в соседней лощине. Он не был похож на свет лампы за окном. Он подымался и опускался, тускнея и вспыхивая где-то совсем близко от земли.

Это было похоже на свет костра, и, подойдя ближе, он увидел, что так оно и было. Вслед затем он услышал звуки человеческого голоса. Билли приблизился с большой осторожностью. Ему нужно было разглядеть незнакомцев раньше, чем они его заметят. Костер горел на берегу ручья, через который был перекинут железнодорожный мост.

Билли спустился с насыпи, перелез через какую-то изгородь и очутился на опушке леса. Прячась за деревьями, он стал подбираться к костру. По мере приближения, Билли начал различать отдельные слова; наконец, он подошел совсем близко и прислонился к дереву, за спиной говорившего.

Около небольшого костра темнела всего одна фигура мужчины, сидевшего на корточках и жарившего что-то на огне. У костра стояла помятая оловянная кружка, из которой поднимался пар. Знакомый аромат времена отврети ударял в нос Билли.

Кофе! У Билли потекли слюни. Но голос и слова заинтересовали его не меньше, чем приготовления к предстоящему ужину.

В вихре буйной сарабанды
Мы летим до Самарканда.
Морем, сушей наши банды
Мчатся с птицами на юг...
Где-то там меня вы ждете,
Из цветов венок плетете,
Поцелуй мне нежный шлете,
Пенелопа, верный друг!

Слова захватили Билли и заставили на минуту забыть о голоде. Как фимиам, вызывающий сладкие грэзы, эти слова, произнесенные мягким, бархатистым голосом, доносились до него и проникали в его душу.

А голос! А интонации! Они несомненно принадлежали одному из тех людей, которых Билли всегда презирал и высмеивал до своего знакомства с Барбарой Хардинг. Голос самодовольного и заносчивого интеллигента...

Билли напряг в темноте свое зрение, чтобы лучше рассмотреть странного незнакомца. Свет костра падал на потертую, заплатанную одежду и на бесформенную мягкую шляпу.

Очевидно, это был бродяга! Билли вздохнул свободней и продолжал слушать певучий голос:

В мутной дымке горы-исполины,
Нежной зеленью полны долины.
Листья тополя на ветке длинной
Серебристой зеленью дрожат...
Где-то там, в сверкании залива,
Белый парус ждет нас терпеливо,
И несутся волны торопливо
С белой пеной на прибрежный скат...

«Ну», подумал Билли Байрн, «это порядочная ерунда! Интересно, откуда этот тип все это выкопал? Хотелось бы мне набрести на места, о которых он поет...»

Мысли Билли были прерваны треском сучьев в лесу, сбоку от него. Он обратил глаза в ту сторону и увидел двух мужчин, спокойно вышедших из-за деревьев и прямо направлявшихся к человеку у костра.

Это были, очевидно, тоже бродяги. Вероятно, его товарищи. Человек у костра не слышал их приближения, пока они не оказались совсем рядом с ним. Тогда он медленно повернулся и встал.

— Наше вам почтение, молодец,— сказал один из подошедших.

— Добрый вечер, джентльмены,— приветливо ответил поэт.— Добро пожаловать к моему скромному котелку. Вы уже обедали?

— Нет,— ответил первый,— мы еще не обедали. Зато сейчас поедим. Только брось-ка ты, парень, нам зубы заговаривать. Здесь жратвы не то, что на троих, а на одного не хватит. Ну, пусты!

И дюжий, огромный мужчина, приняв угрожающую позу, шагнул к поэту, который был небольшого роста и слабого телосложения. Однако тот не дрогнул и не уступил.

— Вы мне причиняете боль,— сказал он тихо.— Острую душевную боль! Кроме того, мне очень не нравится ваша борода!

С этими словами, не имеющими по-видимому никакого отношения к делу, он вдруг схватил косматую бороду высокого бродяги и нанес ему сильный удар в лицо. Второй бродяга немедленно подскочил с другой стороны, но

поэт не выпускал бороды вопившего теперь молодца и продолжал наносить ему удар за ударом.

Билли Байрн с интересом следил за неожиданным зрелищем. Редко что доставляло ему такое наслаждение, как хорошая драка. Но, когда первому бродяге удалось обвиться ногами вокруг ног поэта и повалить его вместе с собою на землю, а второй схватил тяжелую дубину, Билли решил, что пришло время вмешаться. Он выскочил из засады и громко закричал:

— Эй, вы, молодцы, перестаньте! Оставьте-ка певца в покое!

Он подбежал к бродягам как раз вовремя и ударил того из них, который уже размахнулся дубиной, кулаком в челюсть так, что тот отлетел к самой реке и, покачнувшись, упал навзничь в неглубокую воду.

Затем Билли схватил второго бродягу за плечо и одной встрыской поставил его на ноги.

— Этого хочешь? — спросил он его, показывая ему огромный кулак.

Бродяга сплюнул и, перед тем как удратить, попробовал ударить Билли. Но молниеносный удар вышиб из него не только мысль о сопротивлении, но и вообще всяющую мысль.

Когда он рухнул на землю без чувств, поэт поднялся на ноги.

— Спасибо за помощь, мой друг! — сказал он просто и протянул Билли небольшую изящную руку.

Билли взял ее и молча потряс.

Тем временем бродяга, измеривший глубину тинистой речки, с унылым видом выкарабкался на берег.

— Что тебе теперь нужно? — спросил его Билли Байрн насмешливо.

— А вот увидишь сейчас! Я тебе покажу! — пропоромотал промокший, измазанный и обозленный бродяга.

— Не советую,— сказал Билли.— Лучше будет для тебя, если ты уберешься отсюда, покуда цел. Да и ты тоже,— прибавил он, обращаясь ко второй жертве своего боксерского искусства, которая очнулась и с осовелым взором сидела на траве.— Проваливайте!

Ворча и бормоча что-то под нос, оба бродяги скоро исчезли в лесу.

Поэт снова вернулся к своим кулинарным обязанностям и сделал это так беззаботно и спокойно, как будто ничего не нарушило его мирного одиночества.

— Присядьте,— сказал он любезно через некоторое время, взглядывая на Билли.— Пожалуйста, садитесь на это превосходное кожаное кресло,— и он указал рукой на мшистую кочку возле костра.

С минуту он совсем ушел в жарение курицы, пожженной на вертел. Затем он снова начал декламировать:

Мы кругосветный путь свершили.
Мочил нас дождь, жары сушили,
От старой Англии мы плыли
Чрез бурный, темный океан.
Я стряпал пищу. Он — созвучья...
Пешком, верхом, в лесу, на круче
Бродили мы, как бродят тучи
Среди чужих и диких стран...

— Вы славный парень,— прервал он самого себя.— Немного есть на свете людей, которые сделали бы то, что вы сделали для меня.

— Их было двое против одного,— мрачно буркнул Билли.— Мне и стало противно, что на их стороне перевес. Кроме того, мне нравятся ваши стихи. Вы сами их сочиняете?

— О, нет! — рассмеялся поэт.— Если бы я мог так сочинять, я не обретался бы здесь. Это сочинил поэт по имени Ниббс. Правда, удивительно хорошо?

— Здорово! Они меня задели за самое нутро,— отвечал Билли и после небольшого молчания прибавил: — Хватит у вас еды на двоих?

— Ее хватило бы для вас, дружище, даже если бы ее было вполовину меньше. Вот, выпейте сперва глоток амброзии. Извините, у меня всего одна чашка. Джемс перебил всю посуду... Вообще этот Джемс невероятно небрежен! Иногда мне кажется, что мне придется в конце концов его вытурить.

— Кто такой Джемс? — спросил Билли.

— Джемс? О, Джемс — мой лакей,— спокойно ответил поэт.

Билли взглянул на него с недоумевающим видом и попробовал густой темный напиток в оловянной кружке.

— Это кофе! — объявил он тогда.— А вы сказали, будто это амброзия.

— Я только желал посмотреть, узнаете ли вы кофе после моей варки, мой друг,— вежливо ответил поэт.— Я весьма польщен, что вы сразу догадались по вкусу, какой напиток вы пьете.

Несколько минут прошло в молчании. Оба сосредоточенно ели, передавая друг другу оловянную кружку и отрезая или, вернее, отрывая куски мяса от наполовину изжаренной курицы. Билли первый прервал молчание.

— Я думаю, — сказал он, — что вы хотели меня просто обморочить с вашим Джемсом и амброзией.

Поэт расхохотался.

— Надеюсь, вы не обиделись, — сказал он добродушно. — Вы знаете, мир так скучен, что нужно чем-нибудь скрашивать жизнь. Если у человека нет денег, чтобы купить себе развлечение, он должен его сам придумать.

— Я и не думал обижаться, — уверил его Билли. — Скажите-ка мне еще разок о «Пенелопе с поцелуями на устах» — и тогда вы можете сколько угодно надо мной подшучивать!

Поэт охотно исполнил просьбу, а Билли, устремив глаза на огонь, видел в языках пламени лицо той, которая для него была тоже Пенелопой.

Когда стихотворение было прочитано, Билли поднял помятую оловянную кружку с кофе.

— За здоровье Ниббса! — сказал он и, отпив, передал кружку своему новому другу.

— Да, — повторил тот, — за здоровье Ниббса и... Пенелопы!

— Выпейте побольше, — откликнулся Билли Байрн.

Поэт вытащил из кармана кисет с табаком и скомканную бумагу.

— Не желаете ли покурить? — спросил он.

— Я не особенно люблю курить чужой табак, — ответил Билли, — но быть может когда-нибудь я с вами расквитаюсь. А курить мне сейчас здорово хочется! Должен вам сказать — меня доиста обобрали. У меня нет ровнейхонько ничего.

Билли протянул руку за табаком и папиросной бумагой. Его запястье обнажилось и при свете огня ясно проступили следы железных наручников. При падении с поезда, металл сильно вдавился в мясо и оставил глубокий след.

Взгляд поэта случайно упал на эти следы. Он чуть заметно приподнял брови, но ничего не сказал и продолжал беседу.

Оба закурили. Поэт читал отрывки из Сервиса и Киплинга, а затем снова вернулся к Ниббсу, который оказался его любимым поэтом. Билли слушал и думал.

— Вы идете в какое-нибудь определенное место? — спросил он вдруг, когда произошел перерыв в декламации.

— На юг или запад, мне все равно,— ответил поэт.— У меня нет ничего определенного, всякое место годится, лишь бы это не был север или восток.

— Совсем, как и мне! — воскликнул Билли.

— Тогда давайте путешествовать вместе,— предложил поэт.— Мое имя Бридж.

— А мое имя Билли Байрн. Вот моя рука,— и Билли протянул руку.

— Будем путешествовать вместе до тех пор, пока не наскучим друг другу,— сказал Бридж, пожимая руку нового товарища.

— А теперь спать! — заявил Билли.

— Хорошо! — воскликнул Бридж.— Я не понимаю, где опять пропадает Джемс. Он давно должен был бы постлать мне постель и приготовить ванну.

Билли засмеялся и улегся прямо на траве, ногами к костру. В двух шагах от него улегся и Бридж, и спустя пять минут они оба спокойно заснули.

V

ТОВАРИЩИ

Билли Байрн присел, потянулся и сладко зевнул.

Его товарищ приподнялся на одном локте. Солнце уже выплыло из-за редкого леса и играло на поверхности маленького ручья. Реполов скакал по лужайке в двух шагах от них, а на ветке ближнего дерева звонко заливался черный дрозд.

Издали доносился шум пробуждающейся фермы. Раздавалось мычанье коров, пение петуха, веселый лай собаки, вырвавшейся на волю.

Билли встал и отряхнулся.

— Куда вы? — спросил его Бридж.

— Добывать пищу. Это будет лежать на моей обязанности! — ответил Билли.

Бридж засмеялся.

— Идите,— сказал он.— Я очень рад. Мне эта работа никогда не нравилась.

Билли тряхнул плечами и направился в путь, насыпывая веселую песенку. Он чувствовал себя счастливее,

чем всё это последнее время. Он никогда не думал, что утро за городом может быть так прекрасно.

Бридж, оставшийся на месте ночлега, набрал хвороста для костра, вымылся в реке, наполнил водой оловянную кружку и уселся ждать. Варить было нечего, поэтому не стоило пока зажигать огонь. Сидя на траве, он снова вспомнил красный след на руке своего нового товарища и невольно задумался над этим обстоятельством.

Тем временем Билли приблизился к ферме, расположенной за леском. Фермер, заметя его, бросил работу на дворе, прислонился к воротам и глядел на него не слишком радушно.

— Я хочу получить чего-нибудь поесть,— объяснил Билли.

— А у тебя есть деньги, чтобы заплатить? — осведомился фермер.

— Нет,— ответил Билли,— но мой компаньон и я голодны, нам нужна еда.

Фермер молча протянул руку с крючковатым указательным пальцем к задней части двора. Билли взглянул по указанному направлению и увидел кучу нерасколотых дров. Он добродушно усмехнулся, подошел к ним, схватил лежавший тут же топор и, не говоря ни слова, принялся за работу. Фермер занялся своим делом. Полчаса спустя фермер пошел к дому, откуда его звали завтракать, увидел груду наколотых дров, лежавших около Билли, и остановился.

— Ну, парень, хватит с тебя! Или ты думал, что старый Джед Ватсон заставит тебя переколоть весь лес за один завтрак? — Старик говорил теперь новым, добродушным голосом.

— Мне нужно заработать и на компаньона,— объяснил Билли.

— Ладно, ты достаточно наколол дров за себя и за него,— ответил фермер и, повернувшись к кухонной двери, крикнул: — Слушай, мать, снабди-ка этого парня едой, чтобы хватило на два раза двоим!

Билли радостно улыбался, когда шел обратно к лагерю, нагруженный молоком, яйцами, караваем хлеба и холодным мясом.

— Год тому назад,— размышлял он,— я и силой заставил бы их дать мне еду, и мне в голову бы не пришло, что я поступаю неправильно. Странно, как человек может измениться — и всё из-за девчонки! А девчонка-то при-

надлежит теперь другому! А, в общем, какая разница? Она все-таки рада была бы, если б знала о моей перемене. Ну, кто бы подумал, что этот старый хрыч окажется таким добряком? У нас на Большой авеню всегда говорили, что фермер — тот же буржуй. Когда я сперва увидел его, мне показалось, что он напустит на меня своих псов. А он вместо того велел вот сколько мне отвалить. Невольно вспомнишь эту девчонку! Она всегда уверяла меня, что люди хорошо к тебе отнесутся, если и ты поступишь с ними хорошо. Пожалуй, что она и права. Да! Во многом она была права... Как хорошо было бы, если б она родилась у нас на Большой авеню!

И когда Билли вышел из лесу, нагруженный своими свертками, его товарищ сразу поднес горящую спичку к хворосту и громко стал декламировать: «Нет прелестной Пенелопы, дожидавшейся меня!».

Бридж смотрел, как Билли осторожно, один за другим, раскладывал принесенные им пакеты на траве у костра. Молоко было в чистой крынке, яйца в бумажном мешке, остальная провизия оказалась завернутой в газетную бумагу.

При виде этих богатств, Бридж прищурил один глаз, а другим хитро взглянул на Билли.

— Ну, что, трудненько ей пришлось умирать? — спросил он.

— Кому?

— Ну, конечно, собаке! — ответил Бридж.

— Насколько я знаю, она и не думала умирать.

— Вы хотите уверить меня, дружище, что вам дали унести все это и не напустили на вас собак? — недоверчиво спросил Бридж.

Билли засмеялся и объяснил, как он заработал провизию. Бридж облегченно вздохнул: красный след на руке не выходил у него из головы.

Они наелись, прилегли на траву и стали курить.

— Что же нам теперь делать? — спросил Бридж.

— Отправимся в путь! — сказал Билли.

Бридж встал и потянулся.

— Что ж? Перемена никогда не мешает. Пойдемте!

Билли собрал оставшуюся еду и сделал два пакета. Один из них он передал Бриджу.

— Багаж разделен поровну, — сказал он весело. — А теперь выпейте остаток молока, мне нужен горшок.

— Что вы собираетесь с ним делать? — спросил Бридж.

— Вернуть его хозяйке,— ответил Билли.— Фермерша дала мне его только на время.

Бридж изумленно поднял брови. В конце концов, может быть он ошибся в своих предположениях... На ферме их встретили уже как добрых знакомых. Фермерша была прямо-таки растрогана тем, что ей вернули ее горшки. Этого она, по правде сказать, совсем не ждала. Расстались настоящими друзьями, и фермерша сунула на прощанье каждому из наших приятелей по пригоршне золотисто-коричневого печенья, обсыпанного сахаром.

Когда они отошли от фермы, Бридж вздохнул.

— Нет на свете ничего лучше доброй женщины,— сказал он.

— Матери или Пенелопы? — спросил Билли.

— И той и другой,— ответил Бридж.— У меня Пенелопы нет, но у меня была чудная мать.

Билли ничего не ответил. Он вспомнил о неприятной женщине с тупыми глазами, которая произвела его на свет. Воспоминание было не из приятных. Он постарался его стряхнуть.

— Бридж,— проговорил он вполголоса, стараясь переменить тему разговора.— Какое странное имя! Я слышал об игре в бридж, но никогда не слышал, чтобы так звали человека.

— Мне дал когда-то это прозвище товарищ,— объяснил Бридж,— за мою любовь к картам. Так оно за мной и осталось, а теперь у меня нет другого имени. Даже когда я сам думаю о себе, то думаю, как о Бриdge. Забавно, не правда ли?

— Нда...— согласился Билли, и на этом расспросы закончились. Он и не подумал спросить настоящее имя своего спутника, точно так же, как и Бридж не подумал расспрашивать его о нем и о его прошлом. Этика людей, собирающихся у костров на больших дорогах, не допускает подобной бесактности...

В течение нескольких дней они продолжали, не торопясь, свой путь по направлению к Канзас-Сити. Им удалось однажды проехать несколько миль в товарном поезде, но, по большей части, они весело шли пешком по пыльным шоссе. Билли продолжал заботиться о пище. Бридж прерывал однообразие путешествия поэтическими декламациями. Эти два человека, такие разные и, каза-

лось бы, неподходящие, удивительно сходились. Их роднила любовь к свободе, к вольным просторам, к естественной жизни, не сжатой тисками условностей. Билли чувствовал себя непримиримым врагом тупых и жадных буржуев, Бридж навсегда ушел из своей среды, потому что он не мог выносить ее...

— Вы так много знаете этих самых стихов,— сказал Билли однажды, когда они вечером курили у костра,— что, наверно, вы и сами можете сочинять.

— Пробовал,— признался Бридж,— но в моих стихах всегда чего-то не хватает; нет в них, знаете, вдохновения. Начинаются они у меня всегда хорошо, а кончаются как-то неожиданно для меня и для других.

— Помните вы что-нибудь из них? — спросил Билли.

— Было у меня стихотворение, описывающее озеро, на берегу которого я провел ночь,— сказал Бридж,— но я помню всего одну строфу.

— Валяйте! — сказал Билли.— Держу пари, что вы заткнули за пояс Ниббса.

Бридж откашлялся и не без смущения начал:

Скалы прибрежной глыба
Глядится в гладь залива,
И радуется рыба,
Ей жизнь сладка... как слива!

Он со смущенной улыбкой взглянул на Билли.

— Ну, как? — спросил он.

Билли почесал затылок.

— Все бы хорошо, кабы не последняя строчка! — сказал Билли чистосердечно.— Что-то с последней строчкой не ладно!

— Да,— согласился Бридж.— Что-то не того.

— Я думаю, в следующий раз лучше продекламировать что-нибудь из Ниббса,— наивно прибавил Билли.

Бридж, слегка сконфуженный, посмотрел на своего спутника, на его широкие плечи, могучую грудь и сильно развитые бицепсы, которые выступали сквозь легкую бумажную рубашку.

— Знаете, Билли, когда я на вас смотрю,— сказал Бридж немного спустя,— то по вашему общему виду, по вашим оборотам речи и по тому, как вы справились с этими бродягами в ту ночь, как мы с вами встретились, я уверен, что вы когда-то были близки к арене.

— Да, я участвовал в боксерских состязаниях,— признался Билли.

За день до того, как они должны были прибыть в Канзас-Сити, Билли работал у содерхателя ресторана в небольшом городке. Еда, которую он получил, оказалась завернутой в старый номер канзасской газеты «Звезда».

По возвращении в их стоянку, Билли передал пакет Бриджу, который совмещал с почетным положением поэта-лауреата звание повара. Затем Билли отошел к ручейку, чтобы смыть с себя пот честного труженика.

Бридж развернул пакет, и случайно одна заметка в газете привлекла его внимание. При чтении его брови то поднимались, то мрачно хмурились. Иногда он кивал головой с видом понимающего человека и украдкой взглядывал в сторону Билли, который как раз кончал свое омовение.

Бридж поспешил оторвал от газеты статью, которая пробудила в нем такой интерес, и засунул ее в один из своих карманов. У него не было времени дочитать до конца, и он хотел это сделать на досуге.

В этот вечер Бридж долго сидел, наблюдая за Билли сквозь полуоткрытые веки. Часто его глаза останавливались на красном круге, видневшемся на запястье Билли; но, каковы бы ни были его размышления, он ничего не сказал.

Был полдень, когда оба вошли в Канзас-Сити. У Билли в кармане болтался доллар — целый доллар. Он заработал его, оказав помощь застрявшему в канаве автомобилисту.

— Наедимся до отвала,— заявил он Бриджу,— и будем спать в постели, чтобы убедиться, насколько приятнее спать под открытым небом.

— Вы жуир, Билли! — сказал Бридж.

— Я не знаю, что это значит,— ответил Билли.— Но, если это что-нибудь такое, кем я не должен был бы быть, то, вероятно, вы правы.

Они направились в меблированные комнаты, где, как знал Бридж, можно было получить чистую комнату с двумя кроватями за пятьдесят центов. Это была довольно высокая цена, но Бридж был брезглив и признался Билли, что он предпочитает спать в чистой траве у большой дороги, чем в грязной постели.

В конце коридора была умывальная комната, и Бридж направился туда, сняв предварительно куртку и бросив ее

на постель. После его ухода, Билли случайно заметил на полу, под курткой Бриджа, сложенный кусок газеты. Он поднял его, чтобы положить на маленький столик, стоящий у постели, как вдруг одно слово привлекло его внимание. Это было имя: «Шнейдер».

Билли развернул лоскуток, и, когда взор его упал на слова заголовка, то в глазах его показалось странное выражение — жесткий, холодный блеск, который не появлялся в них с того дня, как он бросил в лесу помощника шерифа.

Вот что Билли прочел:

500 долларов указавшему преступнику.

Билли Байрн, приговоренный к пожизненному заключению в Джолиетском исправительном доме за убийство старика Шнейдера, содержателя пивной, выбросился из поезда, который должен был его отвезти вчера в Джолиет, и потащил за собою помощника шерифа, к которому он был прикован ручными кандалами. Помощник был найден несколькими часами позже связанным, с кляпом во рту, в лесу, около линии железной дороги, недалеко от Лемонта. Он оказался невредим. Он показал, что Байрн бежал и, без сомнения, воспользовался выигранным временем, чтобы вернуться в Чикаго, где человек его типа может спрятаться легче, чем где бы то ни было.

Далее шел подробный отчет о преступлении, за совершение которого Билли был осужден, полное и детальное описание Билли, длинный перечень всех его прошлых грехов и, наконец, упоминание о награде в пятьсот долларов, которую власти предлагают за сообщение о местонахождении преступника.

Окончив чтение, Билли вновь сложил клочок газеты и сунул его в один из карманов куртки, брошенной на кровать. Минуту спустя, Бридж вернулся в комнату. Билли часто взглядал на своего спутника и при этом всякий раз вспоминал о награде в пятьсот долларов.

«Пятьсот долларов», думал он, «это целая уйма денег. Интересно было бы знать»... И он снова посмотрел на своего спутника, как бы желая прочесть на его лице намерения, скрытые в его сердце. «Не похож Бридж на это, но пятьсот долларов — не шутка для бродяги! Зачем эта статья была у него спрятана в кармане? Вот что я хотел бы знать!»

Ясное настроение, в котором находился Билли с тех пор, как он встретился с Бриджем и они беззаботно пустились в путь по тенистым тропинкам вдоль большой дороги, разом исчезло. Оно пропало в ту самую минуту,

когда он понял значение статьи, которую его товарищ таскал с собою в кармане тайком от него.

Все эти дни мысль о преследовании и о возможном аресте просто не приходила ему в голову. Он казался себе самому такой мелкой величиной по сравнению с неизмеримостью холмов, лесов и равнин! В нем жила бессознательная уверенность, что никто не сможет его найти, даже если бы вздумали его искать.

Мысль, что он может встретить агента уголовного розыска около мирной миссурийской дороги, была так нелепа и несообразна, что Билли на ней не останавливался.

До тех пор ему ни разу не приходилось бывать на лоне природы в Америке. Все Соединенные Штаты представлялись ему, как сплошной огромный город — Чикаго, Нью-Йорк или Милуоки, три города, которые он знал. С природой он познакомился только в девственных джунглях далекого острова Иоко. Там никаких агентов и полицейских не было; без сомнения, не могло их быть и здесь.

Агенты и полицейские являлись неотъемлемой принадлежностью мест, где находились пивные и игорные притоны, а искать их на дорогах, где были только фермы, было бы смешно.

Иное здесь, в Канзас-Сити, среди шума большого города. Здесь каждый прохожий мог оказаться агентом. Первый встречный полисмен мог арестовать его по указанию Бриджа — и Бридж получил бы пятьсот долларов...

Как раз в эту минуту Бридж принялся декламировать:

Товарищ! Вот мои мозолистые руки!
Земная, чистая на них налипла грязь.
Бродяга я! Люблю я день мой каждый
Без скучных рассуждений, не стараясь
Его понять, но наслаждаясь им...
Я — божьей милостью цыган!

— Слушайте,— прервал он себя,— не выйти ли нам погулять и наесться до отвала, как вы предложили?

Билли встал. Казалось невозможным, что этот человек собирается выдать его!

Товарищ! Вот мои мозолистые руки!
Земная, чистая на них налипла грязь!

Билли вполголоса повторил эти строчки. Они каким-то образом вновь укрепили его доверие к Бриджу.

- Нравится вам? — спросил Бридж.
— Да,— сказал Билли.— Это опять из Ниббса?
— Нет, из Сервиса. А теперь... идем обедать! — И он весело повел Билли на улицу.

Был уже поздний вечер. Солнце село, но было еще слишком светло, чтобы зажигать фонари. Бридж повел Билли к ресторану, где можно было недорого и хорошо поесть. Билли смотрел в оба. Они не встретили ни одного полицмейна; Билли даже жалел об этом: это было бы испытанием Бриджа, если только он не намеревался пойти потихоньку в полицейский участок, чтобы произвести арест ночью.

Когда они достигли ресторочка, находящегося в подвальном помещении большого, темного дома, Бридж рукою указал Билли идти вперед. Сам же он на минутку задержался в дверях и осмотрелся. Как раз в эту минуту из темного подъезда на противоположной стороне улицы шагнула фигура человека.

После этого Бридж медленно повернулся и не спеша последовал за Билли в ресторан.

VI

ИСПЫТАНИЕ БРИДЖА

Войдя в зал, Билли, который был впереди, принялся искать свободный столик, но, когда он захотел повесить свою кепку и сесть, Бридж дотронулся до его руки.

— Пойдемте в уборную и приведем себя в порядок,— сказал он настолько громко, чтобы быть услышанным ближайшими соседями по столу.

— Да мы ведь только что мылись перед тем, как прийти сюда,— недоумевающе заявил Билли.

— Молчите и следуйте за мною,— прошептал ему на ухо Бридж.

Поведение Бриджа показалось Билли настолько подозрительным, что его рука невольно схватилась за карман, где все еще лежал револьвер помощника шерифа. Живым он не дастся! Он не вернется к пожизненному заключению после того, как вкусил свободу широких пространств, такую свободу, какой не мог дать город!

Бридж уловил его движение.

— Бросьте,— прошептал он,— и идите за мной. Я только что видел шпика на улице. Он может быть вас

не заметил, хотя очень было похоже на то! Он будет здесь секунды через две. Идемте скорее, мы выберемся через задний ход, я знаю дорогу.

Билли Байрн облегченно вздохнул. Его перестала даже страшить мысль об аресте; он понял в эту минуту, что он не столько боялся потерять свободу, как веру в своего спутника.

Они спокойной, небрежной походкой прошли вдоль зала и скрылись в проходе, который вел в уборную. Перед ними оказалось открытое окно, выходящее на грязный задний двор. Дом стоял на скате, и в то время, как вход в ресторан приходился выше уровня улицы, задние комнаты находились наравне с землей.

Бридж знаком указал Билли на окно, а сам закрыл изнутри дверь, ведущую в общую залу. Затем он перемахнул через подоконник и быстро повел Билли по грязным задворкам. Надвигались сумерки, и не успели они отойти далеко, как наступила темнота.

Они шли, не останавливаясь и не разговаривая, пока не оставили за собою шумную освещенную часть города. Бридж первый прервал молчание.

— Я полагаю, вы удивляетесь, Билли, откуда я узнал, что вы избегаете встреч с агентами уголовного розыска? — спросил Бридж.

— Нет,— ответил Билли.— Я видел клочок газеты в вашем кармане: он упал на пол, когда вы сняли куртку сегодня вечером, чтобы пойти умыться.

— О,— сказал Бридж,— понимаю! Что касается до меня, с этим кончено. Мы больше об этом говорить не будем. Надеюсь, мне не нужно уверять вас в том, что я ваш друг.

— Вы это только что доказали,— горячо ответил Билли.

Они опять прошли молча несколько улиц; наконец Билли нарушил молчание:

— Мне нужно сказать вам две вещи, Бридж. Во-первых, когда я увидел газетную заметку в вашем кармане, я решил, что вы хотите получить пятьсот долларов, выдав меня полиции. Во-вторых, Шнейдера убил не я. Я в ту точь даже не был близко от его дома. Вся эта история — вопиющая судебная ошибка.

— Очень рад, что вы сказали мне и то и другое,— ответил Бридж.— Я думаю, мы после этого лучше будем понимать друг друга. В общем, наше положение очень

похоже: мы оба удираем от чего-то. Мы будем удирать вместе, не правда ли?

И он, смеясь, протянул свою руку.

Билли горячо пожал ее, но заметил, что Бридж не сказал ему, от чего удирал сам он...

Они вышли из города и пошли к югу. Ночью они пересекли железнодорожную линию в Канзас, а на утро очутились в прекрасной холмистой местности. Все дышало сельским покоем. Казалось, что они за тысячи миль от больших городов, от преступлений и от полиции. Билли даже не верилось, что всего несколько часов тому назад чикагский сыщик был в нескольких шагах от него.

Они взобрались на вершину поросшего травой холма. Отягченные росой стебли блестели под роскошными лучами восходящего солнца.

Бридж остановился и лениво потянулся. Он откинул голову назад и подставил свое загорелое, как бронза, лицо под теплые лучи солнца.

В моей груди сиянье дня таится,
И вместе с ветром кровь моя поет...
И диких гор сродни мне вереница,
И верным другом лес меня зовет.
Я золотую юность расточаю,
Мое наследство солнечных лучей...
Бродяга я! И буду им — я знаю,
Пока своих не кончу дней...

Оностоял несколько минут, глубоко вдыхая в себя живительный воздух молодого дня. Рядом с ним, на голову выше его, стоял Билли Байрн; его широкие плечи были откинуты назад, молодая грудь высоко поднималась.

— Великолепно, не правда ли? — сказал он наконец. — Я никогда не знал, что природа так хороша, и, пожалуй, никогда не узнал бы этого, если бы не слышал ваших стихов! Я всегда считал, что все поэты тряпки, — продолжал он, — но как могут они быть тряпками, когда они придумывают такие вещи, которые заставляют кровь закипать в жилах?

Прежде мне казалось, что каждый человек, который не груб — мокрая курица. Сам я был здороно грубым парнем и не мало этим гордился. Теперь-то я уже далеко не тот! Но до этой перемены я бы сразу возненавидел вас, Бридж. Я ненавидел бы вашу манеру разговаривать, ваши стихи и то, что вы гнушаетесь выпрашивывать подаяния. Я бы сам себя стал презирать, если бы подумал, что

могу говорить так, как теперь. Да! Тогда я был так груб, что дальше идти было некуда. Однако девушка — очень милая, знаете, девушка — обозвала меня хулиганом и трусом. И — честное слово! — это была правда, хотя у меня и была репутация самого отчаянного парня в западной части Чикаго, и сам я считал себя настоящим мужчиной. Я чуть не дал ей тогда пощечины. Подумайте, Бридж! Да, но все-таки не дал. Потом мне было приятно думать, что быть может меня остановило то хорошее, которое всегда жило в моей натуре, но было еще в скрытом виде. С той самой минуты я и начал меняться. Очень медленно, правда. Ведь я и сейчас еще порядочная скотина. И, знаете, главным образом мне помогла тогда эта девушка, а теперь очень помогаете мне вы и ваши стихи. Если какой-нибудь шпик не подцепит меня, то я, пожалуй, еще могу стать человеком.

— Да, — повторил Бридж, — наши взгляды меняются с годами. Знаете, Билли, ведь было время, и совсем не так давно, когда и я ненавидел бы вас так же сильно, как и вы меня! Впрочем, я употребил неверное слово: я не ненавидел, а скорее чувствовал непреодолимое презрение к людям, которые, как мне казалось, не принадлежали к «моему кругу». Ах, как я гордился тогда, что по рождению принадлежу к интеллигенции! На всех людей, которые были вне моего класса, я смотрел как на «неумытых скотов». Мне было их слегка жаль, но в глубине души я совершенно искренно верил, что они все-таки сделаны из «другого теста», чем я и мои близкие, и что, если у них и есть души, то, во всяком случае, души второго сорта, вроде, как у животных. Я тогда не мог бы усмотреть в вас человека, Билли, точно так же, как и вы не сочли бы меня за человека — и были бы тысячу раз правы! С тех пор я многому научился, но всё же и теперь держусь моего первоначального мнения, что не все люди одинаково ценные; таких людей, с которыми я мог бы дружить, страшно мало. Зато я совсем отдался от своих интеллигентских замашек: мои друзья — все простые люди. Если бы вы знали, Билли, насколько они часто бывают умнее и лучше, чем чваные и пустые представители «высшего класса»! Да, теперь я не считаю человека выше только потому, что он говорит лучше другого по-английски, или умнее потому, что он перечитал больше книг в своей жизни. Для меня не важно, что вы, Билли, не можете говорить правильно; главное то, что вы пони-

маете и цените, как и я, Сервиса, Киплинга и Ниббса.

Быть может, мы оба ошибаемся; быть может, Ниббс, Киплинг и Сервис совсем не такие замечательные поэты; но, как бы там ни было, их стихи сейчас захватывают и вас и меня одинаково. В этом отношении мы сходимся. Ну, а теперь посмотрим, не удастся ли нам раздобыть пищу и найти укромное местечко, где можно было бы заснуть.

Билли чувствовал себя слишком разбитым, чтобы работать, но у них еще были деньги — целых полдоллара, на которые они собирались пообедать в ресторане. Они накупили кое-каких припасов на соседней ферме, затем с наслаждением растянулись под тенью дерева, подальше от проезжей дороги, чтобы не привлечь к себе внимания, и крепко заснули до самого полдня.

VII

ОПАСНОСТЬ

Но их предосторожность не совсем достигла цели. Незадолго до полудня, два грязных бородатых бродяги перелезли через частокол у дороги и направились прямо к тому самому дереву, под которым спали Билли и Бридж. Они тоже искали уединенного, тихого места.

В облике обоих мужчин было что-то знакомое. Мы видели их, правда, всего несколько минут, но при таких обстоятельствах, которые запечатлели в нас их черты. Они удирали тогда в темноте вдоль железнодорожной насыпи после того, как поклялись жестоко отомстить отколотившему их Билли.

Когда они теперь неожиданно наткнулись на Билли и Бриджа, они не сразу признали их. Они долго стояли и тупо смотрели на спящих, мучительно думая, какую бы выгоду извлечь для себя из этой встречи.

Ничто в одежде Билли или Бриджа не указывало, что здесь было богатое поле для наживы, да и атлетическая фигура Байрна отбивала охоту с ним связываться.

Вдруг глаза одного из бродяг злобно сощурились, между тем как глаза его товарища широко раскрылись от изумления.

— Узнаешь что ль парней? — спросил первый вполноголоса и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Это те

самые черти, которые нас оттузили по ту сторону Канзас-Сити. Признаешь?

— Право? — спросил другой.

— Уж я тебе говорю! Я их из тысячи признал бы. Ну, теперь они получат сдачу!

И он нагнулся, чтобы поднять большой камень.

— Брось! — прошептал вдруг второй бродяга.— Ты не знаешь, кто они такие. Может быть они нас и оттузили, но этот длинный черт кой-чего стоит! Его ищут в Чикаго и дают за него полтысячи.

— Откуда ты это втемяшил в свою башку? — недоверчиво спросил первый бродяга.

— Я сидел с ним; он укокошил какого-то старикашуку. По дороге в исправилку столкнул с чугунки шерифа и дал тягу. А про награду я слышал в городе. Здесь, понимаешь, лежит пять сотенных, если мы умненько поведем дело.

— А что же нам делать?

— Мы оставим этих молодчиков здесь, а сами сбегаем на ближнюю ферму, позвоним по телефону в Канзас и вызовем шпиков,— понял?

— Что ж, ты думаешь, шпики так нам и отвалят пятьсот? Сами слопают в лучшей манере!

Второй бродяга почесал затылок.

— Нет,— сказал он после минутного размышления,— всего-то они, правда, нам не дадут, но мы с ними сторгуемся. Может, парочку сотенных пожертвуют. Это то уж они должны!

* * *

Агент чикагского уголовного розыска Фланнагэн меланхолично сидел в конторе начальника сыска в Канзас-Сити. Фланнагэн был в очень подавленном настроении. Его послали в Канзас, чтобы установить личность одного подозрительного субъекта, арестованного местными властями. Ему это не удалось, и он уже собирался вернуться в свой родной город. Но перед ним вдруг мелькнула возможность необычайного счастья, которая тотчас же исчезла. Это было в предыдущий вечер. Он шел по улице, ни о чем особенно не думая. Но по привычке он был настороже, как полагается хорошему полицейскому служаке.

На противоположной стороне улицы он заметил двух

мужчин, шедших в его сторону. В походке исполинской фигуры одного из них ему почудилось что-то странно знакомое. Верный своим привычкам, Фланнагэн машинально укрылся в тени подъезда, дожинаясь, чтобы замеченные им люди подошли ближе.

Они прошли мимо него и он узнал в исполне Билли Байрна и вспомнил о пятисотенной награде.

В эту минуту Байрн и его спутник остановились и сошли по лестнице, которая вела в подвальный ресторан. Фланнагэн заметил, как спутник Байрна оглянулся как раз в ту минуту, когда он, Фланнагэн, выступил из тени подъезда, чтобы пойти за ними.

Больше Фланнагэн не видел ни Билли, ни его спутника. След обрывался у открытого окна уборной в задней части ресторана, и, несмотря на все старания агента, он не мог их выследить дальше.

Никто в Канзас-Сити не видел в ту ночь двух мужчин, отвечающих описанию, которое мог дать Фланнагэн, во всяком случае — никто, с кем ему пришлось говорить. Он был принужден обратиться за содействием к начальнику розыска в Канзас-Сити. Тот отрядил дюжину полисменов для обысков в районах города, где всего вероятнее мог укрыться бежавший убийца.

Фланнагэн только что заявили, что при обходах задержаны три подозрительные личности, и он с нетерпением ждал их появления.

Когда дверь открылась и трое арестованных были введены в комнату, где сидел Фланнагэн, этот последний только фыркнул. Он хотел этим способом выразить свое личное мнение о догадливости и уме полицейских чинов Канзас-Сити. Из трех арестованных один оказался тощим юношей с землистым лицом, который, очевидно, находился еще под влиянием кокаина; второй был старым бородатым бродягой, а третий явным китайцем.

Даже профессиональная вежливость не смогла удержать Фланнагэна от горького сарказма. Он собирался высказать все, что он думал об уголовном розыске Канзас-Сити, когда раздался резкий звонок телефона у стола начальника.

Начальник внимательно слушал какое-то длинное сообщение, взволнованно предложил несколько вопросов, а затем, положив трубку на стол, повернулся к Фланнагэну.

— Ну-с,— сказал он,— думаю, что я вам достал-таки

вашего молодца. Какой-то человек сообщил по телефону, что он только что видел Байрна около Шауни. Он желает знать, разделите ли вы с ним награду.

Фланнагэн небрежно зевнул.

— Могу себе представить,— сказал он иронически,— какой он подцепил чудный фрукт.

И он насмешливо взглянул на три образчика, стоявших перед ним.

— Не думаю,— ответил начальник.— Он говорит, что он хорошо знает Байрна. Что же мне сказать ему?

— Скажите ему, что я не обижу его,— ответил Фланнагэн.— Где находится Шауни?

— Это ферма, недалеко за железнодорожной линией. Я пошлю с вами двух моих людей. Можно вернуться так, что никто и не узнает, если вы его накроете.

— Хорошо,— сказал Фланнагэн, и в душе его снова заблистали мечты о пятистах долларах.

Было немного позже половины второго. По дороге к югу от Канзаса катил автомобиль; на переднем сиденьи, рядом с шофером, сидел с трепещущим сердцем агент Фланнагэн. Сзади помещались два дюжих представителя канзасской полиции...

А под яблоневым деревом все еще спали мирным сном Байрн и Бридж...

VIII

ОСВЕДОМИТЕЛИ

Когда к ферме, в которой несколько часов тому назад Билли купил съестные припасы, приблизились двое бродяг, жена фермера позвала собаку, спавшую в кухне, и сняла ружье со стены.

Долгий опыт научил ее быстро разбираться в людях, а в наружности этих двух не было ничего, что могло внушиТЬ ей хотя бы каплю доверия. Вот тот парень, который заходил рано утром и,— чудо из чудес! — добросовестно заплатил за проданные ему продукты, был совсем другого закала. По одежде он, правда, походил на бродягу, но в лице его было что-то подкупавшее.

Зато к этим бродягам она сразу отнеслась недоверчиво. Когда они попросили разрешения воспользоваться телефоном, она отказалась им, считая, что это только предлог, чтобы забраться в дом. Но они объяснили, что нашли

сбежавшего убийцу, который скрывается вблизи — на ее собственном лугу, и что они желают только вызвать полицию Канзас-Сити.

Наконец она согласилась, но все-таки не отпустила собаки и продолжала держать ружье наготове, пока бродяги не вошли в комнату и не подошли к телефону, висевшему на противоположной стене.

Из разговора, услышанного ею, фермерша заключила, что в конце концов, она ошиблась не только насчет этих двоих, но и насчет того молодого человека, который заходил рано утром. Описание беглеца, которое дали бродяги, в точности совпадало с наружностью молодого человека.

Такой честный на вид человек оказался убийцей! Фермерша была потрясена, в особенности при мысли, что она была одна в доме, когда он приходил, и что, если бы он захотел, он мог легко убить ее.

— Надеюсь, что его изловят,— сказала она, когда бродяга кончил свой разговор с Канзас-Сити.— Ведь как можно ошибаться! Он показался мне таким милым молодым человеком. И он мне заплатил за все, что я ему дала.

Собака, которой надоело бездействие, вернулась в летнее помещение кухни и продолжала свой прерванный сон. Один из бродяг стоял, прислонившись к стене, и разговаривал с фермершей. Другой с осторвенением чесал правую лодыжку остатком каблука своего левого сапога. Он опирался на небольшой столик, на котором лежала семейная библия.

Вдруг бродяга потерял равновесие; стол опрокинулся — и в одну минуту стол, человек и старая библия оказались на полу.

Фермерша с воплем бросилась поднимать библию. Она так растерялась, что забыла о ружье, оставив его прислоненным к спинке стула.

Почти одновременно оба бродяги увидели настоящую причину ее тревоги. Большая книга раскрылась при падении, и их изумленным глазам представилось то, что было спрятано между ее листами.

Банкноты Соединенных Штатов ценностью в пять, десять и двадцать долларов перемежались со страницами текста! Бродяга, растянувшийся на полу и от удивления не сделавший еще попытки подняться, вдруг перекатился по полу до книги и прикрыл ее своим телом и руками, растопырив локти как бы для защиты бесценной вещи.

При первом же возгласе женщины, собака с глухим ворчанием прыгнула в комнату. Бродяга, стоявший у стены, увидел ощетинившегося зверя.

Ружье находилось почти на расстоянии его руки: один шаг — и оно очутилось у него в руках. Как будто чуя его намерение, собака отвернулась от бродяги, лежавшего на полу, и храбро бросилась на него.

На полпути ее встретило дуло ружья. Раздался оглушительный выстрел, и бедный пес повалился на пол с пропстреленной грудью. Фермерша отчаянно звала на помощь, но оба негодяя в одну минуту набросились на нее и принудили ее к молчанию.

Один из них побежал на кухню и минуту спустя вернулся с куском веревки, в то время как другой, сев верхом на свою жертву, крепко сжимал ей горло. Ей удалось на минуту высвободиться и закричать, но вскоре ее связали и заткнули рот тряпкой. Тогда оба негодяя начали шарить в библию.

Больше тысячи долларов — все сбережения долгой трудовой жизни — были спрятаны здесь. Фермерша и ее муж как отсталые, старые люди не верили банкам. Когда фермерша пришла в себя, она с глубоким отчаянием увидела, что последние банкноты ее маленького клада переселились в карманы бродяг. Обчистив библию, они спросили фермершу, где она хранит остальные деньги, и вынули кляп, чтобы она могла им ответить.

Старуха клялась им, что у нее ничего не осталось, и умоляла не отнимать от нее ее скучные сбережения.

— Брось врату! — проворчал один из бродяг. — У тебя наверное еще кое-что припрятано. Отдавай-ка лучше по-хорошему твои денежки, а не то мы с тобой иначе поговорим!

Но она упорно повторяла, что у нее больше ничего нет. Бродяга прошел в кухню. Под плитой горел огонь. На подоконнике лежали щипцы. Он захватил ими с плиты раскаленную конфорку и вернулся в комнату.

— Думаю, что теперь она припомнит, где лежит у нее старый чулок, — сказал он, ухмыляясь. — Сними-ка ей сапоги, Динк!

— Дурак ты, Кром, — проворчал тот. — Ведь шпики с минуты на минуту могут нагрянуть. Лучше забрать, что мы нашли, и убираться поздорову.

— Тыфу! — воскликнул его товарищ. — Я о шпиках-то и забыл!

Он с минуту молчал, при чем на его злобном лице выражение сменялось от страха до успокоения. Наконец, он с нехорошой усмешкой обернулся к своему товарищу:

— А нам ведь придется укокошить ее,— сказал он.— Другого выхода нет. Ежели они найдут ее живой, она разболтает все, и тогда они уж наверняка нас сдастся.

Бродяга, которого звали Динком, вздрогнул.

— Брось! — слезливо захныкал он.— Ведь знаешь, чем это пахнет?

И он сделал выразительный жест пальцем вокруг шеи.

— Ничего подобного,— ответил его товарищ.— Я все обдумал. Времени у нас еще много. Мы придушим бабу, а потом пойдем по дороге навстречу шпирам, понял?

Другой в ужасе посмотрел на него.

— Ты, кажется, белены объелся? — спросил он.

— И не думал. Постой, я тебе растолкую! Мы встретим шпиев как ни в чем не бывало, но сперва закопаем деньги в лесу. Шпикам мы скажем, что мы шли им навстречу, чтобы повести к этому черту Байрну, а когда мы вернемся с ними на ферму и увидим, что здесь случилось, мы также выпучим глаза от удивления, как и они.

— Вот ерунда! — сердито воскликнул Динк.— Что ты думаешь, так легко втереть очки этим шпирам? Что ж они подумают, кто убил бабу и пса? Они подумают может быть, что те сами себя убили?

— Они подумают, что их убил Байрн и его товарищ, дурак ты набитый,— презрительно ответил Кром.

Динк от изумления открыл рот и почесал голову. Когда его тупой ум сообразил возможность подобного плана, широкая усмешка расплылась по его лицу и обнажила его желтые зубы.

— Вот так голова! — воскликнул он с восхищением.— Но кто же это сделает?

— Я сделаю,— сказал Кром.— И чем скорее, тем лучше. Поищи на кухне ножа или топора; от ружья слишком много шуму.

МИССИС ШОРТЕР

Что-то вдруг разбудило Билли. В его сознании слабо звучал еще отголосок какого-то громкого шума. Он присел и оглянулся.

«Что бы это могло быть?», подумал он. «Будто выстрел!»

Бридж проснулся одновременно с ним и, лениво повернувшись, приподнялся на локте. Он улыбнулся Байрну.

— С добрым утром,— сказал он.

Билли поднялся на ноги, и в это время слабо, неясно донесся до них вопль женщины. Звук шел от фермы — от той самой фермы, в которой Билли утром купил продукты.

Не дожидаясь повторения крика, Билли повернулся и бегом бросился по направлению к небольшому строению. Бридж тоже вскочил и последовал за ним, хотя и не мог его догнать.

Динк искал в кухне топор или сечку, но, не найдя ни того ни другого, он начал рыться в столе, пока не наткнулся на большой кухонный нож. Он как раз годился для предстоящего дела. Бродяга провел пальцем по его лезвию и понес нож Крому.

Несчастная жертва их, лежавшая на полу, была в полном сознании. Ее выпученные глаза выражали дикий страх. Она бешено билась в своих путах и пыталась языком вытолкнуть изо рта кляп, но все усилия ее были напрасны.

Она ясно слышала каждое слово разговора своих палачей и знала, что они выполняют придуманный ими план. Не было никакой надежды на то, что кто-нибудь помешает им в их страшном деле! Муж уехал еще до восхода солнца на дальнюю ферму и должен был вернуться не раньше вечера, ко времени доения коров. Сыщики из Канзас-Сити тоже, по всей вероятности, приедут на ферму слишком поздно, чтобы ее спасти.

Вот Динк идет из кухни с длинным ножом... Ей вспомнился день, когда она купила этот нож в городе. Сегодня утром она еще резала им ветчину... Как ясно все эти мелочи встают сейчас в ее памяти... А теперь этим же самым ножом собираются перерезать ей горло!

Вот Кром взял нож и ощупал лезвие, проведя по нем пальцем. Он уже нагнулся, схватил ее за подбородок и отогнул ей голову назад, чтобы больше обнажить горло.

Ах, почему не могла она лишиться чувств? К чему эта страшная пытка — следить внимательно взором за всеми ужасными приготовлениями? Почему не могла она даже закрыть глаз?

Кром занес нож как раз над ее обнаженной шеей. Дрожь пробежала по всему телу несчастной; но как раз в этот миг распахнулась дверь, и в комнату вбежал мужчина. Это был Билли Байрн. Одного взгляда, брошенного им в окно, было достаточно, чтобы он понял, что тут происходит.

Он схватил Крома за ворот и отшвырнул его от его жертвы. Динк бросился к ружью и прицелился в Билли, но тот стоял слишком близко к нему. Билли успел схватиться за ствол ружья и повернуть дуло к потолку в ту секунду, как бродяга спустил курок. Затем он вырвал ружье из рук Динка, размахнулся и ударил его прикладом по голове.

Динк свалился и на время выбыл из строя. Кром, спотыкаясь, побежал к выходу, но наткнулся в дверях на Бриджа, который, хотя и запыхался от быстрого бега, но был готов к нападению. Сообразив сразу, что лохматый бродяга собирается удирать, он схватил его за бороду, как и при первой встрече, и начал методично наносить ему в лицо удар за ударом до тех пор, пока Кром не сделался таким же неспособным к борьбе, как и его товарищ.

— Следите за ними,— крикнул Билли, передавая Бриджу ружье, а сам направил свое внимание на женщину. Кухонным ножом, который должен был прикончить ее жизнь, он перерезал связывавшие ее веревки. Вынув кляп изо рта, он поднял ее своими сильными руками и отнес на небольшой диван, стоявший в углу.

Фермерша тяжело дышала и дрожала всем телом. Пережитое потрясение было слишком сильно даже для ее крепких нервов. Через некоторое время она повернулась к Билли.

— Вы славный малый,— с усилием проговорила она.— Господи! Как вы успели... Они забрали все мои деньги... Они попрятали их в карманы.

Внезапно выражение ужаса снова появилось на ее ли-

це. Она на минуту забыла, что она слышала об этом человеке: ведь это был сбежавший каторжник, осужденный за убийство! Зачем сказала она ему о деньгах? Теперь он поступит с нею, как те бродяги!

При ее словах Бридж опустился на колени, обыскал обоих негодяев и методично пересчитал деньги.

— Тысяча сто? — спросил он, передавая деньги Билли.

— Да, тысяча сто,— еле слышно проговорила фермерша, смотря на Билли глазами, полными страха.

Она больше не думала о деньгах: пусть их возьмут, лишь бы ее оставили в живых!

В это время Билли повернулся к ней и подал ей скомканную пачку бумажек.

— Берите,— сказал он.— Зачем вы держите дома такую кучу денег? Ведь вы здесь совсем одни. Вам не следовало бы этого делать.

Старуха дрожащими руками взяла деньги. Она просто не верила своим глазам.

— Но я это знала,— сказала она вдруг твердо.

— Что знали? — спросил Билли.

— Я знала, что вы хороший парень. Они говорили, будто вы — убийца.

Билли нахмурил брови, и страдание отразилось на его лице.

— Когда же они успели вам это сообщить? — спросил он.

— Я слышала, как они телефонировали в Канзас-Сити полиции,— ответила она, а затем привскочила.— Сыщики едут сюда! — в ужасе закричала она.— Пусть вы даже убийца, мне теперь все равно! Не хочу я, чтобы вас поймали после того, что вы для меня сделали! Да я и не верю, что вы убийца! Вы хороший малый. Мой мальчик должен быть ваших лет и вашего роста теперь, если он жив. Он убежал много времени тому назад. Может быть, вы встречались с ним? Его зовут Эдди — Эдди Шортер. Много лет уж я о нем ничего не слыхала.

— Нет,— продолжала она,— я не верю им: у вас слишком хорошее лицо. Бегите отсюда раньше, чем нагрянет полиция. Я направлю ее по ложному следу.

— Но эти негодяи? — сказал Билли.— Не можем же мы их оставить здесь!

— Свяжите их и дайте мне ружье,— сказала старуха.— Бьюсь об заклад, что они мне больше ничего не сделают.

Она снова овладела своими нервами.

Билли и Бридж крепко связали обоих бродяг. Затем они снесли их вниз в погреб, и, когда они вышли, миссис Шортер закрыла дверь в погреб.

— Не думаю, чтобы они легко выбрались отсюда,— сказала она.— А теперь бегите скорее. Есть у вас деньги?

И, не дожидаясь ответа, она отсчитала двадцать пять долларов из пачки и передала Билли.

— Спасибо, не нужно,— сказал он.

— Вы должны взять,— настаивала она.— Я буду думать, что даю это своему мальчику Эдди; пожалуйста, возьмите!

Слезы, выступившие у нее на глазах, были единственное ее слов.

— Ладно,— ответил Билли,— я возьму деньги и передам их вашему Эдди, когда встречусь с ним.

— Ну, а теперь спешите, пожалуйста,— заторопила она.— Я не хочу, чтобы вас поймали, даже если вы, правда, убийца. Но я бы очень хотела, чтобы это была не правда!

— Я не убийца! — сказал Билли.— Но полиция действительно меня обвиняет в убийстве и ищет меня.

Крикнув последнее приветствие фермерше, он повернулся с Бриджем к дверям, но, выйдя на веранду, увидел на повороте дороги столбы пыли, поднятой быстро мчавшимся автомобилем.

— Поздно! — сказал он, повернувшись к Бриджу.— Вот они.

Фермерша бросилась на веранду и взглянула на дорогу.

— Ах! — воскликнула она.— Это наверняка они. Господи! Что же нам делать?

— Я удару через задний ход — вот что я сделаю! — заявил Билли.

— Это вам нисколько не поможет,— сказала миссис Шортер, качая головой.— Они протелефонируют на все фермы и двадцать миль в округе, и вас наверное поймают. Постойте. Я кое-что придумала. Идемте за мной!

Она быстро пробежала через небольшую гостиную и провела их в помещение, которое было наполовину прихожей, наполовину кладовой. Здесь находилась лестница в верхний этаж. Она приказала молодым людям следовать за ней и побежала наверх так быстро, как только позволяли ей старые ноги.

В задней комнате, в потолке был люк.

— Придвиньте комод под люк,— сказала она им.— Вскарабкайтесь на чердак и закройте люк за собою. Им никогда вас здесь не найти.

Билли придвинул старинный комод под отверстие, и через минуту оба друга очутились в душной атмосфере непроветриваемого чердака. Им было слышно, как миссис Шортер отодвинула комод на обычное место и за семенила по лестнице.

Почти немедленно вслед за этим до них донесся гудок автомобиля, а затем в домике раздались мужские голоса. Почти около часа ждали они, задыхаясь в спертом воздухе чулана, затем снова услышали шум мотора, который постепенно удалялся.

Вскоре после этого снизу раздался голос миссис Шортер:

— Можете спуститься. Уехали!

Когда они вышли из чердака, она повела их на кухню.

— Я приготовила вам обед, пока они тут толкались,— объяснила она.— Когда вы покушаете, вы можете спрятаться на гумне, пока не стемнеет, а потом мой старик довезет вас до Донсона; это узловая станция. Оттуда вы можете легко уехать в поезде. Я им сказала, что вы отправились в Олас, это совсем в другой стороне. Они туда и поехали с обоими бродягами.

Но, бог ты мой, нелегко мне пришлось! Я не мастерица врать, а во всю свою жизнь не рассказала так много всяких историй, как сегодня. Я им сказала, что вас было двое и что высокий был рыжий, а маленький весь изрыт оспой. Тогда они заявили, что это, верно, были совсем не те, которых они искали. И, бог ты мой, как они проклинали обоих бродяг, которые их напрасно сюда вызвали. Но они все же отправились в Олас и останутся с носом!

И она нервно засмеялась.

Мистер Шортер вернулся уже в сумерки. Когда жена рассказала ему все, что случилось, он заявил, что сам повезет «обоих мальчиков» до самой Мексики, если не будет иного выхода.

— Додсон тоже достаточно далеко отсюда,— уверял его Бридж.

Поздно ночью благодарный фермер высадил их у станции.

Час спустя, они мчались к югу по тихоокеанской железнодорожной линии.

Бридж с наслаждением развалился на красном плюшевом сиденье курительного вагона и сладко потянулся.

— Правда, шикарно? — сказал Билли.

Х

ЭЛЬ-ПАЗО

Только через сутки Фланнагэн сообразил, что его провели, и что это — дело фермерши.

Он догадался об этом из рассказов обоих бродяг, а когда он вернулся на ферму и услышал сбивчивые и противоречивые показания Шортёров — мужа и жены, то совершенно убедился в этом.

Тогда он телеграфировал в управление чикагской полиции и получил необходимое распоряжение продолжать преследование бежавшего Байрна.

Таким образом случилось, что несколько дней спустя агент Фланнагэн высадился в Эль-Пазо, привлеченный сюда скучными сведениями, собранными им с большим трудом по дороге.

Даже выйдя из поезда, он не был вполне уверен, что шел по верному следу. Несмотря на это, он все же сразу отправился в телеграфную контору и дал телеграмму своему начальнику, что он напал на горячий след беглеца.

В действительности след был гораздо «горячее», чем он себе представлял: в эту самую минуту Билли и Бридж находились не более чем в двух кварталах от него и обсуждали, что им делать.

— Я думаю,— сказал Билли,— что мне следует перейти границу. Я никогда не буду в безопасности в Соединенных Штатах, а при тех волнениях, которые сейчас происходят в Мексике, я там великолепнейшим образом затеряюсь.

— У вас же, дружище, всё в порядке,— продолжал он.— Вам не нужно скрываться, потому что вы ничего не сделали. Я не знаю, от чего вы там удираете, но уверен, что это не имеет ничего общего с полицией. Поэтому мы здесь расстанемся. Вы были бы болваном, если бы перешли границу без надобности. Ведь там, если вы не попадетесь в руки Виллы, то вас заберут каранзисты или цапатисты. Из всего того, что я слышал с тех пор, как мы высадились в Эль-Пазо, нужно думать, что в Мексике за каждым кустом прячется по бандиту.

— Сегодня вечером мы в последний раз пообедаем вместе, а потом я тронусь в путь.— Он помолчал немнога, а затем прибавил: — Мне очень жаль расставаться с вами, Бридж. Вы самый лучший парень, которого я когда-либо встречал.

Бридж скрутил папироску, а затем заговорил:

— Ваши слова, в общем, преисполнены мудрости, мой друг! Очень мало вероятия, что двое бродяг, как мы, без денег, пешком могли бы протянуть больше недели в восставшей Мексике. Но... уже много лет прошло с тех пор, как я в последний раз следовал голосу мудрости. Поэтому я иду с вами!

Билли ухмыльнулся. Он не мог скрыть своего удовольствия.

— Вы совершенолетний,— сказал он,— и молоко обсохло у вас на губах, потому решайте сами. Пойдемте теперь закусить. У нас осталось еще немного от двадцати пяти долларов.

Они вошли вместе в пивную, в которой, как помнил Бридж, можно было, купив большую кружку пива, получить даровую закуску.

В пивной были расставлены небольшие столики. Спросив две кружки пива, Билли и Бридж понесли их к столику, стоявшему в дальнем углу комнаты у задней двери.

Бридж уселся сторожить пиво, а Билли прошел к прилавку и забрал себе все, что дал ему унести не особенно щедрый хозяин.

Вернувшись к столику, он уселся спиной к стене, согласно своей давнишней привычке. В таком положении он видел всех сидящих в зале и мог сразу оглядеть всякого вновь входящего.

— Жилистый парень, этот молодчик,— сказал Билли, указывая головой на стража даровых закусок.— Я забрал у него еды разве что на двух канареек, а он еще заставил меня половину отдать обратно.

Бридж засмеялся.

— Ну, вы не так-то уж мало набрали,— заметил он.— Я знаю пивные, в которых вас обвинили бы в краже, если бы вы взяли столько, сколько у вас на тарелке.

— А пиво дрянь! — заявил Билли.

— Здесь оно всегда скверное,— согласился Бридж. Билли поднял кружку и улыбнулся.

— За здоровье...— начал он и осекся.

Взгляд его, направленный поверх головы своего спутника, упал на фигуру высокого мужчины, входившего в этот момент в низкую дверь.

В ту же минуту глаза того же остановились на Билли. Оба они одновременно узнали друг друга. Мужчина бросился через всю комнату прямо к их столику.

Билли вскочил со стула. Бридж, догадавшись, что что-то случилось, тоже встал и оглянулся.

— Фланнагэн! — воскликнул Билли.

Агент лихорадочно вытаскивал револьвер, который, как на зло, застрял у него в кармане. Байрн тоже схватился за свое оружие, но Бридж вовремя остановил его руку.

— Только не это, Билли! — закричал он.— За вами дверь. Вот!

И он толкнул Билли к двери, находящейся за ним.

Байрн все еще держал кружку пива; Фланнагэн был совсем близко. Бридж открыл дверь и старался протиснуть в нее Билли, но тот колебался. Он видел, что было невозможно успеть закрыть дверь изнутри. А имелась ли там задвижка?

Фланнагэн все еще возился с револьвером, застрявшим в подкладке его кармана. Он рычал от ярости и кричал Билли, что он арестован.

Все посетители пивной повсюду кидали с места. Некоторые из них двинулись к агенту и его добыче, но трудно было сказать, руководило ли ими простое любопытство или иное чувство.

Фланнагэн скорее чувствовал, чем видел, что посетители пивной теснят его; но в эту минуту ему удалось, наконец, вытащить револьвер. Это было как раз в тот момент, когда Билли уже двинулся к дверям. Когда в руках полисмена блеснул револьвер, стало понятно, почему Билли так упорно держался своей кружки пива.

Он швырнул ее левой рукой. Даже Фланнагэн должен был сознаться, что это был ловкий удар. Кружка со страшной силой ударила прямо в лицо Фланнагэну, разбилась о щеку и захлестнула ему глаза пивом.

Сплевывая и бешено ругаясь, Фланнагэн невольно остановился, а когда он вытер глаза, Билли Байрн уже исчез в соседней комнате и запер за собою дверь.

Комната, в которой очутились Билли и Бридж, оказалась очень мала. В середине ее стоял большой круглый стол, вокруг которого сидело шесть игроков в покер. Над

столом висела электрическая лампа, бросавшая сильный свет на игроков.

Билли оглянулся, как затравленный зверь, ища выхода, но увидел, что кроме двери, в которую они вошли, в комнате было только одно отверстие — небольшое окно с крепкой решеткой. Они попали в настоящую западню.

При их появлении люди, сидящие за столом, разом перестали играть. Некоторые из них поднялись со своих мест. Билли не обращал на них никакого внимания. Он навалился на дверь плечом, потому что не оказалось ни задвижки, ни замка.

Фланнагэн с противоположной стороны прилагал все усилия, чтобы открыть дверь, но крепость казалась неприступной. Билли Байрн торопливо изобретал разные безумные планы бегства, но ни один из них не давал ни малейшей надежды на успех.

Игроки у стола волновались, требуя объяснения. Двое из них приблизились к Билли с явным намерением «вышибить» непрошенного гостя из комнаты. Билли повернулся к ним.

— Несчастные вы ослы! — закричал он. — Разве вы не понимаете, что там облава? Шпики заняли все ходы.

Тут поднялась неописуемая тревога. Карты, фишки и деньги исчезли, как бы по волшебству. Из-под стола появились старые газеты и засаленные журналы. В один миг комната из игорного притона превратилась в невинную читальню.

Билли усмехнулся. Фланнагэн прекратил свои попытки высадить дверь и увещевал Билли сдаться добровольно. Байрн снова вытащил револьвер и знаком подозвал Бриджа к себе.

— Следуйте за мной, — прошептал он, — но не двигайтесь до тех пор, пока я не тронусь с места.

Затем, повернувшись к двери, закричал:

— Эй ты, толстая свинья! Тебе и несчастного калеку не захватить, не то что Билли Байрна. Перестань стучать, а не то я выйду и с тобою разделяюсь!

Если Билли своими словами намеревался пробудить в Фланнагэне ярость, то он блистательно этого достиг. За дверью поднялась невероятная ругань, а затем Фланнагэн изо всех сил навалился на дверь.

Билли выстрелил в электрическую лампу, осколки которой полетели на стол, и отскочил в сторону. Дверь распахнулась, и Фланнагэн с разбега влетел в темную

комнату, налетел на подставленную ему ногу и свалился на невинных читателей, из которых некоторые держали журналы вверх ногами и не выпускали их из дрожащих рук несмотря на то, что свет погас.

Билли Байрн и Бридж одновременно кинулись в открытую дверь, захлопнули ее за собою и побежали через пивную на улицу.

Тем временем в маленькой комнатке происходило следующее: когда Фланнагэн влетел в комнату, перепуганные игроки вскочили и бросились к дверям; но агент так быстро побежал за ними, что только двоим удалось выскользнуть из комнаты. Один из них захлопнул дверь перед самым носом своих товарищей, а пока они тискались и толкали друг друга, Фланнагэн уже оказался среди них.

В кромешной тьме он не мог никого узнать, но отгнал всех от двери и встал сам спиной к ней. Все находившиеся в комнате оказались его пленниками!

Он пригрозил им, что будет стрелять при первом же их движении, а затем снова открыл дверь, шагнул наружу и приказал пленникам выходить поодиночке.

Он так и впивался в лицо каждого проходившего мимо него. Вот уже вышли все, а Байрна все не видно! Дрожа от волнения, зажег он свой электрический фонарь и снова вошел в комнату. Байрна там не было...

Тут только понял злополучный сыщик, что добыча ушла из самых его рук...

XI

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Горячие лучи солнца ударяли на пыльную дорогу. Знойный туман лежал над бесплодной местностью, которая тянулась по обе стороны шоссе, вплоть до серовато-коричневых возвышенностей. Небольшая хибарка, к которой примыкало несколько жалких строений, кричащим белым пятном выделялась на фоне, залитом ослепительным солнечным светом.

По дороге шли, с трудом передвигая ноги, двое мужчин. Они изнемогали от зноя. Сняв куртки и надвинув на глаза поля своих обтрепанных шляп, они щурились от яркого света и пыли.

Один из путников, взглянув на видневшуюся в отдалении хижину, принял декламировать:

Вдалеке, за речкой, за лугами,
Показался город перед нами;
Зажжены вечерними лучами,
Там дома на солнышке горят...
И пока стоял я в ожиданье,
В воздухе промчалось трепетанье
И шепнуло: «Лето, до свиданья!
Стая птиц на юг уже летят...».

Его товарищ взглянул на него.

— Эта жалкая игрушка не слишком похожа на город,— сказал он,— но во всем другом ваш Ниббс совершенно прав. Мы — птицы, летящие на юг, а трепетанье в воздухе — это Фланнагэн. Пожалуй, он даже первый мороз. Бьюсь башкой об заклад, что евтот несчастный шпик прямо-таки слег с досады!

— Как объяснить, Билли,— спросил Бридж после минутного молчания,— что иногда вы говорите совсем хорошо, а иногда совершенно неправильно? Бывает, что вы в одной и той же фразе скажете и «этот» и «евтот». И такие несоответствия встречаются у вас очень часто. Получается впечатление, будто что-то или кто-то изменил ваш первоначальный язык.

— Видите ли,— объяснил Билли,— я родился и вырос в кругу, где все говорили «евтот». Она меня научила говорить по-другому. Иногда я срываюсь и перехожу на старое. Двадцать лет говорил я по-ихнему, а по-ейному только год; так не мудрено, что перевес на той стороне.

— Она — это верно «Пенелопа?» — задумчиво произнес Бридж, как бы про себя.— Она, вероятно, была прекрасная девушка?

— «Прекрасная» — совсем не то слово,— пылко перебил его Билли.— Если кто-нибудь прекрасный, так это значит, что кто-то может быть прекраснее, а она была лучше самой прекрасной. Она... она была... нет, Бридж, слов таких нет, чтоб сказать вам, какая она была!

Бридж не ответил, и оба несколько минут в полном молчании шли по направлению к ослепительно белой хижине. Затем Бридж произнес:

Где-то там меня вы ждете,
Из цветов венок плетете,
Поцелуй мне нежный шлете,
Пенелопа, верный друг!

Билли вздохнул и поник головой.

— Это, знаете ли, не про меня... Меня никто не ждет. Она теперь замужем за другим.

Наконец они дошли до строений. В тени под навесом валялся смуглый мексиканец и попыхивал папироской; на пороге сидела женщина, очевидно его жена, занятая приготовлением какой-то несложной стряпни в широком плоском сосуде. Около них играло двое полуоголых детей. В самых дверях на одеяле лежал еще грудной младенец.

Мексиканец подозрительно взглянул на пришельцев. Бридж приветствовал его на довольно сносном испанском языке и попросил еды, объяснив, что у них есть деньги, на которые они и хотят приобрести немного, очень немного еды.

Мексиканец лениво поднялся и дал им знак следовать за ним в хижину. Женщина, по приказанию мужа и господина, пошла за ними и вынесла им хлебцы.

Цена, предложенная мексиканцем, была божеская, но он жадно следил, пока Бридж платил деньги, и был как будто несколько разочарован, когда ему дали ровно столько, сколько он запросил.

— Куда вы идете? — спросил он.

— Мы ищем работы, — объяснил Бридж. — Мы надеемся найти дело на одном из американских приисков.

— Ну, тогда вам лучше вернуться, — предупредил их хозяин. — Сам-то я не имею ничего против янки, сеньор, но многие из моих земляков очень вас недолюблюют. Да и не за что любить: ваше правительство только и думает о захватах и насилии. Сейчас все американцы уезжают отсюда. Некоторых уже убили бандиты. Идти дальше прямо опасно. Кругом рыщут люди Пезиты. Это такие дьяволы, которые нападают даже на своих. Черт их знает, за кого он — за генерала ли Виллу, за Карранцу ли? Если он встречает приверженца Виллы, он кричит: «да здравствует Карранца!» — и его люди убивают и грабят; а если соседи несчастной жертвы, услышав об этом, уверяют Пезиту, что они приверженцы Карранцы, то Пезита кричит: «да здравствует Вилла!» — и им приходится не сладко. А янки — так тех Пезита даже не расспрашивает. Он их убивает, где бы они ему ни попались. Он поклялся очистить Мексику от американцев.

Бридж в кратких словах начал передавать своему спутнику содержание этого неутешительного разговора.

В это время со стороны ближайших холмов приблизилась группа в пять всадников.

Они ехали быстро, приближались к хижине с той стороны, где не было ни дверей, ни окон, так что те, которые находились внутри, не могли их заметить. Это были смуглые, ловкие, свирепые на вид люди, одетые в жалкие лохмотья, но в полном боевом вооружении.

Подъехав к самой хижине, четверо из них спешились, а пятый, оставшийся в седле, взял под уздцы лошадей своих товарищей. Последние, крадучись, поползли вокруг хижины к дверям, держа карабины наготове.

Полуголый мальчуган, возившийся в пыли у навеса, первый заметил их. С пронзительным криком бросился он внутрь хижины и уцепился за юбку матери.

Билли, Бридж и мексиканец разом повернулись к двери, чтобы узнать, что так испугало ребенка, и увидели четыре направленные на них карабина.

Лицо мексиканца сразу осунулось, а жена упала на пол и, обняв колени мужа, громко заголосила.

— Что это? — воскликнул Билли Байрн.— В чем дело?

— Кажется, нас взяли в плен не то приверженцы Виллы, не то отряд Карранцы,— ответил Бридж.

Мексиканец понял его слова и обернулся к обоим американцам.

— Это солдаты Пезиты,— с ужасом сказал он.

— Да,— повторил один из бандитов,— мы солдаты Пезиты, и Пезита будет с восторгом приветствовать тебя, Мигуэль, в особенности, если узнает, с кем ты ведешь компанию. Ты ведь знаешь, как наш Пезита любит проклятых янки!

— Но этот человек нас не знает,— заговорил Бридж.— Мы зашли сюда случайно, чтобы купить себе хлеба. Он нас никогда раньше не видел. Мы идем в Эль-Оробо-ранчо в поисках заработка. Денег у нас нет, и мы не совершили ничего противозаконного. Отпустите нас с миром. Задержав нас, вы не выиграете ничего. А что касается до Мигуэля,— кажется, вы так его называли,— то из того, что он нам сказал, я понял, что он так же любит американцев, как ваш уважаемый начальник.

Мигуэль с благодарностью взглянул на своего защитника, но, по-видимому, не ожидал никакой пользы от его речи.

Так оно и случилось. Разбойник только язвительно усмехнулся.

— Расскажите-ка вы это все лучше самому Пезите, сеньор,— сказал он.— Теперь идемте, живее!

И он принял гнать их из хижины.

Билли в нерешительности остановился и повернулся к Бриджу.

— Я почти ничего не понял. Хотя за последние две недели я и нахватался ихних слов, да уж больно они скоро лопочут. Растигните вы мне, чего он хочет.

— Все это крайне просто,— ответил Бридж.— Мы захвачены в плен бандитами. Они отвезут нас к своему очаровательному начальнику, который, вне всякого сомнения, расстреляет нас к восходу солнца.

— Это бандиты? — насмешливо произнес Билли.— Вы называете бандитами этих несчастных коротышек?

— Это бандиты-любители, Билли,— серьезно отвечал Бридж.

— И вы собираетесь дать себя увести, как теленка, и не наградите их хорошей вздрючкой? — спросил Байрн, весь красный от злости.

— Мы сейчас ничего не сможем сделать,— сказал Бридж.— У них наготове четыре карабина. Потом мы, вероятно, найдем удобный случай; я думаю, теперь нам придется временно покориться.

Бридж говорил быстрым, тихим шепотом, опасаясь предводителя разбойников, который, очевидно, немного понимал по-английски.

Билли пожал плечами и, когда бандиты снова стали их торопить, он спокойно вышел из хижины. Если бы мексиканцы лучше знали Билли Байрна с Большой авеню, то выражение его лица вряд ли обрадовало бы их: он безмятежно улыбался.

В конюшне Мигуэля стояли два пони. Бандиты тут же забрали их. На одного посадили Билли, а на другого Мигуэля и Бриджа. Огромный вес Билли исключал всякую возможность посадить на его пони еще второго седока.

Когда они сели верхом, Билли наклонился к Бриджу и прошептал:

— Я проведу этих молодцов и здоровово,— вы увидите!

— Я готов помочь вам телом, лошадью и всей своей артиллерией! — засмеялся Бридж.

— Кстати,— сказал Билли,— это напомнило мне, что у меня в кармане есть козырь; эти олухи меня даже не обыскали!

— А мне,— заявил Бридж, когда лошади, которых разбойники вели на поводу, тронулись вперед,— это напомнило почему-то трогательную песенку Сервиса:

Ах, когда-нибудь в грядущем тихими ночами
Звезды темный серый камень озарят лучами,
И на камне том лучами нежными своими
Начертают темной ночью ваше имя!

— Веселый вы парень, Бридж,— улыбнулся Билли.

XII

ГЕНЕРАЛ ПЕЗИТА

Пезита оказался небольшим коренастым человеком с огромными черными усищами. Он был одет в фантастическую, им самим придуманную форму генерала. Эта форма, впрочем, менялась в зависимости от случайностей войны и прихоти судьбы.

В ту минуту, когда Билли, Бридж и Мигуэль предстали перед ним, он был одет в блестящий когда-то мундир, весь расшитый золотым позументом. На плечах дрожали большие эполеты, похожие на те, что можно было встретить в оперетке пятнадцать или двадцать лет тому назад. Шаровары были вылинявшие и сильно поношенные, а сапог совсем не было.

Он смотрел на пленников и свирепо хмурился, пока его офицер, сильно жестикулируя и не менее сильно привирая, рассказывал ему увлекательную историю пленения «этих подозрительных иностранцев».

— Американцы? — отрывисто обратился «генерал» к Бриджу и Билли.

Оба ответили утвердительно. Пезита повернулся к Мигуэлю.

— Где Вилла?

— Откуда мне это знать, генерал? — ответил Мигуэль смиренно.— Как могу я, бедняк, живущий в нашей тихой долине, знать о передвижениях великих мира сего? Я не знал даже, где находится великий генерал Пезита, пока меня не привели перед его милостивые очи. Я умоляю Пезиту позволить мне служить ему, насколько хватит моих слабых сил...

Пезита, казалось, не слышал того, что говорил ему Мигуэль. Он небрежно встал к нему боком и обратился к Билли на невозможном английском языке.

— Вы ехали в Эль-Оробо-ранчо, да? У вас там верно знакомые?

Билли ответил, что никого они там не знают, а просто ищут работы на какой-нибудь американской мызе или американском руднике.

— Почему вы уехали из вашей страны? — спросил Пезита недружелюбно. — Что вам нужно здесь, в Мексике.

— Видишь, в чем дело, старина, — ответил Билли развязно, — наступила зима, птицы и потянули на юг. За мной по пятам шел толсторожий шпик из Чикаго, я и улепетнул.

— Шпик? — переспросил заинтересованный Пезита. — Это что-то такое, что едят?

— Да нет же; я сказал, что меня высledил толсторожий шпик.

— Ах, так! — ответил Пезита, не желая сознаться в незнании английского языка; но затем прибавил: — Я много времени пробыл в Штатах, но толсторожего шпика не знаю.

Бридж пришел ему на помощь.

— Мой друг хочет сказать, что его выгнала из Соединенных Штатов полиция.

Пезита поднял брови.

— Так почему же он этого сразу не сказал? — спросил он.

— Он пытался объяснить это вам по-своему, — сказал Бридж.

Тут Пезиту внезапно осенила мысль. Он обернулся к Бриджу.

— Значит, ваш друг не американец? — спросил он. — Я впрочем, так и думал. То-то мне было никак его не понять! Он говорит на языке американцев еще хуже, чем я. Из какой он страны?

Билли Байрн уже собирался с некоторой гордостью ответить, что он чистокровный американец, но Бридж сразу усмотрел в этом обстоятельстве маленький шанс на спасение своего друга, а потому движением головы приказал Билли молчать и сам ответил за него:

— Он, видите ли, из «Грэндавеню». Это хоть не сов-

сем в Германии, но там очень много немцев. Мой друг туземец Грэндавеню, так что он не говорит ни по-английски, ни по-немецки; у них на «Грэндавеню» свой язык.

— Ага, понимаю! — важно промолвил Пезита.— Это как бы немецкая колония. Уберите Мигуэля и американца,— сказал он, обращаясь к солдатам, которые привели к нему пленников,— я хочу переговорить с этим иностранцем из «Грэндавеню».

Когда они остались с глазу на глаз, Пезита обратился к Билли на ломаном английском языке:

— Мне очень жаль, сеньор,— сказал он,— что вас подвергли такому недостойному обращению. Мои солдаты не могли знать, что вы — не американец, но я постараюсь все это поправить. Вы — сильный человек. Американцы выгнали вас из своей страны, как они выгнали меня. Я ненавижу их, и вы ненавидите их. Но довольно об этом. Вы ищите работы в Мексике? Я дам вам работы. Вы большой и сильный, как бык. Вы останетесь со мной, сеньор. Я сделаю вас капитаном. Здесь нужен человек, который говорил бы немного по-английски и выглядел бы как американец. Вы как раз подходите. Сейчас у нас идет война с Виллой. Он республиканец, но не настоящий. Весь простой народ за меня. Спросите любого, всякий вам скажет, что Пезита — друг народа. Мы сделаем с вами дела — вы и я! И будем хорошо зарабатывать все время, пока будем сражаться против негодяев, заливших кровью мою несчастную, истекающую кровью Мексику. А когда нам удастся освободиться от них, мы найдем себе что-нибудь другое. Идет?

— Ладно, что ж! Я согласен,— сказал Билли.— Мой товарищ тоже входит в пай?

— Что такое?

— Вы моего друга тоже сделаете капитаном?

Пезита в ужасе поднял руки и закатил глаза. Принять американца в свою шайку? Это было немыслимо!

— Что вы, что вы, его расстреляют,— закричал он.— Я поклялся, что убью всех проклятых янки. Я сделаюсь спасителем моей несчастной страны. Я освобожу ее от этого отродья!

— В таком случае, дело не выгорит,— твердо сказал Билли.— Я парень справедливый. Если вы воображаете, что можно уокошить Бриджа, а Билли Байрон будет спокойно любоваться на это, то вы очень ошибаетесь. Это мой друг.

— Вы любите этого американца? — недоумевающе спросил Пезита.

— Еще бы! — вскричал Билли.

Пезита погрузился в размышления. В его голове бродил план, который требовал помохи как раз такого человека, как этот незнакомец; нужно было, чтобы его совершенно не знали в округе, для того, чтобы его присутствие в городе ни под каким видом не могло быть поставлено в связь с бандитом Пезитой.

— Вот что я вам скажу,— сказал он наконец.— Я отпущу вашего друга. Я пошлю его под надежной охраной в Эль-Оробо-ранчо. Быть может впоследствии он нам и пригодится. Но я отпущу его только, если вы останетесь у меня. Иначе я расстреляю и обоих вас и Мигуэля.

— Что вам сделал этот Мигуэль? — спросил Билли.— Ведь он совсем божья коровка.

— Он приверженец Виллы. А если Вилла выиграет, то американцы наводнят Мексику.

— Отпустите этого несчастного,— заявил Билли,— и я останусь с вами. У него жена и ребятишки: неужели вы хотите, чтобы они остались одни в этой проклятой стране?

Пезита снисходительно усмехнулся.

— Хорошо, сеньор капитан,— сказал он, отвесив Билли низкий поклон.— Из уважения к вам я отпущу Мигуэля и вашего друга и пошлю с ними надежный конвой.

— Вот это дело, старый хрыч! — воскликнул Билли, хлопнув по плечу генерала, при чем Пезита довольно улыбнулся, думая, что к нему применили какой-то лестный титул на языке Грэндавеню.— Вот это дело! Я пойду и сообщу им ваше решение.

— Идите,— согласился Пезита,— и скажите им, что они отправятся завтра рано утром.

XIII

ПЕЗИТА МЕНЯЕТ СВОИ ПЛАНЫ

Когда Билли ушел по тому направлению, куда солдаты отвели Бриджа и Мигуэля, Пезита поманил к себе оборванца, который, опервшись на ружье, стоял неподалеку от своего «генерала» и изображал из себя ординарца.

— Пошли ко мне капитана Розалеса!

Босоногий ординарец направился к дереву, под тенью которого небольшие кучки людей в широкополых сомбреро оживленно дулись в карты. Солдат подошел к одному из них и передал поручение генерала, после чего долговязый и худой капитан Розалес нехотя встал и пошел к Пезите.

— Большой человек, которого привели сегодня утром, оказывается не американец,— сообщил ему Пезита.— Он из Грэндавеню. Он может нам очень и очень пригодиться, потому что выглядит он совсем как американец. Мы его пустим в дело. При его росте и мускулах он, вероятно, силен как бык. Это будет отличный вояка, а у нас их немного. Я произвел его в капитаны.

Розалес усмехнулся. Среди сотни последователей Пезиты капитанов было уже около двух десятков...

— Грэндавеню? Где это находится? — спросил Розалес удивленно.

— Неужели вы хотите сказать, дорогой капитан,— воскликнул Пезита насмешливо,— что человек вашего образования не знает, где находится Грэндавеню? Вы меня удивляете! Ведь это же немецкая колония!

— Ах, да, конечно! Вспомнил теперь! Как эти имена забываются... Грэндавеню... Да ведь мой собственный дед, который был знаменитым путешественником, не раз ездил туда. Я часто слыхивал в детстве его рассказы об этой стране...

— Я позвал вас не для того, чтобы обсуждать географию Европы,— сухо прервал его Пезита.— Я хотел сказать вам, что незнакомец не соглашался поступить на службу ко мне, пока я не освобожу его друга американца и эту хитрую bestiu Мигуэля. Я был вынужден согласиться, потому что этот субъект нам нужен до зарезу. Поэтому я обещал ему, дорогой капитан, что отправлю их завтра утром под надежной охраной в Эль-Оробранчо. Я назначаю вас начальником этой охраны. Вы отвечаете своей жизнью за то, что выполните мое обещание, Розалес. Конечно, если какие-нибудь там головорезы из шайки Виллы нападут на вас во время дороги, и, несмотря на вашу доблестную защиту, янки и Мигуэль будут сражены пулями вилластанцев, это уже будет не ваша вина! Это будет очень прискорбный случай, но кто, в самом деле, сможет обвинить вас, который защищал их, рискуя своей жизнью и жизнью своих людей? Розалес,

если бы такая вещь случилась, я не мог бы иначе выразить свою благодарность, как сделав вас полковником.

— Я буду защищать их ценой жизни, генерал! — воскликнул бравый Розалес.

— Прекрасно! — заключил Пезита.— Это все, что я хотел вам сказать.

Розалес низко поклонился и направился обратно к компании под деревом.

— Ах, капитан! — остановил его снова Пезита.— Вот что еще: передайте, пожалуйста, другим господам офицерам, что незнакомец из Грэндавеню — капитан и что я желаю, чтобы с ним хорошо обращались, но не слишком много болтали ему о нашем священном деле освобождения несчастной, истекающей кровью Мексики.

Розалес снова молча склонился.

Билли застал Бриджа и Мигуэля сидящими на земле. Неподалеку от них стояли два оборванных повстанца с ружьями. Стража не препятствовала Билли приблизиться к пленникам, но по-видимому была страшно изумлена тем, что этот иностранец свободно разгуливает по лагерю.

Билли уселся рядом с Бриджем и так и затрясся от хохота.

— С чего это вы обрадовались? — спросил Бридж.— Нас повесят вместо того, чтобы расстрелять, что ли?

— Нет! Ни то, ни другое,— проговорил, задыхаясь от смеха, Билли.— Верите ли, я произведен в капитаны! Что вы на это скажете?

Он объяснил все, что произошло между Пезитой и им. Бридж и Мигуэль жадно прислушивались к каждому его слову.

— Я думал, что это единственный выход для нас,— сказал наконец Билли серьезно.— Положение наше было хуже, чем я предполагал вначале. Я сперва не соглашался оставаться у него в капитанах без того, чтобы он взял и вас, но о вас он и слушать не захотел. Он, видите ли, ненавидит всех американцев... И здоровую же шутку вы откололи Бридж, когда уверили этого олуха, что я из какой-то заграничной местности, называемой «Грэндавеню»! Он все-таки сказал мне, что, если я не буду ему служить, он укокошит нас всех.

— А как же насчет козыря, про который вы мне рассказывали? — спросил Бридж.

— Он все еще тут,— и Билли с любовью нашупал что-то твердое в левом кармане.— Но, бог ты мой! Что

мог бы я сделать с ним против целой шайки? Мне удалось бы пристрелить нескольких, но в конце концов они бы нас все равно одолели. Нет, этот выход лучше, хотя мне очень не хочется расставаться с вами, дружище.

Он замолчал и уставил в землю. Бридж слегка вздохнул и прокашлялся.

— Я всегда желал провести год в Рио,— сказал он,— Мы встретимся там, Билли, когда вы сможете отсюда удрать.

— Пусть так и будет,— согласился Байрн.— При первой возможности мы встретимся в Рио. Пезита обещал отпустить вас на свободу завтра утром и послать вас под надежной охраной: Мигуэля — в его поганую хибарку, а вас — в Эль-Оробо-ранчо. Мне кажется, этот старый хрыч уж не так плох в конце концов, как о нем думают.

Мигуэль насторожил уши при слове «охрана». Он наклонился вперед и прошептал:

— Кто будет командовать охраной?

— Не знаю,— сказал Билли.— Да и не все ли равно, кто?

— Совсем не все равно; это означает жизнь или смерть для вашего друга и для меня,— сказал Мигуэль.— Нет никакой причины давать мне охрану. Я знаю местность до самого Чигуагуа не хуже Пезиты и его головорезов и всю жизнь ездил без всякого конвоя! Конечно, с вашим другом дело обстоит иначе. Для него может быть и хорошо, если его будут сопровождать до Эль-Оробо. Возможно, что за этим ничего не кроется, но нужно обязательно разузнать, кто командует конвоем. Я хорошо знаю Пезиту и его приемы. Если с нами завтра утром выедет Розалес, то вы можете навсегда попрощаться с вашим другом. Вы его никогда не увидите ни в Рио, ни в другом каком месте. И он и я — мы оба будем убиты еще до полудня.

— Почему ты так думаешь, любезный? — спросил Билли.

— Я не думаю, сеньор,— ответил Мигуэль с достоинством,— я знаю.

— Ладно! — сказал Билли,— подождем и увидим.

— Если вы узнаете, что назначен Розалес, не говорите им ничего,— поспешил предупредить его Мигуэль.— Это все равно ни к чему не поведет. Предупредите нас только, чтобы мы были настороже, да, если возможно, достаньте нам парочку револьверов. В таком случае...

Он не договорил, но слабая улыбка искривила его губы.

В это время к ним подошел ординарец и объявил, что они больше не пленники и могут свободно ходить по лагерю.

— Но,— заключил он,— генерал требует, чтобы вы не переходили границ лагеря. В окрестных горах много отчаянных разбойников. Генерал опасается за вашу безопасность, так как теперь вы его гости.

Солдат говорил по-испански, и Бридж должен был переводить его слова Байрну, который сам понял только часть разговора.

— Спросите вы его,— сказал Билли,— относится ли это дурацкое распоряжение и ко мне?

— Он говорит, что нет,— ответил Бридж после того, как расспросил солдата.— Капитан пользуется полной свободой, как и прочие офицеры. Таково приказание Пезиты.

Билли встал.

— Ну, пока до свидания, дружище! — сказал он.— Если я хочу помочь вам и Мигуэлю, то чем меньше я буду торчать с вами, тем будет лучше. Пойду к мексиканцам и буду учиться сидеть на корточках, как эти черномазые обезьяны.

— Прощайте, Билли! Помните Рио! — сказал Бридж.

— И револьверы, сеньор,— напомнил Мигуэль.

— Будьте спокойны,— ответил Билли и, не торопясь, направился к небольшому кружку курящих под деревом бандитов.

При его приближении Розалес взглянул на него и улыбнулся. Затем, встав, он протянул ему руку.

— Добро пожаловать, сеньор капитан,— сказал он любезно.— Я — капитан Розалес.

Он остановился, ожидая, чтобы Билли назвал свое имя.

— Меня зовут Байрн,— ответил Билли.— Рад познакомиться с вами, капитан.

— А, значит, капитан Байрн!

И Розалес принялся представлять его остальным офицерам.

Некоторые, подобно Розалесу, были образованные люди и раньше служили офицерами в армии. Пезита захватил их в плен, и они предпочли позорную жизнь бандитов немедленной жестокой расправе. Остальные —

и их было большинство — являлись чистокровными индейцами, привыкшими к грабежу и разбоям.

Рядом с гигантом Байрном все казались лиллипутами. Розалес и еще двое других говорили с грехом пополам по-английски, с ними-то и разговорился Билли. Он постарался узнать от них имя того офицера, который должен был командовать конвоем на следующее утро, но Розалес и остальные уверяли его, что они этого сами не знают.

Билли предлагал свой вопрос, в упор смотря на Розалеса, и заметил, как у того сузились зрачки и как он слегка отшатнулся. Несмотря на все уверения, Билли понял, что Розалес лжет. Он несомненно знал, кто должен был командовать конвоем. Почему же он не ответил? Это был признак очень тревожный...

Билли начал раздумывать, как бы спасти своего друга от судьбы, пред назначенной ему Пезитой. Розалес тоже погрузился в размышления. Он не был дураком. Почему этот незнакомец желает узнать, кто будет командовать охраной? Ведь он не знал никого из офицеров лично. Какая для него была разница в том, кто выедет завтра с его другом? Да, но Мигуэль знал, что разница есть! Мигуэль наверно говорил с новым капитаном и пробудил в нем подозрения.

Розалес под каким-то предлогом покинул кружок офицеров. Через минуту он уже выкладывал свои подозрения Пезите и предлагал ему новый план действий.

— Не посыпайте меня начальником конвоя,— посоветовал он генералу.— Пошлите капитана Байрна.

Пезита издал недоумевающее восклицание.

— Постойте,— успокоил его Розалес.— Пусть новый капитан выедет утром с полдюжины солдат, которые будут следить за тем, чтобы все шло как следует. За час до рассвета я вышлю вперед двух наших лучших стрелков. Они засядут в месте, известном нам с вами, и около полудня капитан Байрн со своим конвоем вернется в лагерь и расскажет нам, что на них было совершено нападение отрядом вилластанцев и что оба наших гостя оказались убиты в перестрелке. Это будет правдоподобно и не будет нашей виной. Мы поклянемся отомстить Вилле, а капитан Байрн возненавидит его так, как это подобает истым приверженцам Пезиты.

— Вы хитры, как бес, капитан! — закричал Пезита в восторге.— Будет сделано так, как вы советуете. Сту-

пайте, а я пошлю за капитаном Байрном и отдаю ему приказания на утро.

Когда Розалес удалился, в темном углу палатки Пезиты мелькнула какая-то фигура и бесшумно исчезла в темноте.

XIV

ЗАСАДА

Таким образом, на следующее утро, после раннего завтрака, Бридж и Мигуэль выехали в долину под охраной конвоя, предводительствуемого самим Билли Байрном. Старая форменная куртка и широкополая шляпа, преподнесенные ему офицерами, составляли обмундирование вновь произведенного капитана. Лошадь под ним была самая большая, которую только могли выискать в лагере. Билли намного возвышался среди своих солдат.

Около часа ехали они по пыльной дороге. Билли и Бридж говорили о самых разнообразных предметах, не затрагивая однако того, который занимал их больше всего. Мигуэль ехал молча и казался очень озабоченным. Накануне вечером он в темноте подполз к Бриджу и что-то ему пошептал, а утром Бриджу представилась возможность незаметно и быстро передать это сообщение Билли Байрну.

Последний только немного поднял брови, а затем весело улыбнулся. Казалось, он был чем-то очень обрадован.

Рядом с ним, во главе отряда, ехали Бридж и Мигуэль; за ними следовали шесть смуглых низкорослых солдат, на которых Пезита мог положиться.

Они достигли местности, где путь пролегал через узкое высокое русло ручья, глубоко ушедшее в мягкую почву. По обоим берегам росли унылые кактусы и колючий кустарник, за которыми легко мог укрыться целый полк. Место для засады было идеальное.

— Это наверное здесь, сеньор капитан! — чуть слышно шепнул Мигуэль.

Невысокий холм скрывал от них дальнейший путь, но он очень легко мог скрыть их самих от глаз неприятеля, который может быть поджидал их дальше, вниз по руслу.

При словах Мигуэля, Байрн круто свернул с дороги.

Но едва он успел отклониться от прямого пути, как один из солдат поспешил к нему, крича по-испански, что он не туда едет.

— Чего он лопочет? — спросил Билли, повернувшись к Мигуэлю.

— Он говорит, что вы должны держаться русла реки, сеньор капитан,— объяснил мексиканец.

— Скажите ему, чтобы он не совался не в свое дело,— коротко ответил Байрн, подгоняя лошадь, чтобы проехать мимо солдата.

Но солдат упорствовал. Он снова нагнал Билли, и на этот раз все его пять товарищей помчались за ним, чтобы преградить ему дорогу.

— Это неправильный путь, это неправильный путь! — кричали они наперебой.— Поезжайте той дорогой, сеньор капитан, так приказал генерал Пезита.

Поняв общий смысл их восклицаний, Билли резким движением руки приказал им посторониться.

— Здесь начальник я,— объявил он.— Прочь с дороги, если не хотите, чтобы вам за это попало.

Он снова поехал вперед. Снова солдаты преградили ему путь. На этот раз один из них приподнял карабин. Поза его была явно угрожающая. Он был так близко от Билли, что их пони шли плечом к плечу.

Билли Байрн являлся глубоким знатоком всех основных принципов случайных драк. Он твердо знал, что удар всегда следует нанести первому.

Без слова предупреждения, он всей своей тяжестью наклонился вперед и ударили солдата в подбородок с такой силой, что выбил его из седла.

Одновременно Бридж и Мигуэль выхватили свои револьверы и открыли пальбу по оставшимся пяти солдатам.

Бой был короток. Одному из солдат удалось было бежать, но Мигуэль, который оказался превосходным стрелком, уложил его в ста шагах. Затем Мигуэль, с полным пренебрежением к правилам цивилизованной войны, аккуратно пристрелил раненых.

— Мы не должны допустить, чтобы кто-нибудь из них вернулся к Пезите и рассказал ему о случившемся,— объяснил он.

Даже Билли Байрн поморщился при виде этих жестоких, хладнокровных убийств. Он понимал необходимость, вызвавшую их, но он не мог бы заставить себя сделать

то, что мексиканец исполнял с полным хладнокровием и даже с видимым удовольствием.

— А теперь примемся за остальных! — воскликнул Мигуэль, когда удостоверился, что все шестеро были окончательно мертвы.

Билли и Бридж помчались верхом за ним по неровному грунту, обогнули небольшой холм, а затем проехали около двухсот футов параллельно руслу ручья. Тут они увидели впереди себя двух индейцев. Они стояли с карабинами в руках, в видимом смущении из-за неожиданной стрельбы, которую они только что слышали и которую не могли себе объяснить.

При виде трех всадников, индейцы бросились за прикрытие из кустов. Раздался выстрел. Лошадь Байрна споткнулась, высоко поднялась на задних ногах и, перевернувшись, упала замертво.

Билли отлетел в сторону, но быстро вскочил на ноги и выстрелил дважды в скрытых врагов. Мигуэль и Бридж быстро подъехали к индейцам, непрерывно стреляя. Один из индейцев выронил свое ружье, схватился за грудь и с воплем упал навзничь за кустарником. Другой спрыгнул с берега и, спотыкаясь, полетел кувырком до dna пересохшей речки.

Тут он поднялся на ноги и пустился бежать по руслу зигзагами от одного берега к другому, стараясь все время держаться за редким прибрежным кустарником. Билли Байрн шагнул к самому краю откоса и приложил карабин к плечу. Его лицо вспыхнуло, глазаискрились, радостная улыбка осветила его правильные черты.

— Вот это жизнь! — закричал он и спустил курок.

Индеец, бежавший внизу, как вспугнутый заяц, упал лицом вниз, сделал попытку встать, а затем рухнул недвижно наземь.

Мигуэль и Бридж спешились и подбежали к Байрну. На лице мексиканца лежала широкая усмешка.

— Капитан — великий вояка, — восторженно сказал он. — Как оценил бы мой генерал такого человека, как сеньор капитан! Он, без сомнения, сразу сделал бы его полковником. Идемте со мною, сеньор капитан, и ваша карьера сделана!

— Куда? — спросил Билли Байрн.

— В лагерь освободителя несчастной истекающей кровью Мексики, генерала Франциско Виллы.

— Не пройдет! — коротко ответил Билли.— Я уже связался с Пезитой и не хочу ему изменять. Он мне за одни сутки дал столько удовольствия, сколько я не имел с тех пор, как распостился с моим другом, правителем Иоко.

— Но, дражайший капитан,— закричал Мигуэль,— вы не думаете же вернуться обратно к Пезите? Он вас пристрелит своей собственной рукой, когда узнает, что здесь случилось!

— Я не думаю, чтобы он застрелил меня,— сказал Билли.

— Правда, ступайте с Мигуэлем, Билли,— посоветовал Бридж.— Пезита вам этой истории не простит. Из-за вас он потерял сегодня восемь солдат, а у него их не так много, чтобы он мог ими швыряться. Кроме того, вы его явно одурачили, и, как мне думается, вам придется за это ответить.

— Нет,— беззаботно тряхнув головой, сказал Билли.— Мне этот Пезита серьезно нравится. Не верю я всем рассказням про него. Если даже он и хотел с вами разделаться, так ведь он же делал это из принципа: он поклялся очистить от врагов свободы свою страну,— а вы, Бридж, как американец, конечно, враг свободы. Ну, это ему не удалось,— и я не вижу, почему мне его теперь избегать. Удирайте одни, без меня. Счастливого пути, я еду обратно в лагерь.

Он подошел к месту, где были спрятаны обе лошади убитых стрелков, отпустил одну на свободу и вскочил на другую.

— До свиданья, товарищи! — закричал он и, махнув им на прощанье рукой, поскакал обратно по той дороге, по которой они только что приехали.

Мигуэль и Бридж молча следили за ним глазами, а затем тоже сели верхом и помчались в противоположном направлении. В продолжение всего остального дня Бридж не продекламировал ни одного стиха. Сердце его было тревожно: он скучал без Билли и страшился судьбы, которая ожидала его друга в лагере бандита Пезиты.

УДАЧНЫЙ РАПОРТ

Билли Байрн весело ехал обратно в лагерь. Он заранее предвкушал удовольствие от предстоящей встречи с Пезитой и от полудикой жизни, которая ожидала его в стане бандитов.

С самого детства Билли любил приключения. Жизнь человека уличной шайки в угрюмых кварталах Чикаго доставляла не мало пищи для удовлетворения этого вкуса. Затем судьба забросила его на дикий берег острова Иоко. Тут его ждали другие виды приключений. Все, что было лучшего в этом сильном человеке, смогло выявиться в упорной борьбе, которую ему пришлось вести против свирепых островитян и дикой природы.

Уличная жизнь в Чикаго развила в Билли только самые элементарные инстинкты, и теперь он к ней вернуться не мог. Между прежним и теперешним Билли стояло воспоминание о ней и о том восхищении, которое он когда-то прочел в ее милых глазах.

Байрну до сих пор не верилось, что такая прекрасная девушка могла питать нежные чувства к нему — к нему, которого она сама некогда с презрением назвала хулиганом и трусом; но тем не менее светлый момент, когда он понял, что она его любит, навсегда врезался в его память. С этих пор Билли старался жить так, чтобы не оказаться недостойным веры, которую она имела в него.

Недавнее поступление в банду разбойников и грабителей не вызывало в наивной душе Билли никаких сомнений относительно недостойности такого шага. Билли ничего не знал о политических условиях Мексиканской республики. Если бы Пезита заявил ему, что он президент Мексики, то Билли поверил бы и этому.

Поэтому для него Пезита был настоящим революционным вождем, защитником обездоленных. Он думал, что поступил на службу в народную армию, которая воевала против аристократической армии Виллы. Кроме высокой цели освобождения угнетенных, его привлекала перспектива сражений и драк: это было как раз то, что он любил.

Этика Пезиты в деле ведения войны его тоже не смущала. Он слышал когда-то, что некий «гуманный» амери-

канский генерал провозгласил: «Война — ад», и искренно думал поэтому, что на войне все дозволено.

Время близилось к полудню, когда Билли прибыл в лагерь. Пезита с большей частью своих солдат выехал куда-то на север. В лагере оставалось только с полдюжины людей. Все они с явным изумлением взглянули на Билли, когда увидели, что он вернулся один, но не предложили ему никаких вопросов, и Билли не дал им никаких объяснений. Его донесение предназначалось только для Пезиты.

Остаток дня Билли провел в изучении испанского языка, болтая с бандитами и предлагая им бесчисленные вопросы. Перед самым закатом солнца вернулся в лагерь Пезита. В арьергарде его маленького отряда солдаты вели двух лошадей без всадников, а трое разбойников с трудом держались в седлах и одежда их была залита кровью.

По-видимому, Пезита наткнулся на сопротивление. Те, которые остались в лагере, окружили вернувшихся товарищей.

Из сбивчивых вопросов и восклицаний Билли понял, что Пезита поехал куда-то далеко, чтобы потребовать дани с одного богатого фермера. Но оказалось, что фермер был каким-то образом предупрежден о предполагавшемся набеге и вызвал большой отряд регулярных войск Виллы, которые залегли вокруг дома и дали Пезите и его людям подъехать на расстояние выстрела.

— Мы рады, что еще так отделались! — прибавил один офицер.

Билли внутренно усмехнулся при мысли о том, в каком приятном настроении духа должен был теперь находиться Пезита и как он примет известие, что восемь его лучших солдат убиты, а оба его «гостя» ускользнули от его «гостеприимства».

Как раз в ту минуту, как он предавался этим, забавным мыслям, подошел истрепанный ординарец с серебряными шпорами на босых ногах и поклонился ему.

— Генерал Пезита просит сеньора капитана Байрна явиться к нему с рапортом,— сказал он.

— С удовольствием! — ответил Билли и направился через шумный лагерь к главной палатке.

По дороге он сунул руку в карман и нашупал в нем знакомый контур револьвера.

Пезита стремительно шагал взад и вперед перед своей

палаткой. Этот человек был сплошным комком нервов. Ни долгая езда, ни сражение не могли сломить его или привести в уныние. При приближении Билли, Пезита бросил на него быстрый взгляд, желая прочесть на его лице, какие чувства — гнев или подозрение — были вызваны в его новом офицере убийством его американского друга. Что Бридж был убит ранним утром, Пезита не сомневался.

— Ну-с,— сказал он, улыбаясь,— что вы благополучно доставили сеньора Бриджа и Мигуэля до места их назначения?

— Я не мог их сопровождать до самого конца,— ответил Билли,— потому что у меня не оказалось людей для охраны. Но все-таки я прошел с ними опасное место, а дальше ничего случиться не могло.

— Как у вас не было людей? — недоумевающе воскликнул Пезита.— Да ведь вам же было дано шесть солдат!

— Ах, эти?.. Они уже все были убиты... Это целая история: мы благополучно доехали до сухого русла, где дорога спускается в долину. Тут на нас вдруг набросилась куча этих самых — как их там?.. вилластанцев, что ли,— и принялась нас обстреливать.

Зная, что вы меня послали специально для того, чтобы охранять Мигуэля и Бриджа, я им приказал сойти с лошадей и укрыться в кустах, а сам с солдатами встретил эту шайку. Их было немного, но они перебили весь мой конвой.

Да, жаркое было дельце! Как бы там ни было, я спас ваших гостей от опасности, а ведь вы меня за этим и посыпали! Очень жалко, что мы потеряли шесть солдат; но дайте мне только волю, и я с этими вилластанцами расквитаюсь. Только подпустите меня к ним!

Во время своей речи Билли засунул руку в карман. Неизвестно, заметил ли генерал Пезита этот, по-видимому, невинный жест. Целую минуту стоял он, глядя на Байрна в упор. Его лицо не выражало ни скрытой ярости, ни затаенной жажды мести. Вдруг ясная улыбка подняла его густые усы и обнажила крепкие белые зубы.

— Вы прекрасно поступили, капитан Байрн! — сказал он ласково.— Вы мне пришли по сердцу!

И он протянул ему руку.

Полчаса спустя Билли медленно шел обратно к месту своего ночлега. Сказать, что он был поражен поведением

Пезиты, было бы слишком мало для того, чтобы верно определить его умственное состояние.

— Вот это молодчага! — констатировал он восторженно.— Я в нем очень ошибся. Он действительно думает только о борьбе за свободу!

А Пезита, призвав к себе капитана Розалеса, тем временем говорил ему:

— Я бы его тут же пристрелил, капитан, если бы мог сейчас обойтись без этого человека! Но редко можно найти такое мужество и нахальство, как у него. Подумайте только, Розалес, он убил восьмерых моих солдат, дал убежать моим пленникам, а затем преспокойно явился, чтобы наплести мне явную нелепую сказку, когда мог так легко удрать к Вилле. Ведь Вилла за это дело произвел бы его в офицера! Он как-то пронюхал про ваш план и побил нас нашим же оружием. Да, фрукт недурен... Он нам может быть очень полезен, Розалес; но мы, конечно, должны следить за ним в оба. Советую вам еще одно, мой дорогой капитан: особо следите за его правой рукой; когда он засунет ее в карман, в такие минуты будьте сугубо осторожны и не нападайте на него.

Розалес не разделял взгляда своего начальника и не был склонен усматривать в Байрне ценное приобретение. Он думал, что Байрн оказался предателем, а потому являлся постоянной угрозой для их банды. Но хмурый Розалес не любил высказывать всего того, что он думает... Вся эта история бесила его. Мысль, что этот неотесанный увалень его перехитрил, не давала ему покоя. Кроме того, он завидовал той легкости, с которой Байрн завоевывал расположение сурового Пезиты. Но он скрыл свои чувства, уверенный, что настанет момент, когда он сможет отделаться от неприятного соперника.

— А завтра,— продолжал Пезита,— я пошлю его в Куиваку. У Виллы в местном банке лежат значительные капиталы. Этот чужестранец сможет легче всех нас узнать, много ли войск в городе и каковы их намерения. Без этих денег нам просто крышка!

XVI

ЭЛЬ-ОРОБО-РАНЧО

Управляющий крупной мызой Эль-Оробо-ранчо был американец, по имени Грейсон. Это был высокий, кряжистый мужчина, который прошел суровую школу на

пастбищах Техаса и там научился, как там научаются все, держать в струнке туземных ковбоев и не выжимать из них последних соков.

В следствие этого Грейсон был в некоторых отношениях особенно неподходящий для поста управляющего американской мызой в Мексике в это время, полное смутных надежд и растущего недовольства рабочих. Это был человек себе на уме, властный и не терпящий никакого контроля. Отдаленное положение мызы и постоянное отсутствие хозяина, жившего постоянно в Нью-Йорке, приучили его считать себя полным господином имения. Он, правда, работал как вол, но не малая толика всех доходов шла прямо в его карман.

В этот день Грейсон был особенно неприятен и хмур, тем более, что он не мог открыто излить своего гнева: виновником его плохого расположения духа был сам хозяин, приехавший накануне на ферму со своей дочерью. Чего еще ему не хватало в Нью-Йорке? Чего ради полез он в кипящую как котел Мексику, да еще притащил с собой молодую мисс, свою дочь? Теперь начнутся вечные кляузы рабочих, открытое сопротивление его власти — ведь он будет уже вторым лицом на мызе! А тут еще эта проклятая отчетность! Да им и нечего тут делать... Движение против американцев растет с каждым днем. Вначале случались простые оскорблении; теперь перешли уже к вооруженным нападениям и даже убийствам. И конца этому не предвиделось.

Появился этот головорез Пезита и открыто поклялся очистить Мексику от янки. Он убивал каждого американца, который попадался ему в руки. Теперь ему, Грейсону, придется еще думать об их безопасности! Правда, у него была сотня людей — работников и ковбоев, но из них американцев едва ли набралась бы дюжина. Кроме того, они почти все имели полное основание ненавидеть его и без исключения перешли бы, в случае какого-нибудь конфликта, на сторону возмущенных.

К довершению всего Грейсон только что лишился своего бухгалтера, а Грэйсон больше всего на свете не навидел перо и чернила. Бывший бухгалтер, очень милый молодой человек, работал в полном согласии с управляющим и так затушевывал его грешки, что чудо... Но малый был не из храбрых. Преследования американцев в Мексике повлияли на него страшно: за последние три месяца он совсем не мог работать, привел отчетность в полный

беспорядок и только и думал о том, как бы уехать. Вот уже неделя, как он собрал свои пожитки и отправился в телеге к центральной мексиканской железнодорожной линии, по которой иногда еще шли поезда между Чигуагуа и Харецем. Грейсон был без него как без рук...

Занятый этими неприятными мыслями, Грейсон сидел за столом в конторе фермы, тщетно стараясь свести баланс, который все не сходился.

В это время мимо его окна прошла девушка. Рядом с ней шел седой представительный мужчина.

— Какая это глупость с моей стороны, Барбара! — продолжал он какой-то разговор.— Я не понимаю, как я мог это сделать.

— Не вини себя, дорогой,— возразила девушка.— Виновата я одна. Ведь я чуть ли не насильно с тобой приехала и нисколько не жалею об этом. Уверяю тебя, я не могла больше оставаться в Нью-Йорке! Там было так уныло после нашего разорения. Жить у тетки в качестве бедной родственницы мне не хотелось. Я думаю, что мне тут будет отлично. Я буду работать, обязательно буду, папа. Вспомни, как отхлынули тогда от нас все наши друзья и знакомые. Ведь, кроме Билли, никто даже глаз к нам не показал.

— Должен тебе признаться, Барбара, я до сих пор не могу понять, с чего ты вдруг разошлась с Билли Мэллори. Он один из самых интересных молодых людей в Нью-Йорке и как нельзя больше подходит к тому идеалу мужа, которого я желал бы для своей дочери. И он-то уже вполне бескорыстен и предан!

— Я очень старалась его полюбить, папа,— тихо проговорила девушка,— но, право, я не могла, никак не могла!

— Неужели из-за...— Он резко оборвал начатую фразу и продолжал мягко и ласково.— Все равно, дорогая, я не буду любопытен. А теперь иди и постарайся развлечься на ферме. Мне нужно зайти в контору и переговорить с Грейсоном.

Перед одной из конюшен трое парней были заняты оседланием необъезженной кобылы; Барбара уселась на стоявшую в углу повозку, откуда открывался отличный вид на предстоящее зрелище.

В то время, как она сидела, восхищаясь ловкостью и мужеством парней и жалея молодую лошадь, до ее слуха донесся приятный мужской голос:

Где-то там, вдали (сказал себе я это,
И ей-богу это — лишь мечта поэта!),
Пенелопа где-то грезит о свиданьях,
И дрожат у милой на устах лобзанья.

Барbara обернулась и увидела стройного молодого человека верхом на выбившемся из сил мексиканском пони. Обтрепанная куртка и столь же обтрепанные брюки составляли одежду незнакомца. На ногах болтались индейские мокасины, а красивую голову защищала бесформенная фетровая шляпа. С первого взгляда было видно, что он американец, а по костюму можно было бы предположить, что это типичный бродяга, если бы он не ехал верхом на пони. Притом он сидел прямо, с посадкой настоящего кавалерийского офицера.

При виде девушки, он снял свою потрепанную шляпу и низко размахнулся ею до самой шеи лошади.

— Я ищу управляющего, сеньорита,— сказал он.

— Мистер Грэйсон в кабинете, в том маленьком здании налево от главного дома,— ответила девушка, указывая рукой.

Незнакомец обратился к ней по-испански, и, когда услышал ее ответ на чистом английском языке, его глаза раскрылись от изумления. Он простился с ней таким же низким, но более сдержаным поклоном.

Где-то там меня вы ждете,
Из цветов венок плетете,
Поцелуй мне нежный шлете,
Пенелопа, верный друг!

Грэйсон и хозяин фермы в изумлении подняли головы, когда эти слова донеслись к ним через открытое окно.

— Это еще что за птица? — сказал Грэйсон и выглянул в окно.

Он увидел оборванца верхом на взмыленном пони. Оборванец смотрел в окно, и вежливая улыбка осветила его лицо, когда он поймал на себе взгляд управляющего.

— Добрый вечер, джентльмены,— сказал он.

— Добрый вечер,— буркнул Грэйсон.— Ступайте на кухню, там вас накормят. Пони отведете на нижний выгон. Смит покажет вам, где переночевать. Утром получите завтрак. Идите!

Управляющий снова обратил свое внимание на бумагу, которую он обсуждал с хозяином в ту минуту, когда их прервали. Свои распоряжения он отдал с быстротой

пулемета и теперь считал инцидент исчерпанным.

Гостеприимство этой части Мексики не позволяет отпустить незнакомца без еды и ночлега. Грэйсон считал, что он сделал все, что можно было от него ожидать, в особенности, если незваный гость был бродягой и вдобавок еще конокрадом, потому что где же это видано, чтобы у бродяги была собственная лошадь?

Бридж не тронулся с места. Он смотрел на Грэйсона с выражением, в котором более проницательный хозяин мызы усмотрел вежливо скрытую усмешку.

— Возможно,— прошептал владелец своему управляющему,— что у этого человека к вам какое-нибудь дело. Вы его не спросили, а он ведь не просил вас ни об еде, ни о ночлеге.

— Что? — проворчал Грэйсон и затем напустился на Бриджа.— Чего же вы, черт возьми, от меня желаете?

— Работы,— ответил Бридж спокойно,— или, чтобы выразиться точнее, мне нужна работа, потому что я совсем не желаю ее.

Владелец улыбнулся. Грэйсон был удивлен и раздражен.

— Нет у меня для вас работы! — проворчал он.— Нам в настоящее время никого не нужно, разве только такого, который мог бы хорошо ездить верхом.

— Верхом я ездить могу,— ответил Бридж,— это доказывается тем фактом, что вы меня видите верхом на лошади.

— Я сказал «ездить»,— запальчиво повторил Грэйсон.— «Сидеть» на лошади может каждый дурак. Нет, у меня работы нет, и, кроме того, я сейчас очень занят. Постойте! — воскликнул он, как будто ему пришла какая-то мысль. Он испытующе взглянул на Бриджа, а потом печально помотал головой.— Нет, куда уж! Конечно, вы не годитесь для той работы, о которой я думаю. Нужно быть образованным.

— Мыть посуду? — спросил Бридж явно насмешливо.

Грэйсон не обратил внимания на неуместную шутку.

— Книги вести,— объяснил он решительным тоном.— А так как вы, конечно, не можете вести книги, то наш разговор кончен. Проваливайтесь!

— Отчего же... Я мог бы попробовать,— сказал Бридж.— Читать и писать я умею. Дайте мне попробовать.

Бриджу до зарезу нужны были деньги для путешествия в Рио, а, кроме того, он хотел остаться в Мексике, пока Билли не освободится.

— По-испански знаете? — спросил его Грэйсон.

— Я читаю и пишу лучше, чем говорю, — сказал Бридж, — хотя я говорю достаточно хорошо, чтобы объясняться.

Никогда еще Грэйсон не нуждался в чем-нибудь в такой степени, как в бухгалтере. Разум подсказывал ему, что брать обтрепанного бродягу в бухгалтеры — верх идиотства, но, с другой стороны, с таким столкнуться будет не трудно, и Грэйсон ухватился за него, как утопающий за соломинку.

— Отведите вашу лошадь на выгон и возвращайтесь обратно, — приказал он. — Я вас проэкзаменую.

— Благодарю, — ответил Бридж.

— Боюсь, что не подойдет нам этот субъект, — грустно сказал Грэйсон, когда Бридж отъехал от окна.

— А я скорее думаю, что он подойдет, — сказал хозяин. — Он несомненно образованный человек, Грэйсон, это видно и по разговору. Вероятно, он один из несчастных демобилизованных великой армии, не нашедших себе места. Ими теперь запружен весь мир. Возьмите его, Грэйсон, во всяком случае; к нашим небольшим силам прибавится лишний американец, а это кое-что значит.

— Да, конечно. Но я надеюсь, что они нам не понадобятся до вашего отъезда отсюда с мисс Барбарой, — ответил Грэйсон.

— Грэйсон, я еще не говорил вам. В моем положении произошла большая перемена: я совсем разорен. Кроме этой мызы, у меня почти ничего не осталось. Я приехал сюда, чтобы жить тут постоянно. Я думаю заняться скотоводством в широком масштабе. Может быть мне удастся снова составить себе состояние. Вот только дочь меня беспокоит. Не время ей сейчас жить в Мексике. Я надеюсь, что мне удастся уговорить ее уехать отсюда. Сумеете вы выхлопотать для нее пропуск от генерала Виллы?

— О, Вилла-то нам бумажку выдаст! — сказал Грэйсон. — Но она нам поможет только в том случае, если мы встретим на нашем пути солдат самого Виллы. Я особенно опасаюсь шайки Пезиты. Он ненавидит всех американцев, а в особенности не жалует обитателей Эль-Ороборанчо. Несколько месяцев тому назад он совершил набег

на нашу ферму. Мы их отбили и убили шестерых из его банды. Он нам этого не простит. Вилла, к сожалению, совершенно бессилен. Он не сможет дать достаточно сильного отряда, чтобы проводить мисс Барбару до границы, а также не может обеспечить безопасность железнодорожного сообщения. Тут сейчас очень тревожно, сэр, и не время сейчас начинать какое-либо дело. Мне думается, благоразумней всего было бы вам уехать и продать мызу.

— Нет, Грэйсон. Кто купит ее сейчас? Раз я уже здесь, нужно постараться как-нибудь вывернуться. Все это может сойти вполне благополучно, и мы через некоторое время будем сами смеяться над нашими теперешними страхами.

— То, что теперь происходит, не кончится, пока над Чигуагуа не будет развеваться американский флаг,— решительно сказал Грэйсон, исповедывавший самые непримиримые империалистические взгляды.

Спустя несколько минут в контору вернулся Бридж. Он расседлал своего пони и пустил его на пастбище.

— Как ваше имя? — спросил его Грэйсон, приготовляясь занести имя прибывшего в книгу.

— Бридж,— ответил новый бухгалтер.

— Инициалы? — буркнул Грэйсон.

Бридж замялся.

— Запишите меня «Л. Бридж»,— сказал он наконец.

— Откуда вы? — спросил управляющий.

— Эль-Оробо-ранчо,— ответил Бридж.

Грэйсон бросил быстрый взгляд на незнакомца. Ответ подтверждал его подозрения: этот тип, вероятно, конохрад, что, по мнению Грэйсона, было самое худшее, чем мог быть человек.

— Откуда вы достали пони, на котором приехали? — резко спросил он.— Я, конечно, ничего не говорю, но хочу только вам объявить, что конокрадов нам здесь не требуется!

Хозяин, прислушивавшийся к разговору, был приятно поражен грубостью Грэйсона, но Бридж только засмеялся.

— Ах, вы хотите знать, откуда мой пони? Так я вам прямо скажу, что не покупал этой лошади и что человек, которому она принадлежала, мне ее не давал. Я ее попросту взял.

— Вы очень смелы,— проворчал Грэйсон.— Я пола-

гаю, что вам лучше убираться отсюда, покуда не поздно. Нам не нужны конокрады.

— Постойте! — вмешался хозяин.— Этот человек поступает не так, как конокрад. Я думаю, что конокрад вряд ли сознался бы в своем преступлении. Послушаем его прежде, чем судить.

— Хорошо,— сказал Грэйсон,— но ведь он сам только что сознался, что украл лошадь!

Бридж повернулся к хозяину.

— Спасибо,— сказал он,— но лошадь я действительно украл.

Грэйсон сделал рукою торжествующий жест, как бы говоря: «Видите! Что я вам говорил?»

— Вот как было дело,— продолжал Бридж.— Дженртльмен, которому принадлежала лошадь, вместе со своими товарищами стрелял в меня и моих друзей. Когда все кончилось, не осталось никого, кто бы мог сообщить нам, кто после смерти собственников являлся легальным наследником оставшихся лошадей, и таким образом я взял временно одну из них. Закон, без сомнения, сказал бы, что я ее украл; но я охотно готов вернуть ее законному хозяину, если только он найдется.

— У вас была стычка? — спросил заинтересовавшийся Грэйсон.— С кем?

— С бандитами из шайки Пезиты.

— Когда?

— Вчера.

— Видите, они работают по соседству,— взволнованно обратился Грэйсон к хозяину и затем снова повернулся к Бриджу: — Если вы эту клячу взяли у одного из людей Пезиты, то это не называется воровством. Ваша комната вон там, за канторой. Вы найдете там одежду, которую забыл захватить последний бухгалтер. Можете ее взять... По вашему виду можно предполагать, что она вам очень пригодится.

— Благодарю,— ответил Бридж.— Мое платье, правда, слегка запылилось. Нужно будет поговорить об этом с Джемсом.

И он прошел в маленькую комнату, притворив за собою дверь.

— Джемс? — проворчал Грэйсон.— Про кого он, черт возьми, говорил? Ведь тут никого не было, кроме него.

Хозяин весело смеялся.

— Какой оригинал! — сказал он.— За это одно следовало бы его взять. Мне хотелось бы, чтобы вы его оценили, в чем, впрочем, я сомневаюсь, Грэйсон.

— Я его оценю, сэр, если он сумеет вести книги,— ответил положительный Грэйсон.— Больше я от него ничего не требую.

Когда Бридж вышел из комнаты, на нем были белые фланелевые брюки, спортивная рубашка и парусиновые башмаки. Это до того его изменило, что ни Грэйсон, ни хозяин не смогли бы его узнать, если бы он не вышел на их глазах из маленькой комнаты за contadorой.

— Чувствуете себя лучше? — спросил, улыбаясь, хозяин.

— Одежда не имеет для меня никакого значения,— ответил надменно Бридж.— Я ношу ее только из-за погоды и полиции. То, что я ношу на теле, нисколько не влияет на то, что у меня в голове. Не могу сказать, чтобы я чувствовал себя сейчас лучше. Эта одежда не так удобна, как моя старая. Но все-таки, если мистер Грэйсон потребует, чтобы я во время моей службы у него носил кимоно, я с радостью в такой кимоно облекусь. Что мне теперь делать, сэр?

Этот вопрос был обращен к Грэйсону.

— Садитесь сюда и постарайтесь разобраться в этой путанице,— ответил управляющий, указывая Бриджу на кипу бумаг.— Вечером я с вами еще переговорю.

Грэйсон с хозяином вышли из contadorы и отправились к конюшням. Лицо хозяина выражало напряжение мысли, как у человека, желавшего что-то вспомнить.

— Странно, Грэйсон,— сказал он наконец.— Я уверен, что когда-то встречал этого молодого человека. В ту минуту, когда он вышел из комнаты одетый по-человечески, я сразу почувствовал, что я его видел раньше, но никак не могу вспомнить, кто он. Готов держать пари на что угодно, что его имя не Бридж.

— Думаю, что вы правы,— согласился Грэйсон.— Вероятно, он был банковским служащим, проворовался и приехал сюда, чтобы скрыться. Лучшего места, чтобы прятаться, и не найти.

— Кстати о банках,— продолжал он.— Кого нам послать завтра в Куиваку за деньгами? Послезавтра у нас платежи. Этого новичка мне бы посыпать не хотелось, мексиканцам я не доверяю, а из американцев я тоже никого не могу послать: они мне все нужны здесь.

— Пошлите новичка с двумя самыми надежными мексиканцами,— посоветовал хозяин.

— Это, пожалуй, единственное, что мне остается сделать,— ответил Грэйсон.— Я пошлю его с Тони и Бенито; они так ненавидят друг друга, что не сговорятся, и, кроме того, они оба ненавидят американцев. Миленькое у них будет путешествие!

— Но вернутся ли они с деньгами? — спросил хозяин.

— Вернутся, если Пезита не заберет их,— ответил Грэйсон.

XVII

ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА

Капитан Билли Байрн въехал в Куиваку с южной стороны. Ему пришлось для этого сделать большой крюк, но, при данных обстоятельствах, он счел это разумнее. В его кармане лежал пропуск от одного из генералов Виллы — пропуск, снятый с тела одной из недавних жертв Билли. Этим пропуском он мог оправдать свое присутствие в Куиваке.

Билли нашел, что гарнизон в городе небольшой и плохо дисциплинирован. На улицах бродили солдаты, но правильно организованная охрана имелась только перед банком. Никто не останавливал Билли. Ему даже не пришлось предъявить своего пропуска.

— Оборудовать дело будет не так трудно,— подумал он.

Прежде всего Билли позаботился о своей лошади и отвел ее в общественные конюшни, а затем пошел к банку, куда вошел, тоже никем не опрошенный. Внутри он разменял крупный денежный знак, данный ему Пезитой, для того, чтобы иметь предлог осмотреть внутри расположение банка.

Билли умышленно долго считал полученные им мелкие деньги, внимательно осматривая все вокруг и запоминая подробности, которые могли ему пригодиться. Сосчитав деньги, Билли, не спеша, скрутил себе папиросу.

Он увидел, что банк был разделен на два отделения перегородкой из дерева и проволоки. По одну сторону находились клиенты, по другую — служащие и казначей. Казначей сидел за небольшим окошечком, через которое

он принимал вклады и чеки. Позади него, у стены, стоял большой несгораемый шкаф американской конструкции. Билли имел когда-то дело с подобными шкафами.

В задней стене был проход, который вел во двор и закрывался массивной железной дверью со многими запорами. Окон в задней стене не было. С этой стороны банк казался неприступным.

Все устройство было до того примитивно, что Билли только диву давался, что ограбления банков не совершаются здесь каждую неделю. Вероятно, это объяснялось все же присутствием вооруженной стражи со стороны улицы и крепкими запорами двери, выходившей на двор.

Удовлетворенный тем, что он узнал, Билли вышел на тротуар и прошел в пивную, находящуюся напротив. Несколько солдат и горожан сидели за маленькими столиками и пили пиво. Некоторые играли в карты, а через открытую заднюю дверь Билли увидел небольшую компанию, с азартом наблюдавшую за петушиным боем.

Ни одно из этих развлечений не заинтересовало Билли. Он зашел в пивную просто для того, чтобы иметь возможность, не возбуждая подозрений, хорошенько осмотреть фасад банка, находившегося прямо против него. Он спросил бутылку пива и уселся у переднего окна.

Здание банка было двухэтажное; вход во второй этаж приходился в левом конце первого этажа и выходил прямо на тротуар, по которому расхаживал часовой.

Билли заинтересовался, что было на втором этаже. Грязные занавески у окон пробудили в нем надежду и неожиданно натолкнули его на смелый план. Над подъездом на втором этаже висела какая-то вывеска, но его познания языка были недостаточны, чтобы понять ее, хотя он и подозревал ее значение. Чтобы удостовериться в правильности своей догадки, он вернулся к прилавку и заказал себе еще бутылку пива. Распивая ее, он разговорился с хозяином на ломаном испанском языке. От него он узнал, хотя не без значительных трудностей, что на втором этаже банковского дома он может нанять меблированную комнату на ночь.

Очень довольный своей разведкой, Билли вышел из пивной и пошел вдоль по улице, пока не дошел до универсального городского магазина. Здесь, невероятно коверкая испанский язык, он все-таки сделал несколько необходимых покупок — два больших мешка, бурав и

небольшую пилу. Положив инструменты в мешок и завернув его в другой, он отправился обратно к зданию банка. На втором этаже он переговорил с владельцем меблированных комнат и нанял комнату в задней стороне здания, выходящую на двор. Расположение комнаты как нельзя лучше подходило для намерения капитана Байрна, и Билли с чувством глубокого удовлетворения спустился на улицу, чтобы отправиться в ресторан.

Он был послан Пезитой просто, чтобы нащупать почву и разузнать о военных силах города, чтобы Пезита мог позднее со всем своим отрядом совершить набег и ограбить банк. Но Билли Байрн, основываясь на опыте многих лет, разработал более простой план овладеть капиталами банка.

Пообедав, Билли пошел домой. Было уже темно; банк был заперт и не освещен; видно было, что в нем никого не было. Только часовой ходил взад и вперед по тротуару.

Пройдя в свою комнату, Билли вытащил инструменты, спрятанные под матрацем, и принялся за работу. Около часа он осторожно буравил отверстия в полу, в ногах кровати, пока они не образовали круга примерно в два фута в диаметре. Затем он взялся за пилу и терпеливо перепилил дерево между смежными отверстиями. Когда круг был закончен, он аккуратно приподнял часть пола. Получилось отверстие достаточно большое для того, чтобы могло пройти его тело.

Пока Билли был занят этой работой, трое всадников въехали в Куиваку. Это были Тони, Бенито и новый бухгалтер из Эль-Оробо-ранчо. Мексиканцы, пообедав, немедленно предались картежной игре, а Бридж отправился искать комнату в меблированном доме, куда его направили его спутники.

В виду того, что в городке имелась всего одна гостиница, не мудрено, что он попал в тот же дом, что и Билли. Комната Бриджа тоже оказалась в задней части и выходила на тот же двор. Но Бридж не интересовался своими соседями. Уже много лет не ездил он верхом так много, как в последние два дня, и его мышцы настоятельно требовали покоя.

В следствие этого, Бридж заснул почти немедленно, как только голова его коснулась подушки, и сон его был так глубок, что, казалось, его могло разбудить только землетрясение.

В то время как Бридж улегся спать, Билли Байрн

вышел из своего номера и спустился на улицу. Часовой не обратил на него никакого внимания, и Билли беспрепятственно дошел до конюшен, где стояла его лошадь. Когда он седлал ее, к нему, к великому его неудовольствию, подошел владелец конюшни.

На ломаном английском языке он выразил свое удивление тому, что кабальеро собирается выезжать в такое позднее время. Билли показалось, что в манере и тоне мексиканца скрывалось не только простое любопытство, но и подозрение к незнакомому американцу.

Нельзя было оставлять мексиканца в таком состоянии ума, а потому Билли, близко склонившись к нему, с двусмысленной улыбкой прошептал ему на ухо «сеньорита», указав пальцем на юг.

— Я вернусь утром,— прибавил он.

Мексиканец сразу переменился. Он засмеялся, закивал головой и игриво ткнул Билли в бок. Он смотрел, пока Билли сел на лошадь и выехал из конюшни к югу; в этом же направлении находился и банк.

Доехав до заднего фасада банка, Билли слез с лошади и оставил ее на дворе с опущенными поводьями. Вынув из-под седла лассо и засунув его под рубашку, Билли вышел на улицу, развязно прошел мимо часовного и поднялся в свой номер.

Тут он немного передвинул кровать, так что закрылось отверстие в полу, сбросил вниз оба мешка и, привязав к одному концу аркана инструменты, тоже опустил их вниз.

Тогда он сделал петлю в середине аркана, накинул ее на спинку кровати и, крепко ухватившись за веревку, спустился сам вниз через отверстие. Все это было совершено без малейшего шума: у Билли Байрна в его прошлой жизни было на этот счет много опыта.

Достигнув пола, он стал тянуть за один край аркана, пока петля не слетела со спинки кровати и не упала к его ногам. Тщательно свернув лассо в круг, он повесил его себе на шею.

Билли как профессионал работал осторожно и методически. Он обдумал каждую деталь и педантично выполнил сперва всю подготовительную работу.

Так, он крепко связал оба мешка верхушками вместе, оставив достаточное отверстие, чтобы можно было наполнить каждый из них без промедления. Затем он обратил внимание на заднюю дверь. Прежде чем приняться за

работу, он отодвинул болты и засовы, чтобы в случае необходимости обеспечить себе отступление. Он оставил однако задвинутым один засов, чтобы не быть застигнутым врасплох со двора, но удостоверился сперва, что этот засов можно было легко отодвинуть в любой момент.

Когда все это было выполнено, Билли принялся за несгораемый шкаф. При его примитивных инструментах, работа была нелегкой и подвигалась очень медленно.

С улицы до Билли доносились мерные шаги часового, шагавшего взад и вперед в пятидесяти шагах от него и не подозревавшего, что почти на его глазах совершается дерзкое ограбление банка, который он охранял. Немного погодя пришел разводящий с другим солдатом, сменившим часового. После этого Билли уже не слышал шагов: новый караульный оказался босой.

Было уже далеко за полночь, когда усилия Байрна увенчались успехом: ему удалось пробуравить шкаф и открыть замок при помощи загнутой проволоки.

Переложить содержимое несгораемого шкафа в оба мешка было уже делом нескольких минут. Когда Билли встал и перебросил тяжелую ношу через плечо, он услышал снаружи тревожный окрик и какие-то переговоры. Вслед за тем до него ясно донесся топот ног, подымающихся по лестнице в меблированные комнаты, но в эту минуту он уже быстро отодвинул засов у задней двери и вышел на двор.

XVIII

«РУКИ ВВЕРХ!»

С Бриджем, спавшим таким глубоким сном, что даже выстрел из пушки не мог бы его разбудить, случилась необъяснимая вещь, которую каждый из нас испытал сотни раз в своей жизни. Он внезапно проснулся, как бы от толчка или от выстрела, хотя ни один звук не достиг его ушей.

Что-то заставило его присесть на постели, и, усевшись, он прямо взглянул в окно, находящееся рядом с ним. При лунном свете он увидел на дворе человека, перебрасывавшего мешок через седло лошади. Затем он увидел, как человек сел на лошадь, повернул ее кругом и выехал со двора в северном направлении.

Бриджу не показалось ничего необычного в этом

поступке. В движениях человека внизу не было никакой спешности. Ничто не указывало на то, что он действует украдкой. Бридж снова улегся и постарался опять заснуть.

В это время по лестнице взбирались нетвердыми шагами Бенито и Тони. Тони держал в руках ключ от их комнаты. Вторая комната направо от передней! Тони помнил это очень ясно. Вечером, перед тем, как пойти прогуляться, он твердо запечатлел это в своей памяти, основательно опасаясь какой-нибудь случайности...

Тони принял вертеть ручку двери, стараясь попасть ключом в замочную скважину.

— Стой! — пробормотал Бенито.— Это совсем не наша комната! Наша была вторая дверь от лестницы, а эта третья.

Тони повернулся и послушно побрел обратно. Он размышлял: «Если это третья дверь, то следующая за мной должна быть вторая». Тони не принял одного в соображение, что он повернул и теперь шел в обратном направлении.

Его сильно качнуло к противоположной стороне — не потому, что он этого желал, а потому, что ноги его не держали. При этом он сразмаху налетел на какую-то дверь и радостно воскликнул:

— Вот она и есть, как раз направо... Бенито, вот наша комната!

Бенито посомневался, но Тони крепко стоял на своем. Разве он не знает, что это вторая дверь? И разве он ребенок, что не может отличить левую руку от правой? Тони уверенно сунул ключ в замок,— этим ключом открывались все двери по коридору второго этажа,— и, — о, радость! — дверь отворилась.

— Видишь, Бенито,— закричал Тони,— я ж тебе говорил, что это наша комната!

В комнате было темно. Голова Тони вдруг стала так тяжела, что ее с неудержимой силой повлекло к полу. Желая удержать равновесие, он быстро выкинул ноги вперед, так что сразу очутился у подножия кровати. В эту минуту Бенито, который шел за ним, шатаясь из стороны в сторону, увидел, к своему крайнему удивлению, при бледном свете луны, таинственное исчезновение своего бывшего врага и сегодняшнего друга. Затем откуда-то снизу послышался дикий вопль и грохот падения.

Часовой, стоявший на карауле перед банком, услышал

и то и другое. Он на мгновение остановился, как вкопанный, а затем, кликнув стражу, бросился к передним дверям банка. Двери были закрыты, и он мог только заглянуть внутрь через окно. Разглядев в помещении банка какую-то темную фигуру, он, как истый мексиканец, немедленно поднял свое ружье и выстрелил сквозь стекло.

Тони, упавший через отверстие, пропиленное Байрном, услышал свист пули около своей головы. С диким воплем спрятался он за несгораемый шкаф и затаил дыхание.

Тем временем Бенито заглядывал из верхнего этажа через пропиленную дыру в глубокий мрак нижнего помещения. В переднюю выскоцил босой хозяин меблированных комнат, разбуженный криками и выстрелами. За ним бежал Бридж, застегивая на ходу пояс с револьвером.

К ним присоединился Бенито; они втроем выскочили на улицу, где стража ломилась в двери банка. Бенито подбежал к капралу и, неистово жестикулируя, старался объяснить ему заплетающимся языком изумительный случай, благодаря которому Тони оказался внутри банка.

Капрал выслушал его, но не поверил ни слову и, когда двери были выломаны, он приказал Тони выйти из помещения с поднятыми вверх руками. Затем последовало расследование, обнаружившее ограбление сейфа и наличие большого отверстия в потолке, через которое упал Тони.

В то время, когда капрал и хозяин гостиницы исследовали комнату Билли, явился перепуганный директор банка. Бридж последовал за ними.

— Это сделал американец,— закричал взволнованный хозяин.— Это его комната. Он испортил пол, и я должен буду заплатить за ремонт!

Затем явился заспанный капитан, еще не знавший, в чем дело. Когда он услышал, что банковские деньги, которые он призван был охранять, украдены во время его сна, он начал рвать на себе волосы и грозить часовому расстрелом.

Через несколько минут перед зданием банка собралось уже все мужское население Куиваки и множество женщин.

— Тысяча долларов,— закричал директор банка,— тому, кто задержит грабителя!

Конный отряд солдат проезжал мимо банка в ту

минуту, когда директор выкрикнул свое предложение.

— Какой дорогой поехал он? — спросил капитан.— Неужели никто не видел, как он уезжал?

Бридж собирался было заявить, что он видел вора и что он поехал к северу, когда ему вдруг пришло в голову, что тысяча долларов — даже мексиканских — крупная сумма для боязяка и что на них он сможет не только с комфортом проехаться с Билли в Рио-де-Жанейро, но и позволить себе некоторые прихоти.

В эту минуту сквозь толпу протиснулся высокий худощавый мужчина с оливковым цветом лица.

— Я видел его, сеньор капитан! — закричал он.— Он оставил свою лошадь в моей конюшне, а ночью пришел за ней, будто бы для того, чтобы навестить сеньориту. Одурячил он меня, негодяй, но я вам скажу: он поехал на юг! Я собственными глазами видел это!

— Тогда мы его к утру поймаем,— облегченно вздохнул офицер.— К югу есть только одно место, куда может поехать грабитель, а так как он уехал не так давно, то мы его настигнем прежде, чем он успеет укрыться. Вперед! Марш! — И отряд двинулся по узкой, запруженной народом, улице. Затем, когда они проехали магазины, он скомандовал: — Галопом! Марш!

Бридж почти бегом пустился в конюшню, где стоял его пони.

«Мне это все-таки очень неприятно», думал он: «Даже если он и грабитель, все-таки он американец. Но деньги мне нужны до зарезу, да, по всей вероятности, его особенно жалеть нечего. Это, наверно, такой негодяй, который давно должен был бы болтаться на виселице!».

Тем временем капитан Билли Байрн спокойно ехал по шоссе к северу, совершенно уверенный, что погоня начнется не раньше, как после обычного часа открытия банка, то есть когда он уже будет на полпути к лагерю Пезита.

— Пезита маленько удивится, когда я ему покажу, что я добыл,— размышлял Билли.— Черт! — воскликнул он неожиданно вслух.— С какой радости потащу я эти мешки желтолицему старому хрычу? Кто всю эту штуку устроил? Я! Билли Байрн никогда не был таким олухом, чтобы делиться с молодчиком, который палец о палец не ударил. Делить? Как же! Черта с два! Этот дьявол все себе загребет.

Нет! Шалишь! Ничего он не получит! Удеру через

границу в Рио, и, там мы с Бриджем заживем на славу. Деньги мы где-нибудь спрячем... Тут ведь верно должно быть около миллиона!

Внезапно лицо его нахмурилось.

— Да, но эти деньги нужны для дела... Что, я просто ограбил сейф или хотел помочь несчастному народу истекающей кровью Мексики? Если я взял их для дела, то в том, что я сделал, нет ничего преступного. А если я их возьму для себя, так значит я последний вор и мерзавец! Как я об этом подумаю, так ее лицо и встает передо мною... Ах, Барбара, Барбара! Что ты со мною делаешь?

Билли снял шапку и грустно почесал затылок.

«Странно», подумал он, «как эта девушка могла изменить такого скверного парня, как я? Хотел бы я знать, что сказали бы про меня мои прежние товарищи из шайки Келли, если бы они увидели, что творится теперь у меня в башке. Наверняка назвали бы меня нюней и бабой. А это не так, ей-богу не так! Только сейчас мне нипочем моя жизнь. Уж если мне счастья нету, так хоть поработать за счастье других. Миллион! Шутка ли? Сколько оружия и снарядов одних можно будет раздать среди притесняемых! Всех рабочих на фермах можно будет поднять; они и так все готовы восстать на хозяев...».

Быстрота не располагает к мечтанию, а потому Билли бессознательно опустил повода. Да и не было никакой надобности особенно торопиться. Никто не мог еще знать, что банк ограблен; так, по крайней мере, думал Билли.

Он наверное принял бы совершенно иной аллюр, если бы заметил всадника, мчавшегося по его следу. Билли был на две мили впереди него, но тот быстрым галопом уменьшил расстояние и уже видел вдали свою добычу.

Билли Байрн был так поглощен размышлениями о страшных последствиях чрезмерной честности, что не обратил внимания на глухой топот копыт по мягкой пыли сухой дороги позади себя, пока настигавший его всадник не оказался от него в двухстах футах.

Последние полмили Бридж уже ясно различал перед собою темную фигуру, и в его уме вставала соблазнительная картина тысячи долларов, наводившая его на всякие радужные мысли.

Когда Бридж подъехал ближе, он попридержал поводья и пустил лошадь рысью, чтобы ослабить звук топота. Он вытащил из кобуры револьвер и собирался пришпорить коня, чтобы неожиданно напасть на грабителя,

когда передний всадник, услышав наконец за собою топот, повернулся в седле и увидел его.

Никто из них в потемках не узнал друг друга. Услышав команду Бриджа: «Руки вверх!», Билли с быстротой молнии выхватил револьвер из кобуры и выстрелил. Пуля сбила шапку с головы Бриджа, но не причинила ему вреда.

Билли поставил свою лошадь почти поперек дороги. Она ясно вырисовывалась черным силуэтом на серой ленте шоссе. Бридж спустил курок.

При звуке выстрела, лошадь грабителя отскочила и, встав на дыбы, тяжело рухнула навзничь. Билли, видя, что лошадь ранена, попытался выскочить из седла, но зацепился своим поясом, набитым патронами, за высокую луку мексиканского седла.

Пояс наконец высвободился, но уже в тот момент, когда лошадь падала на землю. Билли удалось откинуться немного в сторону. Однако, одна нога его оказалась придавленной телом животного, а при падении револьвер выпал из рук Билли и откатился так, что он не мог его достать. Ружье было привязано к седлу, и лошадь как раз лежала на нем.

Бридж карьером подъехал к грабителю, держа его под дулом своего револьвера.

— Ни с места! — скомандовал он, — или я буду стрелять в вас.

— Вот так история! — воскликнул грабитель.

При первом звуке знакомого голоса, Бридж спрыгнул с коня.

— Билли! — закричал он. — Билли! Неужели это вы ограбили банк?

Говоря это, Бридж бросился освобождать ногу Билли из-под тела убитого пони.

— Ничего не поломано? — заботливо спросил он.

— Что-то незаметно, — ответил Билли и через минуту был уже на ногах. — Знаете, дружище, — прибавил он, — очень удачно, что вы пристрелили эту лошаденку, потому что я уверен, что я не промахнулся бы при втором выстреле. Ух! Меня даже в жар бросило при этой мысли! Теперь насчет ограбления банка. Вы не можете сказать, что я банк «ограбил». Деньги принадлежали неприятелю — я просто их реквизировал; реквизировал на то дело, о котором вы мне часто говорили. Это война, а не грабеж. Они все пойдут на освобождение угнетенных. Я их беру

не для себя, а для Пезиты, защитника несчастной, истекающей кровью Мексики!

И Билли гордо усмехнулся.

— Вы взяли эти деньги для Пезиты? — переспросил Бридж.

— Ясное дело! — ответил Билли.— Я ни гроша для себя не возьму. Даю вам слово, я ничего для себя бы не взял. Я ведь живу теперь честно.

— Я это знаю, Билли,— ответил Бридж.— Но, если вас поймают, вам будет трудно уверить власти в ваших высоких намерениях и в вашем бескорыстии.

— Власти? — презрительно фыркнул Билли.— В Мексике теперь нет властей. Все тут сплошь бандиты — один не чище другого. Вилла хочет стать президентом; мне это очень хорошо объяснил Пезита. Карранца старается вырвать власть у него, как голодный пес вырывает кость у другого. Вот Пезита — он не таков! Он обращается к трудовым, обездоленным массам. Он — друг народа.

— Как бы вам в нем не разочароваться, товарищ...— начал Бридж, но не кончил.

Билли вдруг весь насторожился, пристально глядываясь назад, по направлению к Куиваке.

— Это они, Билли! — сказал Бридж.— Возьмите мою лошадь — живее! Вы должны как можно скорее бежать. Весь гарнизон послан за вами. Я думал, что они поехали к югу. Вероятно, некоторые из них все-таки повернули сюда.

— Что же вы будете делать, если я возьму вашу лошадь?

— Я пойду обратно пешком,— сказал Бридж,— город недалеко. Я скажу им, что я проехал небольшое расстояние, когда лошадь меня сбросила и убежала. Они поверят, потому что воображают, что я никуда негодный наездник: я говорю про тех двух мексиканцев, которые меня сопровождали в город.

Билли колебался.

— Мне не хочется так делать, Бридж,— сказал он.

— Вы должны, Билли. Если они найдут нас здесь, ваше дело погибло, и мы оба умрем, потому что я ведь буду держаться вас, Билли, а не можем же мы на открытом месте сражаться с целым отрядом кавалерии! Если же вы возьмете мою лошадь, мы позднее встретимся в Рио. Прощайте, Билли, я иду в город.

Бридж решительно повернулся и зашагал пешком по дороге.

Билли молча следил за ним некоторое время. Рассуждения Бриджа казались так логичны, что он был принужден принять этот план. Минуту спустя, он перенес мешки с деньгами на лошадь Бриджа, вскочил в седло и последний раз взглянул на неясную фигуру человека, уходящего по направлению к Куиваке.

— Настоящий товарищ,— пробормотал он, повернулся коня на север, пришпорил его и скоро исчез в темноте ночи.

XIX

НОВЫЙ БУХГАЛТЕР

Это было неделю спустя; однако, Грэйсон все не мог успокоиться относительно потери пони Бразоса. Грэйсон, хозяин и дочь хозяина сидели на веранде главного дома, когда управляющий снова вернулся к этой теме.

— Я знал, что нельзя было нанимать человека, который не умеет ездить верхом,— сказал он.— Ведь этот самый пони Бразос никогда никого не сбрасывал, а если бы сбросил, то он готов был стоять целый год, дожидаясь, пока его поймают. Прямо не представляю себе, каким образом этот разгильдяй бухгалтер мог потерять этого самого Бразоса. Он, вероятно, палкой прогнал его от себя. И седло и вожжи — все пропало!

— Уж если кто должен ворчать, так это я,— заговорила с улыбкой девушка.— Бразос ведь был моим пони. Вы выбрали его для меня. Но я думаю, что бедный мистер Бридж себя очень плохо чувствует из-за этой истории, и уверена, что он не был в этом виноват. Мы не должны быть к нему слишком суровы. С таким же правом мы могли бы считать его ответственным за ограбление банка и за потерю нами денег, приготовленных для платежей!

— Я ему эту лошадь дал,— упрямо продолжал Грэйсон,— как раз потому, что я знал, что он вахлак и ездить не умеет. Это была самая надежная лошадь во всей мызе. Уже лучше бы я дал ему вместо нее Анну: мне нисколько не было бы жаль, если бы он ее потерял. Все равно, никто на ней ездить не хочет.

— Что меня больше всего удивляет,— заметил хозяин,— это что Бразос не вернулся сам обратно. Ведь он

родился тут на мызе и никогда не жил в другом месте.

— Он никогда не был дальше ста миль отсюда,— подтвердил Грэйсон.— Если бы он не был убит или украден, он вернулся бы сюда раньше этого разини бухгалтера. Все это в высшей степени странно!

— А каков мистер Бридж в качестве счетовода? — спросила девушка.

— Тоже неважен,— ответил нехотя Грэйсон, у которого уже было два-три столкновения с Бриджем, когда он вздумал посвятить его в некоторые тайны своего ведения хозяйства.— Ни к чему этот человек не способен! Он верно один из тех несчастных неудачников, которые всех ремесл перепробуют — и всюду будут никудышными. А вот на рабочих он прямо вредно влияет. Баламутит их своими разговорами. Прямо-то я ничего пока не заметил, но нюх у меня на эту птицу хороший. Чуть что — вылетит он отсюда в два счета!

Девушка, улыбаясь, встала и спустилась с веранды.

— Как бы то ни было, мистер Бридж мне нравится,— крикнула она через плечо.— Во всяком случае, это интересный и содержательный человек.

Грэйсон угрюмо усмехнулся. Такая характеристика особы бухгалтера не способствовала возвышению мистера Бриджа во мнении управляющего...

Бридж сидел под навесом перед зданием конторы и читал истрапанный номер найденного им журнала. Его дневная работа была окончена, и он ожидал гонга, призывающего к ужину всех служащих мызы.

Журнал был старый и неинтересный. Бридж уронил его на колени, и закрыв глаза, предался своему любимому развлечению.

...И тогда поэт мой стройный
Вскинет взор свой с думой неспокойной:
— Всё вперед, вперед! На юг ли знайный,
На восток, на запад — всё равно!
Лишь уйти, уйти с своей тоскою
В те места, где нет меня с тобою!
Там — простор и свет... А здесь — доскою
Наглоухо забитое окно!..

Бридж потянулся.

— Там? — повторил он.— Уже много лет ишу я это «там», но почему-то никак не могу выбраться «отсюда». Где бы я ни провел двух недель, мне уже это место становится скучным, и я опять начинаю стремиться «туда».

Его размышления были прерваны мелодическим жен-

ским голосом. Бридж не сразу открыл глаза. Он сидел и слушал.

Голос пел:

Я шел в тишине по лесам,
По сонным дремучим лесам,
И видел я юношу там:
Он с солнцем беседовал, словно в бреду средь видений.
Должно-быть с ума он сошел!
Я тихо кругом обошел...
Но с прежнею страстью беседу он странную вел —
И не заметил моих наблюдений.

Затем девушка весело рассмеялась. Бридж открыл глаза и вскочил.

— Я не знал, что вы любите такие стихи,— сказал он.— Ниббс пишет для мужчин. Я никогда не думал бы, что эти стихи могут понравиться молодой девушке.

— И все-таки они нравятся,— ответила она,— по крайней мере, мне. В них чувствуется размах и любовь к свободе, которая хватает за душу.

Она снова засмеялась, а когда она смеялась, то и более суровые люди, чем мистер Бридж, чувствовали в груди некоторое волнение.

За последнюю неделю Барбара часто видалась с новым бухгалтером. Этот беспечный бродяга, не стыдившийся своих лохмотьев и любивший более всего на свете стихи, очень ее занимал.

Она часто заходила на маленькую веранду конторы и отвлекала его от работы. Иногда она уводила его к себе домой. Он оказался интересным собеседником. Его окружала какая-то тайна, которая привлекала романтичную натуру девушки.

Кто он? По воспитанию это был очевидный интеллигент, и она часто задумывалась над тем, какое трагическое сплетение обстоятельств или сознательный выбор нового пути заставили его пойти такой необычной дорогой. Кроме того, у нее было то же чувство, что у ее отца: ей казалось, что где-то в прошлом она его знала, но никак не могла вспомнить, где и когда она его видела.

— Я невольно слышала ваши рассуждения относительно «там» и «туда», но не хотела прервать вашего монолога,— сказала девушка.

Ее глаза плутовски заблестели, и на щеках появились очаровательные ямочки.

— Почему же,— спросил, улыбаясь, Бридж,— вы не могли превратить монолог в разговор?

— Но, собственно, это уже был разговор! Я ясно слышала, как бродяга спорил с бухгалтером... Серьезно, мистер Бридж, вы — жертва вашей страсти к приключениям, не отрицайте этого. Вы ненавидите бухгалтерию и подобные ей прозаические занятия, которые требуют постоянного жительства на одном месте.

— Вы несправедливы,— заспорил Бридж.— Разве я не прожил здесь уже целую неделю?

Оба рассмеялись.

— Что на самом деле заставило вас сидеть здесь так долго? — спросила Барбара насмешливо.— Вам верно уже кажется, что вы прожили здесь целую жизнь?

— Я — настоящий первобытный человек,— объявил Бридж.

Но в сердце его был совсем другой ответ. Он с радостью сказал бы ей, что у него была причина, побуждавшая его оставаться в Эль-Оробо-ранчо. Но Бридж слишком хорошо владел собою, чтобы дать волю своему сердцу.

На первых порах девушка ему просто нравилась, и он был невыразимо рад ее обществу. Их связывало много общего — любовь к хорошим стихам и вообще к хорошей литературе, ко всему тому, о чем Бриджу уже давнодавно не приходилось ни с кем поговорить.

Но понемногу он начал находить удовольствие в том, чтобы просто сидеть и смотреть на нее. Он был достаточно опытен, чтобы усмотреть в этом крайне опасный симптом. С этого времени он особенно тщательно стал следить за своими словами и сделался особенно осторожен в своем обращении с девушкой.

Глядя на ее оживленное лицо, он с удовольствием мечтал о том, что могло бы быть, но ни на минуту не допускал мысли о возможности осуществления своих мечтаний. Он был слишком практичен для этого, несмотря на всю кажущуюся неуравновешенность своей натуры.

В то время как они весело болтали, мимо них прошел Грэйсон. Лицо его омрачилось, когда он увидел девушку и бухгалтера.

— Разве вам нечего делать? — грубо спросил он Бриджа.

— Как же, есть! — спокойно ответил Бридж.

— Так чего же вы лодырничаете? — накинулся на него Грэйсон.

— Я работаю,— сказал Бридж.

— Мистер Бридж меня развлекает,— вмешалась девочка прежде, чем Грэйсон успел возразить.— Это моя вина: я его отвлекла от работы. Вы не сердитесь, мистер Грэйсон?

Грэйсон проворчал себе под нос что-то невнятное и пошел своей дорогой.

— Мистер Грэйсон, кажется, от меня не в восторге,— засмеялся Бридж.

— Нет,— ответила девочка чистосердечно,— я думаю, это потому, что вы не умеете ездить верхом.

— Как не умею ездить верхом? — воскликнул Бридж возмущенно.— Разве я не ездил с первого дня, как приехал сюда?

— Видите, мистер Грэйсон в настоящее время очень расстроен тем, что вы потеряли Бразоса,— объяснила Барбара.— Он говорит, что Бразос никогда никого не сбрасывал во всю свою жизнь и что, если даже вы свалились бы с него, он встал бы около вас и ждал бы, пока вы опять на него сядете. Это был самый смиренный пони на мызе: его специально предназначали для меня. Но скажите на милость, каким образом вы умудрились его потерять, мистер Бридж?

Девочка при этих словах посмотрела молодому человеку прямо в глаза. Бридж молчал. Слабая краска залила его лицо. Он только теперь узнал, что это была ее лошадь. Он не мог сказать ей правды и не хотел ей лгать, поэтому он молчал.

Барбара увидела, как он вспыхнул, и заметила его молчание. Первый раз в ней шевельнулось подозрение. Она не хотела верить, чтобы этот тихий и скромный молодой человек мог быть виновен в каком-нибудь преступлении; но чем объяснить его очевидное смущение? Девочка была страшно заинтригована. Минуту или две они сидели молча, затем Барбара встала.

— Я должна вернуться домой,— объяснила она.— Папа будет беспокоиться, что я пропала.

— Да,— сказал Бридж и попрощался с ней.

Он с радостью сказал бы ей всю правду, но не мог этого сделать, не выдавая Билли. По всей стране только и было толков, что об ограблении банка. Говорили, будто генерал Франциско Вилла был так обозлен этим дерзким налетом, происшедшим к тому же во время охраны банка *его же* собственным отрядом, что поклялся не остано-

виться ни перед чем, чтобы установить личность вора и примерно наказать его.

Бридж был вполне доволен своим поведением в ту тревожную ночь. Он знал, что и девушка одобрила бы его, если бы знала все обстоятельства дела; но признаться ей в том, что он содействовал бегству грабителя, значило бы подвергнуть себя гневу Виллы и в то же время обнаружило бы личность вора.

«Да и к тому же», подумал Бридж, «это не вернуло бы Барбаре лошади...»

XX

ПОДВИГ БАРБАРЫ

Уже темнело, когда вернулись ковбои, посланные Грэйсоном на северную мызу за партией быков. Они прибыли с пустыми руками и ехали очень медленно, так как один из них поддерживал в седле своего раненого товарища. Они прямо проехали к конторе, где Грэйсон и Бридж были заняты бумагами. Увидя их, Грэйсон нахмурился. С первого же взгляда он догадался, что с ними случилось.

— Кто это сделал? — спросил он, когда ковбои вошли в контору, внеся раненого на руках.

— Солдаты Пезиты, — ответил Бенито возбужденно.

— Они и быков захватили? — спросил Грэйсон тревожно.

— Только часть, остальных нам удалось угнать. Мы видели Бразоса.

И Бенито выразительно взглянул из-за густых ресниц на нового бухгалтера.

— Где? — спросил Грэйсон.

— На нем ехал один из офицеров Пезиты, такой высокий американец. Тони и я видели этого же самого молодца в Куиваке в ту самую ночь, когда был ограблен банк, а сегодня он гарцевал на нашем Бразосе.

Темные глаза снова метнулись на Бриджа.

Грэйсон сразу понял значение слов мексиканца. Вот случай избавиться от этого неудобного человека!

Во время этого разговора в контору вошел хозяин. Он слышал, что ковбои вернулись на мызу без быков, и пришел в контору, чтобы разузнать, что случилось. Барbara сопровождала отца.

— Вы слышали, что рассказал Бенито? — спросил Грэйсон, обернувшись к хозяину.

Тот молча кивнул головой. Глаза всех присутствовавших были устремлены на Бриджа.

— Ну-с,— грубо сказал Грэйсон,— что же вы сами на это скажете? Я вас подозревал все время. Я великолепно знал, что этот самый Бразос не мог убежать. Вам и тому другому негодяю из Штатов казалось, что вы всё это отлично обмозговали, не правда ли? Ну, мы еще...

— Подождите минутку, подождите, Грэйсон,— прервал хозяин.— Дайте мистеру Бриджу возможность объясняться. Вы выдвигаете против него очень серьезное обвинение, не имея к тому собственно никаких доказательств.

— О,— воскликнул Бридж с улыбкой,— я так и знал, что мистер Грэйсон подозревал меня в соучастии ограбления банка, но кто может его осудить за это? Человек, который не умеет ездить верхом, способен почти на всякое преступление!

Грэйсон сердито фыркнул. Барбара шагнула к Бриджу. Час тому назад она сама была готова в нем сомневаться. Теперь, когда все сплотилось против него, в ней пробудилось желание его защитить.

— Вы этого не сделали, мистер Бридж?

Голос ее был почти умоляющий.

— Если вы говорите об ограблении банка,— ответил Бридж,— то по совести, мисс Барбара, я этого не делал! Я знал о нем не более, чем Бенито и Тони, до тех пор, пока оно не совершилось. В тот момент, когда они обнаружили преступление, я еще спал сном праведника в моей комнате над помещением банка.

— Ладно! А откуда же грабитель достал этого самого пони? — ехидно спросил Грэйсон.— Вот что я желал бы знать!

— Вы должны об этом спросить его самого, мистер Грэйсон,— небрежно ответил Бридж.

— Его спросит Вилла, когда он его поймет,— буркнул Грэйсон.— Но я полагаю, что первые сведения об этом деле Вилла получит от вас. Завтра его ждут в Куиваке, и завтра же мы вас доставим туда на допрос.

— Вы хотите сказать, что вы собираетесь выдать мени генералу Вилле? — спросил Бридж.— Собираетесь выдать американца этому мяснику, зная, что его там без суда расстреляют в двадцать четыре часа?

— Расстрел еще слишком хорошая смерть для коно-крадов,— ответил Грэйсон.

Барбара взволнованно обернулась к отцу.

— Ты не позволишь мистеру Грэйсону этого сделать? — спросила она.

— Мистер Грэйсон лучше меня знает, как поступать в таких случаях, Барбара,— ответил отец.— Он управляющий мызы, и я поставил себе за правило никогда не вмешиваться в распоряжения выбранных мною людей.

— Ты, значит, допустишь, что мистер Бридж будет расстрелян, и ничего не сделаешь, чтоб его спасти? — воскликнула Барбара.

— Мы не знаем еще, будет ли он расстрелян,— ответил ей отец.— Если он невиновен, то нет причины, чтобы его расстреляли. Если же он виновен в соучастии ограбления банка, то по военному положению он заслуживает смерти. Генерал Вилла, как я слышал, смотрит на это как на измену. В банке находились деньги, которые были предназначены правительством на подавление мятежа; они украдены и попали в руки врагов Мексики.

— Кроме того, если мы теперь его не выдадим, мы обратим Виллу против себя,— вмешался Грэйсон.— Он и то не особенно жалует американцев. Даже если бы Бридж был моим родным братом, я и тогда должен был бы выдать его властям.

— Благодарю небо,— прервал его Бридж насмешливо,— что к чести быть расстрелянным Виллой не прибавляется еще чести быть в родстве с вами! А буду ли я расстрелян, это мы еще посмотрим!

С этими словами он опрокинул лампу и бросился к выходу.

Барбара с отцом ближе всех стояла к двери, и, когда девушка поняла смелый замысел Бриджа, она оттолкнула отца в сторону и распахнула дверь перед беглецом.

Бридж выбежал, как стрела, бросив на прощанье:

— Спасибо, голубка!

Затем дверь с треском захлопнулась, Барбара быстро повернула ключ, вытащила его из замка и бросила его в темную комнату.

Грэйсон и мексиканцы, кинувшиеся вслед за беглецом, нашли путь прегражденным запертой дверью. На дворе Бридж побежал к лошадям, терпеливо ожидавшим возвращения своих хозяев. В один миг вскочил он на одну

из них и, погнав хлыстом остальных впереди себя, исчез в темноте ночи.

К тому времени, как Грэйсон и мексиканцы с трудом пролезли через одно из узких окошек конторы, новый бухгалтер уже скрылся из виду.

Управляющий мызой с несколькими из своих людей седлали в конюшне лошадей, чтобы пуститься в погоню за беглецом, когда хозяин вошел и тронул его за рукав.

— Мистер Грэйсон! — сказал он тихо.— Я поставил себе за правило никогда не вмешиваться в ваши распоряжения, но в настоящую минуту я вас прошу не преследовать мистера Бриджа. Я буду рад, если ему удастся спастись. Барбара была права: неприятно, знаете ли, выдавать человека. Ведь его ожидает верная смерть! Кроме того, он мне все-таки кажется совсем безобидным оригиналом.

Грэйсон, ворча, начал расседливать лошадь.

— Если бы вы видали то, что я здесь видел,— сказал он,— мне думается, вы не стали бы спасать его шкуру!

— О чём вы говорите? — удивленно спросил хозяин.

— О том, что этот прощельга, этот «оригинал», как вы говорите, ухаживал за вашей дочерью! — ответил управляющий.

Старик только засмеялся.

— Не будьте дураком, Грэйсон,— сказал он и вышел, не торопясь.

Час спустя Барбара гуляла взад и вперед около дома в прохладной тиши мексиканской ночи. Ее мысли были заняты недавними событиями. Ее гордость была безмерно уязвлена той ролью, которую она инстинктивно сыграла во всем этом деле. Не то чтобы она сожалела о том, что способствовала бегству Бриджа, но ей было неприятно, что ей пришлось разыграть такую мелодраматическую героиню перед Грэйсоном и его ковбоями.

Затем она разочаровалась в Бриdge. Она смотрела на него, как на человека, которого отвращение к самодовольному и тупому благополучию буржуа толкнуло на свободную и романтическую жизнь бродяги. Теперь же она опасалась, что он просто-напросто преступник...

Но скоро Барбара вспомнила, что с точки зрения закона тот человек, который сыграл такую роль в ее жизни, ведь тоже был преступником! Однако, как она любила его! Она и сейчас с гордостью о нем вспоминала.

— Я горжусь им, кем бы он ни был! — прошептала она.

Вряд ли эти слова относились к новому бухгалтеру... Когда ее мысли снова вернулись к Бриджу, она с радостью подумала, что он убежал. Она инстинктивно чуяла в этом человеке глубокую и честную натуру. Его уход из интеллигентного круга, очевидно — идеиный, очень ей импонировал.

— Хорошую же штучку вы с нами сыграли, мисс Барбара! — послышался за ней чей-то голос.

Девушка обернулась и увидела приближающегося Грэйсона. К ее удивлению, он, казалось, не досадовал на нее. Она вежливо ему ответила:

— Ах, милый мистер Грэйсон, не могла же я допустить, чтобы вы выдали человека этому зверю, Вилле, все равно, что бы он там ни сделал!

— Мне очень понравилось, как вы за него заступились, мисс, — сказал Грэйсон. — Вы как раз такая девушка, какую я искал всю жизнь: смелая и отважная. Напрасно только вы любили этого бумагомарателя; он и мужчиной-то не был! Я люблю вас, Барбара. И, смею сказать, я настоящий мужчина!

Девушка в изумлении отшатнулась.

— Мистер Грэйсон! — воскликнула она. — Вы забываетесь!

— Нет, — грубо закричал он. — Я люблю вас, и вы будете моей!

Он шагнул к ней и схватил ее за руку, стараясь привлечь ее к себе. Девушка одной рукой оттолкнула его, а другой ударила его по лицу.

Грэйсон сразу отпустил ее. Барбара выпрямилась во весь рост и сказала ледяным тоном, глядя ему прямо в глаза:

— Ступайте!.. Я никому ничего не скажу, если только вы сами не попытаетесь возобновить это.

Грэйсон не ответил. Пощечина временно охладила его пыл. Он понял, что поступил необдуманно. С того момента, как он узнал о разорении Хардингов, он стал серьезно подумывать о мисс Барбаре. Выйди она за него замуж — мыза фактически перешла бы в его руки. Да и девушка очень ему нравилась. Надо же было, чтобы этот бездомный бродяга, скрытый революционер и экспроприатор ей полюбился! Грэйсон искренно верил в роман Барбары и Бриджа. «Ничего», подумал он, «сумею я тебя, голу-

бушка, укротить!». И, окинув девушку недобрыйм взглядом, он отошел.

Барбара торопливо побежала к дому.

* * *

На следующее утро, около десяти часов, Барбара, сидя на веранде дома, увидела своего отца, быстро идущего к ней. Девушка не могла не заметить взволнованного выражения на его лице.

— В чем дело, папа? — спросила она, когда он опустился рядом с нею в кресло.

— Твое самопожертвование вчера вечером не повело ни к чему,— ответил он.— Вилластанцы захватили Бриджа!

XXI

ПОРУЧЕНИЕ БАРБАРЫ

После того, как отец сообщил Барбаре поразившую ее новость, она некоторое время сидела молча, уставившись на отца. Она не сразу могла сообразить значение его слов.

— Что? — закричала она наконец.— Это невозможно! Откуда ты это узнал?

— Грэйсону только что сообщили об этом по телефону из Куиваки,— объяснил мистер Хардинг.— Только вчера починили линию, которую перерезали молодцы Пезиты месяц тому назад. Это первое сообщение, которое мы получили. И, знаешь, Барбара, мне очень грустно. Я все-таки надеялся, что он удерет!

— Я тоже,— просто сказала девушка.

Отец пристально на нее посмотрел. Но на лице девушки отражалось огорчение не больше, чем то, которое он чувствовал сам: понятная тревога за судьбу соотечественника, осужденного на смерть чужестранцами, вдали от родины.

— Ничего нельзя сделать? — спросила она.

— Абсолютно ничего! — ответил он решительно.— Я уже говорил об этом с Грэйсоном. Он уверяет, что попытка вмешательства с нашей стороны может сильно испортить отношение к нам Виллы, а в таком случае мы погибли. Он и то не слишком нас любит, и Грэйсон думает, что он будет рад малейшему предлогу лишить нас

права на его защиту; а стоит ему это сделать — мы немедленно станем добычей банд, наводняющих горы. Не только Пезита набросился бы на нас, но и те, которые номинально признают власть Виллы. Нет, дорогая моя, мы, к сожалению, ничего не можем сделать. Впрочем, молодой человек сам приготовил себе эту страшную судьбу.

Девушка сидела молча. Немного погодя, отец встал и вошел в дом; она последовала за ним, но вскоре вернулась на веранду, одетая в шаровары для верховой езды, и быстро направилась к конюшням. Здесь она увидела американского ковбоя, сидевшего на опрокинутом ящике и строгавшего ножом палку.

— Эдди! — крикнула она.

Юноша поднял голову и вскочил, как наэлектризованный. Он снял свою широкополую шляпу, и широкая улыбка осветила его веснушчатое лицо.

— Да, мисс,— ответил он.— Чем могу служить?

— Оседлайте мне пони, Эдди,— сказала она.— Я хочу немного проехаться.

— Сию минуту, мисс! — весело откликнулся он.— Будет готово моментально!

И он побежал к небольшой группе верховых пони.

Минуты через две он вернулся, ведя за собой пони, которого он привязал к перегородке.

— Но я не могу ехать на этом пони! — воскликнула девушка.— Он очень дикий.

— Очень дикий, мисс,— подтвердил Эдди.— На нем поеду я.

— О, вы едете куда-нибудь? — удивилась она.

— Я еду с вами, мисс,— объявил Эдди.

— Но я не просила вас об этом, Эдди, и вы мне не нужны... сегодня,— заявила она.

— Простите, мисс,— бросил он через плечо, уходя за вторым пони,— но таково приказание. Вас не позволено никуда отпускать без провожатого. И это, правда, было бы не безопасно, мисс...— Он говорил почти умоляющим тоном.— Право же, я вам нисколько не буду мешать! Я буду ехать довольно далеко позади, только чтобы в случае необходимости быть при вас.

Он вскоре вернулся с другим пони, очень смирным на вид, и начал седлать обоих.

— Обещаете ли вы,— спросила Барбара после некоторого молчания,— что вы никому не расскажете, куда я еду и кого увижу?

— Провались я на этом месте, лопни мои глаза,— с жаром воскликнул он.

— Хорошо, Эдди, тогда я позволю вам ехать со мной, и вы можете даже ехать рядом со мной, а не по-зади.

Они поехали по равнине, следуя за изгибами реки. Вот они сделали уже одну милю, две, пять, десять... Эдди давно удивлялся про себя, какова могла быть цель этой поездки, совершающей быстрой рысью. Во всяком случае, он был уверен, что дочь хозяина выехала не для увеселительной прогулки.

Было чего призадуматься! Они уже давно миновали безопасную линию и находились теперь во владениях Пезиты. Здесь каждая небольшая хижина,— а они были всюду разбросаны по берегу реки,— или скрывала фанатичного партизана Пезиты, или же была пуста; на этот счет уж постарался сам Пезита.

Наконец молодая девушка остановилась перед грязной и разрушенной хибаркой. Эдди раскрыл рот от изумления. Это была хижина Хозе, худшего негодяя округи, которого только преклонный возраст удерживал от активного разбоя — единственного призвания его жизни. Какое дело могла иметь мисс к Хозе, к Хозе, который был за панибрата с каждым головорезом в Чигуагуга?

Барбара легко спрыгнула с лошади и передала поводья Эдди.

— Держите ее,— сказала она.— Я через минуту вернусь.

— Вы не собираетесь ли войти одна в хижину к старому Хозе? — испуганно спросил Эдди.

— Почему же нет? Если вы боитесь, оставьте мою лошадь и поезжайте домой.

Эдди покраснел до корней своих рыжих волос и не проронил ни слова. Девушка приблизилась к дверям жалкой лачуги и заглянула внутрь. В одном конце грязной комнаты сидел сгорбленный старик и курил.

— Хозе! — позвала девушка.

Старик встал и подошел к ней.

— Что, сеньорита? — прошамкал он.

— Вы Хозе? — спросила она.

— Да, сеньорита,— ответил старый индеец.— Чем может служить бедный старый Хозе прекрасной сеньорите?

— Вы можете передать поручение одному из офицеров Пезиты,— ответила девушка.— Я много слышала о вас с тех пор, как приехала в Мексику. Я знаю, что в этой части Чигуагуа нет другого человека, который мог бы так легко проникнуть в лагерь Пезиты, как вы.

Индеец собирался уже запротестовать, но она опустила руку в карман своих шаровар, вынула горсть серебряных монет и стала, позякивая, пересыпать их из одной ладони в другую.

— Я желаю, чтобы вы отправились в лагерь Пезиты,— сказала она,— и передали человеку, ограбившему банк в Куиваке,— он американец,— что его друг, сеньор Бридж, захвачен в плен Виллой и содержится до казни в Куиваке. Вы должны отправиться немедленно, вы должны передать это сообщение другу сеньора Бриджа вовремя, чтобы еще до рассвета можно было освободить сеньора Бриджа. Вы меня поняли?

Индеец кивнул в знак согласия.

— Вот задаток,— сказала девушка.— Когда я узнаю, что вы мое поручение исполнили вовремя, вы получите еще столько же. Вы это сделаете?

— Постараюсь,— ответил индеец и протянул свою костлявую руку за деньгами.

— Хорошо! — восклекнула Барбара.— Отправляйтесь тогда немедленно.

И она высыпала серебряные монеты в подставленную ладонь старика.

XXII

СТРАТЕГИЯ КАПИТАНА БАЙРНА

Были сумерки, когда капитана Байрна вызвали в палатку Пезиты. Билли усмехнулся. Что еще нужно от него Пезите? Мнение Билли о генерале как об идейном борце за свободу весьма пошатнулось за последнее время. Несмотря на свою детскую наивность, Билли был наблюдателен. Он не мог не заметить, как тратились деньги, добывшие им с таким риском для дела. А шли они целиком на попойки, кутежи и оргии. Вино лилось рекой, в палатке генерала то и дело мелькали красотки; шли даже темные слухи о том, что Пезита купил где-то землю. Сам Билли не воспользовался ни грошем из этих денег и сурово отказывался от всех подарков, которые

предлагал ему генерал. Он все чаще подумывал о том, что связался с грязной компанией и что ему следует отсюда убраться. Что еще понадобилось теперь старому шакалу, что он вызывал его, Билли? Билли поклялся, что больше не дастся на удочку и не даст себя одурманить дешевыми фразами об истекающей кровью Мексике. С этими мыслями он вошел в палатку Пезита.

Здесь он увидел рядом с генералом тощего старого индейца, сидевшего на корточках.

— Хозе,— сказал Пезита,— имеет к вам поручение.

Билли Байрн изумленно взглянул на индейца.

— Я послан, сеньор капитан,— пояснил тот,— прекрасною сеньоритой из Эль-Оробо-ранчо, чтобы сказать вам, что ваш друг, сеньор Бридж, захвачен генералом Виллой и что он содержится сейчас в Куиваке, где, без сомнения, будет расстрелян, если не придет помощь еще до утра.

Теперь Пезита вопросительно посмотрел на Байрна. С тех пор как американец вернулся с богатой добычей из Куиваки и до последней копейки передал ему все деньги, Пезита смотрел на своего нового капитана, как на феномена.

Ограбить банк одному, в то время как солдаты Виллы охраняли вход, уже само по себе казалось чудесным; но передать всю добычу в неприкасаемости своему начальнику и не попросить для себя из нее хоть что-нибудь — это было уже совсем невероятно!

Пезита не мог понять этого человека, но он восхищался им и боялся его. Такой человек стоил один сотни обыкновенных людей, которые служили под его знаменами. Поэтому Пезита готов был исполнить любую просьбу Байрна и, когда Билли попросил дать ему достаточно сильный отряд, чтобы спасти Бриджа, разбойник сейчас же согласился.

— Я сам пойду на выручку! — воскликнул он.— Мы штурмом возьмем Куиваку. Мы, может быть, захватим в плен самого Виллу! Мы...

— Постой маленько,— прервал его Билли Байрн презрительно,— ты не волнуйся! Мне нужно освободить моего товарища из Куиваки. А кого вы там потом захватите в плен — это мне наплевать! Мое дело — освободить Бриджа. Для этого мне за глаза достаточно двадцати пяти человек. А затем, если желаете, можете разнести хоть весь город. Дайте мне двадцать пять людей, а сами

с остальными засядьте поблизости, пока я своего дела не кончу. Ну, что вы на это скажете?

Пезита был готов согласиться на всякое предложение Байрна.

Таким образом, полчаса спустя Билли вел через горы отряд из двадцати пяти отборных головорезов, а в двух милях от него следовал Пезита с остальными людьми.

Наконец Билли увидел на коротком расстоянии впереди себя огни Куиваки. Из открытых окон какого-то танцевального зала ясно долетали охрипшие звуки граммофона; изредка раздавались окрики часовых.

— Оставайтесь здесь,— сказал Билли сержанту, ехавшему рядом с ним,— и ждите, пока не услышите три раза совиного крика со стороны казарм и гауптвахты; тогда мчитесь во весь опор к противоположному концу города, стреляйте из ружей и орите, как оглашенные. Чем больше вы будете шуметь, тем лучше. Вам нужно приманить их к себе, поняли? Тогда вы повернетесь и станете медленно отступать, задерживая их как можно дольше. Поняли меня?

Все это было сказано на невообразимой смеси испанского и английского языков с жаргоном Большой авеню; но сержант все же понял намерения своего начальника.

Отдав приказания, Билли Байрн поехал к западу, обогнул Куиваку и приблизился к южному краю городка. Здесь он слез с лошади, спрятал ее за каким-то покинутым строением и осторожно двинулся на разведку.

Он знал, что гарнизон не имел причин опасаться нападения. Вилла через своих шпионов был осведомлен, где находились главные силы неприятеля. Ни один крупный отряд не мог приблизиться к Куиваке без того, чтобы весть о его приближении не долетела до города за много часов до наступления врага. Чтобы Пезита или какой-нибудь другой начальник многочисленных разбойниччьих банд осмелился напасть на вооруженный город, генерал ни на одну минуту в расчет не принимал.

Эти причины заставили Билли предположить, что в городе не было сильной охраны. Он помнил, что в ту ночь, которую он провел в Куиваке, он видел часовых только перед банком, гауптвахтой да казармами; кроме того, один караульный охранял еще дом, в котором помещалась штаб-квартира начальника гарнизона. Помимо этого, в городе охраны не было.

Теперь условия были такие же. Билли только в двух-

стах футах от гауптвахты увидел первого часового. Солдат спокойно стоял, облокотившись на ружье, у переднего фасада деревянного строения, стоявшего перед казармой. Остальные три стороны гауптвахты очевидно не охранялись.

Билли бросился на живот и медленно пополз вперед, останавливаясь при каждом шорохе. Часовой, казалось, спал. Билли дополз до стены здания, где царила глубокая тень, приблизительно в пятидесяти шагах от солдата. Затем Билли встал на ноги как раз под окном с железной решеткой.

Внутри, за решеткой, Бридж порывисто шагал взад и вперед по тесной камере. Он не мог спать. Завтра он будет расстрелян. О, как он не хотел умирать!

В это самое утро генерал Вилла лично его допрашивал. Генерал был необычайно гневен; он все еще не мог успокоиться после кражи денег из банка, но ни одним словом не намекнул Бриджу, какая судьба его ожидает. Это сделал товарищ по тюрьме, дезертир, который должен был быть расстрелян, по его словам, вместе с Бриджем. Благодаря этому, он выиграл лишний день жизни: генерал Вилла не желал быть в Куиваке во время казни американца; при случае он мог, таким образом, свалить с себя ответственность за этот поступок...

Генерал должен был уехать утром. Немного погодя, Бридж и дезертир должны были быть выведены на внутренний двор гауптвахты и поставлены к стенке.

В камере, в которой был заключен Бридж, стояла страшная вонь. Единственной вентиляцией служили два небольших окошка, закрытых решеткой. Бридж и дезертир были единственными заключенными. Дезертир безмятежно спал, как будто на утро его не ожидало ничего необычайного.

Бриджу захотелось его растолкать, чтобы он узнал угрожавшую ему судьбу. Но вместо этого Бридж подошел к окну, расположенному в южной стене, подышать свободным воздухом и взглянуть на усеянное звездами южное небо, которое он видел в последний раз.

Тихим голосом начал он отрывок стихотворения, которое он и Билли любили больше всего:

Где-то там меня вы ждете,
Из цветов венок плетете,
Поцелуй мне нежный шлете,
Пенелопа, верный друг!

Перед умственным взором Бриджа встала веранда белого дома. Он сердито покачал головой.

«Все равно», — подумал он: «Она не для меня!».

Что-то шевельнулось на земле под решеткой. Бридж невольно насторожился. Какая-то тень встала перед окном, и знакомый голос проговорил тихим шепотом:

— В моих волосах нет роз, зато за поясом есть два револьвера. Вот один из них. Сладкие поцелуи можно будет нанести ими врагам! Где дверь этой клетушки?

Говорящий был теперь совсем близко от окна; его лицо приходилось всего в нескольких дюймах от Бриджа.

— Билли! — радостно воскликнул осужденный.

— Самый всамделишный, но как насчет двери?

— Она закрыта снаружи только тяжелым засовом,— ответил Бридж.

— Везет! — облегченно заявил Билли.— Будьте готовы выскочить, когда ее открою. В южной стороне города у меня заготовлен пони, который должен будет увезти сегодня ночью двоих.

— Спасибо! — горячо прошептал Бридж.

— Сидите пока смирно,— сказал Билли и двинулся к задней стороне гауптвахты.

Несколько минут спустя зловещий крик совы прорезал ночной воздух. В течение нескольких секунд он был повторен еще дважды. Часовой перед гауптвахтой переменил положение и оглянулся, затем, переступив с одной ноги на другую, снова погрузился в свои размышления.

Билли бесшумно скользил вдоль стены здания, пока не очутился в нескольких футах от ничего не подозревающего часового. Тяжелый револьвер болтался в правой руке Билли. Он держал его за дуло и ждал.

Прошло пять минут. Тишина ночи не нарушалась ничем; затем с востока послышался одиночный выстрел, за которым последовала трескотня ружейных выстрелов и дикие крики.

Билли Байрн усмехнулся. Часовой вздрогнул и впирался в даль. Из казарм за гауптвахтой донесся резкий голос командира и топот бегущих людей. На противоположной стороне города шум битвы разрастался до зловещих размеров...

Солдаты хлынули из казарм и минуту спустя помчались по улице, выстроившись боевой колонной. Весь этот людской поток мчался к противоположной стороне горо-

да. Казарма опустела за исключением одинокого часовогого, оставленного перед гауптвахтой!

Билли выглянул из-за угла здания. Все было так, как он себе представлял. Часовой напряженно смотрел в сторону стрельбы, стоя спиной к дверям гауптвахты и к Билли.

Одним прыжком американец перелетел расстояние между собою и несчастным караульным. Приклад тяжелого револьвера почти бесшумно опустился на голову часового, и он без чувств упал на землю.

Повернувшись к двери, Билли отодвинул засов; дверь распахнулась, и Бридж очутился на свободе.

— Живо! — вскричал Билли.— Бегите за мной!

И они пустились со всех ног к южной стороне города. Главное теперь была быстрота.

Они достигли лошади незамеченными и, минуту спустя, мчались рысью к западу, чтобы обогнать город и снова выехать на северную дорогу.

С востока доносилась удаляющаяся ружейная перестрелка. Пезита отступал, отвлекая защитников Куиваки от города, согласно плану Байрна.

— Как будто леденец отняли от ребенка,— усмехнулся Билли, когда мигающие огни Куиваки засветились к югу от них, а впереди легла свободная дорога, которая вела к месту встречи с Пезитой.

— Да,— согласился Бридж.— Но вот что я хотел бы знать, Билли: как это вы узнали, что я был там?

— Всё Пенелопа,— сказал, смеясь, Байрн.

— Пенелопа? — переспросил Бридж.— Я не совсем понимаю вас, Билли.

— Очень просто,— ответил Билли.— Девчонка прислала сказать, где вы были; «прекрасная сеньорита из Эль-Оробо-ранчо», так, кажется, назвал ее Хозе. Теперь поняли?

У Бриджа вырвалось восклицание изумления.

— Милая! — сказал он.— Она, она это сделала для меня?

— Самым форменным образом,— уверил его Билли.— И бьюсь об заклад, что она теперь ждет вас с розами в волосах и с поцелуями на устах.

Билли счастливо засмеялся. Он был так рад, что спас Бриджа! Сознание, что его друг влюблен и что ему отвечают взаимностью,— иначе Билли не мог объяснить,

почему вдруг эта девушка приняла такое участие в нем,— еще больше увеличивало его радость.

— Она не мексиканка? — спросил он.

— О, нет,— ответил Бридж восторженно.— Она чудесная девушка из Нью-Йорка; но, Билли, она не для меня! То, что она сделала, вызвано просто ее велико-душием. Она не может любить меня, Билли. Ее отец был очень богатый человек, Билли. Захоти она выйти замуж, она могла бы выбрать лучшего во всей стране, во многих странах! Вы не можете предполагать, что она вдруг выберет бродягу, не правда ли, мой друг?

— Ну, этого сказать нельзя,— ответил Билли несколько грустно.— Я тоже знал когда-то такую чудесную девушку, и она как раз выбрала бы хулигана, если бы он сам только это допустил. Вы ее любите, дружище?

— Боюсь, что да, Билли,— признался Бридж.— Но что толку? Забудем про это. О, скажите, эта та лошадь, которую я вам дал в ту ночь, как вы ограбили банк?

— Да,— сказал Билли,— та самая. Очень послушный пони. А что?

— Это ее пони,— мрачно проговорил Бридж.

— И она хочет получить его обратно?

— Она не говорила этого, но я бы его ей охотно вернул,— ответил Бридж.

— Вы его сами отведете ей обратно,— предложил Билли.

— Я туда вернуться не могу,— ответил Бридж.— Мне пришлось уехать оттуда из-за управляющего Грэйсона. Он хотел меня арестовать и отправить к Вилле.

— Зачем? — спросил Билли.

— Он не любил меня и хотел от меня отделаться.

Бридж не хотел говорить Билли, что все неприятности были вызваны его отношениями к человеку, ограбившему банк.

— Ладно, тогда я сам верну пони и скажу Пенелопе, какой вы честный малый. Заодно можно будет смазать управляющего по роже.

— Нет, нет, вам не следует туда ехать,— вскричал Бридж.— Вас там знают. Третьего дня, когда у вас была перестрелка с ковбоями из-за волов, они вас узнали. Один из них видел вас в Куиваке в ночь грабежа. Они наверняка вас схватят, Билли!

На дороге показались всадники Пезиты, которые медленно ехали по направлению к лагерю. Их преследователи уже давно отказались от погони и вернулись в город, опасаясь, что их могут заманить в место расположения больших неприятельских сил.

Было уже почти утро, когда Бридж и Билли, истомленные бессонной ночью и длинным переездом, улеглись на одеяло в палатке Байрна.

— Ну, вот,— прошептал Билли, засыпая,— дружище Бридж нашел-таки свою Пенелопу!

XXIII

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

На следующий вечер капитан Билли Байрн выехал из ущелья, в котором был расположен отряд Пезиты. Он сидел на небольшом, полудиком пони, озиравшемся своими злобными глазами и нервно подергивавшем ушами.

На аркане позади следовал пони Бразос, потому что Билли, пренебрегая увещаниями Бриджа, все-таки решил пробраться в Эль-Оробо-ранчо, чтобы вернуть украденную лошадь ее прекрасной собственнице.

В момент отъезда Пезита попросил Билли по дороге заехать к Хозе и передать ему важное поручение.

От лагеря Пезиты до грязной лачуги индейца — путь неблизкий, в особенности для того, кто ведет за собой лишнюю лошадь. Поэтому темнота наступила раньше, чем Билли подъехал к хижине. На некотором расстоянии от нее Билли слез с коня и стал осторожно подкрадываться к хижине. Мир полон опасностей для тех, кто вне закона, а потому осторожность никогда не мешает.

Огонек, светивший через небольшое окошечко, указывал ему направление. Неподалеку от хижины Хозе находилось другое, полуразрушенное строение, обитатели которого бежали от гнева Пезиты. Дом был темный и казался пустым. В действительности, в момент приближения Билли, пара внимательных глаз выглянула через открытую дверь.

Обладатель этих глаз повернулся и шепотом сказал другому человеку, находившемуся за ним:

— К Хозе идет еще один посетитель. Возможно, что он не так безобиден, как тот, который сидит у него

в хижине. Этот крадется, как вор. Нужно разнюхать.

Тroe других встали с одеял, разостланных на полу, и подошли к говорившему. Все они были вооружены и носили странную форму вилластанцев. Когда они выползли из хижины, в которой собирались провести ночь, Билли стоял к ним спиной и их не заметил.

Он заглядывал в это время через маленькоe окoшечко во внутренность лачуги старого индейца. Там стоял рослый американец, занятый серьезным разговором с Хозе. Кто бы это мог быть? Билли его не знал. Хозе скоро ответил на этот вопрос.

— Будет сделано, как вы желаете, сеньор Грэйсон.

«Ага!», — подумал Билли: «Это управляющий Эль-Оробо. Хотел бы я знать, какие у него могут быть делишки со старым негодяем, да еще ночью!».

Размышления Билли на эту тему были грубо прерваны энергичной атакой четырех джентльменов, которые одновременно набросились на него сзади и повалили на землю. Билли не издал ни единого звука, но упорно боролся за свою свободу, боролся со всеми приемами Большой авеню, которые быть может не очень красивы, но зато действенны.

Однако, один против четырех, когда все преимущества находятся на стороне этих четверых, — борьба слишком неравная, а когда Грэйсон и Хозе выбежали узнать причину шума, при чем управляющий присоединился к четверым вилластанцам, Билли был окончательно побежден! Каждый из его противников, уносил с собою воспоминание об этой битве на много дней, но это было слабой компенсацией за потерю свободы.

Разоружив пленника и скрутив ему руки за спиной, они подняли его на ноги и осмотрели его.

— Кто вы? — спросил взбешенный Грэйсон. — Что вы за мной шпионите, а?

— Кто я — не твое дело, — ответил Билли. — А насчет шпионства, так я не шпионил, хотя по твоим глазам вижу, что не мешало бы за тобою последить!

В эту минуту невдалеке от хижины заржал пони.

— Это его лошадь, — сказал один из вилластанцев и вскоре вернулся, ведя за собою дикого пони и Бразоса.

Как только Грэйсон увидел Бразоса, он издал радостное восклицание:

— Ага! Теперь я знаю, кто он! Вы подцепили славную рыбку! Это тот самый тип, который ограбил банк в

Куиваке. Я узнаю его по описанию наших ковбоев, а что с ним этот самый Бразос, этим еще более подтверждается мое подозрение. Поздравляю, сержант! Можете рассчитывать на повышение по службе.

— Само собой,— вмешался Билли насмешливо.— Тебя Вилла за это сразу в адмиралы произведет... Но вы меня еще не доставили к нему, голубчики! Для этого требуется больше четырех мексиканцев!

— Будешь доставлен в лучшем виде, не беспокойся! — уверил его Грэйсон.— А теперь вперед!

Они привязали Билли к его собственному седлу, и вскоре маленький отряд двинулся к югу, вдоль реки, по направлению к Эль-Оробо-ранчо. Было решено провести остаток ночи на мызе, где пленник мог находиться под хорошей охраной.

Когда они отъезжали от разрушенной хижины индейца, фигура старика обрисовалась в открытых дверях, освещенная сзади тусклым светом очага. Он кулаком погрозил вслед уезжавшему управляющему.

— Свинья! — прошамкал он и вернулся в свою хижину.

* * *

В Эль-Оробо-ранчо Барбара ходила взад и вперед перед домом. В освещенном окне виднелся ее отец, который сидел за столом и читал... Из помещения служащих доносились звуки гитары; иногда раздавались взрывы громкого хохота, доказывавшего, что Эдди Шортер занимал своих товарищей своими знаменитыми фермерскими рассказами из жизни Канзаса.

Барбара собиралась уже вернуться домой, когда ее внимание было привлечено приближением нескольких всадников. Они въехали во двор мызы и спешились перед зданием конторы. Удивившись немного позднему приезду, Барбара вошла в дом и рассказала об этом отцу.

Хозяин мызы, который постоянно опасался нападения, встал, чтобы разузнать, в чем дело, когда Грэйсон подъехал к веранде и спрыгнул с лошади.

— Хорошие вести! — воскликнул он, подымаясь по ступенькам.— Я поймал грабителя банка, а также этого самого Бразоса. Поймал негодяя у...у реки.— Он чуть было не сказал «у хижины Хозе», но вовремя одумался.—

Кто-то перерезал проволоку на северном выгоне, и я поехал посмотреть, не смогу ли я словить кого-нибудь на месте,— объяснил он.

— Он американец? — спросил хозяин.

— Похоже на то, но подлость в нем самая мексиканская,— ответил Грэйсон.— Со мной приехало несколько вилластанцев. Они его завтра отвезут в Куиваку.

Ни Барбара, ни ее отец не выказали особого энтузиазма.

— Ведь он офицер Пезиты,— воскликнул Грэйсон, заметив впечатление, произведенное его словами.— Подумайте, Пезита поклялся убивать всякого американца, который попадется ему в руки, а этот негодяй служит у него и помогает ему!

— Все же он — американец,— настаивала Барбара.— Я, например, ни за что не способствовала бы его смерти от рук мексиканцев; а отвезти его в Куиваку — это ведь значит вести его на смерть.

— Ладно, мисс,— ответил Грэйсон,— вы и не будете в ответе за это. Всю ответственность я беру на себя, и с радостью. Я только думал, что вам будет интересно знать, что мы изловили преступника,— прибавил он, обращаясь к хозяину.

Тот молча кивнул головой, и Грэйсон вышел из комнаты. На дворе он насмешливо засмеялся и вскочил в седло.

Подъехав к помещению служащих, он натянул поводья и позвал Эдди. Шортер показался в дверях.

— Берите револьвер и винтовку и ступайте в контору. Вы мне нужны,— сказал ему управляющий.

Эдди исполнил приказ. Когда он вошел в контору, он увидел четырех мексиканцев, попыхивавших пахитосами, и Грэйсона, стоявшего перед столом, на котором сидел какой-то мужчина со скрученными за спиной руками. Грэйсон обратился к Эдди, указывая ему на пленного.

— Это ловкач, который ограбил банк и удрал на нашем Бразосе, которого ему дал наш мерзавец-бухгалтер. Сержант отвезет его утром в Куиваку. Вы должны его сторожить до полуночи. Тогда вас сменят. Солдаты пока заснут, а я пойду ужинать. Только не делайте глупостей, Эдди,— наставительно сказал ему Грэйсон.

Он собирался уже выйти из конторы, когда новая мысль пришла ему в голову.

— Послушайте, Шортер,— сказал он,— из той маленькой комнаты другого выхода нет, как только через эту. Окна там слишком малы, и крупный человек через них не пролезет. Вот что я вам скажу: мы запрем его в той комнате, и тогда ни у вас, ни у нас не будет никаких забот. Вы сможете спокойно разостлать одеяло у двери и лечь. Не нужно будет вас сменять ночью.

— Ладно,— ответил Эдди.— Положитесь на меня: уж я его устерегу!

Удовствовавшись, что пленник надежно заперт, вилластанцы и Грэйсон вышли из конторы.

При упоминании управляющим имен сторожа — «Эдди» и «Шортер», Билли пристально посмотрел на молодого американского ковбоя. Эти два имени вызвали в его памяти представление о чем-то страшно знакомом. Однако он никоим образом не мог связать их ни с кем из тех, кого он знал в прошлом, да и лицо молодого человека ничего не напоминало ему.

Сидя в темноте, Билли от нечего делать стал ломать себе голову: где это он слышал эти имена? Он прямо не мог ни о чем другом думать. Даже грозившая ему судьба казалась ничем по сравнению с важным вопросом: где он раньше слышал имя Эдди Шортера?

В то время, как он сидел, тщетно напрягая память, что-то шевельнулось на полу у его ног. Оказалось, что крыса начала грызть сапог на его ноге.

«Ну и местечко, нечего сказать!», подумал Билли: «Тут крысы могут сожрать человека живьем».

— Эй! — и он повернул лицо к дери,— Эй, Эдди! Иди-ка сюда!

Эдди подошел к двери и прислушался.

— Что вам нужно? — спросил он.— Только бросьте ваши штуки, слышите? Я из Шоуни, в Канзасе, а там люди хитры, как нигде на свете. Вам меня не перехитрити!

Шоуни, Канзас! Эдди Шортер! Вся загадка в одну минуту стала ясной.

— Ты Эдди Шортер из Шоуни в Канзасе? — восхликал Билли.— Ну, так я знаю твою мать, Эдди, и, если бы у меня была такая мать, как твоя, я не терял бы времени, работая на буржуя вместе с проклятыми мексиканцами. Но я тебя не из-за этого окликнул. Мне сюда нужен огонь. Проклятые крысы уж начали поедать мои ноги, а когда они покончат с ними, они слопают меня

целиком. Старикашка Вилла с досады, пожалуй, повесится!

— Вы знаете мою мать? — спросил Эдди, и в голосе его прозвучала грустная нотка.— Ах, черт побери, все-то вы врете! Это просто одна из ваших хитрых штук. Вы хотите меня завлечь, а затем как-нибудь провести, чтобы я помог вам бежать. Шалишь, я сам, брат, хитер!

— Эдди, честное слово, я знаю твою мать,— уверял Билли.— Я был у вас всего несколько недель тому назад. Помнишь небольшой диванчик между окон? Помнишь библию на маленьком мраморном столе? А? А Тигра? Тигр, бедняга, сдох, но мать и отец живы и очень хотят, чтобы их мальчик вернулся. Мне все едино — веришь ты мне или нет, но мать твоя была очень добра ко мне, и ты должен обещать, что напишешь ей в скорости, а затем вернешься домой. Не у каждого такая славная мать, как твоя; уж раз такую имеешь, свинство не быть с ней хорошим!

Эдди стоял перед закрытой дверью, и челюсть его начала дрожать. Его память так живо воскресила в нем сладкие воспоминания о материнском плече, о которое он имел обыкновение тереться головой, и о широкой мягкой руке, которая ласково гладила его непокорные рыжие волосы! Эдди проглотил слезы.

— Вы надо мной не смеетесь? — спросил он недоверчиво.

Билли Байрн уловил в его голосе дрожь.

— За кого ты меня принимаешь? — спросил он.— За мексикашку, что ли? И ты и я, мы оба — американцы, и я никогда не позволю себе подшутить над земляком в этой проклятой стране.

Раздался звон ключа, и минуту спустя дверь осторожно приоткрылась. Эдди стоял на пороге, прикрываясь револьвером и винтовкой.

— Правильно! Ай да Эдди! — расхохотался Билли.— Не зевай, малый, какие бы известия я тебе ни передал, потому что я тебе напрямик говорю: я удару, удару, как только представится к этому малейшая возможность. Но пока тебе бояться нечего: мои лапищи связаны, а ты надо мной стоишь с целой артиллерией. Давай-ка сюда огонька, Эдди! Это никому не повредит и может быть спугнет крыс.

Эдди попятился задом в контору, где на столе стояла небольшая лампа. Не спуская глаз со своего пленника,

он зажег ее и отнес в заднюю комнату, где поставил ее на комод.

— Вы вправду видели мать? — спросил он, стараясь говорить спокойно.— Она ничего? Здорова?

— Выглядела здоровой, когда я ее видел,— сказал Билли,— но она очень скучает без своего сына. Думаю, что она будет чувствовать себя еще лучше, если вы к ней вернетесь.

— Обязательно вернусь,— закричал Эдди.— Вот только получу жалованье, я распрощаюсь с мызой. Скажите мне ваше имя. Когда я приеду домой, я спрошу мать, помнит ли она вас. Ух, как я бы хотел быть теперь дома!

— Имени моего она не знает,— сказал Билли,— но скажи ей, что ты видел того парня, что отрубасил бродяг, которые пытались ее уокошить мясным ножом. Думаю, что эту историю она не забыла. Я с товарищем помешал им, но шпики гнались за мной по пятам. Она нас еще спрятала и дала потом денег, чтобы мы могли удрать.

В это время в наружную дверь конторы послышался стук. Эдди быстро отскочил в переднюю комнату и запер пленника на ключ. В контору вошла Барбара.

— Эдди,— спросила она,— могу я видеть пленника? Мне необходимо с ним переговорить.

— Вы хотите говорить с грабителем? — воскликнул он.— Да вы с ума сошли, мисс Барбара!

— Нет, я не сошла с ума, но я хочу с ним поговорить одна, всего одну минуту. Пожалуйста, Эдди!

Эдди колебался. Он знал, что Грэйсон очень рассердится, если узнает, что он пустил дочь хозяина одну к разбойнику и грабителю, и что хозяин тоже, вероятно, захочет прогнать его за это, но отказать в чем-либо Барбаре было так трудно!

— Где он? — спросила она повелительно.

Эдди пальцем указал на заднюю дверь. Ключ еще был в замке.

— Ступайте к окну и полюбуйтесь месяцем,— предложила девушка, обворожительно смеясь.— Сегодня роскошная ночь! Ну, пожалуйста, Эдди миленький! — прибавила она, видя, что он колеблется.

Эдди покачал головой и медленно отошел к окну.

— Никто не может вам отказать, мисс,— сказал он,— особенно если вы смотрите такими глазами.

— Вы просто прелесть, Эдди! — нежно проговорила девушка и быстро направилась к запертой двери.

В то время как она повертыла ключ в замке, она почувствовала, как по ее телу пробежала легкая дрожь нервного возбуждения. Какое чудовище увидит она перед собою? Этот пленник — закоренелый преступник и грабитель, ренегат-американец, связавший свою судьбу с врагами своего народа.

Только желание Барбары узнать о судьбе Бриджа могло заставить ее решиться на такой шаг. Она не посмела попросить кого-нибудь другого спросить разбойника о том, что ее интересовало. Если бы ее соучастие в бегстве Бриджа сделалось известным Вилле, то этим были подписан смертный приговор всем американцам на мызе.

Она повернула ручку и медленно открыла дверь. В середине комнаты на стуле сидел мужчина. Он сидел к ней спиной. Он был огромного роста. Его широкие плечи возвышались над высокой спинкой стула. Всклокоченные черные волосы покрывали красивую голову.

Услыша скрип открывавшейся двери, он повернул к ней лицо. Две пары глаз встретились и широко раскрылись от изумления.

— Билли! — вскричала она.

— Барbara! Вы?

Билли метнулся со стула, стараясь освободить связанные руки.

Девушка закрыла дверь за собою и подошла к нему.

— Билли! Вы ограбили банк? — спросила она.— И это после того, как вы мне обещали жить всегда честно ради меня?

Ее голос дрожал от волнения. Билли видел, что она страдала, но и он страдал не меньше.

— Вы ведь теперь замужем,— с трудом выговорил он.— Я прочел это в газетах. Какое вам теперь дело до меня, Барbara? Я ничего не значу для вас.

— Я не замужем, Билли! — закричала она.— Я не могла выйти замуж за мистера Мэллори и я долго старалась себя убедить, что люблю его, но наконец поняла, что я его никогда не любила. Я не хочу выходить замуж за человека, которого я не люблю.

Билли уже собирался ответить ей, что он все время был достоин ее, что его угрюмая и одинокая жизнь освещилась надеждой на победу над ненавистным ему строем,

что он решил посвятить этому делу всю свою жизнь и для него совершил экспроприацию в банке, но Барbara продолжала:

— Господи! У меня никогда и в мыслях не было, что вы могли быть здесь, Билли,— продолжала она.— И сейчас я пришла совсем случайно. Я хотела справиться у пленника о мистере Бриdge. Я хотела знать, удалось ли ему спастись... о, эта ужасная страна!

Тогда Билли осенила мысль. Как она раньше не пришла ему в голову! Ведь это и есть «Пенелопа» Бриdge, это она послала гонца к нему, Билли, чтобы спасти своего возлюбленного!

Теперь она ночью кралась в контору, чтобы поговорить с тем, кого она почитала за разбойника и грабителя. Она, очевидно, не могла найти себе покоя, не зная о судьбе человека, которого она любила. Билли так и застыл. Ему был нанесен удар в самое сердце! Но он не винил Бриdge: это была судьба. Он не осуждал и Барбару за то, что она полюбила его лучшего друга. Бридж как-никак больше подходил к ней, чем он сам. Он был образованный человек, Билли же еле научился писать.

— Бридж спасен,— сказал он.— И знайте, он не принимал никакого участия во взломе сейфа. Это сделал я один. Он не знал даже, что я был тогда в городе. Бридж — самый честный человек на всем свете, Барbara. Он даже преследовал меня в ту ночь и стрелял в меня, думая, что я настоящий грабитель. Он попал в мою лошадь и, когда он узнал меня, то заставил меня взять вашего пони и удрать, потому что солдаты Виллы меня наверняка бы убили, если бы поймали. Вы не можете винить его за это, не правда ли? Мы были с ним хорошиими товарищами, и он иначе не мог поступить. Это из-за него я вернул вам Бразоса. Я думаю, он теперь уже в конюшне. Я как раз ехал к вам, чтобы вернуть вам пони, когда меня поймали. Ну, а теперь ступайте, Барbara. Я так долго не спал, что еле держусь на ногах.

Он говорил холодным тоном. Казалось, ему неприятно было ее общество, хотя все его существо рвалось к ней.

Барbara была уязвлена в самое сердце. Она выпрямилась.

— Мне очень жаль, что я помешала вам,— сказала она ледяным тоном и вышла из комнаты, еле кивнув

головой. Но, идя обратно домой, она вся застыла от ужаса, и сердце ее всю дорогу выстукивало: «Завтра его расстреляют! Завтра его расстреляют!».

XXIV

ПОБЕГ

Целый час Барбара Хардинг ходила взад и вперед по веранде. В ее душе боролись гордость и любовь. Она не могла допустить его смерти, это она знала; но каким образом спасти его?

Звуки гитары и смех, доносившийся из помещения служащих, смолкли. Ферма спала. Тогда из-за гребня невысокого холма на противоположном берегу реки показался небольшой отряд молчаливых всадников.

У подножия этого холма проходила проволочная изгородь, отмечавшая восточную границу полей, принадлежавших ферме. Достигнув ее, передний всадник слез с коня, перерезал проволоку и отвел ее в сторону, так что лошади могли свободно проехать через получившуюся брешь. Кавалькада спустилась рысью к реке и впопыхах перешла ее вброд с уверенностью, которая ясно доказывала близкое знакомство всадников с этими местами. Затем всадники проехали мимо ряда ив, пересекли поляну и оказались у строений фермы. Манера их приближения, их полное молчание, ночной час — все предвещало нечто зловещее.

Барбара Хардинг внезапно остановилась. Видно было по ее лицу, что она приняла окончательное решение. Минуту она стояла захваченная какою-то мыслью, а затем быстро спустилась по ступенькам веранды и побежала по направлению к канторе. Здесь она застала Эдди дремлющим на своем посту. Она не будила его, она удовольствовалась тем, что он был один с пленником.

От канторы Барбара прошла к конюшням. Внутри загородки, уныло опустив головы, стояло несколько лошадей. При входе девушки они подняли морды и подозрительно фыркнули, насторожив уши. Когда Барбара подошла к ним ближе, лошади обошли ее и перешли на противоположную сторону конюшни.

В то время как они проходили мимо нее, она внимательно их осматривала. Сердце ее упало: Бразоса среди них не было! Вероятно, его выгнали на ночь на пастбище.

Она прошла к заставе, которая прикрывала проход из конюшни на выгон, и протиснулась между двумя перекладинами. На верхней перекладине висел недоуздок с веревкой. Она взяла его и пошла по росистой траве в поиски за лошадью.

Лишь бы только он не перешел реку! Она была уверена, что сможет найти и поймать Бразоса; он ее знал и охотно шел на ее зов.

Девушка почти бежала по еле заметной тропинке, ведущей к реке, и зорко оглядывалась в темноте, стараясь разглядеть силуэты лошадей и найти среди них своего милого Бразоса.

Чем ближе она спускалась к реке, тем унылее становилось ее настроение. Нигде не было видно и признака пасущихся лошадей. Пытаться накинуть недоуздок на одну из диких лошадей в конюшне было бы верхом безумия: только аркан, ловко брошенный рукой сильного мужчины, мог поймать дикого пони.

Барбара уже почти дошла до ряда ив, растущих у самой реки. Внезапно где-то совсем близко раздался жуткий вой дикой кошки. Девушка остановилась как вкопанная. Ее уже до того натянутые нервы не выдержали. Она почувствовала, как по спине ее пробежала дрожь и волосы на голове зашевелились от ужаса.

Вернуться обратно? Лошади могли все-таки быть между нею и рекой, но разум подсказывал ей, что они перешли реку. Пересилить ли ей свой нервный страх и пойти дальше в зловещую темноту, когда она была убеждена, что поиски ее не приведут ни к чему?

Она решила вернуться обратно. Она должна придумать другой способ! Но был ли другой способ? «Завтра его расстреляют! Завтра его расстреляют!» Она вздрогнула, закусила до крови губы, силясь подавить свой страх, и, решительно повернув к реке, вошла в рощицу ив.

Снова завыла кошка, но девушка не остановилась. Через несколько минут она прошла ряды ив и очутилась в нескольких шагах от реки. Она пристально всматривалась в темноту, но лошадей не было видно.

Тропинка, протоптанная копытами многих животных, прямо спускалась в бурлящую реку. Бразос должно быть пасся на той стороне.

Барбара в порыве отчаяния вонзила свои ногти в ладони. Она сошла вниз к самой воде. Река была черная и

выглядела зловеще. Даже днем Барбара не решилась бы перейти брод, ночью это было безумием!

Она подавила рыдание. Плечи ее опустились. Голова наклонилась вперед. Вся ее фигура была воплощением отчаяния и разочарования.

— Что мне делать? — простонала она.— Завтра его расстреляют!

Эта мысль, казалось, наэлектризовала ее.

— Они его не расстреляют! — закричала она громко.— Не расстреляют, пока я жива!

Она снова выпрямилась и подняла голову. Обвязав веревку вокруг талии, она глубоко вздохнула, чтобы придать себе уверенность, и смело шагнула в реку. Первые десять шагов не представляли никаких затруднений: брод был широкий и шел прямо. Но около середины реки, осторожно нащупывая каждый шаг своего пути, она подошла к месту, где дно сразу обрывалось на значительную глубину. Она попробовала пройти вверх по реке, стараясь установить направление нового поворота брода, но и здесь ей не удалось нащупать дна.

Тогда она повернула вниз по реке. Под ногами ее было каменистое дно. Так вот где брод! Она храбро шагнула вперед, хотя вода приходилась ей уже выше колен. Она сделала два-три шага. С каждым шагом возрастили в ней уверенность и надежда. Она сделала четвертый шаг — и дна не оказалось! Барбара почувствовала, как ее затягивает вперед, попыталась отступить, но течение было сильнее ее, и ее внезапно увлекло в самый поток.

Течение понесло ее обратно к тому берегу, с которого она только что спустилась, но желание спасти Билли Байрна было так сильно, что она повернулась лицом к противоположному берегу и поплыла вперед к цели, которую поставила перед ней ее великая любовь.

Несколько раз ее захлестывало силой течения, но она всякий раз снова подымалась на поверхность в отчаянной борьбе за жизнь человека, которого она некогда ненавидела и которого потом так полюбила...

Дюйм за дюймом приближалась она к желанному берегу, но с каждым дюймом чувствовала, что силы ее убывают.

Победит ли она? Ах, если бы она была мужчиной! И тут подумала: «Нет! Хорошо, что я женщина. Любовь женщины дала мне силу кинуться в объятия смерти ради

него!». Сердце ее стучало, как молот, борясь против напряжения задыхающихся легких; ноги окоченели. Но она не хотела сдаваться, хотя была убеждена, что ее усилия не приведут ни к чему.

Ее тело найдут в реке. Никто никогда не догадается, что было причиной ее смерти. Даже он не знает, что она умерла за него! Неожиданно она почувствовала, что сила течения ослабевает; волна мягко вынесла ее к берегу, и ноги коснулись песка.

Тяжело дыша, качаясь из стороны в сторону, она сделала несколько шагов и упала, цепляясь за берег реки. Здесь было мелко. Она пролежала так некоторое время, пока к ней не вернулись силы. Затем она заставила себя подняться и с трудом вскарабкалась на берег.

Теперь потребовалось всего несколько минут, чтобы найти лошадей. Они стояли, скучившись темной массой, около проволочной ограды в конце пастбища. При ее приближении они начали медленно отходить вдоль ограды.

Она тихонько позвала:

— Бразос! Иди сюда, Бразос!

Из движущейся массы лошадей отделилась одна и направилась к ней.

— Мой хороший Бразос! — ласково говорила она.— Славный пони!

Пони дал ей подойти и стал теряться о нее теплой мордой, ожидая угощения. Она накинула ему узду на нос и уши и облегченно вздохнула. Обвив его шею руками, она прижалась щекой к его мягкой и теплой морде.

— Славный, милый Бразос! — прошептала она.

Лошадь стояла смирно, пока девушка взобралась к ней на спину, а затем по ее слову двинулась к броду. Переход через него на этот раз оказался совсем не труден, потому что Барбара опустила поводья и предоставила Бразосу самому находить дорогу.

Тихим шагом, чтобы не вспугнуть обитателей фермы, проехала она через рощу ив, миновала полянку и въехала через ворота на двор. Здесь она привязала Бразоса к наружной стене конюшни, а сама отправилась за седлом и поводьями. Чье седло она взяла, она не знала, да ей это было все равно. Она почувствовала только, что оно страшно тяжелое. Ей еле хватило сил дотащить его до того места, где стоял Бразос.

Три раза пробовала она взвалить седло на спину

пони, пока ей это наконец удалось. Ни одна лошадь на мызе не дала бы так себя мучить кроме Бразоса, но смиренный пони терпеливо стоял, пока тяжелое седло не было укреплено у него на спине.

Оседлав наконец Бразоса, Барбара повела его кружным путем к задней стороне конторы. Здесь она увидела огонь в комнате, где был заключен Билли. Бросив поводья на землю, она направилась к переднему фасаду конторы и заглянула в окно.

Эдди спал, развалившись в конторском кресле. Он поставил ноги на высокую конторку. На коленях его лежал шестизарядный револьвер, второй револьвер находился за поясом в кобуре.

Барбара на цыпочках подкралась к двери. Затаив дыхание, она тихо повернула ручку. Дверь бесшумно отворилась, и минуту спустя Барбара стоял в комнате. Глаза ее были устремлены на Эдди Шортера. Он не двигался и мерно дышал.

Барбара подошла к нему.

В это время позади главного дома три фигуры крались в темноте, стараясь держаться зарослей. За ними на расстоянии двухсот футов стояла небольшая кучка лошадей, около которой виднелись еще фигуры мужчин, ожидавших в полном молчании. Главный дом был по строению таков, какие встречаются сотнями по всему Техасу. Это был простой двухэтажный сруб, некрасивое серое пятно на фоне живописного мексиканского пейзажа.

Ночные хищники взобрались на крышу веранды и подошли по ней к открытому окну. Это было окно спальной комнаты мисс Барбары Хардинг. Они остановились и прислушались; затем двое из них вошли в комнату. Они исчезли лишь на несколько минут. Когда они вышли, то жестами выражали третьему, ожидавшему их человеку досаду и разочарование.

Осторожно спустились они тем же путем, как пришли, и двинулись обратно к группе людей, оставшихся с лошадьми. Здесь последовало таинственное совещание, а пока оно происходило, Барбара Хардинг подошла к Эдди и твердой рукой, несмотря на страх, обуявший ее, взяла револьвер с его колен... Эдди продолжал спать.

Девушка на цыпочках подошла к запертой двери, ведущей в заднюю комнату. Ключ был в замке. Тихонько повернула она его, кидая украдкой взгляд на спав-

шего сторожа и держа наготове его же собственный револьвер.

Эдди шевельнулся во сне и поднес руку к лицу. Сердце Барбары Хардинг замерло. Она стояла и ждала, что Эдди откроет глаза и увидит ее... Но рука беспомощно упала, и он снова стал мерно дышать.

Ключ мягко повернулся в замке под осторожным нажатием ее пальцев, задвижка без шума отодвинулась, и Барбара полуоткрыла дверь. Билли Байрн быстро повернул голову, и при виде молодой девушки удивление отразилось на его лице; но он не произнес ни слова, потому что девушка поднесла палец к губам, жестом призывая его к молчанию.

Подойдя к нему, она велела ему встать, и начала развязывать узлы веревок, которыми были связаны его руки. Вдруг ей послышался легкий шум. Она остановилась, подошла к двери, которую при входе оставила открытой, и тщательно ее притворила.

Понадобилось пять бесконечных минут для того, чтобы распутать узлы. Наконец веревка упала на пол. Билли Байрн был свободен.

Он собирался заговорить, поблагодарить ее, побранить, может быть, за безрассудно смелый поступок; но она снова приказала ему молчать и тихо шепнув: «Идем!», повернулась к двери.

Она приоткрыла небольшую щелку, чтобы заглянуть в соседнюю комнату, и держала при этом револьвер наготове. Эдди все еще спал в счастливом неведении того, что творилось в нескольких шагах от него.

Оба двинулись теперь к наружной двери конторы. Тут только заметила Барбара, что шпоры Билли слегка звенели при ходьбе; она повернулась к нему, чтобы его предостеречь. На одну минуту только отвернулись они от Эдди Шортера и, по случайности судьбы, как раз в эту минуту Эдди открыл глаза.

То, что он увидел, было так поразительно, что он осталенел. Он увидел своими глазами Барбару Хардинг с револьвером в руке, помогающую разбойнику бежать. Но в этот же миг Эдди увидел и другую картину — образ матери в небольшой ферме в Канзасе. Эдди подумал, что этот человек пробудил в нем решение вновь вернуться к своим. Он вспомнил тоже, что этот разбойник спас его мать от мучений и смерти,— и Эдди быстро закрыл глаза. Мисс Барбара была всегда так ласкова

с ним! В своем юношеском сердце он питал к ней нежность. Она видно хочет, чтобы разбойник бежал... Эдди почувствовал, что он готов на все для нее, даже если бы ему пришлось за это рисковать своей жизнью.

Молодая девушка и Билли были у самой двери. Она пропустила его вперед, в то время как сама направляла револьвер на Эдди, затем прошла в дверь и прикрыла ее. Эдди Шортэр мерно дышал, зажмурив глаза, и мысленно желал Билли Байрну благополучного бегства.

На дворе, позади конторы, Барбара сунула в руки Билли револьвер.

— Он вам понадобится,— сказала она торопливо.— Вот Бразос, возьмите его. Счастливого пути, Билли!

И с этими словами она ушла.

Билли желал броситься за ней; но вспомнил Бриджса и, тяжело вздохнув, повернулся к терпеливо ожидающему его пони. Медленно подобрал он поводья, сел на лошадь и, не торопясь, с таким беспечным видом, как будто он был почетным гостем, уезжающим при дневном свете, выехал со двора и повернулся к северу вдоль по реке.

XXV

БИЛЛИ ЕДЕТ ОБРАТНО

Когда Билли скрылся в темноте, Барбара Хардинг медленно пошла к дому. В это время от маленькой группы людей, совещавшихся между собой, отделились трое мужчин и начали красться к Барбаре. Они заметили девушку после того, как она попрощалась с Билли, когда она вышла на освещенную луной площадку перед домом.

Они спрятались в тени за углом. Когда она приблизилась к веранде, они быстро выбежали вперед, схватили ее сзади и потащили на двор. Чья-то рука зажала ей рот и чей-то голос угрожающе приказал ей молчать.

Они потащили ее к тому месту, где их ждали товарищи с лошадьми. Огромный парень вскочил на коня, поднял Барбару и посадил ее в седло впереди себя. Остальные тоже сели на коней и бесшумно выехали за ворота.

Барбара даже не пыталась кричать. Она сразу увидела, что попала в руки индейцев-пиманов, а из того, что

она слышала про это небольшое племя, ютившееся в восточных горах, она знала, что им ничего не стоило в случае тревоги пырнуть ее ножом.

Хозе был пиман... Она немедленно сообразила, что это похищение — его рук дело. Ну, если так, она могла быть спокойной за свою жизнь. Старый Хозе в свое время был известен количеством выкупов, собранных им...

Отец ее, конечно, сумеет собрать требуемую сумму, и она отделается несколькими днями неудобств и лишений. Рассуждая таким образом, ей было не трудно сохранить присутствие духа.

В то время, как Барбару везли на восток, Билли Байрн продолжал двигаться к северу. Он думал по дороге завернуть в хижину Хозе и передать ему поручение Пезиты. Он хотел затем отправиться к западу, в горы, где его ждал Пезита, и подбить его на новый набег на кого-нибудь из любимчиков Виллы. Билли теперь очень недолюбливал генерала Виллу...

Он бы с радостью сделал набег на Эль-Оробо-ранчо и проучил бы управляющего; но, в виду того, что ферма принадлежала Антону Хардингу и что Барбара жила там, приходилось оставить всякую мысль о мести.

«Может быть мне все-таки еще представится случай рассчитаться с ним», подумал он: «Очень уж мне этот управляющий не нравится!».

Было четыре часа утра, когда Билли соскочил с лошади перед хижиной Хозе. Он стучал в дверь до тех пор, пока старик не отпер.

— Э! — воскликнул индеец, узнав своего раннего гостя.— Ты удрал от них? Ловко! — И старик захихикал.— Я послал четыре часа тому назад сказать Пезите, что вилластанцы захватили капитана Байрна и увезли его в Куиваку.

— Спасибо,— сказал Билли.— Пезита просит, чтобы ты послал ему Истебана. Я не мог сказать тебе это вечером, когда кругом стояли эти черти вилластанцы, и потому заехал к тебе теперь.

— Я пошлю Истебана сегодня же, если смогу, но наверное не знаю, смогу ли. Истебан сейчас работает для этой свиньи Грэйсона.

— Какое у него дело с Грэйсоном? — спросил Билли.— И что это Грэйсон делал здесь у тебя, Хозе? Не слишком ли ты подружился с врагами Пезиты?

— Хозе со всеми в ладу,— усмехнулся старик.— У Грэйсона было дельце, для которого ему нужны были верные люди. Хозе доставил ему людей. Вот и все. Грэйсон хорошо платит, а дело это не имеет никакого отношения ни к Пезите, ни к Вилле, ни к революции; это совсем частное дело. Грэйсону нужна была сеньорита. Он заплатил, чтобы ее похитили. Только и всего!

— А! — сказал Билли и зевнул. Его нисколько не интересовали любовные похождения Грэйсона.— Зачем же он сам не достает ее, — спросил он равнодушно.— Мокрая же он курица, если ему нужны люди, чтобы заполучить себе мексиканскую девку!

— Это не мексиканская девка, сеньор капитан,— ответил Хозе.— Это прекрасная сеньорита, дочь владельца Эль-Оробо-ранчо.

— Что? — закричал Билли Байрн.— Что ты мелешь?

— Так оно есть, сеньор капитан. Что же из этого? Грэйсон хорошо заплатил мне, чтобы я достал людей. Я достал ему Истебана с его всадниками. Сегодня ночью они поедут похищать сеньориту, но не для дурака Грэйсона...— И старик засмеялся.— Тут уж я ничего не могу поделать, не правда ли? Грэйсон заплатил мне, чтобы я достал людей — я достал. Чем же я виноват, если они удержат сеньориту для себя.

И старый негодяй насмешливо дернул плечами.

— Они поедут за ней сегодня ночью? — закричал Билли.

— Да, сеньор,— ответил Хозе.— Они даже наверное увезли ее.

— Черт! — пробормотал Билли Байрн и так быстро вскочил на Бразоса, что маленький пони осел на задние ноги, а затем, как стрела, понесся к югу, по той же дороге, по которой недавно приехал.

В этот день Бразосу пришлось уже сделать немалый конец, но он только на протяжении десяти миль нес на себе всадника и потому не очень устал. Он помчался как ветер по пыльной дороге по направлению к Оробо.

Никогда не пробегал он десяти миль в такое короткое время; еще не было пяти часов, когда он, шатаясь от усталости, остановился и упал перед дверями конторы Эль-Оробо.

После того как Барбара и Билли вышли из конторы, Эдди Шортер остался сидеть в кресле, намереваясь разбудить Грэйсона только тогда, когда беглец будет уже

далеко. Он весело усмехнулся, представляя себе ярость грубого управляющего и злость вилластанцев, когда они узнают о побеге Билли! Эдди заснул на своем кресле с широкой улыбкой, застывшей на его добродушном лице.

Было уже совсем светло, когда он проснулся. Взглянув на маленькие часы, тикающие на стене, он увиделенно вскрикнул и вскочил на ноги. Как раз в ту минуту, когда он открыл наружную дверь конторы, он увидел всадника, соскочившего с лошади перед самыми дверями.

Лошадь пошатнулась и упала, и он узнал в ней Бразоса. Взглянув на всадника, он и его узнал сразу.

— Вы? — вскричал Эдди.— Что вы здесь делаете? Я должен буду теперь схватить вас, черт вас возьми! И он потянулся за револьвером.

— Брось,— коротко посоветовал ему Билли,— и слушай! Теперь не время для глупостей. Я вернулся сюда не за тем, чтобы меня поймали,— заруби себе на носу. Я узнал, что индейцы были здесь ночью. Их подкупили, чтобы похитить мисс Хардинг. Идем! Посмотрим, тут ли она или нет. И не затевай никаких глупостей, Эдди. Я не дам себя снова поймать, а кто попробует это сделать, получит свое — понимаешь?

Эдди в один миг скатился со ступеней крыльца и помчался к главному дому.

— Я заодно с вами,— сказал он.— От кого вы узнали? Кто мог это сделать?

— Безразлично, кто мне сказал, но устроил это индеец Истебан для Грэйсона. Грэйсон хотел похитить мисс Хардинг для себя.

— Собака! — воскликнул Эдди.

Оба помчались к веранде главного дома и стучали до тех пор, пока им не открыл слуга-китаец. Он просунул голову и испуганно смотрел на них.

— Мисс Хардинг здесь? — спросил Билли.

— Мисс Харди спать,— пролепетал слуга и собирался уже захлопнуть дверь перед самым их носом, но Билли просунул в щель свой тяжелый сапог. В следующее мгновение он положил широкую ладонь на лицо китайца и отпихнул его назад. Пройдя в дом, Билли начал громко звать мистера Хардинга.

— Что такое? — спросил тот тревожно, появляясь

полуодетый из спальни.— В чем дело? Помилуй бог, это вы? Это вы, Билли Байрн?

— Ясно,— коротко отрезал Байрн,— но нечего терять время на пустые разговоры. Я узнал, что мисс Барбару хотели похитить сегодня ночью. Может быть ее уже похитили. Бегите и посмотрите: тут ли она?

Антон Хардинг, не говоря ни слова, опрометью бросился к узкой лестнице, ведущей во второй этаж. Со временем своей молодости он ни разу не подымался так быстро. Даже не передохнув на площадке, он кинулся в комнату своей дочери. Она была пуста. Постель не была смята! Было видно, что на ней не спали. Со стоном бросился Хардинг обратно и пробежал через остальные комнаты верхнего этажа: Барбары нигде не было. Тогда он поспешил вниз, где его ожидали оба молодых человека.

В то время, как он входил в комнату с одной стороны, с другой через дверь, ведущую с веранды, вошел Грэйсон. Билли слышал шаги, подымающиеся по деревянным ступенькам, и приготовился встретить его. Когда Грэйсон вошел, он увидел наставленное на него дуло шестизарядного револьвера. Управляющий остановился в изумлении и посмотрел сначала на Билли Байрна, затем на Эдди Шортера и наконец на мистера Хардинга.

— Что все это значит? — спросил он, обращаясь к Эдди.— Что вы здесь делаете с пленником? Кто вам позволил его выпускать?

— Нечего зря болтать,— проворчал Билли Байрн.— Шортер меня выпускать и не думал! Я сам удрал несколько часов тому назад и теперь вернулся от старого Хозе, чтобы спросить тебя, хитрая ты лиса, куда ты девал мисс Хардинг. Где она?

— Какое отношение имеет к этому мистер Грэйсон? — спросил ничего не понимающий мистер Хардинг.— Как может он знать что-нибудь об этом похищении? Я ничего не понимаю. Как вы здесь очутились, Байрн? Почему Грэйсон говорит о вас, как о пленнике? Что вы знаете о моей дочери?

Билли, не спуская револьвера с Грэйсона, ответил Хардингу:

— Вот этот мерзавец нанял пиманов, чтобы похитить мисс Барбару. Я все узнал от того самого человека, который должен был доставить для этого дела «верных

людей». Как видно, Грэйсон готовил мисс Барбару для себя! — И Билли бросил уничтожающий взгляд на управляющего.— Я видел ее после полуночи, как раз до того, как я удрал, так что ее не могли увезти далеко.. Теперь эта несчастная тварь,— он опять метнул сумрачный взгляд на Грэйсона,— не может нам помочь; он сам столько же знает, сколько и мы. Пиманы его надули и девушки ему не отгадут. Это я тоже узнал, но куда они ее увезли и что они с ней сделают — я не знаю.

При этих словах Билли в первый раз отвернулся от Грэйсона и взглянул прямо в глаза Антону Хардингу. Последний увидел на энергичном лице Билли выражение безысходного страха, разрывавшего его сердце.

Управляющий воспользовался минутой, пока Билли не смотрел на него, и быстро побежал к веранде конторы, где стояли четыре солдата Виллы, выражавшие свое неудовольствие по случаю исчезновения пленника.

XXVI

В ПОИСКАХ БАРБАРЫ ХАРДИНГ

Билли Байрн стремглав выскочил во двор. Управляющий громко кричал четырем мексиканцам, что их пленник в главном доме, и, когда они взглянули в этом направлении, они увидели его с револьвером в руке, идущего медленно к ним.

На губах его играла улыбка, которую они из-за расстояния не могли рассмотреть и которую, не зная Билли Байрна, они истолковали бы неправильно; но они верно сумели понять направленный на них револьвер, и один из мексиканцев вскинул ружье на плечо.

Однако ему не удалось спустить курок, потому что раздался выстрел позади Билли Байрна, и мексиканец, качнувшись вперед, упал с крыльца на землю.

Билли повернул голову по тому направлению, откуда раздался выстрел. К нему бежал Эдди Шортер с дымящимся револьвером в руке.

— Ступай назад! — крикнул Байрн.— Это мое дело!

— Ни за что! — ответил Эдди Шортер.— Они за подлеца Грэйсона!

Солдаты действительно приближались, стреляя на ходу. Пули так и свистели вокруг обоих американцев.

Грэйсон присоединился к вилластанцам. На место сражения бежали служащие, привлеченные первыми выстрелами.

Билли и Эдди твердо стояли в нескольких шагах друг от друга. Грэйсон побежал искать прикрытия. Билли Байрн сразил последнего мексиканца как раз, когда служащие, запыхавшись, прибежали на место боя. Среди них были американцы и мексиканцы. Ни один из них не подумал вступиться за ненавистного управляющего. Они остановились неподалеку от обоих молодых людей. То обстоятельство, что Эдди был на стороне незнакомца, спасло Билли Байрна от неминуемой смерти. Эдди любили все его товарищи.

— В чем дело? — спросил один из американцев.

Эдди рассказал им, и, когда они узнали, что дочь хозяина похищена и что душою этого дела был Грэйсон, то в американцах вспыхнула страшная злоба.

— Где эта собака? — закричал кто-то.

— Я видел его за зданием конторы,— сказал Эдди.

— Идем! — воскликнул другой.— Мы захватим его.

— Веревку!

Люди говорили тихим, обыденным голосом; они казались совершенно спокойными на вид, но на всех лицах была написана непреклонная решимость. Один из них побежал обратно в помещение для служащих за веревкой. Другие медленно двинулись к заднему фасаду конторы. Грэйсона там не оказалось. Поиски продолжались. Американцы шли впереди; мексиканцы держались отдельной группой,— это их не касалось. Если американцы желали линчевать другого американца,— великолепно! Это было их дело. Мексиканцы желали остаться в стороне.

Обыскивали все дома служащих, кухни, кладовые: Грэйсона не было нигде. В переднем помещении конюшни один из американцев заметил наконец, что седло управляющего исчезло. Они прошли дальше. Загородки были сняты и все верховые лошади угнаны!

Вскоре Эдди Шортер указал на невысокие холмы, видневшиеся за рекой на горизонте. Все взглянули туда: на гребень холма как раз поднимался всадник. Силуэт человека и лошади ясно выделялся на небе, освещенный утренним солнцем.

— Это он! — воскликнул Эдди.

— Ну, и черт с ним! — сказал Билли Байрн.— Он больше не вернется, а гнаться за ним не стоит. Во всяком случае не теперь, когда нам нужно искать мисс Барбару. Моя лошадь на пастбище вместе с вашими. Я пойду и поймаю ее. Пойдешь со мной, Шортер? Мне может понадобиться помочь, я еще не вполне владею арканом.

Не дожидаясь ответа, он вышел на пастбище. Американцы последовали за ним. Они вместе окружили лошадей и погнали их к конюшне. Когда Билли оседлал своего пони и сел на него, он увидел, что и другие последовали его примеру.

— Мы едем с вами,— сказал один из служащих.— Мисс Барбара была славная девушка!

Билли кивнул головой и двинулся по направлению к главному дому. Здесь он слез с лошади и вместе с Эдди Шортером и мистером Хардингом обошел вокруг дома, чтобы найти следы похитителей. Вскоре они наткнулись на место, где в прошлую ночь стояли лошади индейцев.

Отсюда след отчетливо вел вниз к реке. Минуту спустя все десять американцев направились по этому следу. Мистер Хардинг снабдил Билли Байрна карабином, вторым револьвером и снарядами.

След вел через реку, через перерезанную проволочную изгородь, вверх на утесы и затем через невысокие холмы. С милю еще он был отчетливо виден, а затем вдруг исчез, как будто всадники разделились.

— Они ускакали в горы,— сказал Билли, когда остальные собрались вокруг него для совещания.— Это были пиманы из племени Истебана. Они спрятали ее где-нибудь в горах. Нам нужно разделиться и обыскать каждую пядь земли, чтобы ее найти. Кто первый найдет, должен выстрелить, а остальные подъедут на помощь. Лучше нам отправиться парами: если убьют одного, другой может удрать и показать дорогу остальным.

Все согласились с его предложением и разделились на пары. Эдди Шортер присоединился к Билли Байрну.

— Теперь в разные стороны! — скомандовал Билли.— Мы с Эдди поедем прямо вперед, а вы поезжайте в обе стороны от нас. До свидания, желаю успеха!

И он быстрой рысью пустился в горы.

Оставшиеся на ферме мексиканцы собрались в кучу и

начали оживленно беседовать. За отсутствием управляющего, им нечего больше было делать, как говорить о своих делах. Жалованья им не платили со времени ограбления банка в Куиваке. Мистер Хардинг нигде не мог достать денег. Правда, он получил уведомление, что деньги высланы, но было еще очень сомнительно, прибудут ли они в Эль-Оробо.

— Зачем нам здесь околачиваться, когда нам не платят? — сказал один из мексиканцев.

— Конечно! — хором подхватили другие.

— Здесь делать все равно нечего,— сказал первый.— Поедем в Куиваку. Мне смерть как надоела эта проклятая ферма!

Эти слова были встречены всеобщим одобрением. Несколько минут спустя они уже мчались галопом по направлению к городу.

В Куиваке они прямо остановились у пивной и на те немногие деньги, которые у них оставались, заказали пива на всю братию.

Немного спустя в пивную вошел старый сухопарый индеец. Он был весь в пыли от долгой езды.

— А, Хозе! — закричал один из мексиканцев из Эль-Оробо-ранчо.— Что ты здесь делаешь, старый плут?

Хозе взглянул на мексиканцев. Его поразило, что они все в Куиваке. В Эль-Оробо не было обычая отпускать в город больше четырех служащих за раз, даже в дни получки.

— Хозе приехал купить кофе и табаку.— Он оглянулся.— Где же другие? — спросил он.— Американцы?

— Они погнались за Истебаном,— объяснил один из мексиканцев.— Он похитил сеньориту Хардинг.

Хозе поднял брови, как будто в первый раз слышал об этой новости.

— И сеньор Грэйсон с ними? — спросил он.— Он ведь очень любил сеньориту!

— Сеньор Грэйсон удрал,— продолжал мексиканец.— Его хотели повесить. Говорят, будто он сам подготовил Истебана.

Снова Хозе поднял брови.

— Быть не может! — воскликнул он изумленно.— А кто же остался на ферме? — осведомился он через некоторое время.

— Сам сеньор Хардинг, двое мексиканских слуг да китаец,— ответил один из компаний.

— Ну, мне пора! — объявил вскоре старый индеец.— Ведь для меня, старика, путь нелегок от моей хижины до Куиваки и обратно!

Мексиканцы больше не обращали на него никакого внимания, и индеец пошел искать свою лошадь. Но когда он сел на нее и выехал из города, то странным образом повернулся не на восток, где лежал его дом, а на северо-запад.

В этот день, после посещения Билли, Хозе пришлось не мало поездить. Он прежде всего отправился на запад на небольшую ферму, принадлежавшую одному приверженцу Пезиты, чтобы тот сообщил генералу, что его капитан Байрн убежал от вилластанцев. Затем кружным путем Хозе поехал в Куиваку.

Теперь он снова ехал к Пезите, но на этот раз он хотел передать ему сообщение лично. Он нашел начальника в лагере и долго говорил с ним о самых невинных предметах. Наконец, выкурив бесчисленное количество пахитосок, индеец заговорил о цели своего визита.

— Хозе только что из Куиваки,— заговорил он.— Он пил там пиво со всеми мексиканцами, которые служат в Эль-Оробо-ранчо,— со всеми, ты слышишь меня? Кажется, Истебан похитил прекрасную сеньориту из Эль-Оробо-ранчо. Мексиканцы сказали Хозе, что все американцы, которые живут на ферме уехали ее искать,— все, ты понимаешь? Странно, что в такое опасное время они оставляют Эль-Оробо без всякой охраны! Там только богатый сеньор Хардинг да двое мексиканских слуг и китаец.

В палатке, смежной с палаткой Пезиты, растянувшись на одеяле, лежал мужчина. Как ни тихо говорил Хозе, но он поднял голову и прислушался. Теперь он слышал каждое слово, и лицо его нахмурилось. Барбару украли! Старый Хардинг один на ферме! И Пезита это знает!

Бридж вскочил. Он одел пояс с патронами, схватил карабин и прополз под задней стеной палатки. Затем он тихонько двинулся к тому месту, где были привязаны лошади.

— А! Сеньор Бридж! — произнес над его ухом чей-то ласковый голос.— Куда это вы едете?

Бридж обернулся. Перед ним стоял ехидно улыбающийся Розалес.

— О,— ответил он беспечно,— я вышел поглядеть, нельзя ли поохотиться. Страшная тоска сидеть и ничего не делать!

— Да, сеньор,— вежливо согласился Розалес.— Я тоже порядком скучаю. Хотите, поедемте вместе: я знаю, где тут лучше всего поохотиться.

— Конечно, это будет мне очень приятно,— сказал Бридж и сразу подумал, что Розалес был назначен шпионить за ним, а может быть даже собирается пустить ему пулю в спину.

Розалес кликнул солдата, чтобы тот оседлал двух коней, и вскоре Бридж и Розалес выехали рядом из лагеря. Там, где дорога была узкая и приходилось ехать гуськом, Бридж пропускал Розалеса вперед, а мексиканец любезно позволял американцу ехать позади.

Если им руководили другие соображения, а не шпионаж, он, очевидно, выжидал врем�.

В том месте, где дорога спускалась в долину, Розалес неожиданно предложил повернуть на север.

— В долине нет никакой охоты,— убеждал Бриджа Розалес.

— Может быть и найдется,— беспечно ответил Бридж, а затем, издав неожиданно крик изумления, указал рукою через плечо Розалеса.— Что это? — закричал он.

Мексиканец быстро обернулся назад.

— Я ничего не вижу,— сказал Розалес.

— Может быть теперь увидите! — крикнул Бридж, направляя на него дуло своего карабина.

— Сеньор Бридж! — воскликнул Розалес.— Что с вами?

— Если вы дорожите вашей жизнью,— сказал Бридж,— то слезайте с вашего пони и держите руки вверх. Живо!

Розалес мрачно исполнил приказание.

— Повернитесь ко мне спиной! — скомандовал Бридж, и, когда мексиканец повиновался, Бридж слез с коня и снял с пояса Розалеса его револьвер.

— Теперь ступайте, Розалес,— сказал Бридж,— и, если снова в ваши руки попадет американец, вспомните, что я пощадил вашу жизнь, когда мне было так легко убить вас, что для меня было бы несравненно безопаснее.

Мексиканец ничего не ответил, но его злобное лицо не предвещало ничего доброго для того американца, ко-

торый имел бы несчастье попасться ему. Он медленно повернулся и пошел к лагерю Пезиты.

«Я буду уже на полпути к Эль-Оробо», подумал Бридж, «прежде, чем он успеет рассказать Пезите, что с ним случилось».

Затем он снова вскочил на коня и спустился в долину, ведя за собой пони Розалеса, которого он боялся отпустить, потому что тот, без сомнения, вернулся бы обратно в лагерь, да еще вдобавок мог встретить Розалеса на полпути. Бриджу было необычайно важно выиграть время; нужно было, чтобы Пезита как можно позже узнал о его бегстве.

Бридж не знал, что приключилось с Билли, потому что Пезита постарался, чтобы до него не дошли никакие сведения. Несмотря на это, Бриджа очень тревожило продолжительное отсутствие его друга. Он знал, что, отправляясь в Эль-Оробо, к своим отъявленным врагам, Билли рисковал и свободой и жизнью.

А далеко позади него Розалес уныло брел по крутой каменистой дороге и придумывал самые ужасные пытки для первого американца, который попадется ему в руки.

XXVII

СМЕРТЬ ЭДДИ

Билли Байрн и Эдди Шортер упорно следовали по лощине, уходившей в горы. Сперва по обе стороны, на расстоянии около мили, они видели остальных, но скоро въехали в горы и потеряли их из виду.

Оба — и Байрн и Эдди — чувствовали, что случайно попали на верный след. В узком горном проходе, по которому они ехали, виднелась хорошо наезженная тропа. Это было идеальное место для засады, и оба молодых человека вздохнули свободнее, когда они выехали из ущелья и очутились в более открытой местности. Это было неширокое плоскогорье между отрогами и главной цепью гор.

Здесь снова ясно обозначалась тропа. Взглянув вперед, Эдди увидел, что она уходила по направлению к пятну яркой зелени, выделявшемуся у подножия тусклых серовато-коричневых гор. Эдди издал радостное восклицание.

— Мы на верном пути, дружище,— сказал он.— Там

должна быть вода,— и он указал на зеленое пятно.— Там должна быть и их деревня. Я никогда не был в этих местах. Но я бьюсь об заклад, что их становище здесь.

Они поехали в гору, направляясь к замеченной ими зелени. Иногда они видели ее, иногда же она исчезала за поворотом. Они теряли ее из виду, когда спускались в овраги и рытвины, но все же это зеленое пятно было их путеводной точкой. Они больше не сомневались, что дорога, по которой они ехали, вела прямо туда. И в то время как они ехали к этому месту, понукая своих усталых пони, пара черных сверкающих глаз наблюдала за ними из этого самого зеленого оазиса.

Гибкое коричневое тело часового лежало, удобно растянувшись на траве, на краю небольшого пригорка, под которым должны были проехать всадники, прежде чем достигнуть деревни.

Неподалеку от него низвергался сверху родник чистой прозрачной воды и образовывал внизу, между скалами, маленькие озера. Этой водой пиманы орошали свои небольшие поля, прежде чем вода снова уходила в землю.

Рядом с часовым лежала длинная винтовка нового образца. Глаза его, не мигая, следили за двумя точками, двигавшимися далеко внизу. Он уже давно сообразил, что это были чужестранцы.

Другое коричневое тело проскользнуло к нему и выглянуло вниз, через край склона, на дерзких белых людей. Он шепотом сказал несколько слов часовому, а затем пополз обратно и исчез.

Билли Байрн и Эдди Шортэр неуклонно двигались вверх по извилистой дороге. Каждый из них чувствовал, что в любой момент какой-нибудь караульный может обнаружить их приближение и что пуля наверняка сразит одного из них. И все же они не колеблясь рисковали своею жизнью ради девушки, которая была в пленау где-то среди этих гор.

Когда они подъехали ближе, Эдди заметил тонкий столб дыма, подымавшийся между деревьями. Теперь он окончательно убедился, что они случайно попали на путь, ведущий в деревню пиманов.

— Теперь смотри в оба,— сказал Эдди, когда они спустились в овраг, из которого, судя по его расположению, дорога вела вверх прямо в деревню.— Если они захотят нас подцепить, так это будет именно здесь.

Как будто в подтверждение его слов, над ними раз-

дался ружейный выстрел. Эдди судорожно подпрыгнул в седле и схватился за грудь.

— Я ранен,— сказал он почти спокойным тоном.

В ответ прогремел револьвер Байрна, направленный туда, где Билли увидел струйку дыма после выстрела. Затем Билли повернулся к своему спутнику.

— Серьезно ранен? — спросил он.

— Да, кажется,— ответил Эдди слабым голосом.— Что нам делать? Спрятаться здесь или ехать обратно за другими?

Снова раздался над ними выстрел, и лошадь Эдди упала под ним. На этот раз тщательно наблюдавший Билли увидел стрелявшего человека — в нескольких шагах от того места, откуда он стрелял в первый раз. Билли снова выстрелил: коричневое тело слегка поднялось с земли и покатилось по траве.

— Я полагаю, нам придется остаться здесь,— сказал Билли, грустно смотря на павшую лошадь Эдди.

Эдди встал, но при этом зашатался и побледнел, как полотно. Билли спрыгнул с лошади и побежал к нему, чтобы его поддержать. Снова раздался выстрел сверху,— лошадь Билли Байрна рухнула на землю!

— Черт! — громко выругался Байрн.— Нужно выбираться отсюда!

И, подняв на руки своего раненого товарища, он побежал под прикрытие утеса, с вершины которого индейцы их обстреливали. Плотно прижавшись к отвесной скалистой стене, они оказались вне достижения выстрелов; но Билли на этом не успокоился.

Несколько вверх по тому направлению, где лежала деревня, Билли увидел место, которое, по его мнению, представляло великолепный защитный пункт. Здесь гора была менее крута и над этим местом и вокруг него лежали большие глыбы.

К ним-то и направился Билли, перекинув Эдди через плечо. Бедный юноша страшно страдал; но он закусил губы и подавлял крики, готовые вырваться при каждом шаге его товарища, боясь привлечь внимание неприятеля на их передвижение.

Над ними все было тихо; однако Билли знал, что зоркие краснокожие враги подкрадываются к краю утеса, выискивая свою добычу. Если бы он мог укрыться за глыбами раньше, чем пиманы его увидят!

Те немногие минуты, которые понадобились на то,

чтобы пройти двести футов, показались Билли Байрну целою вечностью. Наконец он втащил почти бессознательного Эдди между двумя огромными глыбами под самым краем утеса и очутился в небольшой естественной крепости, хорошо приспособленной для защиты.

Сверху они были защищены от обстрела индейцев громадной нависающей глыбой, в то время как другая глыба, стоявшая как раз впереди них, защищала их со стороны дороги.

Глыбы меньших размеров, рассеянные вокруг, укрывали их от флангового огня. Как только Билли спрятал Эдди в сравнительно безопасное место, он принял лихорадочно сооружать невысокий бруствер со стороны деревни, откуда естественно можно было ожидать нападения.

Устроив укрепление, он обратил внимание на противоположную сторону и вскоре воздвиг и здесь подобное же укрепление. Затем он обратился к Эдди, не переставая зорко следить за обеими подходами к своей крепости.

Юноша лежал на боку и глухо стонал. Кровь окрашивала его губы и ноздри, и, когда Билли Байрн расстегнул его рубашку и увидел зияющую рану на груди, он понял, насколько серьезно было положение его товарища. Эдди, почувствовав прикосновение руки, открыл глаза.

— Вы думаете, мне пришел конец? — спросил он беспокойно.

— Ничего подобного! — весело солгал Билли.— Пустая царапина. Через день-два ты будешь опять молодцом!

Эдди уныло покачал головой.

— Хотел бы я вам поверить,— сказал он.— Я все время мечтал, что вернусь домой и увижу мать. Я ни о чем другом не думал с тех пор, как вы сказали мне, как она без меня скучает. Я вижу ее теперь перед собой так ясно, как будто я дома. Бьюсь об заклад, что она теперь моет пол в кухне. Мать вечно что-нибудь мыла. Ох, как жаль, что со мной должна была случиться такая история, как раз когда я захотел вернуться домой!

Билли не мог придумать, что ему сказать. Он взглянул вниз и вверх по горной дороге, ища неприятеля.

— Домой! — шептал Эдди.— Домой!

— Ты поедешь, мальчуга, домой,— ласково успокаивал его Билли.— Парни с фермы должны были слышать выстрелы. Они приедут к нам на выручку. Тогда мы спра-

вимся с индейцами и отвезем тебя в Эль-Оробо, а там ты живо поправишься!

Эдди взглянул на Билли и попытался улыбнуться. Он положил свою, уже побледневшую, руку на руку Билли.

— Спасибо, дружище! — прошептал он чуть слышно.— Я знаю, что вы говорите неправду. Но мне все же приятно, что вы это сказали!

Билли не мог на это придумать никакого более подходящего ответа, как:

— А, черт!

— Слушайте,— снова начал Эдди после минутного молчания.— Если вы когда-нибудь вернетесь в Штаты, то обещайте мне заглянуть к отцу и матери. Скажите им, что я собирался домой, чтобы оставаться с ними навсегда. Скажите им, что я умер честной смертью так, как дед, сражаясь.

— Ясно,— сказал Билли,— я все им скажу. Ух! Смотри, идут там! — И при этих словах он распластался на земле, как раз в ту минуту, когда пуля шлепнулась в скалу над его головой.— Чуть не попал в меня! Не надо было зевать.

Он тихонько приподнялся на локтях, держа ружье в руках, и заглянул в небольшое отверстие между двумя камнями, составлявшими его бруствер. Затем он просунул туда дуло ружья, прицелился и спустил курок.

— Попали? — заинтересовался раненый.

— Да,— сказал Билли и снова выстрелил.— И опять попал! Я думаю, теперь они не так скоро к нам придут. Эти двое были на открытом месте и ползком двигались к нам на животах. Они, верно, думали, что мы дрыхнем.

Около часа Билли не видел и не слышал неприятеля, хотя он несколько раз приподнимал над бруствером свою шляпу на дуле ружья, чтобы привлечь огонь.

Дело уже близилось к вечеру, когда до их ушей донеслись слабые звуки отдаленных ружейных выстрелов.

— Ковбои идут! — прошептал Эдди запекшимися губами...

Стрельба продолжалась с полчаса. Затем в горах снова воцарилась мертвая тишина. Эдди начал бредить. Он безостановочно говорил о Канзасе, о доме и несколько раз просил воды.

— Потерпи, мальчуга! — умолял его Билли.— Парни

будут здесь через минуту, и тогда мы принесем тебе воды, сколько захочешь.

Но парни не приходили. Билли встал, чтобы размять ноги и посмотреть вверх и вниз по горной дороге, не спрятаны ли где индейцы. Он размышлял, не рискнуть ли ему прорваться в долину, где он мог быть может встретиться с товарищами. В то время как он серьезно обдумывал этот шаг, послышалась ружейная трескотня, и Билли Байрн упал вперед.

— О, боже! — вскричал Эдди.— В него попали, в него попали!

Байрн шевельнулся и попытался встать.

— Чуть не попали! — сказал он, с трудом поднимаясь на колени.

Поверх бруствера он увидел с полдюжины индейцев, быстро бегущих к самодельной крепости; он увидел их сквозь красный туман, застилавший ему глаза, не из-за крови, а из-за обуявшей его ярости. С проклятием вскочил он на ноги. Все его туловище до колен оказалось на виду у неприятеля, но Билли об этом не думал. Он уже не помнил себя. Он быстро прицелился в индейцев, бежавших теперь по открытому месту. Те бежали с дикими завываниями, иногда останавливаясь, чтобы стрелять в безрассудного белого человека, представлявшего для них такую прекрасную мишень.

Но их торопливость мешала меткости. Пули свистели и жужжали, ударяясь о нависшую глыбу над головой Билли, задевали его рубашку, брюки, шапку, а он все стоял, не шелохнувшись, хладнокровно стреляя в нападающих.

Один за другим падали пиманы, пока наконец последний индеец, бешено бросившийся на белого человека, не оказался сраженный пулей в лоб у самого бруствера.

Эдди Шортер с трудом приподнялся на локте, чтобы следить за битвой. Когда она кончилась, он откинулся назад, и кровь хлынула у него изо рта.

Последний пиман упал. Билли обернулся, чтобы взглянуть на своего товарища. Увидя его в этом состоянии, Билли опустился на колени около умирающего и положил его голову на свою согнутую руку.

— Ты должен лежать смирно,— сказал он Эдди.— Тебе нехорошо так много двигаться.

— Это стоило посмотреть,— прошептал Эдди.— На-

стоящая битва! Как ловко вы держались один против них всех!

— Странно, что парни все еще не приходят,— сказал Билли беспокойно.

— Да,— со вздохом ответил Эдди.— Теперь время доить коров, и я решил сегодня вечером отправиться в Шоуни... Какие вкусные булки мама печет... Я...

Билли Байрн низко склонился, чтобы словить еле слышные слова. Голос замолк. Билли опустил всклокоченную рыжую голову на твердую землю и отвернулся.

Возможно ли, что на реснице самого грубого парня западной части Чикаго заблестела слеза?

Вечер прошел и наступила ночь, но она не принесла с собой для Билли Байрна ни новой атаки, ни прибытия помощи. Пуля, которая на минуту свалила его, только оцарапала ему лоб. Хотя лицо его было залито кровью, эта рана нисколько не мешала ему, и, как только стало темно, он начал подумывать о том, чтобы выйти из «крепости».

Сперва он снял с Эдди пояс с патронами, который мог пригодиться, взял у него из кармана разные безделушки, которые он хотел доставить его матери на память, затем вынул замок из его карабина и положил его себе в карман, чтобы привести в негодность ружье.

— Как жаль, что я не могу похоронить тебя, дружишь! — были последние слова Билли, когда он перелезал через бруствер и исчез в темноте.

XXVIII

ДЕРЕВНЯ ПИМАНОВ

Билли Байрн осторожно продвигался в темноте; но он не возвращался туда, где его ожидало спасение и безопасность, а лез вверх по крутой горной тропинке, которая вела прямо в деревню пиманов.

Вскоре он услышал звук голосов и, когда прошел небольшое расстояние, перед его глазами вдруг открылась жуткая картина.

В темноте ночи, среди грозных гор, на улице индейского поселка горели большие костры, бросавшие кровавые отблески на бронзовые лица и низкие соломенные хижины. Несколько женщин громко рыдали. Билли догадался, что это были вдовы тех, которых убили днем его пули.

Билли подполз ближе, укрываясь в густом кустарнике, в изобилии росшем вокруг. Нигде не было признака часовых. Билли изумился неосторожности этих индейцев, которые, казалось, совершенно не остерегались возможности нападения. Вдруг ему пришло в голову, что та стрельба, которую он и Эдди слышали днем, означала быть может полное уничтожение остальных американских ковбоев из Эль-Оробо. Тогда беспечность индейцев становилась понятнее...

«Теперь, значит, черед за мной», подумал Билли и продвинулся еще ближе к хижине. Он зорко следил за всем и прислушивался ко всем звукам, но нигде не было и признака той, которую он искал.

До полуночи он лежал, спрятавшись, и все это время женщины продолжали вопить. Затем индейцы разошлись по хижинам, и в деревне воцарилась тишина.

Тогда Билли подполз ближе. Он смотрел на каждую хижину жадным вопросительным взором. В которой же скрывается Барбара? Он заметил те хижины, в которые входили индейцы. Были три хижины, в которые не входил никто. Эти должны были быть поэтому в первую голову подвергнуты осмотру.

Ночь была темная. Луна еще не всходила, только догорающие костры бросали кругом колеблющийся и неясный свет. Держась в тени, Билли Байрн подползал все ближе и ближе. Вот он очутился совсем рядом с хижиной, которая первая привлекла его внимание.

Несколько минут лежал он, напряженно прислушиваясь к малейшему звуку внутри; но там было совершенно тихо. Он подполз к дверям и заглянул в щель. Полный мрак окутывал внутренность хижины.

Билли смело шагнул в нее. Если он не мог никого видеть, то ведь и его не могли разглядеть. «Поэтому», думал Билли, «если бы в хижине оказались враги, то шансы у нас оказались бы равными».

Он осторожно ступал по мягкому полу, часто останавливаясь и прислушиваясь. Наконец он услышал впереди себя какой-то легкий звук. Его пальцы стиснули револьвер, который он держал в правой руке, Билли хотел избежать лишнего шума.

Снова он услышал тот же звук. Он напоминал теперь испуганный вздох женщины. Билли издал глухое рычание, искусно подражая собаке.

Снова послышался вздох, а затем женский голос произнес на чистом английском языке:

— Ступай прочь!

Билли произнес шепотом:

— Ш-ш-ш! — и на цыпочках подошел ближе.

Протянув вперед руки, он вскоре коснулся человеческого тела, которое с криком отпрянуло от него.

— Барбара! — прошептал Билли, склоняясь к ней.

Рука ощупью нашла его в темноте и ухватилась за его рукав.

— Кто вы? — спросил тихий голос.

— Билли, — ответил он. — Вы здесь одна?

— Нет, меня сторожит старуха, — ответила девушка.

В ту же минуту они услышали около себя какое-то движение. Кто-то быстро пробежал мимо них, вырисовавшись на один миг на фоне открытой двери.

— Это она! — закричала Барбара. — Она услышала вас и побежала за помощью.

— Скорее, скорее! — ответил Билли, поднимая ее на ноги.

Но они не успели еще выйти из хижины, как крики старухи подняли лагерь.

Билли сунул револьвер в руку Барбары.

— Нам придется сражаться, голубка, — сказал он. — Но лучше вам умереть, чем оставаться одной среди этих дьяволов...

Когда они вышли из хижины, воины уже сбегались со всех сторон. Старуха стояла посреди деревни и пронзительно кричала. Билли, держа Барбару впереди себя, чтобы защищать ее своим телом, повернул к выходу из деревни.

Он не стрелял, надеясь, что они не будут замечены. Но едва прошли они десяток шагов, как ружейный выстрел покрыл собою шум человеческих голосов и пуля прожужжала мимо них. Их все-таки видели!

Билли выстрелил в ответ, а также и Барбара, из-за его плеча. Они стали, пятясь, отступать к деревьям, расстущим за индейским поселком, и выпускали в деревню заряд за зарядом.

Индейцы, разбуженные от сна, еще плохо соображали. Они вообразили почему-то, что на них напал большой отряд, и растерялись. Этот страх держал их в оцепенении несколько минут, в продолжение которых Билли и Барба-

ре удалось достигнуть вершины утеса, с которого впервые индейцы обстреляли Билли и Эдди.

Здесь их уже не могли видеть...

Билли бросился бежать, почти неся девушку в своих сильных руках.

— Если нам удастся достичь предгорных холмов,— сказал он,— мы, пожалуй, увильнем от них; но нам придется идти всю ночь. Тогда мы к утру дойдем до реки и доберемся до Эль-Оробо. Это длинный путь, но мы должны его пройти, Барбара. Если дневной свет застанет нас в стране пиманов, то нам придет конец. Хорошо еще,— прибавил он,— что наша дорога идет все время под гору!

— Только бы нам удалось пробраться мимо часового, Билли,— ответила Барбара, дрожа.

— Мимо часового? — спросил Билли.— Я не видел ни одного, когда шел сюда.

— Ночью часовей стоит на дороге,— ответила девушка.— Днем он перебирается ближе к деревне, на вершину этого утеса, откуда он может видеть всю дорогу. Но ночью пост часового дальше внизу, в самой узкой части дороги.

— Хорошо, что вы меня предупредили, а то я прямо наткнулся бы на него,— сказал Билли.— Я думал, что мы уже оставили их всех позади.

После этого они пошли осторожней и, когда они достигли той части дороги, где можно было ожидать встречи с часовым, Барбара еще раз напомнила об этом Билли. Как два вора, крались они в тени вдоль скалистой стены, окаймлявшей дорогу.

Внутренне Билли проклинал темноту ночи, скрывавшую от их взгляда все, что находилось более чем в двух шагах. Однако, может быть эта самая темнота и спасла их, потому что она так же успешно скрывала их от врагов. Они дошли до места, где, по убеждению Барбары, должен был находиться часовей. Билли почувствовал, как пальцы Барбары крепко схватились за его левую руку, и это прикосновение вызывало в нем сладостный трепет.

Вдруг черная тень выросла перед ними, и, без предупреждения, почти в упор грянул выстрел.

НАПАДЕНИЕ НА ЭЛЬ-ОРОБО

Антон Хардинг нервно ходил взад и вперед по веранде главного дома в ожидании известий от тех, кто выехал искать его дочь.

Каждый случайный клуб пыли, поднятый ветром на пересохшей равнине к югу от фермы, пробуждал в нем новые надежды; но всякий раз этим надеждам суждено было разбиваться.

На северо-западе показался всадник. Мистер Хардинг печально покачал головой. С этой стороны вестей от Барбары быть не могло; однако он не отрывал глаз от всадника, пока тот не въехал во двор фермы и не остановил взмыленного усталого пони у ступеней веранды. Тогда только мистер Хардинг узнал вновь прибывшего.

— Бридж! — воскликнул он.— Что привело вас сюда? Разве вы не знаете, что вы подвергаете и себя и нас опасности, показываясь здесь? Генерал Вилла подумает, что мы вас укрываем!

Бридж спрыгнул с седла и взбежал на веранду.

— Сколько у вас здесь людей, на которых вы можете положиться? — спросил он, не обращая никакого внимания на протесты Хардинга.

— Ни одного! — ответил Хардинг.— К чему вы это спрашиваете?

— Ни одного? — вскричал Бридж безнадежным голосом.— Разве у вас нет китайца и двух верных мексиканских слуг?

— О, да, конечно,— согласился мистер Хардинг.— Но зачем вы это спрашиваете?

— Пезита идет сюда разгромить Эль-Оробо. Он, вероятно, уже совсем близко. Созвоните людей. Мы переващим в дом все оружие, которое имеется на ферме, и забаррикадируем выходы. Может быть нам удастся оказать им сопротивление. Что вы знаете о мисс Барбаре?

Антон Хардинг только грустно покачал головой.

— Ну, значит, нам придется остаться здесь,— сказал Бридж.— Если бы мисс Барбара уже нашлась, мы могли бы попытаться бежать, но сейчас мы должны ждать тех, кто отправился ее искать.

Мистер Хардинг кликнул обоих мексиканцев, а Бридж побежал на кухню и приказал китайцу идти в дом.

Затем бывший бухгалтер захватил в доме служащих все оружие и снаряды, какие он там нашел, и перенес их в главный дом. С помощью других, он забаррикадировал двери и окна первого этажа.

— Мы будем вести бой из окон верхнего этажа,— объяснил он Хардингу.— Если Пезита приведет с собою не слишком большой отряд, мы продержимся до тех пор, пока не придет помошь из Куиваки. Позвоните сейчас же туда по телефону. Быть может Вилла вышлет отряд: он должен же вас защитить от бандитов! Я полагаю, что Вилла и Пезита не питают друг к другу особенно дружеских чувств.

Антон Хардинг торопливо подошел к телефону и вызвал центральную станцию в Куиваке.

— Да скажите барышне,— закричал Бридж, глядевший в отверстие забаррикадированного окна,— что они уже идут и что, по всей вероятности, они первым долгом перережут телефонные провода.

Хардинг прокричал в телефон всю историю и просьбу о помощи; затем в комнате стало на несколько мгновений тихо, пока он слушал ответ телефонной барышни.

Бридж вопросительно смотрел на Хардинга. Вдруг он увидел, что старик весь побагровел и воскликнул:

— Невозможно! Господи! Неужели это правда?

Затем он повесил трубку и отошел от аппарата с лицом, на котором было написано глубокое отчаяние.

— В чем дело? — вскричал Бридж.

— Вилла открыто выступил против Америки,— ответил Хардинг уныло.— Барышня, очевидно, дружески настроенная к нам, прямо предупредила меня не обращаться к нему, объяснив мне, в чем дело. Как раз сейчас Вилла собирается выступать в Новую Мексику с двадцатью пятью сотнями солдат. Вот результат нашей безумной империалистической политики последних лет! Гонение на нас уже началось: сегодня вечером в Куиваке без суда повесили трех американцев. Это ужасно! Ужасно! Мы обречены на гибель. Если даже мы отобьем нападение Пезиты, мы ни в каком случае не сможем прорваться к границе.

— Да, плохо дело! — согласился Бридж.— Хуже и придумать нельзя! Во всяком случае, пока мы здесь и пока у нас хватит снарядов, мы должны сопротивляться. Будете вы на нашей стороне? — обратился он к китайцу и к обоим мексиканцам.

Те уверили его, что они не питают любви к Пезите и предпочитают сражаться с ним, чем переходить на сторону врагов.

— Отлично! — воскликнул Бридж.— А теперь живее наверх! Через пять минут они ворвутся во двор, и мы должны устроить им такой прием, чтобы они сразу ошалели.

Он повел их наверх, где все пятеро заняли позиции у окон переднего фасада. Неприятельский отряд из двадцати солдат мчался карьером в сторону дома.

— Пезита с ними! — вскоре объявил Бридж.— Это вот тот маленький, на гнедом коне. Постойте, пусть они подъедут ближе: тогда мы их угостим! Только берегите снаряды — у нас их не слишком много.

Пезита, не ожидавший никакого сопротивления, смело въехал во двор. Маленький отряд остановился у контрьоры и дома служащих. Троє или четверо солдат спешились и вбежали в здание в поисках жертв. Не найдя никого, они двинулись к главному дому.

— Ложитесь! — скомандовал Бридж своим товарищам.— Не следует, чтобы они нас видели. Не стреляйте, пока я не скомандую.

Всадники приближались теперь тихим шагом. Бридж подождал, пока они не оказались в нескольких футах от дома, и тогда скомандовал:

— Пли!

Из верхних окон, звеня, посыпались стекла. Три солдата покачнулись и упали с седел. Пали две лошади. Остальные всадники с проклятиями повернули своих коней и галопом помчались к контроре, преследуемые огнем защитников дома.

— Начало недурно,— закричал Бридж.— Могу побиться об заклад, что мистер Пезита несколько опечален. Вот они зашли за здание контроры. Верно, они останутся там некоторое время, чтобы обсудить случившееся и подогреть мужество для новой атаки. В следующий раз они накинутся на нас с другой стороны.

— Вы двое,— продолжал он, обращаясь к обоим мексиканцам,— займите позиции на западной и южной стороне дома. Синг может остаться здесь с мистером Хардингом. Я возьму на себя северную часть, что против контроры. Стреляйте в первого, кто высунет голову. Если мы сможем удержаться до наступления темноты, нам,

пожалуй, удастся отсюда выбраться. Что бы ни случилось, не подпускайте их близко, чтобы они не могли поджечь дом. Они, наверное, попытаются это сделать.

Только через четверть часа последовала вторая атака. Пять спешившихся солдат ринулись на северную часть дома; но, когда Бридж сразил первого из них раньше, чем он пробежал десять шагов, и ранил второго, то остальные отступили, ища прикрытия.

Несколько раз пытался Пезита приблизиться к дому со своими солдатами, но каждый раз их атаки отбивались, и наконец он отказался от своего намерения поджечь дом или взять его штурмом.

— Они ожидают темноты,— сказал Бридж мистеру Хардингу во время перерыва враждебных действий. Мы погибли, если ковбои вовремя не вернутся из-за реки!

— Не можем ли мы уйти отсюда, когда стемнеет? — спросил Хардинг.

— Пожалуй, это единственная надежда, если не придет помощь,— ответил Бридж.

Но, когда настала ночь и осажденные сделали попытку покинуть дом со стороны, противоположной конторе, они были встречены градом пуль. Один из мексиканских защитников упал, раненый насмерть. Другие едва успели втащить его в дом и снова забаррикадировать дверь, как пять солдат Пезиты бросились на их укрепления. Их удалось отбить с большим трудом. Снова наступил перерыв, но всякая надежда на бегство пропала, и Бридж приказал защитникам занять прежние посты у верхних окон, откуда они легче могли наблюдать за передвижением врага.

По мере того, как тянулись томительные часы, защитниками овладело чувство безнадежного отчаяния. Патроны были почти все расстреляны — на каждого человека осталось по несколько зарядов. Было ясно, что Пезита, из чувства мести, не отступит теперь, пока не овладеет крепостью.

С такими невеселыми перспективами ожидали они решительной атаки и боялись не дотянуть до нее своего небольшого запаса снарядов. Штурм начался как раз перед рассветом. Со всех сторон послышались ружейные выстрелы и дикие крики бандитов. Из первоначального числа двадцати солдат их едва ли осталось двенадцать,

но они восполняли количественную убыль быстротой выстрелов и свирепостью своих диких криков. На этот раз они достигли веранды и начали таранить главную дверь...

XXX

БЕГСТВО

Услыхав так близко от себя ружейный выстрел, Билли Байрн быстро оттолкнул Барбару в сторону и бросился вперед, чтобы схватиться с человеком, преграждавшим им путь к свободе.

Часовой был, по-видимому, застигнут врасплох и растерялся еще более, чем они: его торопливый выстрел не нанес вреда никому. Билли Байрн бросился на него так стремительно, что индеец не смог зарядить снова свое старинное ружье. Оба повалились на землю, при чем каждый старался схватить противника за горло. Но в силе и ловкости пиман далеко уступал тренированному борцу, каким был Билли.

Барбара Хардинг подбежала к борющимся, чтобы помочь своему защитнику, но оба противника катались по земле, сплетенные в тесный клубок, и она не могла нанести удара, боясь ранить Билли. Вскоре она увидела, что Билли не нуждается в ее помощи: голова индейца медленно склонялась вперед под стальными мускулами Билли, раздался треск переломленного позвоночника, и человек, который за минуту до того был полон силы и жизни, откатился в сторону мертвый.

Билли Байрн вскочил на ноги и отряхнулся, как большая дворняжка, которую помяли в драке.

— Идем,— прошептал он.— Нужно спешить! Выстрел этого парня привлечет сюда индейцев!

И они снова пустились в бегство по незнакомой дороге, в темноте ночи.

Они почти все время молчали. Билли держал девушку за руку и поддерживал в трудных и опасных местах. По мере того, как они шли, в сердце Билли разгорелась горечь на судьбу и сознание ее несправедливости. Чем он был хуже глупых буржуазных сынов, смело подходивших к этой девушке и рассчитывавших на ее взаимность? Остро, как никогда, чувствовал он всю неслыханную несправедливость «демократического строя» «свободной Америки». Кто он? Париж! Все его усилия,

его готовность работать, учиться, усовершенствоваться никогда не перейдут стены условностей, отделяющей его от Барбары. Пусть так. Он готов вскарабкаться на эту стену или, еще лучше, разломать ее своими руками. Силы у него хватит! Где-нибудь на далеком юге найдет он спокойный уголок, где сможет начать работу. Он положит всю жизнь за дело раскрепощения масс от пут вековых условностей. Он сумеет сплотить вокруг себя тысячи обездоленных и вести их к победе... И она будет с ним... Но еще не время об этом мечтать! Он пока окружен врагами во враждебной, незнакомой стране.

Они шли все вперед и вперед. Уже близился день. Где-то впереди раздавались иногда далекие ружейные выстрелы. Билли не мог понять, что они означали. Когда же они приблизились к ферме и он убедился, что выстрелы доносились оттуда, он ускорил шаг.

— Кто-то обстреливает ферму,— высказал он свое предположение.— Интересно, кто бы это мог быть?

— Вероятно, ваш друг Пезита,— едко заметила девушка.

Билли ничего не ответил. Они достигли реки, и, так как Билли не знал, где находится брод, он прыгнул в воду с первого попавшегося места, увлекая за собою девушку. В глубоких местах он плыл, а Барбара цеплялась за его плечи. Таким образом они быстро переправились на противоположный берег.

Билли на секунду остановился, чтобы вылить воду из дула ружья, которое несла Барбара во время переправы, а затем бросился к ферме, откуда доносился шум битвы, делавшийся все более громким.

* * *

На ферме царил ад. В ту минуту, как Бридж заметил, что несколько нападающих достигли верхней площадки веранды, он подозвал к себе мексиканца и китайца и приказал им следовать за ним в нижний этаж, откуда они могли лучше отбить новую атаку. Мистера Хардинга он убедил остаться наверху.

Десяток солдат яростно таранили дверь. Уже одна панель расщепилась, и Бридж мог видеть через получившуюся брешь фигуры бандитов. Он поднял винтовку и выстрелил. Послышался вопль, и один из осаджающих упал. Остальные усилили свои проклятия.

Три защитника дали еще несколько залпов через пробитую щель, а затем Бридж заметил, что китаец перестал стрелять.

— В чем дело? — спросил он.

— Вся ушля, — ответил тот, указывая на пустой пояс.

В ту же минуту мексиканец отбросил свою винтовку и побежал к окну на противоположном конце комнаты. Весь запас его снарядов был тоже исчерпан, а вместе с ними его покинуло и мужество. Бегство оказалось единственным оставшимся выходом.

Бридж не делал попыток его удерживать. Он сам рад был бы бежать, но не хотел бросать Антона Хардинга, а был уверен, что старик не сможет бежать пешком.

— Беги и ты, Синг, — сказал он китайцу, выпуская еще пулю в отверстие двери. — Ты больше ничем не можешь помочь. Может быть, они теперь все на этой стороне, и тебе удастся бежать. Вы оба великолепно сражались. Я желал бы дать вам нечто более вещественное, чем благодарность, но... это все, что у меня есть.

— Я ушля, — весело ответил Синг и секунду спустя лез в окно вслед за мексиканцем.

А в это время дверь рухнула, и около шести солдат, за которыми следовал сам Пезита, ворвались в комнату.

Бридж стоял у подножия лестницы и держал карабин прикладом вверх, потому что он только что выпустил последнюю пулю. Он знал, что должен умереть, но решил продать свою жизнь как можно дороже и умереть, защищая отца любимой девушки.

Пезита увидел по его позе, что у него нет снарядов. Он оттолкнул ружье солдата, собиравшегося пристрелить Бриджа.

— Подождите! — скомандовал он. — Перестаньте стрелять! У него нет снарядов. Сдаешься? — спросил он Бриджа.

— Не раньше, как вышибу мозги из головы одного или двух твоих друзей, — ответил тот. — Нет, Пезита, если ты хочешь взять меня, то тебе придется сперва меня убить.

Пезита дернулся плечами.

— Отлично! — сказал он. — Мне все одно. Внимание! — обратился он к своим людям. — Готовься! Целься!

Десять ружей прицелились в Бриджа. При мрачном свете рассвета оливковые лица мексиканцев производили

жуткое впечатление. У Бриджа перекосилось лицо, легкая дрожь пробежала по его телу, но затем он выпрямился и, улыбаясь, взглянул на Пезита в лицо.

В окне, через которое убежали китаец и мексиканец, вдруг появилась фигура мужчины. Быстрыми глазами окинул он сцену, разыгравшуюся в комнате.

— Эй! — заорал он неистово.— Прекратите эту ерунду! — И спрыгнул в комнату.

Удивленный Пезита повернулся к пришельцу, не успев дать последней команды стрелять.

— Ах! — воскликнул он.— Милейший капитан Байрн! Вы пришли как раз вовремя, чтобы полюбоваться, как заплатит за свои преступления шпион и изменник.

— Посмотрим! — пробурчал Билли и прицелился в него.

Он поспел как раз вовремя, чтобы спасти человека, который любил Барбару и которого, как Билли думал, она тоже любила.

Но он сейчас не думал об этом. Он забыл всякие соображения кроме своей преданности другу.

— Опустить ружья! — скомандовал Билли солдатам.— Опустите ружья, черт возьми, или я пристрелю Пезиту! Скажи им, чтобы они опустили ружья, Пезита. Иначе я пущу пулю в твою башку.

Пезита, бессильно беснуясь, должен был исполнять приказ.

— А теперь подавайте сюда патроны! — крикнул Билли, и, когда патроны были сложены на пол у его ног, он велел Бриджу разоружить начальника бандитов.

— Жив ли мистер Хардинг? — спросил он Бриджа и, получив утвердительный ответ, закричал старику спуститься вниз.

Вскоре после того, как мистер Хардинг спустился к ним, в комнате появилась Барбара, пролезшая через то же окно, в которое вошел Билли.

— Теперь нужно улепетывать,— заявил Билли.— Ни для кого из нас не безопасно оставаться здесь, даже если вы считаете генерала Виллу вашим другом. Он на самом деле тоже не любит американцев.

— Мы теперь это знаем,— сказал мистер Хардинг и повторил Билли все, что он узнал от телефонной барышни.

Билли приказал Пезите и его солдатам идти впереди, и все направились к конторе. Американцы вооружились

отнятым у бандитов оружием. Китаец и мексиканский слуга, скрывавшиеся поблизости, появились, когда увидели, что банда Пезиты побеждена. Билли нагрузил оставшееся оружие и съестные припасы на свободных лошадей, и маленький отряд тронулся в путь.

— Я думаю,— заметил Бридж,— что по крайней мере в первое время, нам нечего опасаться погони.

Но погоня явилась раньше, чем они предполагали...

Они доехали до хижины Хозе, когда на западе показался отряд. Билли скомандовал прибавить шагу, чтобы избежать встречи. Но скоро сделалось очевидным, что незнакомцы не желают дать им уйти. Они изменили направление и галопом мчались в сторону беглецов.

— Пожалуй, не мешало бы открыть по ним огонь,— сказал Билли.— В этой стране у нас друзей быть не может!

— Не лучше ли немного обождать? — предложил миролюбивый мистер Хардинг.— Вдруг произойдет ошибка!

— Не будет ошибки, если мы подстрелим одного из этих мексикашек,— ответил Билли. Он пристально вглядывался в приближавшихся всадников и вскоре узнал одного из них.— Это Розалес! — воскликнул он.— Эту сухопарую оглоблю я всюду узнаю. Если уж Розалес в отряде, то мы можем стрелять со спокойным сердцем. Он — главный помощник Пезиты!

Билли вытащил свой револьвер из кобуры и произвел один выстрел в сторону бывших товарищей. Бридж последовал его примеру. Отряд Розалеса придержал лошадей. Билли вложил револьвер в кобуру и вытащил карабин.

— Поезжайте вперед,— сказал он мистеру Хардингу и Барбаре.— Бридж и я задержим этих чертей.

Затем он остановил своего пони и, повернувшись назад, тщательно прицелился в кучку всадников. Один из бандитов свалился с седла, и сражение закипело.

К счастью для американцев, с Розалесом была только горсть людей, а сам Розалес никогда не был приверженцем боя на открытом месте.

Все утро рыскал он вокруг арьергарда удиравших американцев, но ни одна сторона не наносила другой особого вреда. К вечеру Билли заметил, что Розалес отправил одного из своих солдат назад, откуда они приехали.

— За подкреплением! — пояснил Билли.

Следующий день прошел спокойно. Они не встретили

ни одного отряда мексиканских солдат и ставили это в связь с полученным ими известием о готовящемся этой ночью нападении Виллы на американский пограничный город.

— Хорошо было бы, если бы мы достигли границы вовремя, чтобы предупредить наших! — сказал Билли озабоченно.— Но об этом и думать нечего. И то уж будет недурно, если мы сами перейдем границу завтра до солнечного восхода!

Весь день он почти не говорил с Барбарой, потому что был занят охраной тыла. Ему не пришлось также поговорить с Бриджем, хотя он за ним наблюдал и видел, что он все время любовался грациозной фигурой девушки, ехавшей впереди их.

Билли передумал за этот день так много, как никогда. Почему опять этот удар судьбы? Почему его лучший друг полюбил как раз ту девушку, которую он любил сам?

Билли знал, что Бридж не догадывался о его любви к Барбаре, и не мог поэтому винить Бриджа; но он не мог примириться с тем поклонением, которое ясно проглядывало во всем обращении Бриджа с девушкой.

Наступил вечер. Беглецы заметили по тяжелой поступи лошадей, что отдых необходим. Сами они тоже изнемогали от усталости, и, когда впереди их показалась какая-то ферма, они решили остановиться в ней.

Там они нашли трех американцев, которые были в полном неведении относительно предполагаемого набега Виллы на пограничный город. Узнав об этом, они вдвойне обрадовались приезду шести вооруженных людей; Барбара тоже шла в счет: она хорошо умела стрелять.

Розалес и его маленький отряд, все время следовавший по пятам за беглецами, остановился невдалеке, вне достижения выстрелов с фермы; но им пришлось остаться голодными, в то время как их противников хорошо накормили на ферме.

Владельцы ее, братья Кларк, и их двоюродный брат Мэсон были единственными обитателями домика. Они настоятельно советовали беглецам отдохнуть у них подольше, по крайней мере часа два. Граница была еще в десяти милях, а их лошади еле двигались. В последний момент скорость могла оказаться единственным способом спасения...

Билли упорно стоял за то, чтобы немедленно отпра-

виться в путь, не дожидаясь, пока к неприятелю прибудут подкрепления, за которыми, как он был уверен, Розалес посыпал гонца. Но все так хотели отдохнуть, что его совета не послушались и провели на ферме несколько часов. Когда же наконец собрались в путь, оказалось, что путь отрезан...

XXXI

БИЛЛИ СВОДИТ СЧЕТЫ С ПЕЗИТОЙ

Наступила темнота. Маленький отряд беглецов принялся вновь оседлывать пони; но их работа была прервана.

Китаец и Бридж стояли попеременно на часах, наблюдая за той стороной, где отдыхал отряд Розалеса. Выстрел из ружья Бриджа предупредил об опасности.

Выстрелив, Бридж повернулся в седле и закричал остальным бежать в дом.

— Их с полсотни! — закричал он.— Бегите!

Билли и братья Кларк вскочили на коней и помчались на помощь Бриджу, который выпускал заряд за зарядом в приближающегося врага. Мэсон и мистер Хардинг торопили Барбару скрыться в комнатах.

Мексиканский слуга последовал за ними. Сингу было поручено заставить двери и окна, а то время как Билли, Бридж и Кларки должны были задерживать неприятеля.

Они медленно отходили к дому, беспрерывно отстреливаясь, в то время как Пезита со всем своим отрядом осторожно двигался вслед за ними. Они уже почти достигли дома, когда Бридж упал с лошади. Билли один заметил ранение своего друга.

Он спрыгнул с седла, не колеблясь побежал назад к Бриджу и поднял его. Пули ударялись вокруг них. К какой-то всадник, далеко опередивший своих товарищей, мчался галопом на Билли с обнаженной саблей.

Билли, случайно оглянувшись назад, вовремя заметил опасность: сабля уже почти опустилась над его головой! Он бросил Бриджа и отскочил. Сабля рассекла воздух.

Раньше, чем всадник успел опомниться, Билли подскочил к нему и, обхватив его за пояс, стащил с лошади на землю.

— Розалес! — воскликнул он и, со всей силой своих могучих мускулов, нанес ему удар кулаком прямо в лицо.

Послышался треск костей, брызнула кровь, и капитан Розалес рухнул мертвый на землю.

Билли снова поднял Бриджа на руки и на этот раз беспрепятственно достиг дома, хотя из левой его руки текла небольшая струйка крови.

Банда окружила дом и всю ночь обстреливала забаррикадированные окна и деревянные стены. Всю ночь горсточка защитников мужественно сражались. Но они всё сильнее чувствовали всю бесполезность своих усилий; из девяти защитников один был убит наповал, трое ранены, а число осаждающих, казалось, не уменьшалось.

Билли провел всю ночь, лежа на животе перед окном и стреляя в неясные фигуры на тусклом фоне земли.

Наконец он соскочил со своего поста.

— Отправляйтесь все в заднюю часть дома и откройте сильный и частый огонь,— сказал Билли товарищам.— Мне нужен свободный путь, чтобы уехать.

— Куда же вы поедете? — воскликнул один из Кларков.

— На север,— ответил Билли.— Я хочу привести с границы американских пограничников.

— Но они не перейдут границы! — сказал мистер Хардинг.— Вашингтонское правительство не позволит этого.

— Посмотрим! — коротко ответил Билли.

— Вас убьют,— сказал Прайс Кларк.

— Предоставьте это уж мне,— ответил Билли.— Будьте готовы открыть эту дверь, когда я прикажу, и сразу же захлопните ее, когда я проеду.

Он вывел лошадь из боковой комнаты и вскочил на нее.

— Открывай, ребята! — закричал он.

Прайс Кларк распахнул дверь, Билли пришпорил коня и пригнулся к самой шее его. Через секунду он уже проскочил, и поднявшаяся за этим трескотня выстрелов доказала, что его отважный поступок не прошел незамеченным у неприятеля.

Как стрела, пущенная из лука, помчался маленький американский пони по гладкой равнине. Ружейные залпы способствовали только ускорению бега испуганного животного. Билли спокойно сидел в седле, отстреливаясь.

В окне дома стояла Барbara Хардинг и, как зачарованная, смотрела вдаль, пока Билли не скрылся в тусклом свете предрассветных сумерек. Затем, тяжело вздохнув,

она отвернулась и заняла свое место около раненого, лежащего в бреду Бриджа, смачивая ему голову холодной водой.

Первые лучи дневного света пронизали небо; Пезита отдал приказ к решительному штурму. Всякая надежда на спасение покинула несчастных осажденных, когда неожиданно с запада донесся топот многих лошадей.

— Вилла! — с отчаянием простонал Уэсткот Кларк.— Теперь мы погибли!

При слабом свете зари они увидали колонну всадников, развернувшуюся длинной колеблющейся линией.

Бандиты тоже следили за ними и перестали стрелять. Защитники дома собирались у маленьких окон.

— Смотрите! — закричал вдруг Мэсон.— Видите, что развеивается над ними?

— Ротные флагги! — воскликнул Прайс Кларк.— Флажки кавалерийского полка Соединенных Штатов!

Дикое гиканье неслось из лавины приближавшихся кавалеристов. Пезита отвечал ему залпом выстрелов.

Становилось светло. Наблюдавшим у окон осажденным были ясно видны фигуры сражавшихся. В самой гуще подымалась гигантская фигура мужчины в странном одеянии, напоминавшем скорее одежду бандита, чем форму американского солдата, хотя он и сражался на их стороне. Барбара первая заметила его.

— Вот мистер Байрн! — закричала она.— Это он привел солдат!

— Но как же это возможно? — возразил один из братьев Кларк.— У него не было времени доехать до границы!

— Однако это он,— сказал мистер Хардинг.— Конечно, это странно. Я не понимаю вообще, как американские солдаты перешли границу.

Пезитанцы дрогнули и обратились в бегство, но Пезита повернул своего коня к Билли.

— Предатель! — заорал бандит.— Умри же!

Билли почувствовал как бы ожог в левой руке, но правая рука действовала. Он презрительно посмотрел на этого человека. Это освободитель Мексики? Это защитник угнетенных? Как же! Просто авантюрист, делающий карьеру и состояние на ловкой эксплуатации народа, мелкий эгоист с подлецким честолюбием...

— За несчастную, истекающую кровью Мексику! — повторил он любимую фразу бандита и пустил ему пулю в лоб.

И ПОЦЕЛУИ НА УСТАХ...

Оказалось, что отряд кавалерии отбил в ту ночь нападение Виллы и перешел границу, преследуя вилластанцев. Билли случайно наткнулся на него и привел его на помощь. Под охраной кавалеристов беглецы благополучно пробрались через границу и все облегченно вздохнули.

Бриджу была оказана помощь врачом. Жена одного офицера приютила у себя мистера Хардинга и Барбару.

Вечером Барбара сидела одна в гостиной и думала о перемене, произошедшей в ее жизни: их последнее прибежище, мексиканская ферма была разорена дотла. Из богатой наследницы она превращалась в бедную девушку, которой предстояла суровая трудовая жизнь. Но это не пугало ее. Как она была бы счастлива жить в нужде и заботах — но с ним! Но он разлюбил ее. За все эти дни ни разу не заметила она в его взоре ни нежности, ни страсти...

В это время скрипнула дверь, и на пороге появился Байрн.

Девушка с грустной улыбкой взглянула на него.

— Я пришел за вами,— сказал он.— Я уже однажды отказался от вас, думая, что будет лучше, если вы выйдете замуж за человека вашего круга. Но теперь я вас не отдам никому. Вы моя, и я возьму вас с собою. Вы принадлежали мне раньше, чем Бридж познакомился с вами.

Он шагнул к ней. Она не отшатнулась, только взглянула на него глазами, полными изумления. Он обнял ее.

— Моя! — закричал он хрипло.— Поцелуй меня!

— Подожди! — прошептала она.— Что это значит? Я не думала, что Бридж меня любит, а я никогда не любила его. О, Билли, почему ты давно не сказал так, как теперь? Тогда, в Нью-Йорке? Вместо этого, ты толкнул меня к другому человеку, которого я не любила. Я думала, что ты сам меня разлюбил, Билли! Ты обращался со мной, как будто я ничего для тебя не значу. Возьми меня с собой, Билли. Возьми меня, куда хочешь. Я люблю тебя и готова жить с тобой где угодно.

— Барбара! — прошептал Билли, целуя ее.

Полчаса спустя Билли вышел на улицу, чтобы отправиться на ближайшую железнодорожную станцию и взять три билета в техасский город Гальвестон, с целью

оттуда переправиться в Рио-де-Жанейро. Антон Хардинг решил ехать с ними.

Тщеславный миллиардер был сломлен. Он не считал больше, что Байрн «не партия» для его дочери... События последних дней показали ему все, что было героического, простого и истинно благородного в этом человеке, выросшем как сорная трава на заднем дворе темного дома в Чикаго. Он мог, под новым именем, начать новую жизнь.

Среди толпы, разглядывавшей разрушения, причиненные городку генералом Виллой в предыдущую ночь, стоял крупный мужчина с красным лицом. Случайно он обернулся как раз в ту минуту, когда Билли Брайн собирался пройти мимо него. Оба остановились, узнав друг друга.

— Послушай! — сказал Билли.— У меня сейчас есть возможность уехать и заполучить себе счастье. И того, кто попытается испортить мою игру, того я убью! Живым я никогда не вернусь обратно в вашу прогнившую лавочку — и все свои силы, всю свою жизнь положу, чтобы с вами бороться. А теперь убирайся с моей дороги! Понял?

На следующий день трое счастливых людей уселись в поезд, который должен был увезти их на юг. Перед отъездом они зашли в госпиталь и попрощались с Бриджем.

* * *

Это было месяц спустя. Наступила весна.

Около лениво журчавшего ручья сидел перед небольшим костром человек. Помятая жестянка, наполовину наполненная водой, стояла в горячей золе. На заостренной палке жарился кусок мяса. Человек заботливо следил за тем, как языки пламени лижут его, и громко декламировал:

Да, его давно уж нету:
Он опять пошел по свету.
И вполне понятно это,
Но скажите: в том kraю,
Где над морем блещут грозы,
Где цветут в долинах розы,
Там нашел ли счастья грезу,
Пенелопу он свою?

ОГЛАВЛЕНИЕ

БОКСЕР БИЛЛИ

I. В Чикаго	3
II. На «Полумесяце»	11
III. Заговоры	18
IV. Подвиг Мэллори	26
V. Кому верить?	36
VI. Неприятный инцидент	43
VII. Буря и паника	51
VIII. Проход в скале	60
IX. На острове самураев	67
X. Еще раз похищена	76
XI. Защита скалы	83
XII. Ода Иоримото	89
XIII. Билли Байрн в роли спасителя	99
XIV. Смерть Терье	108
XV. Понятливый ученик	117
XVI. Признание	124
XVII. Спасение	134
XVIII. Слишком поздно	141
XIX. Приглашение	148

ЗАКОРЕНЕЛЫЙ ПРЕСТУПНИК

I. Дома	160
II. Приговор	164
III. Рискованный прыжок	167
IV. Странствующий поэт	171
V. Товарищи	176
VI. Испытание Бриджа	184
VII. Опасность	188
VIII. Осведомитель	191
IX. Миссис Шортер	195
X. Эль-Пазо	200
XI. Из огня да в полымя	204

XII. Генерал Пезита	209
XIII. Пезита меняет свои планы	212
XIV. Засада	218
XV. Удачный рапорт	222
XVI. Эль-Оробо-ранчо	225
XVII. Ограбление банка	234
XVIII. «Руки вверх!»	238
XIX. Новый бухгалтер	245
XX. Подвиг Барбары	250
XXI. Поручение Барбары	255
XXII. Стратегия капитана Байрна	258
XXIII. Неожиданная встреча	265
XXIV. Побег	274
XXV. Билли едет обратно	280
XXVI. В поисках Барбары Хардинг	285
XXVII. Смерть Эдди	291
XXVIII. Деревня пиманов	297
XXIX. Нападение на Эль-Оробо	301
XXX. Бегство	305
XXXI. Билли сводит счеты с Пезитой	311
XXXII. И поцелуй на устах...	314

Эдгар Райс Бёрроуз
БОКСЕР БИЛЛИ
ЗАКОРЕНЕЛЫЙ ПРЕСТУПНИК

Повести

**Перевод Э. К. Бродерсон
Редактор Г. Соркина**

Подписано к печати 25.07.91. Формат 84×108¹/32. Гарнитура Тип Таймс. Высокая печать с ФПФ. Печ. л. 10,0. Тираж 200 000 экз. Заказ 1276.

АО «Принтест». Эстония, Таллинн, Пярнусское шоссе, 10.
Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа.
220005. Минск, Красная, 23.

ДОКСЕР БИЛД

ЭДГАР БЁРРОУЗ

